

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
СЕКЦИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ РАН**

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 40

Издается с сентября 1993 г.

**МОСКВА
2 0 1 7**

ББК 83
Л 64

Главный редактор
А.Н. Николюкин – д-р филол. наук

Редакция:
А.И. Чагин – д-р филол. наук (зам. главного редактора)
Е.А. Цурганова – канд. филол. наук,
Т.Г. Юрченко (ответственный редактор)
А.В. Голубков – канд. филол. наук (ученый секретарь)

Редакционный совет:
В.Н. Аношкина – д-р филол. наук, *И.Л. Волгин* – д-р филол. наук, *И.Л. Галинская* – д-р филол. наук, *Н.В. Королёва* – д-р филол. наук, *О.А. Коростелёв* – канд. филол. наук, *Т.Н. Красавченко* – д-р филол. наук, *И.В. Логвинова* – канд. филол. наук, *А.Е. Махов* – д-р филол. наук, *В.Т. Олейник* – канд. филол. наук, *П.В. Палиевский* – д-р филол. наук, *А.Н. Сенкевич* – д-р филол. наук, *Л.В. Скворцов* – д-р филос. наук, *В.Н. Терёхина* – д-р филол. наук, *В.М. Толмачёв* – д-р филол. наук, *Е.П. Чельшев* – академик РАН

Л 64 **Литературоведческий журнал № 40:** Науч. журн. / РАН. ИНИОН; Отд-ние ист.-филол. наук. Секция языка и лит.; Гл. ред. Николюкин А.Н. – М.: ИНИОН, 2016. – 320 с.

В журнале публикуются научные статьи по истории отечественной и зарубежной литературы, по теории литературы, а также хроника литературной жизни и библиография по литературоведению.

The Journal of Literary History publishes articles and essays on the history of Russian and foreign literature, theory of poetry, as well as literary chronicle and bibliography. The manuscripts are reviewed. The articles by postgraduates are published gratis.

Номер журнала, выходящий к 250-летию рождения русского писателя, историка, издателя и переводчика Николая Михайловича Карамзина (1766–1826), включает статьи, посвященные осмыслению его роли в истории отечественной культуры, а также исследования отдельных аспектов его творчества.

Для литературоведов, культурологов, преподавателей и студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в систему elibrary.ru

ББК 83

© Литературоведческий журнал, 2017. Научное издание

СОДЕРЖАНИЕ

К 250-летию рождения Н.М. Карамзина

<i>А.С. Курилов.</i> Поэзия Карамзина и литературные процессы в России конца XVIII – начала XIX в.	7
<i>А.С. Курилов.</i> Художественная проза Карамзина и литературные процессы в России конца XVIII – начала XIX в.	37
<i>В.Т. Олейник.</i> Карамзин и история русской литературы XIX в.	53
<i>В.М. Гуминский.</i> «Письма русского путешественника» в контексте развития русской литературы путешествий	74
<i>А.Д. Ивинский.</i> Екатерина II, М.Н. Муравьев и Карамзин: К вопросу о контекстах «Истории государства Российского»	146
<i>Н.Д. Кочеткова.</i> «Бедная Лиза» Карамзина и повесть Ф.-Т.-М. Бакюляра д'Арно «Фанни»	168
<i>А.Н. Николукин.</i> «Путешествие в Лондон»	175
<i>В.Л. Коровин.</i> Карамзин – переводчик поэмы А. Галлера «О происхождении зла»: (Заметки к теме)	185
<i>Т.М. Миллионщикова.</i> Творчество Карамзина в американском литературоведении	194
<i>А.Н. Стрижёв, М.А. Бирюкова.</i> Алексей Перовский – карамзинист и фантаст	218

История литературы

<i>А.В. Голубков. Российские цари и императоры в зеркале французских анекдотов начала XIX в.</i>	<i>228</i>
Литературный комментарий к роману Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Книга третья: «Деяния и речения Пантагрюэля» (Продолжение) / Составление <i>А.В. Журбиной</i>	<i>249</i>

Библиография

Альманахи Карамзина «Аглая» (1794–1795) и «Аониды» (1796–1799): Материалы к библиографии / Составление и вступит. статья <i>А.Н. Стрижёва и М.А. Бирюковой</i>	<i>275</i>
---	------------

In memoriam

Александр Анатольевич Илюшин. 12.02.1940–19.11.2016	302
Коротко об авторах	307
Указатель статей и материалов, опубликованных в «Литературоведческом журнале» № 31–40.....	310

JOURNAL OF LITERARY HISTORY AND THEORY CONTENTS

To the 250-th anniversary of N.M. Karamzin

<i>A.S. Kurilov.</i> The poetry of Karamzin and the development of Russian literature at the end of the 18-th and the beginning of the 19-th century	7
<i>A.S. Kurilov.</i> The prose of Karamzin and the development of Russian literature at the end of the 18-th and the beginning of the 19-th century	37
<i>V.T. Oleynik.</i> Karamzin and the history of the Russian literature in the 19-th century	53
<i>V.M. Guminskij.</i> «Letters of a Russian Traveler» in the context of Russian travel literature	74
<i>A.D. Ivinskij.</i> Catherine the Great, M.N. Murav'ev and Karamzin: To the problem of the contexts of «History of Russian state»	146
<i>N.D. Kochetkova.</i> Karamzin's «Poor Liza» and the short story of F. Th. de Baculard d'Arnaud «Fanny»	168
<i>A.N. Nikolyukin.</i> «Journey to London»	175
<i>V.L. Korovin.</i> Karamzin as a translator of the Haller's poem «On the Origin of Evil»	185
<i>T.M. Millionshchikova.</i> N.M. Karamzin in the American literary studies	194
<i>A.N. Strizhev, M.A. Biriukova.</i> Aleksey Perovskiy as the follower of Karamzin	218

History of literature

<i>A.V. Golubkov</i> . Russian tsars and emperors reflected in the mirror of French anecdotes of the beginning of the 19-th century	228
The literary comment to the «Gargantua and Pantagruel» of F. Rabelais. The third book of the heroic deeds and sayings of Good Pantagruel (continuance) / Comp. by <i>A.V. Zurbina</i>	249

Bibliography

The Karamzins' almanachs «Aglaya» (1794–1795) and «Aonidy» (1796–1799) / Comp. a. preface by A.N. Struzev a. M.A. Biriukova	275
---	-----

In memoriam

Alexander A. Ilyushin. 12.02.1940–19.11.2016	302
Author Index	307
Index of contents № 31–40	310

К 250-ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ Н.М. КАРАМЗИНА

А.С. Курилов

ПОЭЗИЯ КАРАМЗИНА И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX в.

Аннотация

В статье рассматриваются основные темы, мотивы и жанры лирики Карамзина в контексте русской литературы конца XVIII – начала XIX в.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, поэзия, стихотворное послание, басня, эпитафия, меланхолия.

Kurilov A.S. The poetry of Karamzin and the development of Russian literature at the end of the 18-th and the beginning of the 19-th century

Summary. The article deals with the main motives, topics and genres of Karamzin's poetry in the context of Russian literature of the end of the 18-th and the beginning of the 19-th century.

В жизни каждого человека бывают мгновения, когда в нем, по словам А.С. Пушкина, «пробуждается поэзия...

*Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем...*

.....

*И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и стихи свободно потекут».*

«Осень» (1833).

И рождается поэт...

1

В Пушкине поэзию «пробудила» любовь:

*Так и мне узнать случилось
Что за птица Купидон;
Сердце страстное пленилось;
Признаюсь – и я влюблен!
«К Наталье» (1813).*

Для Василия Тредиаковского мгновением, пробудившем в нем поэзию, явилась скорбь, вызванная известием о кончине Петра I. И первым его стихотворением была «Элегия о смерти Петра Великого» (1725):

*Что за печаль повсюду слышится ужасно?
Ах! Знать Россия плачет в многолюдстве гласно!
.....
Всюду плач, всюду туга презельна бывает.
Но у Бога велика радость процветает:
Яко Пётр пребывает весел ныне в небе,
Ибо по заслугам там ему быти требе.*

Антиох Кантемир признается, что в юном возрасте по незрелости ума писал «любовные песни»:

*Довольно моих поют песней и девицы
Чистые, и отроки... –*

однако ни одна из них до нас не дошла. Биографы поэта полагали, что они не были оригинальными, что «образцом ему служили французские песни», возможно это были и просто вольные их переводы, потому они и не сохранились. Но поэтом Антиох почувствовал себя лишь тогда, когда, сочинив в конце 1729 г. сатиру «К уму своему (На хулящих учение)» «для одного, – как он писал, – только провождения своего времени, не намерен будучи ее обнародить», получил неожиданно высокое одобрение самых крупных наших поэтов того времени – архиепископа новгородского Феофана Прокоповича и архимандрита Новоспасского Феофила Кролика,

подобно тому как в свое время Пушкин получил одобрение Державина, и «стал далее прилежать к сочинению сатир»².

У Михайлы Ломоносова пальцы запросились «к перу, перо к бумаге», чтобы в приливе самоиронии «излить» свою досаду по поводу того, что «школьный проступок», имевший место в бытность его учебы в Славяно-греко-латинской академии (и оставшийся для нас неизвестным), на который, как он надеялся, никто не обратит внимание, тем не менее был замечен и доставил ему одни неприятности («напасти»):

*Услышали мухи
Медовые духи,
Прилетевши, сели,
В радости запели.
Егда стали ясти,
Попали в напасти,
Увязли бо ноги.*

*Ах! – плачут убоги, –
Меду полизали,
А сами пропали.
1734.*

Душа Александра Сумарокова «стеснилась лирическим волнением» в процессе студенческих застолий:

*Благополучны дни
Нашими временами;
Веселы мы одни,
Хоть нет и женщин с нами.*

*Честности здесь уставы,
Злобе, вражде конец,
Ищем единой славы
От чистоты сердец...
1732–1739.*

У молодого Гаврилы Державина стихи «потекли» от переполнившей его радости по случаю прибытия в 1767 г. «на судах по Волге» Екатерины II в его родной город. Одно стихотворение

посвящалось судьбе реки, связанной с деятельностью правителей России до и после воцарения Екатерины:

*Пристойно, Волга, ты свирепо протекала,
Как для побед Татар тобой царь Грозный шел;
Ты шумом вод своих весь полдень (южные страны. – А. К.) устрашала,
Как гром (артиллерию. – А. К.) тобою Пётр на гордых Персов вел;
Но днесь тебе тещи (течь. – А. К.) пристойно с тишиною:
Екатерина мир приносит всем собою.
«На шествие Императрицы в Казань».*

Другое – празднику, бывшему в городе в ее честь:

*Достойно мы тебя Минервой называем,
На мудрые твои законы как взираем.
Достойно мы тебя Астреею зовем:
Под скипетром твоим златые дни ведем.
Воистину у нас Орфеев век с тобою:
И горы и леса текут к тебе толпою.
Где ты, Монархия, тут пир и торжество,
Ликует стар и мал, ликует общество,
И дикие с степей сбегаются фауны
И пляшут пред тобой, согласно движжа струны.
Россия! похвались владычицей своей:
И варварски сердца уже пленились ей.
«На маскарад, бывший перед Императрицей
в Казани, где нагайцы и прочие народы плясали и играли
на своих инструментах».*

2

Стихи Николай Карамзин стал писать, когда ему, как и его предшественникам – Тредиаковскому, Ломоносову и Державину, – «перевалило» за двадцать. Поэзию в нем «пробудили» не «лирические волнения», не любовь, не скорбь, не радость, не застолье или что-то в подобном духе, а желание наставлять других, учить их разумному поведению, напоминая при этом о бренности бытия и предначертанности судеб. И решил он это делать в стихотворной форме. Тем более что один из самых близких ему тогда людей – Иван Дмитриев – на момент их знакомства и последовавшей затем

дружбы уже «долгое время стихотворствовал»³, невольно провоцируя молодого приятеля (он был старше Карамзина на шесть лет) на подобного рода занятия. Потому совсем не случайно первым стихотворением Карамзина стало *дружеское* послание Дмитриеву, который пожаловался ему на свою «участь»⁴. Это послание положило начало их многолетней переписке:

*Часто здесь в юдоли мрачной
Слезы льются из очей;
Часто страждет и томится,
Терпит много человек.*

.....

*Но ты должен постараться
Скорби уменьшать свои,
Сколь можешь утешаться,
Меньше мучить сам себя.*

*Впредь не думай, что случится
Может страшного тебе;
Коль случилось, ободряйся;
Что прошло, позабывай.*

.....

*Ни к чему не прилепляйся
Слишком сильно на земле;
Ты здесь странник, не хозяин:
Всё оставить должен ты.*

*Будь уверен, что здесь счастье
Не живет между людей;
Что здесь счастьем называют,
То едина счастья тень.*

1787.

Мотив бренности, предназначенности и обреченности звучит и в следующем послании к Дмитриеву:

*Но что же скажем мы о времени прошедшем?
Какими радостями, мой друг, питались в нем?
Мы жили, жили мы – и более не скажем,
И более сказать не можем ничего.*

.....
*Но всё, мой друг, мне всё казалось время сном –
Бывали страшны сны, бывали и приятны;
Но значат ли что сны? Не суть ли только дым?*
1787.

И в третьем послании, пропев дифирамб дружбе, Карамзин отмечает как ее назначение, так и обреченность:

*Счастье истинно хранится
Выше звезд, на небесах;
Здесь живя, ты не можешь
Никогда найти его.*

.....
*Верна дружба! ты едина
Есть блаженство на земле;
Кто тобою услаждался,
Тот недаром в мире жил.*

*Небеса благоволили
Смертным дружбу даровать,
Чтоб утешить их в несчастьи,
Сердце бедных усладить.*

*Буди ты благословенна,
Дружба, дар святой небес!
Буди жизни услаждением
Ты моей здесь на земле!*

*Но и дружбе окончаться
Время некогда придет...*

.....
*Время всем нам разлучиться
Неприменно притечет...*

.....
*Всё исчезнет, что ни видишь,
Всё погибнет на земле;
Самый мир сей истребится,
Пеплом будет в некий день.*
1787.

Таким образом, Карамзин, как говорится, с ходу и достаточно активно включается в процесс освоения нашими поэтами стихотворного послания («эпистолы», «письма»). В XVIII в. у нас этот процесс был начат *просительной* «Эпистолой от Российския поэзии к Аполлину» (1735) Тредиаковского:

О начальник Аполлин, и пермесска звона!
.....

*Нову вещь тебе хочу сею объявити,
И с Парнаса тя сюда самого просити,
Чтобы в помощь ты мою был всегда скорейший,
Чтобы слог мой при тебе начал быть острейший.*
.....

*Поспешай к нам, Аполлин, поспешай как можно:
Будет любо самому жить у нас, не ложно.*

Затем появились две *наставительные* «Эпистолы» – «о русском языке» и «о стихотворстве» (1747) Сумарокова, сокращенный вариант которых он прямо назовет «Наставление хотящим быти писателями» (1774). Наставительной была и сумароковская «Эпистола его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Павлу Петровичу в день рождения его 1761 года сентября 20 числа»:

*Любовь к отечеству есть перва добродетель
И нашей честности неспоримый свидетель.
Не только можно быть героем без нея,
Но можно быть никак и честным человеком.*
.....

*Царь мудрый подданных любовью, не страхом,
Имея истину одну единую в закон,
К повиновению короны привлекает
И сходны с естеством уставы изрекает.*
.....

*И счастлив будешь ты, когда тебя породе
Возвысит на престол для счастья народа.*

Сумароков пишет два *элегических* послания «К г. Дмитревскому» (1763 и 1774) и одно «Ко Степану Фёдоровичу Ушакову,

губернатору Санкт-Петербургскому, на преставление графа Алексея Григорьевича Разумовского» (1771):

*Рыдаю и стену, терзаюся и плачу.
О мой любезный граф! Ты весь свой прожил век,
Как должен проживать честнейший человек.*

Не остается в стороне от этого процесса и Ломоносов. В 1750 г. появляется просительное «Письмо к его Высочородию Ивану Ивановичу Шувалову». Отметив:

*Толь многи радости, толь разные утехи
Не могут от тебя Парнасских гор закрыть.
Тебе приятны коль Российских муз успехи,
То можно из твоей любви к ним заключить, –*

поэт просит:

*Вспомяни, что мой покоя дух не знает,
Вспомяни мое раченье и труды, –*

и тогда

*...мой дух твоим приятством ободрится,
Которое взнести я на Парнас потщусь.*

Ему же Ломоносов адресует и свое научно-, можно сказать, просветительное «Письмо о пользе стекла» (1762):

*Немало о вещах те думают, Шувалов,
Которые Стекло чтут ниже минералов.*

3

В XVIII в. стихотворные послания в том или ином виде у нас писали практически все поэты. Наиболее широко они представлены в творчестве Державина, начиная от «Оды к Фелице» (1782), которая по своему характеру была смиренно-почтительно-просительным посланием (ее жанровую природу – послание –

отметил уже Н.А. Полевой⁵), и кончая чарующим *посланием-идиллией* «Евгению. Жизнь Званская» (1808). Однако свое первое дружеское послание – «К Н.А. Львову» Державин пишет только спустя десять лет – в 1792 г. Карамзин обращается к такого вида стихотворениям, как мы видели, чуть раньше.

Истоки жанра восходят у нас к «Посланию слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» (1760-е), которое по форме было *снижительно-дружеским*, а по содержанию *иронически-язвительным*. Ответы «любезного дядьки», конюха и лакея на заданный им вопрос: «на что сей создан свет?» – где лукаво, вплоть до отождествления, переплелись понятия «Божий свет» и «здешний (московско-петербургский) свет», были адресованы именно представителям «здешнего света», чьи деяния в глазах Фонвизинских «слуг» ну никак не отвечали самой идее создания «Божьего света», что подтвердил и сам автор-инициатор послания:

*А вы внимлите мой, друзья мои, ответ:
«И сам не знаю я, на что сей создан свет!»*

Дружеским по форме, но издевательски-язвительным по замыслу было неоконченное Фонвизиным «Послание к Ямщикову»:

*Натуры пасынок, проказ ее пример,
Пишта, философ и унтер-офицер!
Ограблен мачехой, обиженный судьбою,
Имеешь редкий дар – довольным быть собою,
Простри ко мне глагол, скажи мне свой секрет:
Как то нашлось в тебе, чего и в умных нет?
Доволен ты своей и прозой и стихами,
Доволен ты своим рассудком и делами,
И, цену чувству своих душевных сил,
Ты зависти к себе ни в ком не возбудил.
О чудо странное! Блаженна та утроба,
Котора некогда тобой была жереба!*

А вот стихотворение М.М. Хераскова «Искренние желания в дружбе» (1762), адресованное А.А. Ржевскому, когда тот оставил Москву и уединился в деревню, являлось уже собственно дружеским посланием:

*Живи уединенно,
Когда тебе приятно,
Живи, мой друг любезный*

.....

*Коль чувствуешь ты сладость
В своем уединеньи;
Простое обращенье
С своими поселяны
Когда тебе приятно...*

Таковым было и другое послание Ржевскому, вернувшемуся в 1769 г. к столичной жизни:

*В свирели мы с тобою
Играли иногда
И сладостной игрою
Пленялися тогда...*

.....

*Не чувствовал досады
Ты, сельску жизнь любя.
Тебя не утешали
Мирские суеты,
Тебя тогда прельщали
Природы красоты.*

.....

*Теперь уже сокрылись
Дриады по лесам,
Места переменились,
Ты стал не тот и сам.*

.....

*Не токи ныне ясны
Вокруг тебя шумят,
Но лики велегласны
Со всех сторон гремят.
Вельможи тамо пышны,
Там хитрые друзья,
Отвсюду лести слышны...
Спокойна ль жизнь твоя?*

Это были чисто дружеские, без назиданий и поучений, послания. По-другому видел такую форму общения, свое место и роль в дружбе, о чем уже говорилось выше, Карамзин.

Об истоках своего «учительства», желания поучать он скажет в исповедальном послании А.А. Петрову:

*Читая философфов,
Я вздумал философом
Прослыть в учёном свете;
Схватив перо, бумагу,
Хотел писать я много
О том, как человеку
Себя счастливым сделать
И мудрым быть в сей жизни.*
«Анакреонтические стихи А.А. П.» (1789).

И хотя тут же Карамзин признается,

*Что дух сих философфов
Во мне не обитает;
Что я того не знаю,
О чем писать намерен, –*

и что, «вздохнув», он бросает перо, тем не менее от стремления наставлять друзей, как увидим ниже, он не отказывается.

Это послание еще интересно тем, что было навеяно посланием Хераскова жившему в деревне Ржевскому, которое было процитировано выше. Вот что «посылает» Петрову Карамзин:

*Зефир прохладный веет,
И, Флору оставляя,
Зефир со мной играет,
Меня утешить хочет...*
.....
*Лети, Зефир прекрасный,
К тому, который любит
Меня любовью нежной;
Лети в деревню к другу...*

.....
*Найдя его под тенью
Лежащего покойно,
Ввей в слух его тихонько
Что́ ты теперь услышал.*
«Анакреонтические стихи А.А. П.»

Но если Херасков, считая свое послание «анакреонтической одой», тем не менее дает ему название «Искренние желания в дружбе», то Карамзин, исполнив свое послание, как и Херасков, в легкой, игривой, свойственной анакреонтике форме, прямо называет его «анакреонтическим».

«Воспев хвалу своему другу» в письме Дмитриеву из Москвы от 17 ноября 1788 г., причислив его к «бардам великим», которые «дух свой влили в нового барда Невы», в следующем письме к нему Карамзин не удержался от поучительных, философских рассуждений:

*Болезнь есть часть живущих в мире;
Страдает тот, кто в нем живет.
В стране подлунной всё томится;
В юдоли сей покоя нет.*

*Но тем мы можем утешаться,
Что нам не век в сем мире жить;
Что скоро, скоро мы престанем
Страдать, стенать и слезы лить.*

*В страны блаженства вознесемся,
Где нет болезней, смерти нет.
Тогда, мой друг, тогда узнаем,
Почто страдали столько лет.*
«Господину Д. на болезнь его».

Даже обратившись с дружеским посланием к ребенку и доходчиво поведав ему о своем творческом пути:

*В моих весенних летах
Я пел забавы детства,
Невинность и беспечность.
Потом, в зрелейших летах,
Я пел блаженство дружбы...*

.....
*Я пел хвалу Наукам,
Которые нам в душу
Свет правды проливают;
Которые нам служат
В час горестный отрадой...*

.....
*Я пел Природы щедрость,
Приятность, миловидность...*

Карамзин завершает его соответствующим назиданием:

*Цвети, любезный отрок!
Любя добро всем сердцем,
Ты будешь счастлив в жизни...*
«Мишеньке» (1790).

Назидательны почти все послания Карамзина к Дмитриеву, а также ко многим другим адресатам. В том числе и «Послание к Александру Алексеевичу Плещееву» (1794) – 19-летнему юноше, сыну друзей семьи Карамзиных:

*Мой друг! вступая в шумный свет
С любезной, искренней душою,
В весеннем цвете юных лет
Ты хочешь с музою моею
В свободный час поговорить
О том, чего все ищут в свете...*

И муза отвечает:

*Мой друг! поверишь ли ты мне,
Чтоб десять тысяч было мнений,
Ученых философских прений
В архивах древности седой
О средствах жить счастливо в свете,
О средствах обрести покой?*

.....
*Престанем льстить себя мечтою,
Искать блаженства под луною!*

.....
*Что ж делать нам? Ужель сокрыться
В пустыню Муромских лесов,
В какой-нибудь безвестный кров,
И с миром навсегда проститься,
Когда, к несчастью, мир таков?
Увы! Анахорет не будет
В пустыне счастливее нас!*
.....

*Каков ни есть подлунный свет,
Хотя блаженства в оном нет,
Хотя в нем горесть обитает, —
Но мы для света рождены,
Душой, умом одарены
И должны в нем, мой друг, остаться.*

И затем следует наставление:

*Кто малым может быть доволен,
Не скован в чувствах, духом волен,
Не есть чинов, богатства льстец;
Душою так же прям, как станом;
Не ищет благ за океаном
И с моря кораблей не ждет...*
.....

Кто смотрит прямо всем в глаза...
.....

*Кому работа не трудна,
Прогулка в поле не скучна
И отдых в знойный час любезен;
Кто ближним иногда полезен
Рукой своей или умом;
Кто может быть приятным другом,
Любимым, счастливым супругом
И добрым милых чад отцом...*
.....

*Тому сей мир не будет адом;
Тот путь свой розой оцветит
Среди колючих жизни терний,
Отраду в горестях найдет,*

*С улыбкой встретит час вечерний
И в полночь тихим сном заснет.*

Наряду с дружескими назидательными посланиями Карамзин пишет и *просительные* – «К Богине здравия» (1791), «К Милости» (1792) и др., а также *элегическое* «На разлуку с Петровым» (1791) и *печальное*, по случаю его кончины, – «Приношение грациям» (1793):

*Я друга потерял!.. Пред вами ль грусть сокрою,
Прискорбие души, уныние мое?
Ах, нет! от вас я жду, любезных, утешенья,
Луча во мрачности и в горе улажденья!..
Примите малый дар – клянуся вас любить,
Богини милые, доколе буду жить!*

Особо надо отметить послание, исполненное любви к его первой жене – Елизавете Ивановне:

*...любовь супругов так священна,
Что быть должна от глаз нечистых сокровенна;
Ей сердце – храм святой, свидетель – Бог, не свет;
Ей счастье друг, не Феб, друг света и притворства.*
«К Эмили» (1802).

А также *исповедальное*, написанное после ее смерти от родов и обращенное к Добродетели, олицетворявшей Божью волю:

*Остаток радостей земных,
Дочь милую, кропя слезами,
В восторге нежных чувств моих
К тебе дрожащими руками
Подъемлю и молю: будь ей
И горем здесь и утешеньем,
Без счастья верным наслажденьем!*
«К Добродетели» (1802).

4

Неоднократно говорилось об освоении нашими поэтами того времени античных и западноевропейских литературно-художественных форм. Кроме од и посланий (эпистол, писем) самыми распространенными и привлекательными тогда были басни (притчи), эпиграммы, эпитафии и надписи. Не осталась в стороне от процесса освоения этих форм и Карамзин.

Правда, он пишет только две басни – «Соловей, галки и вороны» (1793) и «Филины и соловей, или Просвещение» (1803). Первая о том, что соловью нет места «в лесочке», где

*...поселился
Хор галок и ворон. Они и день и ночь
Кричат, усталости не знают.
И слух людей (увы!) безжалостно терзают!
Что ж делать соловью? – Лететь подале прочь!
Жестокие вдали и прозой и стихами!
Какому соловью петь можно вместе с вами?*

Вторая о том, что света Просвещения боятся только филины и воры, кого устраивает «царство ночи», где им

*...так мило жить
И сонных птиц давить
Во мраке тихой рои.*

Да,

*Сказал им соловей, – не нравится вам свет:
Его боятся хищных взоры, –*

потому, что

*Злой мыслит о себе, а добрый обо всех;
Злой любит мрак густой, а добрый просвещение.
К несчастью, должен я сказать вам в утешенье,
Что в самый ясный день
Для вас еще найдется тень!*

Карамзин написал около 20 эпиграмм, с заглавиями и без, сатирических и прагматических, житейско-философских:

*Ударил час – друзья, простите!
Иду – куда, вы знать хотите?
В стану покойников – зачем?
Спросить там, для чего мы здесь, друзья, живем!*
«Прощание» (1795).

*Любовь тогда лишь нам полезна,
Как с милой дружбою сходна;
А дружба лишь тогда любезна,
Когда с любовью равна.*
«Любовь и дружба» (1797).

*С печалью радость здесь едва ли не равна:
Надежда с первой, с другой боязнь дана.*
«Печаль и радость» (1797).

*Что наша жизнь? Роман. – Кто автор? Аноним.
Читаем по складам, смеемся, плачем... спим.*
1797.

*Что есть жизнь наша? – сказка.
А что любовь? – ее завязка;
Конец печальный иль смешной.
Родись, люби – и Бог с тобой.*
1797.

*Как беден человек! нам страсти – горе, мука;
Без страсти жизнь не жизнь, а скука:
Люби – и слезы проливай;
Покоен будь – и ввек зевай.*
«Страсти и бесстрастие» (1797).

*Что есть любить?
Тужить.
А равнодушным быть?
Не жить.*
1799.

*Я знаю, для чего Крадон твердит всегда,
Что свет наук есть зло: для вора свет беда.
1799.*

*Все мыслят жить, но не живут;
Не мысля умереть, умрут.
«Мыслят и не мыслят» (1799).*

*Мы видим счастья тень в мечтах земного света;
Есть счастье где-нибудь: нет тени без предмета.
«Тень и предмет» (1820).*

*Не сон ли жизнь и здешний свет?
Но тот, кто видит сон, – живет.
(1825).*

К жанру *эпитафии* Карамзин обратился по просьбе «одной нежной матери», которая просила его «сочинить надгробную надпись для умершей двулетней дочери ее», и предложил ей на выбор пять эпитафий, из которых она, как он отметил, «выбрала последнюю»:

1

*Небесная душа на небо возвратилась,
К источнику всего, в объятия Отца.
Пороком здесь она еще не омрачилась;
Невинностью своей пленяла все сердца.*

2

*И на земле она, как ангел улыбалась:
Что ж там, на небесах?*

3

*В объятиях земли покойся, милый прах!
Небесная душа, ликуй на небесах!*

4

*Едва блеснула в ней небесная душа,
И к солнцу всех миров поспешно возвратилась.*

5

*Покойся, милый прах, до радостного утра!
1792.*

Затем Карамзин пишет просто эпитафию, безотносительно к какому-то реально жившему и почившему человеку:

*Он жил в сем мире для того,
Чтоб жить – не зная для чего.
1797.*

А также как «Надгробие шарлатану» (1799):

*Я пыль в глаза пускал;
Теперь – я пылью стал.*

К эпитафиям можно отнести и пространную «Надгробную надпись Боннету» (1793) – Шарлю Бонне (1720–1793), – «незабвенного, – как считал Карамзин, – друга человечества... великого Философа, истинного мудреца, любезного моему сердцу»⁶, а также две надгробные надписи в «Письмах русского путешественника»:

*Вселенная любовь иль страх,
Цари! что вы по смерти?.. прах*

*Великий человек достоин монумента,
Великий государь достоин алтарей.*

К жанру стихотворных надписей Карамзин обращается во время своего европейского путешествия в 1789–1790 гг. Там он делает более десяти надписей, семь из них в парке Эрменонвиля. Сначала общую:

*Ищи в других местах искусства красоты:
Здесь вид богатыря Природы
Есть образ счастливой свободы
И милой сердцу простоты.*

Затем на дверях хижины:

*Здесь поклоняются творцу
Природы дивныя и нашему отцу, –*

на вязе:

*Под сению его я с милой изъяснялся,
Под сению его узнал, что я любим, –*

на дверях башни:

*Здесь было царство Габриели;
Ей подлежало дань платить.
Французы исстари умели
Сердцами красоту дарить, –*

в гроте:

*Являйте зёркальные воды
Всегда любимый вид Природы
И образ милой красоты!*

*С зефирами играйте
И мне воспоминайте
Петрарковы мечты! –*

на скамье:

*Жан-Жак любил здесь отдыхать,
Смотреть на зелень дерна,
Бросать для птичек зерна
И с нашими детьми играть.*

И отдельно к «снежному памятнику»:

*Мы сделаем царю и другу своему
Лишь снежный монумент; милее он ему,
Чем мрамор драгоценный,
Из дальних стран за счет убогих привезенный.*

В 1798 г. Карамзин «увидел, – как он объясняет появление целого цикла надписей, – в одном доме мраморного Амура и с позволения хозяйки исписал его карандашом с головы до ног»:

1

на голову

Где трудится голова,
Там труда для сердца мало;
Там любви и не бывало;
Там любовь – одни слова.

2

на глазную повязку

Любовь слепа для света
И, кроме своего
Бесценного предмета,
Не видит ничего.

3

на сердце

Любовь – анатомист: где сердце у тебя,
Узнаешь, полюбя.

4

на палец, которым Купидон грозит

Награда скромности готова:
Будь счастлив – но ни слова!

5

на руку

Не верь любовнику, когда его рука
Дерзка.

6

на крыло

Амур летает для того,
Чтоб милую найти для сердца своего.
Нашедши, крылья оставляет –
Уже ему в них нужды нет, –
Летать позабывает
И с милою живет.

7

на стрелу, которую Амур берет в руку

Страшитесь: прострелю!

Но вы от раны не умрете;

Лишь томно взгляните, вздохнете

И скажете: люблю!

8

на ногу

Когда любовь без ног? Как надобно идти

От друга милого, сказав ему: прости!

9

на спину

Стою всегда лицом к красавцам молодым,

Спиною к старикам седым.

Одним словом – целая маленькая поэма о любви...

Карамзин также пишет надписи – «К портрету Ломоносова» (1797):

«В отечестве Зимы, среди ее снегов, –

Сказал парнасский бог, – к бессмертной славе россов

Родись вновь Пиндар, царь певцов!»

Родился... Ломоносов.

и «К портрету И.И. Дмитриева» (1810):

Министр, поэт и друг: я всё тремя словами

Об нем для похвалы и зависти сказал.

Прибавлю, что чинов и рифм он не искал,

Но рифмы и чины к нему летели сами!

Не оставил он без надписи и «портрет Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Елисаветы Алексеевны»:

Корона на главе, а в сердце добродетель;

Душой пленяет ум, умом душе мила;

В благотворениях ей только Бог свидетель;

Хвалима... но пред ней безмолвствует хвала.

1819.

5

Будучи активным участником процесса освоения популярных у нас в то время литературно-художественных форм, Карамзин принимает не менее активное участие и в литературно-общественных процессах, связанных как с *нравственным*, так и *политическим* просвещением соотечественников. Политическому просвещению он отдает дань в «Песне мира» (1791), торжественных одах и других стихотворениях⁷. Нравственному – в посланиях, баснях, эпиграммах, эпитафиях, надписях и других произведениях, имевших, как мы видели, преимущественно морально-философско-назидательный характер. В них Карамзин обращался к внутреннему миру человека, его *духовной*, *рациональной* и *эмоциональной* составляющим, которые, в свою очередь, являлись и составляющими процесса нравственного просвещения.

Духовная его составляющая получала отражение в стихотворениях, навеянных сюжетами Ветхого Завета и Евангелия. *Рациональная* имела место в поучениях, наставлениях, размышлениях и т.п. – в подавляющей части произведений Карамзина. *Эмоциональная* составляющая, отражающая и выражающая настроения, переживания, состояние, чувства людей – любовь, радости, печали, грусть, отчаяние, страхи и т.п., хотя не так велика по объему, однако присутствует в его творчестве уже с самого начала.

Первым здесь было чувство обреченности человека на страдания, бренности его жизни и ничем не оправданной скоротечности, что уже отмечалось при разговоре о ранних дружеских посланиях Карамзина.

В отличие от Державина, которого, по наблюдению В.Г. Белинского, охватывал «ужас при мысли о смерти», а его послание «К Степану Васильевичу Перфильеву на смерть князя Александра Ивановича Мещерского» (1779) представляло «воплé подавленной ужасом души»⁸:

*Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает,
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет, – к гробу приближает.
Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,*

*Как молнией, косою блещет,
И дни мои, как злак, сечет.*

.....

О горе нам, рожденным в свет! –

скоротечность жизни и неминуемость смерти Карамзин воспринимает философски, без страха и ужаса, умиротворенно, как неизбежность, с которой надо смириться:

*Ты здесь странник, не хозяин:
Всё оставить должен ты.*

.....

*Всё исчезнет, что ни видишь,
Всё погибнет на земле;
Самый мир сей истребится,
Пеплом будет в некий день.*

1787.

Вопрос о соотношении жизни и смерти и в дальнейшем не оставляет поэта:

*Жизнь! ты море и волненье!
Смерть! ты пристань и покой!
«Берег» (1802).*

*Блажен, кто жизнь свою кончая,
Еще надеждою живет
И мир, покойно оставляя,
Без страха в темный путь идет!
«На смерть князя Г.А. Хованского» (1796).*

Примечательно стихотворение Карамзина, которое он, как и в свое время Державин, пишет, пораженный скоротечной смертью знакомого ему человека. Но если у Державина смерть князя вызывает ужас и воскликнув: «Куда, Мещерский! ты сокрылся?» – он рисует затем страшный образ Смерти, что

*Глядит на всех, – и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,*

*Что в злате и серебре кумиры;
Глядит на прелесть и красы.
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны,
И точит лезвие косы, –*

и обращается к адресату своего послания с таким заключением:

*Сей день, иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам конечно:
Почто терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою,
И с чистою твоей душою
Благослови судеб удар.*

То Карамзин, также воскликнув: «Но он навек от нас сокрылся!» – выражает сожаление, что скоропостижно скончавшийся, «исчез! С детьми, с друзьями не простился», – и затем рисует образ усопшего, который «был весел для других умом, любезностью своею», и наконец вместе с умершей раньше супругой «отдохнет от жизни, в коей счастья нет»:

*Теперь супруги неразлучны;
В могиле участь их одна:
Покоятся в жилище сна
Или уже благополучны
Чистейшим новым бытием!..*

И заключает:

*А мы, во странствии своем
Еще томимые сомнением,
Печалью, страхом и мученьем,
Свой путь с терпением свершим!
Надежда смертных утешает,
Что мир другой нас ожидает...*

.....
*И с теми, коих здесь оставим,
 Мы разлучимся лишь на час.
 Земля гостиница для нас!*

*«Стихи на скоропостижную смерть
 Петра Афанасьевича Пельского» (1803).*

Однако основой эмоциональной составляющей поэзии Карамзина были любовь и дружба, дружба – как одно из важнейших проявлений любви. «Мы живём в печальном мире, – говорит он в 1794 г. в посвящении к “Аглае”, – но кто имеет друга, тот пади на колена и благодари вездесущего!

Мы живем в печальном мире, где часто страдает невинность, где часто гибнет добродетель; но человек имеет утешение – любить!

Сладкое утешение!.. любить друга, любить добродетель!.. любить и чувствовать, что мы любим!»

*Любовь и дружба – вот чем можно
 Себя под солнцем утешать!
 Искать блаженства нам не должно,
 Но должно – менее страдать;
 И кто любил, кто был любимым,
 Был другом нежным, другом чтимым,
 Тот в мире сем недаром жил,
 Недаром землю бременил.*

«Послание к Дмитриеву» (1794).

Карамзин отдает дань любви. Она – «есть прелесть, жизнь чувствительных сердец» («Протей», 1798). Поет ей дифирамб:

*Мы желали – и свершилось!..
 Лиза! Небо любит нас.
 Постоянство наградилося:
 Ты моя! – Блаженный час!*

*Быть счастливейшим супругом,
 Быть любимым и любить,
 Быть любовником и другом...
 Ах! я рад на свете жить!*

«Две песни» (1794).

Клянется

*Любить святую добродетель,
Чтоб рай в том мире заслужить,
Где всё прошедшее забудем,
Где только милых помнить будем;
А рай мой... там с тобою жить!*
«Надежда» (1796).

И т.д.

Выше всего Карамзин все-таки ценит дружбу – «святой дар небес», тяжело переживая расставание с друзьями или уход их из жизни:

*Настал разлуки горький час!..
Прости, мой друг! В последний раз
Тебя я к сердцу прижимаю;
Хочу сказать: не плачь! – и слезы проливаю!*
«На разлуку с Петровым» (1791).

*Ах! я вспомнил незабвенных,
В недрах хладных земли
Хищной смертью заключенных;
Их могилы заросли
Все высокою травой.
Я остался сиротою...
Я остался в горе жить,
Тосковать и слезы лить!..
С кем теперь мне наслаждаться
Нежной песнею твоей?
С кем Природой утешаться?
Всё печально без друзей!
С ними дух наш умирает,
Радость жизни отлетает;
Сердцу скучно одному –
Свет пустыня, мрак ему.*
«К соловью» (1793).

Печаль и грусть вызывает у Карамзина осень:

*Веют осенние ветры
В мрачной дубраве;
С шумом на землю валятся
Желтые листья.*

*Поле и сад опустели;
Сетуют холмы;
Пение в рощах умолкло –
Скрылися птички.*

.....

*Вьются седые туманы
В тихой долине;
С дымом в деревне мешаясь,
К небу восходят.*

*Странник, стоящий на холме,
Взором унылым
Смотрит на бледную осень.
Томно вздыхая.*

«Осень» (1799).

А вот у Пушкина наоборот:

*Октябрь уж наступил – уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад – дорога промерзает,
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл...*

.....

*Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса –
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.*

И с каждой осенью я расцветаю вновь...

«Осень (Отрывок)» (1833).

Самым известным состоянием, выражение которого у нас в поэзии связывают с Карамзиным, была *меланхолия*. Для него она не «болезненно-угнетенное состояние, тоска, хандра», как определяют ее словари⁹, а такое, когда человека ничего, что вокруг него, не радует:

*Зима свирепая исчезла,
Исчезли мразы, иней, снег;
И мрак, всё в мире покрывавший,
Как дым рассеялся, исчез.*

.....

*Весна с улыбкою приходит;
За нею следом мир течет.
На персях нежныя Природы
Играет, резвится Зефир.*

.....

*На ветвях птички воспевают
Хвалу всещедрому творцу;
Любовь их песни соглашает,
Любовь сердца их веселит.*

.....

*Везде, везде сияет радость,
Везде веселие одно;
Но я печальюотяченный,
Брожу уныло по лесам.*

.....

*Творец премудрый, милосердый!
Когда придет весна моя,
Зима печали удалится,
Рассеется душевный мрак?*

«Весенняя песнь меланхолика».

Это Карамзин напишет в 1788 г., а в 1800 г., осуществляя вольный перевод поэмы Ж. Делиля «Воображение», представляет меланхолию как «первой скорби врача», «первого сердца друга». Она с любовью подает руку несчастному, когда тот, «освободившись от тяжких мук... отдохнет в душе своей унылой». И восклицает:

*О Меланхолия! нежнейший перелив
От скорби и тоски к утехам наслажденья!
Веселья нет еще, и нет уже мученья;
Отчаянье прошло...*

«Меланхолия».

Меланхолия теперь в глазах Карамзина не безрадостное состояние человека, а своего рода спасительный круг от нахлынувшего на него отчаяния среди житейских бурь, невзгод и тяжких душевных мук.

¹ См.: Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. – СПб., 1867. – Т. 1. – С. 92, XXI–XXII.

² Там же. – С. 22.

³ Дмитриев И.И. Сочинения. – М., 1986. – С. 284.

⁴ См.: Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. – СПб., 1866. – С. 1.

⁵ См.: Полевой Н.А., Полевой Кс.А. Литературная критика. – Л., 1990. – С. 178.

⁶ Карамзин Н.М. Полн. собр. стихотворений. – М.; Л., 1966. – С. 116.

⁷ См.: Лотман Ю. Поэзия Карамзина. – Там же. – С. 5–52.

⁸ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. VI. – М., 1955. – С. 622, 629.

⁹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 15-е, стереотипное. – М., 1984. – С. 305.

А.С. Курилов

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА КАРАМЗИНА И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX в.

Аннотация

В статье рассмотрены ключевые темы прозы Карамзина в контексте русской литературы конца XVIII – начала XIX в.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, художественная проза, классицизм, романтизм, сентиментализм.

Kurilov A.S. *The prose of Karamzin and the development of Russian literature at the end of the 18-th and the beginning of the 19-th century*

Summary. The article deals with the main motives of Karamzin's prose in the context of Russian literature of the end of the 18-th and the beginning of the 19-th century.

Прозаиком Н.М. Карамзина сделало то же самое, что «пробудило» в нем стихотворца: желание наставлять других, преподавать им уроки жизни. Но если друзьям и знакомым читать нравоучения можно было прямо, непосредственно в адресованных им посланиях, то учить уму-разуму, остальных – только опосредованно, предлагая им «эстетическое, – по выражению В.Г. Белинского, – решение»¹ нравственных и других вопросов с определенной воспитательной целью в качестве художественной, образной иллюстрации к «сухим» словесным поучениям и назиданиям.

1

Слова А.С. Пушкина, что «стихи и проза» – это «волна и камень», «лед и пламень», – к Карамзину не относятся. Стихи и художественная проза Карамзина (а «Письма русского путешественника» по всем показателям проза документальная, не художественная, не вымышленная²) это не разные по своему существу и назначению составляющие его творчества, а единый в своем роде сплав, который был замешан на философии юдоли, неизбежных, естественных страданий и печалей с уже предначертанной Всевышним всему человечеству и отдельно каждому человеку судьбой. Наглядное тому свидетельство «Евгений и Юлия» – первая, написанная Карамзиным, «русская истинная, – как он подчеркнет в ее подзаголовке, – повесть».

Она создавалась почти одновременно с посланиями 1787–1788 гг. И.И. Дмитриеву, и появилась в печати вместе со стихами на его болезнь в последней части «Детского чтения» на 1789 г. В этих посланиях Карамзин предостерегал адресата: не надо слишком радоваться и «ликовать», «чтоб не плакать после», не надо и «слишком сильно» к чему-то или к кому-то «прилепляться» – «ты здесь странник, не хозяин, все оставить должен ты», да и самой дружбе, а за нею и любви

*...окончаться
Время некогда придет;
Сама дружба нас заставит
После слезы проливать.*

*Время всем нам разлучиться
Непременно притечет;
Час настанет, друг увянет,
Яко роза в жаркий день.*

Всё это находит художественное подтверждение в «Евгении и Юлии».

С раннего детства они были очень привязаны друг к другу, со временем их дружба переросла в любовь, которая должна была завершиться свадьбой. «Все домашние, узнав, что Евгений скоро будет супругом Юлиным, были вне себя от радости, все любили

его, все любили ее. Всякий спешил к обедне, всякий хотел от всего сердца молиться о благополучии их. Какое зрелище для ангелов! Евгений и Юлия составляли одно сердце, в пламени молитвы к небесам воспарившее. Госпожа Л* (мать Евгения. – *А. К.*) в жару благоговения многократно упала на колени, поднимая глаза к небу и потом обращая их на детей своих. Надлежало думать, что сии сердечные прошения будут иметь счастливые следствия для юной четы, что она будет многолетствовать в непрерывном блаженстве, каким только можно смертному на земле наслаждаться».

Здесь было все, от чего поэт предостерегал тогда Ивана Дмитриева: и чрезмерное «ликование», и слишком сильное «прилипление» друг к другу молодых людей, и радужные мечты о их многолетнем «непрерывном блаженстве» и наслаждениях, что, как замечал в своих посланиях Карамзин, всегда неизбежно кончается слезами и печалью. Именно в этот день, «будучи в беспрестанном восторге высочайшей радости, Евгений около вечера почувствовал в себе сильный жар». Болезнь стремительно развивалась и уже «в девятый день, на самом рассвете, душа Евгения оставила бречное тело». Его похоронили, «проливая горькие слезы». «Так, – пишет Карамзин, – скрылся из мира нашего любезный юноша», а «гж. Л* и Юлия лишились в сей жизни всех удовольствий...»

«Высочайшая радость» обернулась «горькими слезами» и великой печалью. Почему? Зачем? – Это, – замечает Карамзин, – «для нас непостижимая тайна», известная только Всевышнему. «Пребывая искони верен законам своей премудрости и благости, он творит – мы изумляемся и благоговеем – в вере и молчании благоговеть должны», благоговеть, смиряться, находить «отраду в молитве и в помышлении о будущей жизни», отдавая дань умершему в надежде однажды соединиться с ним «вечным союзом». «В следующую весну Юлия насадила множество благовонных цветов на могиле своего возлюбленного: будучи орошаемы ее слезами, они распускаются там скорее, нежели в саду и на лугах...»

2

Карамзин обращается к прозе еще и потому, что тогда она у нас уже играла заметную роль в текущих литературных процессах, которые были вызваны как литературно-художественными, так и литературно-общественными движениями.

В русле *Классицизма* продолжался процесс освоения жанров, сюжетов, персонажей, поэтики характерных для западноевропейской и отчасти восточной прозы, начатый на Руси еще в XVI в., обогащая отечественную прозу национальным сказочным и былинным содержанием в 60-е годы XVIII в. Включается у нас в этот процесс *Романтизм*. За ним и *Сентиментализм* первыми опытами освоения поэтики изображения (выражения) внутреннего мира человека, его чувств, переживаний, ощущений, состояний.

Исторически сложилось так, что художественная проза делилась тогда на романы, повести и сказки. Романами назывались все большие по размеру (объему) издания (книги), независимо от их состава и содержания³, небольшие повествования – повестями, а с бытовой тематикой – сказками. По своей структуре (составу) книги-романы подразделялись на сюжетные – путешествия, похождения, приключения и т.п., и бессюжетные – сборники повестей, сказок, переписки и т.п.

Западноевропейское направление в нашем Классицизме XVIII в. открывал роман П. Тальмана «Езда в остров Любви», переведенный В.К. Тредиаковским и изданный в 1730 г., а преобладающим оно становится с середины 60-х годов. Тогда выходят романы Ф.А. Эмина «Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда», «Приключения Фемистокла» (оба – 1763), «Письма Эрнеста и Доравры» (1766); за ними «Нума Помпилий, или Процветающий Рим» (1768) М.М. Хераскова и др.

Тогда же появляется «Пересмешник, или Славенские сказки» (4 ч. 1766–1768) М.Д. Чулкова, где из вечера в вечер в доме полковника Адодурова «беглый монах» и «приживала» Ладон по очереди рассказывали смешные и занимательные истории-сказки, свидетельствуя о приобщении наших прозаиков к *восточному* направлению, ориентированному на «Тысячу и одну ночь»⁴.

Движение к Романтизму обозначили «Славенские древности, или Приключения славенских князей» (в 3 ч., 1770–1771)

М.И. Попова, а наиболее ярким отражением процесса освоения национального былинного и сказочного наследия станут «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся чрез пересказывание в памяти приключения» (ч. 1–4 – 1780, ч. 5–10 – 1783) В.А. Левшина. Там были два раздела. Обширный – «Сказки богатырские», который состоял из «Повестей» – «О Славном Князе Владимире Киевском Солнышке Всеславиче, и о сильном его могучем богатыре Добрыне Никитиче», «О Алёше Поповиче, служившем Князю Владимиру», «О сильном Богатыре Чуриле Пленковиче» и др. В меньшем по объему находились «Сказки народные». В «Известии», предварявшем издание, Левшин объясняет его необходимость, так как «романы и сказки были во все времена у всех народов; они оставили нам вернейшие начертания древних каждой страны народов и обыкновений и удостоились потому предания на письме...». Россия также имеет и свои «повести о рыцарях», которые «не что иное, как сказки богатырские», и свои сказки, каковые... рассказываются в простом народе», но «ония хранятся только в памяти... и издаю сии сказки русские с намерением сохранить сего рода наши древности... Наконец, – добавляет он, – во удовольствие любителям сказок включил я здесь таковые, каких никто еще не слыхивал и которые вышли на свет, во-первых, в сей книге»⁵. Так начинается у нас процесс создания литературных сказок, прокладывая дорогу сказкам А.С. Пушкина, «Коньку-Горбунку» П.П. Ершова и другим произведениям в «народном духе».

Сентиментализм заявил о себе «Утренниками влюбленного» (1775, опубл. 1779) В.А. Левшина.

Утро первое

Природа! перестань хоть ты соединяться с судьбою несчастного, чтоб отнимать единственное утешение, кое мог я обрести в сладком сне. Уже пятнадцать дней, как расстался я с моей любезной... Увы! горестное время, измеренное моими мучениями!..

Утро второе

Любезная!.. где ты?.. Куда ты скрылась?.. тебя нет со мною, могу ль я жить?.. все места пусты...

Утро третье

О мысль ужасная! перестань терзать сраженный дух мой! Не довольно ль и того, чтоб не видеть той, коя всего милее? Но ты влечешь меня к отчаянному воображению, что нет уже ее на свете. Свирепое помышление!.. Она обещала писать ко мне... Что же удерживает прекрасную ее руку?... Страшное воображение!..

Утро четвертое

(Появляется ее слуга) Друг мой... каким случаем... Скажи, жива ль моя дражащая?.. Ты медл... ишь!.. чт... о... скажи... она... жива ли?.. Она жива – жива! о друг мой! ты остановил конец мой!

Пятое, шестое, седьмое, восьмое утро. Он пишет длинное письмо о сущности любви и дружбы к Госпоже**. Девятое утро – его одолевает ревность. На десятое утро он просит свой «страстный дух истерзанный тоскою», успокоиться, так как уже сам спешит к своей любезной:

«Я спешу к тебе, отрада моих горестей! Я увижу тебя!.. Я спешу к тебе... уже малое расстояние меня с тобою разделяет... Любовь! подай крыле коням моим».

От отчаяния, через страхи, размышления о любви и дружбе, приливы ревности и радости – таковым было у нас самое первое изображение внутреннего мира человека в смене одолевавших его чувств и настроений, что в середине XIX в. назовут «диалектикой души».

3

Если все процессы в литературно-художественных движениях были связаны с необходимостью освоения новых жанров, сюжетов, персонажей, поэтики и т.п., то процессы в литературно-общественных движениях были вызваны необходимостью просвещения соотечественников, расширения их кругозора, представлений о мире, окружающей их действительности, истории человечества, государств, народов и т.п. «Романы Эмина, – отмечают современные литературоведы, – являлись своего рода энциклопедией, знакомившей читателя со всемирной географией, историей, политикой; они были насыщены публицистическими вставками, рассуждениями на политические и морально-философские темы»⁶.

Главную роль здесь играло *воспитательное* направление художественной прозы, в этом видели основное ее назначение. «...Коль полезно нравоучение роду человеческому, – писал в 1760 г. С.А. Порошин, переводчик романа А.Ф. Прево “Философ английский”. – Кто станет сомневаться о пользе науки, отворяющей путь к добродетели, страстей волнение укрощающей, исправляющей сердца пороками зараженные и словом, на естественного закона правах утверждающейся, покой и благоденствие смертным подающей? Много таковых книг в разных народах, в разные времена издано: нравоучительные Притчи, Разговоры, Письма, выдуманные Путешествия и иные многие, из которых польза в приятных и замысловатых изображениях почерпается, с оным доброхотным намерением писаны.

К сему роду принадлежат и известные под именем Романов сочинения, того ради изобретенные, дабы описывая в них разные похождения сообщать к добродетельному житию правила»⁷. «Напрасно думают, – писал Карамзин, – что романы могут быть вредны для сердца: все они представляют обыкновенную славу добродетели или нравоучительное следствие»⁸.

Романы, предлагая, говоря словами В.Г. Белинского, «эстетическое решение нравственных вопросов», выступали тогда универсальными, можно сказать, учебниками жизни.

Не менее важным в этом отношении было *познавательное* направление художественной прозы того времени, где романы и повести для людей грамотных являлись чуть ли не единственным источником сведений о мире, обо всем, что происходило и происходит на Земле. Такими, наряду с романами Ф. Эмина, были и повесть Аполлоса (А.Д. Байбакова) «Лишенный зрения Ураний, несчастный государь» (1784), и роман Хераскова «Кадм и Гармония» (1789), да практически и все романы-путешествия, созданные в то время. Главное, как заметил Карамзин, «лишь бы только читали! И романы самые посредственные, – говорил он, – даже без всякого таланта писанные, способствуют некоторым образом просвещению... романы богаты всякого рода познаниями» уже только потому, что «автор, вздумав написать три или четыре тома, прибегает ко всем способам занять их, и даже ко всем наукам: то описывает какой-нибудь американский остров... то изъясняет свойство

тамошних растений... таким образом, читатель узнает и географию и натуральную историю...»⁹

Не осталась художественная проза и в стороне от *критического* направления в литературно-общественных движениях тех лет.

К сатирическому ее течению относится «Золотой прут» (1782) Хераскова – прямая аллегория жизни двора и окружения Екатерины II. Критикой косвенной, как говорится, от противного были социальные утопии – «Счастливое общество» (1759) А.П. Сумарокова, где сон героя рисовал образ просвещенной монархии, а также «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белёве» (1784) В.А. Левшина с изображением справедливого общества на Луне, и «Путешествие в землю Офирскую г-на С... швецкого дворянина» (1786) М.М. Щербатова с картиной идеального устройства государства и общества.

4

Все эти направления и течения не привлекали Карамзина-прозаика. Ближе всего ему было *амурное* направление. Но не в том виде, в каком оно было представлено, с одной стороны, в романе Ф. Эмина «Любвный вертоград, или Необоримое постоянство Камбера и Арисены» (1763), а с другой – в романе М.Д. Чулкова «Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины» (1770), а как составляющая романов Н.Ф. Эмина «Роза: Полусправедливая оригинальная повесть» (1786) и «Игра судьбы» (1789), а также романа П.Ю. Львова «Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселанки (1789).

Однако Карамзина интересовали не драматические и трагические коллизии в жизни любящих и влюбленных, не интриги и не социальное неравенство как источники, определяющие их судьбы, а само чувство любви – страстного, безотчетного влечения, которое «прилепляет» одного человека к другому и не зависит от их социального положения и материального состояния. Чем оборачивается «слишком сильное прилепление» влюбленных друг к другу он показал в «Евгении и Юлии».

Здесь у Карамзина был предшественник, остающийся до сих пор неизвестным автор «сказки», как он назвал свое произведение,

«Колин и Лиза» (1772). Правда, смерть крестьянки Лизы, в одночасье разлюбившей односельчанина Колина и полюбившей городского «господина», от разлуки с которым (отец «перестал пускать ее в город» продавать цветы) она «умирает с печали», автор «сказки» объясняет «развращенностью нравов», что сделали «добродетельную» Лизу добычей «хитрости человеческой» в лице «господина», искусившего ее «притворной лаской» и «обманчивыми прелестями» городской жизни.

В отличие от неизвестного автора Карамзин полагает, что в своих бедах и несчастьях каждый виноват сам, они следствие, результат неразумного поведения, забвения простых истин: «слишком сильно» ничем не увлекайся, «слишком сильно» не ликуй, «слишком сильно ни к чему не прилиплейся» и помни:

*Счастье истинно хранится
Выше звезд, на небесах;
Здесь живя, ты не возможешь
Никогда найти его.*

Философия «мрачной юдоли», обреченности человека на терпение и страдания, чувство безысходности при сознании «мудрости и благости» Всемогущего обозначили духовный тупик, в каком оказался Карамзин в конце 80-х годов, отражением чего и явилась повесть «Евгений и Юлия». Выходом этого тупика становится для писателя заграничное путешествие, в ходе которого ему, как казалось, удалось избавиться от полонившей его разум мысли об обреченности на планете всего живого и неизбежной их гибели:

*Всё исчезнет, что ни видишь,
Всё погибнет на земле;
Самый мир сей истребится,
Пеплом будет в некий день.*

Путешествуя, Карамзин на какое-то время обретает душевное спокойствие и, вернувшись, пишет похвальное, по определению П.А. Орлова¹⁰, слово – «Фрол Силин, благодетельный человек» (1791). Примечательно, если стержнем повести «Евгений и Юлия» была трогательная любовь-влечение, любовь-страсть,

обернувшаяся утратами и слезами, то теперь главным выступает человеколюбие, любовь христианская, любовь-служение, любовь во спасение, несущая людям радость и приносявшая благополучие.

«Я, – говорит Карамзин, – хочу хвалить Фрола Силина, простого поселянина», потому что он «трудолюбивый поселянин, который всегда лучше других обрабатывал свою землю, всегда более других собирал хлеба и никогда не продавал всего, что собирал». Но больше потому, что в голодный год он раздал свой хлеб беднейшим из своей и других деревень, а когда на следующий год «Небо услышало мольбы бедных и благословила следующий год плодородием» и они хотели вернуть ему полученное, полагая, что он им дал хлеб в долг, Фрол отказался его брать, советуя излишки хлеба отдавать нуждающимся. Когда в его деревне сгорело четырнадцать дворов, он «послал на каждый двор по два рубля денег и по косе», а погорельцам из другой деревни предложил от себя «лишнюю лошадь», чтобы они продали ее для своих нужд, так как все деньги он отдал погорельцам своей деревни. Затем «на имя господина своего купил он двух девок, выпросил им отпускные, содержал их как дочерей своих и выдал замуж с хорошим приданым». Если бы был «храм, посвященный *добрым из человечества*, – замечает Карамзин, – и в сем храме надлежало бы соорудить памятник Фролу Силину»¹¹.

Однако такое благодное, умиротворенное состояние было у Карамзина недолгим. Он понимает, что Фрол Силин «слишком сильно (да простится мне эта тавтология. – А. К.) прилепился» к «благодетельности», а любое «слишком сильное прилепление», как правило, всегда оканчивается плохо. Но Карамзину тогда об этом даже не хотелось думать, и вопрос, чем обернулась или могла обернуться для самого Фрола его «благодетельность», остается открытым.

Пройдет совсем немного времени, и писатель возвращается к убеждению, что «здесь счастье не живет среди людей». И появляется «Бедная Лиза» (1792).

Ее сюжет напоминает «сказку» неизвестного автора «Колин и Лиза». Судьбы их героинь схожи. И та и другая идет в город продавать цветы. И на ту и на другую первый покупатель производит неизгладимое впечатление. В одном случае это просто «господин» без имени, в другом – с именем. И та и другая Лиза сразу

же влюбляется в своего первого покупателя. Затем чувство любви «очень сильно прилепляет» одну к безымянному «господину», другую – к Эрасту, что в конце концов и оканчивается смертью и той и другой. Одна, лишенная возможности видаться с предметом своей любви, «приходит в отчаяние... грустит, тоскует, плачет... сохнет и, наконец, умирает с печали». Другая, узнав об измене возлюбленного, который к тому же прогоняет ее, «бросается в воду».

Идеи всесословной ценности человеческой личности и социального неравенства», ставшие общим местом всех разговоров о «Бедной Лизе», не волновали ни Карамзина, ни ранее автора «Колина и Лизы». Но если безымянный автор причину «трагической развязки» видел в «развращенности нравов», что затронуло и деревню, «тишину и простоту сельскую», то для Карамзина первопричиной трагедии было не «социальное неравенство», о чем, как очевидном, пишут все исследователи его творчества, а забвение того, что

Ты здесь странник, не хозяин, –

а потому

*Ни к чему не прилепляйся
Слишком сильно на земле, –*

чтобы не было беды... Забвение всего этого привело к смерти Лизы неизвестного автора, а затем получило подтверждение в «Бедной Лизе» Карамзина, который сочувствует своей героине, и не осуждает увлекшегося, но не «прилипшего» к ней Эраста. Совпадение имен героинь явно не случайно...

5

Убежденный в том, что сильнее всего людей «прилепляет» к чему-то или к кому-то любовь, Карамзин не мог не задаться вопросом: а всегда ли такое «прилепление» обречено, безысходно, трагично, кончается бедой? И если нет, то когда, при каких обстоятельствах и условиях? И дает ответ: один в сказке «Прекрасная Царевна и счастливый Карла», другой – в повести «Наталья,

боярская дочь», что были созданы также в 1792 г., непосредственно за «Бедной Лизой».

В сказке «прилепление» Царевны к ее воспитателю-горбуну Карле происходит не сразу, в отличие от Лизы и Натальи, где имела место «любовь с первого взгляда». Чувство к Карле у Царевны зарождается постепенно, по мере того, как она проникалась его красноречием, игрой на арфе и гитаре, слушая сочиненные им «трогательные песни» и поражаясь его умению «прекрасным образом оживлять полотно и бумагу» – т.е. рисовать. Она перестает замечать «телесные недостатки» горбуна и видит в нем только «душевные красоты». И при выборе жениха, «всем Царевичам и Королевичам» отдает предпочтение Карле.

Только любовь, основанная на родстве добродетельных душ и общности интересов, способна прочно, неразрывно, на всю жизнь связать судьбы людей, сделав их счастливыми, – говорит этой сказкой Карамзин. Тому же посвящена и «история *Натальи, боярской дочери*».

Наталья и сын опального боярина – Алексей Любославский, полюбив друг друга, тайно обвенчались, покинули Москву, и стали жить в домике, построенном Алексеем «в дремучем, непроходимом лесу». (Этот сюжет позднее ляжет в основу сказки «Дремучий лес»; 1795.) Первая зима и весна ничем не омрачили их «уединения»: они «наслаждались любовью». Что их ждало в будущем, можно только догадываться, если бы «свирепые литовцы» не «восстали на Русское царство».

Желая доказать царю, что Любославские, несмотря на опалу, «любят его и верно служат своему отечеству», Алексей решил «ехать на войну, сразиться с неприятелями Русского царства и победить». Наталья, воскликнув, что «не может жить» без него, напомнив о его обещании никогда ее не покидать, заявляет: «Ты возьмешь меня с собою...» Алексей соглашается: «Поедем, поедем и умрем вместе, если так Богу угодно». Богу было угодно, чтобы победило русское воинство, чтобы при этом отличился Алексей, супруги остались живы и потом жили долго, окруженные «прекрасными детьми».

Наталья и Алексей не замкнулись, не заиклились, говоря современным языком, на своем чувстве. Любовь к родине была для них важнее, и она спасла их от бед, неприятностей и возмож-

ного наказания за «слишком сильное прилепление» друг к другу. А вот любовь к новгородцам, «слишком сильное прилепление» Марфы-Посадницы к вольности и свободе, что не отвечало интересам родины, оканчивается ее смертью («Марфа-Посадница, или Покорение Новгорода», 1802).

Касается Карамзин и последствий преступной любви, которой не могли противиться родные брат и сестра и которая окончилась печально: он, проклятый отцом, влачит свои дни в изгнании, вдали от дома; она – в сырой и холодной пещере за «широкою железною дверью», лишенная «дневного света», сохнет «без ропота, без жалоб» в надежде, что жизнь ее «скоро кончится» («Остров Борнгольм», 1793).

Вместе с тем Карамзин показывает не только то, к чему приводит любовь, когда она «слишком сильно прилепляет» одного человека к другому, или двоих друг к другу, или просто кого-то к чему-то, но и то, что бывает, когда она «прилепляет» не «слишком сильно», и влюбленные, дав клятву любить своего избранника всегда, всю жизнь, нарушают ее. Так поступил Эраст в «Бедной Лизе» и «был до конца своей жизни несчастлив. Узнав о судьбе Лизиной, он не смог утешиться и почитал себя убийцей».

К трагедии привело нарушение героиней «Сиерры-Морены» (1795) Эльвирой «священного и торжественного» обета «не любить в другой раз», какой она дает, получив известие о гибели ее жениха «в волнах моря». Она отозвалась на «страстную любовь» пришельца, пораженного ее красотой, и согласилась стать его супругой. Но ее первая любовь – Алонзо – не погиб, и в тот момент, когда священник уже готов был связать ее брачными узами с пришельцем, появился в храме. «Вероломная! – сказал он Эльвире. – Ты клялась быть вечно моею и забыла свою клятву! Я клялся любить тебя до гроба: умираю... и люблю!» С этими словами он вонзил кинжал в грудь свою и пал мертвый на помост храма. «Небо страшно наказало клятвопреступницу, – промолвила, придя в себя, Эльвира, – я убийца Алонзова!» Она «погребла несчастного Алонзо на том месте, где оплакивала некогда мнимую смерть его, и заключилась в строжайшем из женских монастырей». Наказан был и ставший невольно причиной этой трагедии пришелец, обреченный до конца дней своих хранить верность Эльвире, скитаться

по земле в поисках «успокоения» своего и, найдя приют «в стране печального севера», жить там «в уединении и внимая бурям»...

6

Писатель рассматривает и другие повороты судьбы, когда кто-то к кому-то «прилепляется» либо навсегда, вызывая затем ответное чувство и в результате «прилепляя» к себе человека, в которого влюблен; либо временно. Последнее проявляется в ситуации «разборчивая невеста», когда о достоинствах людей судят по их знатности, богатству, внешности, поведению в обществе. Всё это будет основой «Юлии» (1796).

Более всего героиня любила «самое себя», а «к концу второго десятилетия жизни своей», приходит к выводу, что «надобно любить что-нибудь кроме магической буквы – Я». Стала «с большим вниманием рассматривать многочисленную толпу своих искателей», останавливая свой взор то на «молодом Легкоуме», то на «статном Храброне», то на «забавном Пустослове» и т.д. «Наконец, глаза ее остановились на любезном Арисе», который «смотрел на нее издали, не вздыхал, не клал руки на сердце с томным видом; одним словом, не думал представлять картинного любовника: но Юлия знала, что он любил ее страстно».

Она уже готова отдать ему руку и сердце, но тут появляется «молодой князь N*, любимец природы и счастья, которые осыпали его всеми блестящими дарами своими; знатный, богатый, прекрасный собою» и очень красноречивый. Арис забыт...

Юлия всей душой «прилепилась» к князю, думая, что он просто «не может жить без нее». Но князь не хочет менять «огненного Амура на холодного Гименея», думая только о свободной любви, в чем открыто признается, посылая ей «письмецо»: «Сердце не знает законов и перестает любить когда захочет... Вы не хотите любить по-моему, любить только для удовольствия любви, любить пока любишь: итак – простите!»

Поначалу Юлия упала в обморок, затем «прокляла» мужчин, а через две недели, когда к ней приехал Арис, «подумала... и велела его пустить». Любовь Ариса на этот раз «тронула ее душу» и если не вызвала ответного чувства, то, по крайней мере, снова расположила к нему Юлию. Они поженились и «удалились в де-

ревню». Юлия «была чувствительна к его нежности, и сердца их сливались в тихих восторгах».

Наступила зима, они вернулись в город. Юлия признавалась Арису, что «городские забавы и разнообразие предметов еще более оживляют нашу любовь». И тут вновь, как змей-искуситель, появляется князь N*. Арис опять забыт, а князь целует ей руки и говорит: «Ты меня любишь, и я должен умереть в твоих объятиях! Юлия! тебе ли иметь предрассуждения? Следуй влечению своего сердца; следуй...» И вот уже Арис пишет ей письмо, давая ей «вольную»: «Права супружества несносны, когда любовь не освещает их. Юлия – прости! Вы свободны! забудьте, что у вас был супруг...»

В этот момент Юлия начинает понимать, на что она променяла любовь, постоянство и верность Ариса. «Туман рассеялся и я презираю себя!» – воскликнула она и бросает в лицо князю: «Обманывайте других женщин, смейтесь над ними, слабыми; только прошу забыть, оставить меня навсегда».

Узнав, что Арис уехал неизвестно куда, «сама немедленно оставила город и удалилась в деревню».

Чуть-чуть не став «новою Аспазиею, новою Лаисою, Юлия, – пишет Карамзин, – сделалась вдруг ангелом непорочности... посвятила жизнь свою памяти любезного супруга» и воспитанию рожденного от него сына. И просит Небеса: пусть Арис «возвратится хотя на минуту; хотя для того, чтобы видеть нашего сына!» Небеса увидели, что Юлия готова «теперь загладить перед ним вину свою!», услышали ее просьбу, и Арис возвращается, чтобы уже никогда не разлучаться. Живут они в деревне, «живут как нежнейшие любовники, и свет для них не существует», и если, замечает Карамзин, «могут не соглашаться в разных мнениях, но в том они согласны, что удовольствие счастливых супругов и родителей есть первое из всех земных удовольствий».

Последним обращением Карамзина к художественной прозе будет «Рыцарь нашего времени» (1802) – «романическая история» жизни молодого человека, написанная в игривой манере, с легкой усмешкой, в духе «Гаргантюа и Пантагрюэля» Ф. Рабле.

Начинается она, как и положено, с информации о будущих родителях «рыцаря», затем шаг за шагом прослеживается его жизнь до достижения им 11-летнего возраста и обрывается повест-

вание, когда обнаруживается «естественное» влечение подростка к его «второй» матери. Уличенный в том, что подсматривал за ней, когда она купалась в реке, он, взглянув на нее, «закраснелся... Она хотела улыбнуться и также покраснелась... Графиня подала ему руку, и, когда он целовал ее с *отменным* жаром, она другою рукою тихонько драла его за ухо».

«Продолжения не было», – ставит на этом точку Карамзин, ничуть при этом не сомневаясь, что читатели, каждый по-своему допишет «романическую историю», которая с этого момента только и начиналась.

Двумя другими, созданными тогда же, произведениями писатель завершает исследование того, что бывает при «сильном прилеплении» к светской жизни («Исповедь», 1802), а также вообще при «прилеплениях», связанных как с эмоциональным, импульсивным, так и с рациональным, расчетливым отношением к жизни и соответствовавшим тому поведением («Чувствительный и холодный. Два характера», 1803), предвосхищая тем самым одно из направлений будущей «натуральной школы».

¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. VI. – М., 1955. – С. 277.

² См.: Курилов А.С. «Что есть поэт? Искусный лжец...» // Литературная Россия. – 2015. – № 36. От 16 октября. – С. 8–9.

³ См.: Кожин В. Происхождение романа. – М., 1963. – С. 4.

⁴ См.: Русский и западноевропейский классицизм: Проза. – М., 1982. – С. 183–235.

⁵ Левишин В.А. Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие, оставшиеся чрез пересказывание в памяти приключения. Ч. 1. – М., 1780. – С. 2.

⁶ История русской литературы: В 4 т. Т. I. 1980. – С. 596.

⁷ Прево А.Ф. Философ аглинской, или Житие Клевеланда, побочного сына Кромвелева. – СПб., 1760. – Т. 1. – Предисловие. – С. 1–2 н/н.

⁸ Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. – М., 1982. – С. 100.

⁹ Там же. – С. 99, 100.

¹⁰ См.: Орлов П.А. Русский сентиментализм. – М., 1977. – С. 217.

¹¹ Московский журнал. 1791. Часть третья, книжка 1. Месяц июль. С. 31–37.

В.Т. Олейник

КАРАМЗИН И ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX в.

Аннотация

Статья посвящена переосмыслению той роли, которую сыграл Н.М. Карамзин в истории развития русской общественной мысли, а также в истории русской литературы XIX в. Эта переоценка обусловлена тем, что марксистская концепция творчества Карамзина, долгое время господствовавшая в русском литературоведении, в наши дни представляется уже не вполне объективной и явным образом устаревшей.

Ключевые слова: гуманизм, легитимизм, общественный прогресс, просветительский рационализм, нравственная эволюция, литературные влияния, заимствования, реминисценции.

Oleynik V.T. Karamzin and the history of the Russian literature in the 19-th century

Summary. This article deals with the problems of re-evaluation of the role which N.M. Karamzin has played in the literary history of Russia as well as in the history of Russian social and political thought.

Роль Карамзина в истории русской литературы в силу ее общепризнанности давно уже обрела статус установленной объективной истины. Он был если не вождем, то, во всяком случае, главой русского сентиментализма, который в значительной мере подготовил стремительный расцвет поэзии и прозы в России XIX в. «У Карамзина, мастера сюжетной повести, лирического очерка, психологического этюда, автобиографического романа, учились главным образом люди следующего поколения, начиная от А. Бестужева-Марлинского и продолжая Пушкиным, Лермонтовым и другими писателями 1830-х годов»¹.

Вроде бы все верно. Чего же больше? Несколько смущает лишь голословность утверждения по поводу учебы у Карамзина людей «следующего поколения». Чему они у него учились? Каким образом? Да, и люди-то все как на подбор: Пушкин, Лермонтов, ну и, разумеется, Достоевский. Не грех было бы подробнее разобратся с вопросом их «учебы» у предшественника.

Настораживает также весьма частое муссирование темы исторической ограниченности как творчества, так и, собственно, всего мировоззрения писателя: «Проза Карамзина соответствовала потребностям своего времени: в ней есть раскрытие внутреннего “я” человека, отображение “языка сердца”, раскрытие богатства индивидуальности и ее внутреннего мира»². Написано, на первый взгляд, достаточно аккуратно: творчество редкого писателя не соответствует «потребностям своего времени». Но в данном случае подразумевается нечто иное – обосновывается мнение, что проза Карамзина не смогла вполне пережить свое время, и, обрета историческое значение, не стала достоянием вечности, т.е. не вошла в золотой фонд русской литературной классики. В качестве причин сего прискорбного обстоятельства приводятся следующие аргументы: «В его прозе звучит тема смирения перед неизбежностью законов сердца и природы... Карамзин создал образы, лишенные “боевого духа”, и обреченных на страдания героев»³.

Не обошлось и без негативной оценки собственно художественных особенностей творчества Карамзина, которое, «несмотря на свойственную ему аффектацию и – местами – слащавость и приторность, оказалось на *некоторый краткий период* прогрессивным этапом в развитии русской литературы и общественности» (курсив мой. – В. О.)⁴.

Впрочем, подобному двойственному и явно противоречивому отношению советских историков литературы к творческому наследию и к самой личности Карамзина удивляться не следует. В данном отношении они буквально, даже слишком буквально, приняли к сведению указания В.Г. Белинского: «В “Истории государства Российского” весь Карамзин со всею огромностью оказанных им России услуг и со всею несостоятельностью на безусловное достоинство в будущем своих творений. Причина этого – повторяем – заключается в роде и характере его литературной деятельности. Если он был велик, то не как художник-поэт, не как

мыслитель-писатель, а как практический деятель, призванный проложить дорогу среди непроходимых дебрей, расчистить арену для будущих деятелей, приготовить материалы, чтобы гениальные писатели в разных родах не были остановлены на ходу своей необходимостью предварительных работ»⁵.

Поразительно другое – то, что в период господства воинствующего, непримиримого марксизма советского образца, Карамзина, который, безусловно, с точки зрения этой идеологии, был махровым монархистом, последовательным сторонником российского самодержавия, крепостником и идеологом земельной аристократии, вообще не вычеркнули из списка лиц, достойных упоминания. Здесь свою роль, несомненно, сыграли положительные оценки Карамзина в статьях «неистового Виссариона» и восторженные отзывы о нем самого Пушкина, который писал, что «История государства Российского» подобна настоящему откровению: Карамзин открыл Россию, как Колумб – Америку»⁶.

Прошло время. «Бессмертное» учение марксизма-ленинизма кануло в Лету как очередная ложная теория, сторонники которой пытались безо всяких на то оснований присвоить ей качества универсальной научности и абсолютной объективности. Пришла пора реально взвесить и оценить те истины и аксиомы, что были накоплены в российском, а также в советском карамзиноведении за без малого почти два века, миновавших со дня смерти писателя.

Сейчас, с дистанции этих веков, с совершенной очевидностью явствует, что творчество Карамзина имеет отнюдь не только историческое значение. Он – автор шедевров, без знания которых ни один русский человек не может считаться культурным. «Письма русского путешественника» – одно из лучших произведений русской словесности в жанре путевых заметок и публицистического дневника. Несмотря на свой юный возраст, автор сумел не только запечатлеть образы крупнейших представителей европейской науки и искусства того времени, но и познакомил русских читателей с интеллектуальной атмосферой и с реалиями жизни в Германии, Швейцарии, Франции и Великобритании так, словно они сами всюду побывали, обретая при этом способность свободно говорить на немецком и французском языках. Причем пребывание Карамзина в Лионе и в Париже совпало с событиями первого года Великой французской революции, и таким образом мы получили

уникальную возможность рассматривать происходившее как бы изнутри, глазами очень проницательного наблюдателя.

Героическая повесть Карамзина «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода» – также несомненный шедевр. Ею была заложена большая часть особенностей русской исторической беллетристики. Не случайно в числе персонажей последней повести Б. Акунина «Вдовый плат» фигурирует героиня повести Карамзина – «посадница» Марфа Борецкая. Отнюдь не случаен и тот факт, что весь цикл исторических повествований нашего современника назван им почти так же, как и главное сочинение Карамзина – «История Российского государства» (переставлены лишь слова – второе и третье). А в том, что коммерчески успешный писатель Б. Акунин прекрасно чувствует литературную атмосферу нашего времени, конъюнктуру и читательский вкус, никаких сомнений нет.

При этом следует подчеркнуть, что Карамзин прокладывал путь русской исторической прозы за несколько десятилетий до того, как читательская аудитория России массово увлеклась историческими романами Вальтера Скотта. И хотя в повести Карамзина московские полки Иоанна III, окружившие Новгород, называются «легионами», никакой серьезной зависимости от античных образцов в данном произведении не обнаруживается. Повесть целиком основана на русских летописях и на местных преданиях. В ней исторически достоверно передаются особенности новгородского быта в XV в., образ правления, обычаи, территориальное деление города и окрестностей, эпизоды его истории и прочие детали, свидетельствующие как о серьезной научной и фактографической подготовке писателя, так и о его искренних симпатиях к трудолюбивому и свободолюбивому населению, выросшему в условиях относительно независимого центра русской вольности в период Средневековья.

Конечно же, Карамзин прекрасно понимал, что Новгород в 1478 г. был обречен, как и то, что захватнические войны, которые вел великий князь Московский и Государь Всея Руси Иоанн III под лозунгом собирания земель русских, были исторически целесообразны и, более того, необходимы для укрепления северо-западной границы Московского царства. И в то же время писатель отчетливо сознавал, сколь пагубно влияло на народные нравы создание мощ-

ного централизованного государства, основанного на концентрации власти в одних руках, на жестоком насилии, на подавлении личности, неизбежном при превращении свободных и потому не слишком покорных граждан в массу подданных, беспрекословно подчиненных воле начальства. Именно это неразрешимое, трагическое противоречие и предопределило глубину и историческую подлинность конфликта в повести «Марфа-посадница». Слова вдовы Борецкой, обращенные к своим землякам, до сих пор поражают необыкновенной точностью и актуальностью высказанной ею мысли: «Самая покорность не спасет вашего бытия народного: граждан не угодит самовластителю, пока не будет рабом законным»⁷.

Как всякий сторонник Просвещения, Карамзин верил в силу разума и в то, что человечество, часто блуждая, ошибаясь и даже возвращаясь вспять, в целом все же движется по пути прогресса. Причем это движение русский писатель связывал не столько с очевидными успехами наук и искусств, облегчавшими труд и быт людей, улучшавшими постепенно качество их жизни и добывавшими им новые знания, которыми никогда прежде человечество не обладало, сколько с самим процессом нравственного совершенствования человека как вида. Он отмечал, что люди в цивилизованных государствах, хотя еще и не утратили способности чуть что хвататься за оружие, но уже не признают, пусть пока чисто теоретически, «грабежи и убийства» в качестве допустимого способа существования. Путешествуя по континентальной Европе, он неоднократно обращал внимание на то, что пришедшие в упадок к концу XVIII в. и продолжавшие разрушаться от времени многочисленные замки феодалов территориально располагались отнюдь не только как крепости, предназначенные для защиты их обитателей. В основном они строились с тем, чтобы доминировать над окрестностями, контролируя их и в особенности дороги. Поэтому замки невольно напоминали Карамзину покинутые гнездовья крупных хищных птиц, убеждая его в том, что с конца эпохи Средневековья европейцы уже сделали очень большой шаг вперед. Они фактически покончили с существованием общественных отношений и даже целых государств уголовно-бандитского типа, в которых, по сути, безраздельно господствовали алчность и насилие, и вплотную подошли к задаче создания современных

государственных образований, чьей главной, отличительной особенностью всенепременно должно стать верховенство закона и права.

Эта мысль представляется доминирующей, основной в системе общественно-политических взглядов Карамзина и поэтому его можно по праву считать чрезвычайно последовательным легитимистом. Понятно, что легитимизм русского писателя формировался под непосредственным влиянием сочинений Монтескье, Руссо и отчасти Гоббса. Отнюдь не случайно имена этих писателей и философов часто упоминаются в «Письмах русского путешественника», особенно Руссо. По этой причине с чисто теоретической точки зрения Карамзина едва ли можно считать самостоятельным мыслителем и уж тем более – оригинальным философом. Вполне закономерно, что он совершенно искренне признался Иммануилу Канту в присутствии всех своих читателей в том, что сам он безнадежно увяз в топях философских умозаключений, чрезвычайно польстив этим великому кенигсбергскому мудрецу и даже, по-видимому, несколько смутив его.

Пушкин также в целом был легитимистом. На основании данного обстоятельства возникает сильный соблазн увидеть в этом непосредственную связь, проявление прямой наследственности между смежными поколениями русских литераторов. И вполне возможно, что именно Карамзин предопределил выбор Пушкиным легитимизма в качестве ведущего общественно-политического ориентира при том, что великий русский поэт был лично знаком с трудами французских создателей этого учения.

Как почти все новообращенные адепты, Карамзин естественным образом был склонен преувеличивать достоинства философии Просвещения в целом и, в частности – истинность аксиом легитимизма, особенно в первые годы своей сознательной жизни. Так, в нежном возрасте 20 с небольшим лет он без колебаний идеализировал современность, полагая, что она практически во всем уже превзошла прошлое, тем самым как бы преодолев его, а то и вовсе – отрицая его. Поэтому он был убежден, что Клопшток по поэтическому мастерству выше Гомера и что Платон в сравнении с Кантом – всего лишь «младенец».

К чести для Карамзина, с годами он избавился от подобного юношеского фундаментального радикализма. Его высказывания

стали гораздо более взвешенными и осторожными. Он научился и к самому себе относиться с изрядной долей иронии, стараясь проверять все истины, добываемые разумом, доводами не только здравого смысла, но и житейского опыта. Он так и остался легитимистом, но с годами легитимизм в его интерпретации приобрел черты прагматической основательности, безочарованности и даже скептического плюрализма. И по всей видимости, именно эта комбинация и сыграла свою, пусть и сильно опосредованную роль в процессе формирования трезвого, исключительно посюстороннего, рационалистического мировосприятия А.С. Пушкина.

Карамзина, нисколько не сомневаясь, до сих пор относят к лагерю консерваторов, хотя и уточняют, что он был представителем «просвещенного консерватизма, очень далекого от реакционного антизападнического обскурантизма таких людей, как Аракчеев, Магницкий и Рунич, влияние которых на образовательную политику правительства становилось все более и более разрушительным в последние годы жизни Карамзина. Его националистические чувства не имеют ничего общего с шовинистической ксенофобией такого одиозного издания, как «Русский вестник» С.Н. Глинки. «Смиренная лояльность» Карамзина была чужда раболепию, а его смелая и даже резкая критика царя в «Записке о древней и новой России» помешала публикации этого документа на многие годы. ...Карамзин был настолько не ортодоксален, что один чересчур ревностно исполнявший свои обязанности информатор доносил в соответствующие инстанции, что Карамзин — человек, произведения которого наполнены «якобинским ядом» и должны быть сожжены»⁸.

«Записка» — поразительный документ. Если бы в нем не имелось конкретных исторических имен, отдельных архаичных слов и вышедших из употребления оборотов речи, вполне можно было бы подумать, что «Записка» составлена буквально на днях: «Александра I называют даже скупым; но сколько изобретено новых мест, сколько чиновников ненужных!.. дают взаймы и без отдачи и кому? — богатейшим людям! Обманывают государя проектами, заведениями на бумаге, чтобы грабить казну... Непрестанно на государственное иждивение ездят инспекторы, сенаторы, чиновники, не делая ни малейшей пользы своими объездами... покупают двойною ценою из сумм государственных, будто бы для

общей, а в самом деле для частной выгоды, и прочее. Одним словом, от начала России не бывало государя, столь умеренного в собственных расходах, как Александр, – и царствования, столь расточительного, как его!

Мало остановить некоторые казенные строения и работы, мало сберечь тем 20 миллионов, – не надобно тешить бесстыдного корыстолюбия многих знатных людей, надобно бояться всяких новых штатов, уменьшить число тунеядцев на жалованье, отказывать невеждам, требующим денег для мнимого успеха наук, и, где можно, ограничить роскошь самых частных людей, которая в нынешнем состоянии Европы и России вреднее прежнего для государства»⁹.

Вполне злободневны и замечания, высказанные Карамзиным в адрес типичных российских губернаторов: «Если прибавим к сему частные ошибки министров в мерах государственного блага... имевшие столь много вредных следствий... равнодушие местных начальников ко всяким злоупотреблениям, грабеж в судах, наглое взяточничество капитан-исправников, председателей палатских, вице-губернаторов, а всего более самих губернаторов»¹⁰. И далее: «Каковы ныне, большею частью, губернаторы? Люди без способностей и дают всякую неправду наживаться секретарям своим – или без совести и сами наживаются. Не выезжая из Москвы, мы знаем, что такой-то губернии начальник – глупец и весьма давно! А такой-то – грабитель, и весьма давно!.. Слухом земля полнится, а министры не знают того, или знать не хотят! К чему же служат ваши новые министерские образования?.. Не бумаги, а люди правят»¹¹.

И совсем уж не в бровь, а в глаз слова Карамзина о природе коррупции и о главной причине ее распространенности в России: «Если вы, путешествуя, увидите землю, где все тихо и стройно, народ доволен, слабый не утеснен, невинный безопасен, – то скажете смело, что в ней преступления не остаются без наказания. Сколько агнцев обратилось бы в тигров, если бы не было страха! Любить добро для его собственных прелестей есть действие высшей нравственности – явления, редкого в мире: иначе бы не посвящали алтарей добродетели. Обыкновенные же люди соблюдают правила честности не столько в надежде приобрести тем некоторые выгоды, сколько опасаясь вреда, сопряженного с явным нару-

шением сих правил. Одно из важнейших государственных зол нашего времени есть бесстрашие. Везде грабят, и кто наказан? Ждут доносов, улики, посылают сенаторов для исследования, и ничего не выходит! Доносят плуты – честные терпят и молчат, ибо любят покой. Не так легко уличить искусного вора-судью, особенно с нашим законом»¹². При этом, разумеется, злоумышленники часто используют букву закона, как и всю систему правосудия в своих целях, добиваясь осуждения невиновных, чем еще больше развращают российское общество: «Малейшее наказание, но бесполезное, ближе к тиранству, нежели самое жестокое, коего основанием есть справедливость, а целью – общее добро»¹³.

Содержание «Записки» позволяет утверждать, что Карамзин был не просто очень умным человеком. Он обладал чрезвычайными аналитическими способностями, позволявшими ему зреть в самый корень, определять наиболее существенные особенности государственного устройства и социально-политических отношений в России. И при этом сам собой напрашивается вывод о том, что наша страна за эти 200 лет не очень сильно изменилась. Кровавые революции и жесточайшие социальные эксперименты оказались не в силах создать хоть нечто жизнеспособное. Более того, они не смогли даже истребить базовые характеристики российского социума и социальной психологии, сформировавшиеся в течение многих столетий. И Карамзин первый тому свидетель, чьи показания фактически не могут быть оспорены.

Совершенно безосновательными оказались и обвинения Карамзина в том, что он был якобы сторонником крепостничества. Писатель признавал, «что неволя крестьян и есть решительное зло», но при этом считал, что отпускать их на вольные хлеба в то время, когда они уже утратили «навык людей вольных» и обрели «навык рабов», не просто безответственно, но и преступно. Людей даже к свободе необходимо готовить и обучать, «а система наших винных откупов и страшные успехи пьянства служат ли к тому спасительным приготовлением?»¹⁴

Кстати, эта же претензия может быть предъявлена реформаторам – либералам и демократам России на рубеже XX–XXI вв. Они решили, что после краха тоталитарной системы будто бы нет никакой надобности людей, в массе своей обладающих исключительно опытом холопской, рабской жизни, учить не только навы-

кам свободы, но и навыкам демократии. В результате мы и имеем в наши дни то, что имеем.

* * *

Определяя роль, которую Карамзин действительно сыграл в истории русской общественной мысли и в истории русской литературы, не следует забывать, что он был одним из первых профессиональных российских литераторов. В своей деятельности он совмещал творчество писателя с работой переводчика, издателя, редактора, публициста, литературного критика, историка и политолога. Этим и определялось его место в качестве *общественного деятеля*, надолго обусловив отношение российской аудитории к творчеству отечественных писателей не только как к искусству, к словесности, но и как к особой разновидности общественной деятельности. Благодаря его усилиям литературный труд приобрел в стране довольно высокий социальный статус. Читающая публика стала воспринимать писателей если и не вполне властителями дум или идеологами – «рупорами идей», то, без всякого сомнения, – выразителями определенной части общественного мнения.

Что же касается собственно художественного творчества Карамзина, его беллетристики, то представляется, что наступило время для всестороннего ее научного переосмысления. Карамзин был, безусловно, великим гуманистом в среде, резко враждебной гуманистическим идеям и ценностям. У нас нет ни малейших оснований сомневаться в объективности слов Герцена: «Влияние Карамзина на литературу можно сравнить с влиянием Екатерины на общество: он сделал литературу гуманною»¹⁵.

Кроме того, и для истории литературы это не менее важно, Карамзин превратил русскую прозу в область непрерывных поисков новых эстетических идей. Он был выдающимся литературным экспериментатором, и русские писатели XIX в. это превосходно понимали и высоко ценили. Они очень хорошо знали тексты Карамзина и буквально разобрали их на цитаты.

Пушкин мог и не подозревать, что неоднократно использовавшееся им слово «промышленность» впервые в русском языке появилось в переводах Карамзина как понятие, эквивалентное французскому и английскому понятию «индустрия». Но вот откуда

взялся в его оде «Вольность» фразеологический оборот «друг человечества», юный «певец Руслана и Людмилы» не мог не знать, поскольку это фразеологическое единство было центральной категорией в мировоззрении Карамзина и потому весьма часто фигурировало в его сочинениях.

Знаменитое пушкинское «народ безмолвствует», столь многозначно (то ли грозно, то ли с чувством глубочайшего разочарования) прозвучавшее в «Борисе Годунове», конечно же, – цитата из «Марфы-посадницы»: «Народ *пока* безмолвствует». Из этой же повести Пушкин заимствовал и древнее славянское имя «Ратьмир», слегка обасурманив его или онемечив в своем «Ратмире».

Но более всего, по-видимому, Пушкина впечатлила повесть «Наталья, боярская дочь». Он не только обыграл ее фабулу в двух собственных вариациях – «Метель» и «Станционный смотритель», но и увековечил бессмертными стихами «Евгения Онегина» сцену любви с первого взгляда из этой повести в том виде, в котором она впервые была создана Карамзиным («...блестящий, пронизательный взор его встретился с ее взором. Наталья в одну секунду вся покраснелась, и сердце ее, затрепетав сильно, сказало ей: «Вот он!») Сравните:

*«Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого-нибудь,
И дождалась... Открылись очи;
Она сказала: это он!*

(Евгений Онегин. Глава 3, строфы 2–3).

Заслуживает внимания также тот факт, что Пушкин сборник своих рассказов и новелл назвал «Повести Белкина», следуя, по всей видимости, примеру Карамзина, который все художественные прозаические произведения, выходившие из-под его пера, даже самые короткие, называл «повестями». Таким образом, он явно подчеркивал, что нарративный, повествовательный принцип изложения выступает в них в качестве доминанты.

В «Повестях Белкина», конечно же, гораздо больше непосредственного изобразительного материала, чем во всех повестях Карамзина, но тем не менее и в рассказах Пушкина повествовательное, сказовое начало играет существенную роль. Именно

в нем особо ощутимо влияние поэтики Карамзина: темпа и ритмов, свойственных его манере вести нить рассказа, приемов, с помощью которых читатель вдруг отрывается от сюжета и напрямую сталкивается с присутствием автора, комментирующего свое собственное изложение и т.д. Пушкинская проза впитала в себя многие находки, если и не всю традицию Карамзина-прозаика целиком. Поэтому необходимость тщательно выявить и научно осмыслить этот «карамзинский слой» в творчестве Пушкина – задача фундаментального компаративистского исследования.

В романе Лермонтова «Вадим» также ощущается влияние поэтики Карамзина. Только, в отличие от Пушкина, автора этого романа мало интересовали просветительский рационализм и универсальная, всепоглощающая гуманность их общего учителя. Напротив, основное внимание Лермонтова привлекали как раз те случаи, когда сознание Карамзина утрачивало контроль не только над реальностью, но и над миром собственных ощущений и чувств. Это те самые моменты, когда «сон разума порождает чудовищ» – ночные кошмары, иррациональные мрачные настроения, почти готические сюжеты с элементами таинственности, а то и мистики.

Воображение Лермонтова с детских лет с готовностью создавало схожие образы и фантазии, что и позволило ему увидеть в Карамзине родственную душу. Однако из этой точки сходства их мироощущение развивалось в совершенно разных, практически в диаметрально противоположных направлениях. Карамзин, как и подавляющее большинство людей, старался не концентрироваться на ночных кошмарах. Он предпочитал ясность солнечного дня, психическую уравновешенность и реальность здравомыслия, полагая, что любые приступы иррационализма – это нарушения нормы, вызываемые самыми разными причинами, как индивидуального, так и общего порядка. Обуславливаются эти нарушения, по мысли Карамзина, прежде всего конфликтом между голосом разума и древним инстинктом неуправляемых страстей. Основная отличительная особенность современного, цивилизованного человека – это интеллектуальная самодисциплина, умение держать себя в руках и управлять собою с помощью доводов рассудка.

Лермонтов, напротив, в сбоях рациональности видел истинную сущность человеческой природы. Он всматривался в эти

ночные кошмары, в приступы злобы, овладевающие людьми, в безумную логику иррационального, самоубийственного их страха перед жизнью и смертью, очень похожего на паранойю, в их одержимость какой-то одной идеей или страстью, в их жажду самоутверждения собственного «я» во чтобы то ни стало, напоминающую хроническую, хотя и вялотекущую манию. Он постоянно отслеживал эти процессы, подобно тому как опытный вулканолог вглядывается в лаву, кипящую в глубине кратера, желая постичь ее законы и понимая, что это – одна из тайн мироздания. И его нимало не беспокоил тот факт, что большинство людей стараются вообще не думать о том, что вся наша рациональная культура – лишь иллюзия, тонкая пленка, которая, как хрупкая земная кора, плавающая на лаве, сугубо сиюминутно, только временно и не очень эффективно защищает человечество от первозданного хаоса его собственных страстей. Карамзин представлялся ему одним из тех немногих людей, кто, по крайней мере, был в курсе существования иной, высшей реальности бытия.

Лермонтов, безусловно, превосходно знал творчество предшественника и время от времени ссылался на него, позволяя себе и прямые цитаты из текстов Карамзина, и вполне очевидные, слегка видоизмененные заимствования. В основном, однако, эти ссылки представляют собой формально не обозначенные, а подчас лишь с большим трудом опознаваемые реминисценции, которые по данной причине в лермонтоведении стало принято называть «скрытыми реминисценциями».

Из выявленных к настоящему времени прямых цитат можно отнести несколько пассажей в «Панораме Москвы», в которых с той или иной степенью близости к тексту воспроизведено вступление Карамзина к повести «Бедная Лиза», а также название прозаического шедевра Лермонтова – «Герой нашего времени». Не может быть никаких сомнений в том, что это – модификация названия повести Карамзина «Рыцарь нашего времени».

Сопоставив данные произведения, многие историки литературы пришли к выводу, что это – какое-то недоразумение. Уж слишком не похож на повесть Карамзина роман Лермонтова, а между их главными героями – малолетним Леоном и взрослым Печориным вообще невозможно найти ничего общего. Именно на этом основании и было решено, что Лермонтов назвал свое произ-

ведение, руководствуясь какими-то иными соображениями, не связанными с широко известной, хотя и оставшейся незаконченной повестью Карамзина. Но это – невероятная гипотеза. Художник масштаба Лермонтова не мог допустить такой сбивающей с толку небрежности. Он должен был осознавать, что его заглавие автоматически вызовет у современников вполне естественную ассоциацию с повестью Карамзина и, следовательно, был обязан учитывать ее. И, скорее всего, она была нужна ему, поскольку создавала определенную историческую перспективу, формировала одну из линий литературной традиции, опираясь на которую он мог привлекать художественный опыт предшественника, писавшего за полвека до него.

Сходство между «Рыцарем нашего времени» и «Героем нашего времени» обусловлено отнюдь не фактурой. Она у них, действительно, различна. А вот по принципу подхода к материалу Лермонтов, безусловно, был близок Карамзину и выбором названия как бы официально признавал свою зависимость от него. Или хотя бы прямую с ним связь.

При всем своем историческом оптимизме и вере в прогресс Карамзин был первым русским писателем, который серьезное внимание уделил негативным побочным эффектам наступающего «царства разума». Выяснилось, что высокая, почти божественная способность людей познавать окружающую реальность и свой собственный внутренний мир, с легкостью готова и даже склонна превращаться в инструмент, позволяющий вводить в заблуждение не только окружающих, но и самих его владельцев. Разум слишком легко превращается в элементарную рассудочность, в расчетливость, в весьма низменную, приземленную привычку к прагматизму, который с готовностью обслуживает эгоистические интересы индивида, практически всегда оправдывая их, как и все его решения и действия. Именно этот процесс превращения Разума в элементарный *здравый смысл*, который сплошь и рядом оказывался отнюдь не здравым, а то и вовсе лишенным подлинного смысла, Карамзин заметил в современной ему России и засвидетельствовал в «Рыцаре нашего времени». «Царство разума» почему-то всегда должно начинаться с разрушения всего того подлинно высокого и ценного, что было добыто человечеством в процессе своего долгого и трудного исторического развития. Каким образом

могли мешать Просвещению и Прогрессу идеалы рыцарской доблести и справедливости, созданные этикой Средних веков? Факт тем не менее остается фактом: во времена Карамзина, как, впрочем, и в наши дни, всерьез говорить об идеалах рыцарского отношения к долгу, к чести, к женщине было уже невозможно. В повести «Рыцарь нашего времени» Карамзин и попытался воспроизвести процесс формирования личности в период перелома, в то время, когда по привычке декларируемые обществом и массовой литературой идеалы и ценности уже эпохально не соответствовали реальности общественного сознания и общественного бытия. «Броуновское движение» судьбы малолетнего Леона и напоминает ломаный путь меченой молекулы, которая, испытывая всевозможные влияния и сталкиваясь с другими молекулами, невольно всякий раз меняет направление, в котором она продолжает двигаться.

Столкновение личности с эпохой великого исторического перелома находится и в центре внимания автора «Героя нашего времени». Только идеалы рыцарства его не интересовали. Поэтому он абсолютно закономерно поменял «рыцаря» на «героя», сконцентрировавшись на тех свойствах индивида, которые традиционно во все времена выделяли личность из среды себе подобных, придавая ей незаурядные, «героические» способности и свойства. Самая главная «героическая черта» Печорина – его почти маниакальная одержимость самопознанием, ради которого он готов жертвовать не только судьбами и даже жизнями окружающих, но и своей собственной жизнью. Его личная судьба, как и судьба Леона, напоминает ломаную линию. Именно поэтому повествование в романе фрагментарно. В каждой главе изображается как бы отдельный отрезок жизни героя, причем с нарушением реальной хронологической последовательности.

Связь между «Панорамой Москвы» Лермонтова и начальными страницами «Бедной Лизы» была установлена историками литературы еще в XIX в. Причем сразу в работе молодого автора усмотрели ученическую попытку подражать старому, недавно умершему в то время мастеру. На эту версию работал тот факт, что «Панорама» была написана Лермонтовым в качестве сочинения для урока словесности в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, т.е. даже формально как бы в учениче-

ских целях. Но это, конечно же, заблуждение. К тому времени Лермонтов уже создал «Ангела», «Парус» и практически все остальные шедевры своей ранней лирики, более дюжины поэм и, по-видимому, продолжал работу над «Вадимом». Никакой необходимости механически подражать Карамзину Лермонтов испытывать тогда не мог. Он сделал это явно с определенной целью, о которой мы можем лишь догадываться. Возможно, он хотел таким образом проверить эрудицию своего преподавателя по литературе: опознает ли он оригинал? А мы точно знаем, что поэт до самой смерти своей оставался большим шутником и что за два года до этого он обвинял профессоров филологии Московского университета в невежестве в области современной западноевропейской литературы.

Имеются, впрочем, и иные версии, которые здесь нет смысла обсуждать. Гораздо важнее другое: историки литературы не заметили, что Лермонтов явным образом воспользовался одним из эпизодов «Бедной Лизы» при создании поэмы «Мцыри»: «Страшно воют ветры в стенах опустевшего монастыря, между гробов, заросших высокою травою, и в темных переходах келий. Там, опершись на развалинах гробных камней, внимаю глухому стону времен, бездною минувшего поглощенных, – стону, от которого сердце мое содрогается и трепещет. *Иногда вхожу в келий и представляю себе тех, которые в них жили, – печальные картины! Здесь вижу седого старца, преклонившего колена перед распятием и молящегося о скором разрешении земных оков своих, ибо все удовольствия исчезли для него в жизни, все чувства его умерли, кроме чувства болезни и слабости. Там юный монах – с бледным лицом, с томным взором – смотрит в поле сквозь решетку окна, видит веселых птичек, свободно плавающих в море воздуха, видит – и проливает горькие слезы из глаз своих. Он томится, вянет, сохнет – и унылый звон колокола возвещает мне безвременную смерть его*» (курсив мой. – В. О.)¹⁶.

Любые рассуждения насчет того, что данное совпадение может носить случайный характер, – сущий вздор. Карамзинский текст, безусловно, комментирует сюжет «Мцыри», поясняет поэму. Послушник не испытывает чувства признательности по отношению к старцу, спасшему его от смерти, не только потому, что он – неблагодарный сукин сын. Их отношения почти не имеют

ничего личного. Они – экзистенциальные антагонисты, не способные понимать друг друга. Каждый из них живет в мире собственных чувств и представлений, и границы этих миров отделяют их друг от друга надежнее стен их келий. Взяв эпизод из «Бедной Лизы» в качестве отправной точки, Лермонтов не посчитал нужным уточнять или пояснять ситуацию: умному достаточно.

Получается, что для верного восприятия «Мцыри» необходимо знание повести Карамзина? Да, получается так. И более того, знание не только его повести, но и «Писем русского путешественника». Много небылиц было сочинено историками литературы, пытавшимися объяснить мотивы бегства послушника из монастыря, его неистребимое желание хотя бы одним глазком увидеть родные места, о которых в памяти он хранил лишь смутные воспоминания. В ход шли и общие представления о героях-бунтарях романтического типа, и специфические особенности характеров северокавказских горцев. И только наткнувшись на рассуждения Карамзина об уставе ордена картезианцев, я понял, что именно не устраивало меня во всех этих толкованиях «Мцыри»: они слишком сужали содержание и смысл поэмы.

«Этот монастырь был первый картезианский... С великим любопытством расспрашивал я проводника моего о всех подробностях жизни сих затворников... Странная жизнь! Учредители сего ордена худо знали нравственность человека, *образованную*, так сказать, для деятельности, без которой не найдем мы ни спокойствия, ни наслаждения, ни счастья. Уединение приятно тогда, когда оно есть отдых, но беспрестанное уединение есть путь к ничтожеству. Сначала душа наша бунтует против сего заключения, противного ее натуре; чувство *недостатка* (ибо человек сам по себе есть фрагмент или отрывок: только с подобными ему существами и природою составляет он целое) – чувство недостатка мучит ее; наконец все благородные побуждения в сердце нашем усыпают, и человек с первой степени земного творения ниспадает в сферу бездушных тварей»¹⁷.

Всей логикой сюжета поэмы, всем строем ее образов Лермонтов не только художественно воплотил эти рациональные размышления Карамзина, но и придал им свою собственную, еще более универсальную, всеобщую интерпретацию, одновременно наполнив их новым, совершенно неожиданным смыслом.

С особой наглядностью метод лермонтовской компрессии – предельной концентрации в стихе содержания – информации, мысли, эмоций, проявился в стихотворении «Отчизна», которое у нас упорно издается с заглавием «Родина». Возьмем первое четверостишие второй строфы:

*«Но я люблю – за что не знаю сам –
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям»¹⁸.*

Данные строки не лишены типичной для Лермонтова амбивалентности и неопределенности. Почему, например, молчание степи кажется поэту «холодным»? А этот совершенно фантастический образ «безбрежных лесов»? Так можно увидеть лес только с очень большой высоты. В этом четверостишии создается ощущение грандиозной, почти планетарной масштабности описания. В аналогичном ключе прочитывается и последняя строка, напоминающая читателю о том, какие великие, полноводные реки имеются в России: Волга, Енисей, Лена, Обь, Амур.

Так, по-видимому, тоже можно воспринимать этот образ, хотя подобное прочтение представляется излишне упрощенным, почти плакатным. Лермонтов ведь писал не о больших реках, а о всех реках Отчизны. Почему разливы рек представлялись ему специфически русским явлением? Ответ на этот вопрос имеется в «Письмах русского путешественника»: «Я получил от госпожи Н. следующую записку: “Сестра моя, графиня Д., которую Вы у меня видели, желает иметь подробные сведения о Вашем отечестве. Нынешние обстоятельства Франции таковы, что всякий из нас должен готовить себе убежище где-нибудь в другой земле. Прошу ответить на прилагаемые вопросы, чем меня обяжете”. Я развернул большой лист, на котором под вопросами было оставлено место для ответов. Вот нечто для примера – рассмейтесь!..

Вопрос: Какое время в году бывает у вас приятно?

Ответ: Все четыре, но нигде весна не имеет столько прелестей, как в России. Белая одежда зимы наконец утомляет зрение, душа желает перемен... Солнце быстрым действием лучей своих растопляет снежные холмы; вода шумит с гор, и поселянин, как мореплаватель при конце океана, радостно восклицает: “Земля!”

Реки рвут на себе ледяные оковы, пышно выливаются из берегов, и самый маленький ручеек кажется величественным сыном моря»¹⁹.

Лермонтов сумел сплавить все эти факты и рассуждения во фразу из пяти слов: «Разливы рек ее, подобные морям». И это, конечно, пример очень высокого художественного мастерства, и более того, это – почерк одного из величайших поэтов в истории человечества.

Гораздо более сложные и даже противоречивые чувства к Карамзину испытывал Ф.М. Достоевский. Он явным образом питал к творчеству предшественника странную привязанность, поругивая за это и Карамзина, и самого себя. Первое же опубликованное произведение Достоевского, которое сразу принесло ему широкую известность, – эпистолярный роман «Бедные люди».

«Бедная Лиза», «Бедные люди». Параллели напрашиваются сами собой. И они совершенно закономерны. В определенном смысле роман Достоевского представляет собой пародию на культ чувствительности в литературе русских сентименталистов. Макар Девушкин воспитан на этой литературной традиции и усердно копирует ее условности и приемы, подчас доводя их до китча, поскольку сам он не обладает ни образованностью Карамзина, ни развитым чувством вкуса. Макар – типичный представитель городских низов и, таким образом, он заставил самого Федора Михайловича писать в манере мещанского сентиментализма, популярного в этой среде в 20–40-е годы XIX в. Сначала сочинять пародию было весело. Она воспринималась как забавная шутка, пока вдруг не выяснилось, что при всей вульгарности этой манеры в ней есть нечто столь трогательное, столь человеческое и подлинное, что насмешки над нею стали восприниматься делом малопристойным. Достоевский невольно пришел к убеждению, что во всем, что действительно нравится массам, содержится хотя бы малая крупица той истинно народной мудрости, которая не всегда с легкостью давалась придворно-салонным пиитам пушкинской школы или высоколобым интеллектуалам-романтикам, не говоря уже о насмешливых охальниках гоголевского направления.

Карамзин реально воспринимался Достоевским как точка притяжения и отталкивания. Отнюдь не случайно Федор Михайлович семейству самых знаменитых – и одновременно самых

одиозных своих персонажей – дал фамилию Карамазовы. По звучанию она довольно близка фамилии Карамзина. И нет никаких сомнений, с кем именно в сознании великого романиста ассоциировался Карамзин. Иван Карамазов в своих речах цитирует очень многих просветителей и рационалистов и как раз из «Писем русского путешественника» Карамзина он заимствовал сравнение, ставшее благодаря ему в России крылатым выражением – насчет слезинки ребенка как цены за счастье человечества, для него не приемлемой.

Эта цитата взята из рассказа Карамзина о том, как в Женеве один англичанин заехал верхом на лужайки Трели, которые предназначены были для народных гуляний и считались исключительно пешеходной зоной: «Через несколько минут явился на Трели отряд здешней гвардии. Вы думаете, может быть, что англичанин скрылся? Никак – он ездил по аллеям, свистал, махал своим хлыстиком, дразнил тех, которых физиономия ему не нравилась, и хотел передавить солдат, когда они окружили его; но дерзкого британца, несмотря на его храброе сопротивление, стащили с лошади и отвели в караульную. Через полчаса прибежала к нему молодая женщина и со слезами бросилась обнимать его. Он начал говорить с ней по-английски и, оборотившись к караульному офицеру, сказал ему: *“Вся ваша республика не стоит слезы ее”*. Уверяют, что синдики за такое женевохуление продержали его лишний день под стражею»²⁰.

Таким образом, Иван Карамазов не только позаимствовал у Николая Карамзина предмет сравнения, но и использовал его примерно в том же контексте, почти не изменив смысла. А какая связь в литературе может быть более прямой и непосредственной?

Литературоведы советского периода явным образом поспешили списать дело Карамзина в архив, уверяя, что современным читателям он может быть интересен исключительно как историк, как автор «Истории государства Российского». Нас, несомненно, до сих пор привлекает и художественная проза Карамзина. В связи с этим его роль в истории русской литературы, как и в истории русской общественно-политической мысли, едва ли может считаться изученной к настоящему времени с достаточной степенью объективности и полноты.

- ¹ Берков П., Макогоненко Г. Вступительная статья. Избранные сочинения Н.М. Карамзина: В 2 т. – М. – Л.: Изд-во Художественная литература, 1964. – Т. 1. – С. 55.
- ² Уральская М.А. Проза Карамзина – русский сентиментализм. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2010/10/12/581> (раздел 6.)
- ³ Там же. – Раздел 6.
- ⁴ Берков П.Н. История русской журналистики XVIII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 53.
- ⁵ Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. – Т. IX. – С. 678–679.
- ⁶ Валицкий А. История русской мысли от Просвещения до марксизма. – М.: Канон, 2013. – С. 71.
- ⁷ Карамзин Н.М. Избранные сочинения: В 2 т. – М. – Л.: Изд-во Художественная литература. – Т. 1. – С. 699.
- ⁸ Валицкий А. История русской мысли... – С. 70.
- ⁹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – М.: Наука, 1991. – С. 76.
- ¹⁰ Там же. – С. 97.
- ¹¹ Там же. – С. 99.
- ¹² Там же. – С. 101.
- ¹³ Там же. – С. 102.
- ¹⁴ Там же. – С. 73–74.
- ¹⁵ Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. Собр. соч.: В 30-т. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 7. – С. 195.
- ¹⁶ Карамзин Н.М. Избранные сочинения: В 2 т. – Т. 1. – С. 563.
- ¹⁷ Там же. – Т. 1. – С. 335.
- ¹⁸ Лермонтов М.Ю. Стихотворения. Поэмы. «Маскарад». – М.: Художественная литература, 1975. – С. 94.
- ¹⁹ Карамзин Н.М. Избранные сочинения: В 2 т. – С. 443.
- ²⁰ Там же. – С. 310.

В.М. Гуминский

**«ПИСЬМА РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПУТЕШЕСТВИЙ***

Аннотация

В статье речь идет о развитии русской литературы путешествий в послепетровскую эпоху в связи с изменением главного географического маршрута реальных путешествий русских людей за границу с Востока на Запад. Основное внимание уделено анализу становления образа европейского «земного рая» в этой литературе и его критике. В контексте подобной проблематики преимущественно с культурно-типологической точки зрения рассматриваются «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина (своеобразие поэтики и т.п.).

Ключевые слова: путешествия, паломничества, Ближний Восток, Европа, образ земного рая, «Письма русского путешественника».

Guminskij V.M. *«Letters of a Russian Traveler» in the context of Russian travel literature*

Summary. The article deals with Russian travel literature development over the Post-Peter epoch due to the changes of the major geographical route of actual travelling by Russian people abroad from the East to the West. Focus of attention is at the analysis of the formation of European «earthy heaven» image in this literature and critics. In the context of such topics «Letters of a Russian Traveler» by N.M. Karamzin are mostly viewed from cultural and typological point of view (poetics peculiarities, etc.)

* Статья выполнена в рамках работы над проектом «Русская литература путешествий» в мировом историко-культурном контексте», поддержанном РГНФ (15-34-11069).

Желая подчеркнуть реформаторскую роль, сыгранную Н.М. Карамзиным в становлении новой русской литературы (культуры), его нередко сравнивают с Петром I¹. Характерно, что поводом для такого сравнения являются именно «Письма русского путешественника». Первое европейское путешествие царя Петра приходится на 1697–1698 гг., Н.М. Карамзин совершил свое путешествие в 1789–1790 гг. Эти путешествия как бы обрамляют XVIII век: Петр – «начало пути» (Ф.И. Буслаев), Карамзин – продолжение и «начало пути» в русской литературе. Причем со всей определенностью указывается направление – Западная Европа. Но, конечно, дорогу туда русские путешественники проложили несколько раньше (хождение на Ферраро-Флорентийский собор 1437–1439 гг. неизвестного суздальца – первое путешествие на Запад, получившее отражение в литературе).

Начало коллективным поездкам на Запад «для науки разных языков и обучения грамоте» было положено еще при Борисе Годунове, причем никто из посланных за границу (в Англию, Францию и Германию) в 1601–1602 гг. 18 «дворянских робят» обратно на родину не вернулся². Получается прямо по «Казанской истории»: «Забываше всяк иноземец, видевшие царство то <...> и племя свое, и друзи, и землю свою <...> не помышляючи воспать во отечество свое обратится»³. Современные исследователи предпочитают этот едва ли не первый случай «групповой» русской эмиграции объяснять изменившейся историко-политической ситуацией в России: сменой власти, стремлением избежать преследований со стороны Лже-Дмитрия и т.п.⁴

Видимо первым о годуновских «студентах» рассказал как раз Н.М. Карамзин в очерке «Исторические воспоминания вместе с другими замечаниями на пути к Троице и в сем монастыре» (1802), точно назвав количество посланцев Бориса, но указав, что они были посланы «в Швецию и Немецкую землю». При этом добавил: «Трое из них служили при Дворе Карла IX в Штокгольме»⁵. В «Истории государства Российского» писатель уточнил: «Царь послал 18 молодых *Боярских людей* в Лондон, в Любек и во Францию учиться языкам иноземным»⁶. Современный исследователь справедливо указывает на то, что «посланные юноши не могли еще сразу стать университетскими студентами в точном смысле слова, необходимо было сперва пройти начальную школу, где они,

скорее всего, и оказались; во-вторых, города, куда их посылали (в Германии это был Любек), не имели университетов»⁷.

О судьбе четверых годуновских посланцев в Англию (их иногда называют племянниками Бориса), точнее в Оксфордский университет, имеются некоторые сведения. Двое из них оказались «в Индейской земле»: Казаринко Давыдов (Кассариан Давыд) и Софонко Михайлов сын Кожухов (Софоний Кожушко) завербовались на службу в Ост-Индскую компанию и отправились на о. Яву в качестве торговых агентов (сохранились их донесения). Федор Костомаров стал «королевским секретарем» в Ирландии и затем, как предполагают, отправился в Новый Свет. Никифор Олферьев сын Григорьев (Vikipher Alphery) окончил Оксфорд, защитился на степень бакалавра, стал сначала дьяконом, затем англиканским священником. С 1618 г. – настоятель церкви в деревне Woolley недалеко от г. Huntingdon в Восточной Англии. Скончался в Лондоне в 1668 г.⁸ О.А. Кознина называет последнего Николаем Алферьевым и сообщает (без ссылки на источники), что с приходом к власти Михаила Федоровича Романова в 1611 г. тот «получил приглашение вернуться домой и занять привилегированное место при дворе», но отказался. «Его и там (т.е. в Англии. – В. Г.) не оставили в покое, – продолжает исследовательница, – пришедший к власти Кромвель лишил его достигнутого положения. Но и это не заставило его вернуться в Россию: он дожил в Англии до старости и дождался Реставрации»⁹.

Впрочем, известно, что еще при Иване III для обучения в Европу посылали переводчиков, в частности установлено имя, «по всей вероятности, первого русского университетского студента – Сильвестра Малого из Новгорода, записанного 19 июня 1493 г. в матрикулы Ростокского университета»¹⁰. Подобная практика продолжится в XVI в., когда будущих толмачей отправляли для обучения греческому языку и грамоте в Константинополь, шведскому языку, соответственно, в Швецию и т.д.¹¹

Но, разумеется, количество путешествий в Западную Европу (прежде всего образовательных) резко увеличится в XVIII в. Характерна уже история Великого посольства. Это необычное царское путешествие (нарушение Петром традиционного средневекового представления о необходимости государю всегда быть в своей стране, «карнавальная маскарад» с урядником Петром

Михайловым, длительное отсутствие русского самодержца и т.п.) привело, как известно, к распространению слухов о том, что «государя за морем не стало», к стрелецкому бунту 1698 г., способствовало созданию легенды о «подменном царе» и т.д. В составе Великого посольства, помимо трех великих послов: Ф.Я. Лефорта, Ф.А. Головина, П.Б. Возницына с дворянами, пажами, прислугой и т.д., был отряд волонтеров (десятиником второго десятка был Петр Михайлов, т.е. сам царь) и т.д., всего около 250 человек¹². Грандиозность этого предприятия поражает. И его влияние на развитие русской литературы путешествий трудно переоценить.

Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский в одной из ранних работ заметили: «Если в средневековом сознании святые земли (Восток) были источником, откуда “искра благочестия доиде и до Российского царствия”, то XVIII век начался с демонстративного утверждения, что новый просветитель русской земли должен совершить паломничество на Запад – с “Великого посольства” Петра I»¹³. Здесь, на наш взгляд, все верно, лишь с одной существенной оговоркой, касающейся как раз судьбы жанра путешествий в Петровскую и послепетровскую эпоху. А его судьба, в свою очередь, отражала особенности культурной ситуации в России. «Демонстративное» паломничество на Запад при всей его масштабности не смогло, да, судя по всему, и не собиралось отменить или хотя бы прервать средневековую традицию паломничеств на Святую Землю (Восток).

В этом смысле весьма характерно «Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова» – выдающийся памятник русской паломнической литературы, приходящийся на Петровскую эпоху (1701–1703), тесно связанный с старообрядческой культурной традицией и принадлежащий «школе протопопа Аввакума»¹⁴. С другой стороны, не менее характерен и тот факт, что при заключении мирного договора России с Турцией от 3 июля 1700 г. в его текст была внесена специальная (12) статья, в которой говорилось: «Московского народа мирянам и инокам иметь вольное употребление ходить во святыи град Иерусалим и посещать места, достойные посещения, а от таких посещений ради приходящих ни во Иерусалиме, и нигде дань, или гарач, или пескеш, да не испросится, ни за надобную проезжую грамоту деньги да не вымогаются»¹⁵. Таким образом, Петр, «демонстра-

тивно» поддерживая и как бы «освящая» своим царским авторитетом «паломничества» на Запад, не забывал оказывать по меньшей мере дипломатическую поддержку традиционным паломничествам на Ближний Восток.

Другое дело, что две основные линии развития русской литературы путешествий в Новое время начинают активно взаимодействовать, по крайней мере влияние «Запада» на «Восток» здесь очевидно. Это приводит к определенной трансформации паломнического жанра, прежде всего в смысле расширения маршрутов. Так, В.Г. Григорович-Барский начинает в 1724 г. странствования по святым местам, продлившиеся около 24 лет, с посещения христианских святынь Западной Европы: Бари, Рим и т.д. И уже затем следуют традиционные Афон, Иерусалим, Синай и т.д.

Иногда Запад становится неожиданным и весьма парадоксальным посредником для возвращения русской литературы путешествий к традиционному паломническому маршруту на Святую Землю. Правда, это будет происходить несколько позже. «Путешествие ко Святым местам в 1830 году» (СПб., 1832) А.Н. Муравьева имело, как известно, большой успех и было сразу же переиздано в 1833 и 1835 гг., а затем в 1840 и 1848 гг. Для критики и многих современников не было никаких сомнений: у нас появился свой «русский Шатобриан», следующий по стопам автора знаменитого «Путешествия из Парижа в Иерусалим... и обратно из Иерусалима в Париж» (1811).

Сам Муравьев, все более осознавая значительность такого успеха, не только для себя как современного писателя, но и для будущих путей развития отечественной словесности, торопится «закрепить» свое произведение и в определенной национальной литературной и культурной традиции, хотя отрицать очевидного влияния шатобриановского путешествия никогда и не пытался. Так, в третьем издании «Путешествия ко Святым местам в 1830 году» в качестве вступительной статьи появился обстоятельный «Обзор русских путешествий в Святую Землю». В нем рассматривалось около полутора десятков произведений русской паломнической литературы (XII–XIX), от «Хождения» игумена Даниила до «Русских поклонников» Д.В. Дашкова. Древнерусские хождения Муравьев цитировал и пересказывал либо по немногочисленным в то время публикациям, либо по рукописям.

Стоит подчеркнуть, что и вполне светские, «образовательные», «деловые» путешествия по Западной Европе, по крайней мере петровского времени (Неизвестной особы, П.А. Толстого и др.), вполне органично включали традиционный паломнический элемент: посещение и молитва на гробнице св. Николая в Бари, поклонение «дому Богородицы» в Лоретто и т.п.¹⁶ К тому же паломническую линию развития русской литературы путешествий никак нельзя считать «реликтовой» или «тупиковой». Именно на этом пути были созданы выдающиеся произведения, некоторые из них мы уже назвали (В.Г. Григоровича-Барского и др.). «Сказание о странствии и путешествии...» инока Парфения (Агеева) (1855), например, было оценено А.А. Григорьевым, И.С. Тургеневым, Н.М. Дружининым, М.Е. Салтыковым-Щедринным, Н.Г. Чернышевским, Ф.М. Достоевским, Л.Н. Толстым и др. как одно из крупнейших явлений русской литературы XIX в.¹⁷

С точки зрения взаимодействия древнерусской и современной («новой») традиций (в данном случае языковых) в творчестве Н.М. Карамзина весьма характерна печатная история «Писем русского путешественника». Впервые они публиковались в «Московском журнале» в 1791–1792 гг. и в московском альманахе «Аглая» в 1794–1795 гг. Последнее прижизненное издание «Писем» – тома II–V «Сочинений Н.М. Карамзина» (М., 1820). Между этими публикациями было еще пять переизданий этого произведения. В.В. Сиповский выделял пять редакций «Писем»¹⁸, современный исследователь настаивает на семи: «Почти каждый раз Карамзин изменял текст – иногда это замена одного или нескольких слов, иногда переписывались несколько страниц, изменялся смысл»¹⁹. Особенно интересно, на наш взгляд, наблюдение исследователей, касающееся изменений, внесенных Карамзиным в текст «Писем» последних двух изданий и свидетельствующих о том, что «по мере работы над “Историей государства Российского” чувствительность Карамзина к славянизмам возрастает». «Не очень осведомленный в тонкостях церковнославянского языка в 1790–1800-х годах, он делается в 1810-х годах тонким знатоком стилистических возможностей этой языковой стихии <...> В этом смысле издание 1814 г. является этапным, отражая обратное воздействие опыта “Истории государства Российского” на стиль “Писем русского путешественника”, т.е. дополнение “нового слога” тонкими нюансами пользо-

вания церковнославянским языком»²⁰. Можно сказать, что «Письма русского путешественника» сопровождали автора на протяжении почти всей его жизни, в той или иной степени отражая различные этапы творческой эволюции. Карамзин, вообще, нередко прибегал к жанровой форме «путешествий», что, конечно, свидетельствовало о ее популярности в эту эпоху. Еще 24 января 1786 г. начинающий писатель подал в московскую цензуру книгу «Жизнь и смерть Квата, или Путешествие развратного человека к вечной гибели» (сведений о публикации нет)²¹. Остается добавить, что первым, кто опубликовал (частично) «Хождение» игумена Даниила, был именно Н.М. Карамзин. В примечаниях к т. II, главе VI «Истории государства Российского» (том завершен в 1806, опубликован в 1818) он его отчасти пересказал, отчасти привел обширные выдержки: о короле «Балдвине», о чуде сошествия Св. Огня в Великую субботу и др.

Широко известно суждение В.О. Ключевского о том, что Петр I «искал на Западе техники, а не цивилизации»²². Это, конечно, не совсем так, ведь уже во время первого путешествия царь оценил не только прикладные знания, но, в частности, «значение науки и научных учреждений для всех сторон государственной жизни»²³. В таком широком смысле и следует, вероятно, истолковывать знаменитую «образовательную» петровскую печать, появившуюся на его заграничных письмах: «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую». Здесь показателен пример с предисловием к «Морскому регламенту», в котором Петр сообщил о своем разочаровании в узкопрактической направленности голландского кораблестроения и о том, что для постижения его теоретических основ он вынужден был отправиться в Англию²⁴. Стоит ли добавлять, что с Запада Петр вывез идею создания в России Академии наук, и даже успел определить основные параметры ее деятельности («сделать академию...» и т.д.), музеев и т.д.

В петровское время отправление дворянской молодежи (и не только) в образовательные заграничные командировки становится одной из важных сторон общегосударственной политики. Только в 1706–1711 гг. для обучения « навигацким наукам » в Западную Европу отправилось более 180 молодых дворян и простолюдинов. Подобные путешествия преследовали помимо прямой, конкретной цели (подготовка необходимых специалистов) и цель

более глобального культурно-политического масштаба: перестройку традиционного дворянского уклада, кардинальное изменение прежней системы представлений, «европеизацию» всей этой системы и т.д.

Общеизвестна отрицательная реакция разных слоев русского общества на «революцию Петра» (Пушкин), сказавшаяся и в первоначальном отношении к таким «учебным командировкам» самих «подневольных путешественников» да и вообще основной массы родового дворянства. В литературе, начиная с классических работ П.П. Пекарского, приводится огромное количество примеров такой «отрицательной» реакции²⁵, но с течением времени становится все яснее, что никакие препятствия не могут поколебать господствующую тенденцию. Традиция поездок за границу с учебными целями постепенно закрепляется в дворянском быту, и путешествия в Западную Европу входят в качестве едва ли не самого необходимого, высшего элемента в общую систему образования привилегированного класса²⁶.

Со временем у каждого европейского культурного центра начинает складываться определенная «образовательная» и иные репутации: в Германию путешествуют в первую очередь за «плодами учености», т.е. за серьезным университетским историческим, философским и т.д. образованием; во Францию – преимущественно для ознакомления с литературными новинками, с достижениями либеральной философско-политической мысли и т.д.; Англия вызывает особый интерес общественными институтами; Италия привлекает главным образом художников. Разумеется, этот список можно существенно уточнить и расширить²⁷. Однако показательно, что петровская ориентация русской культуры на западноевропейские страны, контакты России с которыми были характерны уже для XVI–XVII вв. – Голландию, Англию, отчасти Италию, – сохранилась лишь постольку-поскольку, сменившись первостепенным вниманием русских путешественников к Франции. К тому же связь России с Западной Европой стала приобретать гораздо более «гуманитарный» характер, чем предложенный Петром²⁸. К этому следует добавить, что высокая просветительская традиция путешествий (Grand Tour)²⁹ уже в XVIII в. осложняется разнообразными производными, бытовыми функциями: путешествовать

на Запад начинают с лечебными целями, просто в видах приятного препровождения времени и т.д.

«Для русских, – отмечает, обобщая “путевой опыт” России XVIII – начала XX в., испанский исследователь Х.Ф. Санчес, – у которых в избытке были воображение или деньги, поездки по Европе носили почти ритуальный характер. Те, кого волновало пошатнувшееся здоровье, вкуче с рулеткой, отправлялись в Баден-Баден; любители прекрасного устремлялись в Рим; в поисках развлечений наведывались в Париж. Для получения образования ехали в Берлин, а оппозиционеры облюбовали Женеву. Тем самым все находили вескую причину, чтобы отправляться в дорогу»³⁰.

Свой вариант классического маршрута путешествия русского аристократа екатерининской эпохи по Европе предложил Пушкин в стихотворении «К вельможе» (1830). Его герой – «посланник молодой увенчанной жены» – первым делом явился в Ферней к «цинику поседелому», где «лесть его вкусил»; развлекался в обществе «Армиды молодой» (Марии-Антуанетты) в Версале и Трианоне; обратился «на время» к «ученью» и внимал «проповедям» Дидро; затем отправился в Лондон и там перед ним «блеснул» «подобный своему чудесному герою» Бомарше. После «пленительных слов» драматурга (автора «Севильского цирюльника») «о неге той страны, где небо вечно ясно» вельможа отправился в Испанию – «в Севиллу полетел». На деле все было несколько иначе.

Князь Николай Борисович Юсупов в 1774–1776 гг. прослушал в Лейденском университете курс права, философии, политической и естественной истории, по окончании которого отправился в Лондон, где познакомился с Бомарше. Затем отправился в Португалию и Испанию, а оттуда в Ферней для знакомства с Вольтером, о чем в весьма лестных для посетителя словах тот сообщил в письме Екатерине II. С Людовиком XVI и Марией-Антуанеттой будущий русский дипломат был «в большой дружбе» (как и с Фридрихом II, Иосифом Австрийским и другими коронованными особами). Из Франции князь переехал в Италию и в феврале 1777 г. был уже в Неаполе. Оттуда через Австрию вернулся в Россию. В 1781 г. в свите (89 человек) «графов Северных» (наследника Павла Петровича с супругой Марией Федоровной) князь побывал в Польше, Австрии, Италии, Франции и Голландии

с Германией. В ноябре 1782 г. путешественники вернулись в Россию. С 1783 по 1788 г. князь Н.Б. Юсупов был посланником в Сардинском и других королевствах Италии. Он неоднократно встречался с папой Пием VI, был знаком с Д. Дидро, Ж.-Л.-Л. Бюффеном, Ж.-Ж. Руссо, Д. Касти, А. Канова, П. Метастазियो, В. Альфиери, К.В. Глюком, Й. Гайдном и т.д. С некоторыми из них его связывала «многолетняя» дружба.

Пушкинскую «избирательность» при поэтической интерпретации фактов биографии князя Н.Б. Юсупова (в том числе последовательности путешествий и знакомств) в целом убедительно объяснил В.Э. Вацуρο в работе, посвященной анализу этого стихотворения³¹. Перечень европейских путешествий и знакомств князя Н.Б. Юсупова, приведенный в статье В.Э. Вацуро, мы расширили и уточнили преимущественно за счет сведений, содержащихся в новейших исследованиях³².

Словом, путешествия и длительное пребывание за границей становятся, начиная с петровского времени, рекомендованной государством нормой жизни русского дворянства. Норма эта оформляется 18 февраля 1762 г. законодательно. По так называемому «Манифесту о даровании вольности и свободы всему Российскому дворянству» Петра III дворянам было предоставлено право свободного выезда за границу и проживания там впредь до того, «когда нужда востребует»³³. Принято считать, что уже Екатерина II, встревоженная Французской революцией 1789 г., пыталась (не очень последовательно) ограничить выезд русских дворян за границу. Вместе с тем в 1790 г. императрица приказала (кстати сказать, в полном соответствии с 4-й статьей «Манифеста о даровании вольности...») всем своим подданным покинуть охваченную революционным пожаром Францию. Павел I в 1798 г. наложил запрет на поездки в западноевропейские университеты для учебы³⁴, впрочем с приходом к власти Александра I отмененный. При Николае I был введен целый ряд ограничительных мер на поездки за границу: это, например, указ от 18 февраля 1831 г., а в 1832 г. последовало распоряжение, чтобы «впредь за границу никого не увольнять без дозволения Его Величества», закрепленное указом от 17 апреля 1834 г. Оно было вскоре отменено, но в 1835 г. устанавливаются особые правила для отъезжающих на Запад для обучения, в 1844 г. был вообще запрещен выезд за рубеж для лиц

моложе 25 лет и т.д.³⁵ Однако, когда всем русским за границей в связи с февральским переворотом во Франции был отдан приказ немедленно вернуться на родину, только в 1848 г. прибыло более 40 тыс. человек³⁶.

Остается подчеркнуть и без того очевидное: формирование одного из основных вопросов русской общественной мысли нового времени – вопроса об отношении России и Европы – происходит на фоне, по сути дела, непрекращающейся жизненной практики путешествия русских дворян на Запад и соответствующего расцвета литературы путешествий.

Характерно в этом смысле путешествие по Европе братьев Демидовых (Александра, Павла и Петра Григорьевичей) в 1751–1761 гг. «Свежеиспеченные дворяне» (сначала личное в 1720 г., а в 1726 г. наследственное дворянство получил их дед – знаменитый уральский заводчик, сын кузнеца Акинфий Демидов) прошли все этапы (разумеется, с учетом фамильной «горнопромышленной» традиции) типичного для представителей знатнейших русских фамилий послепетровского времени «образовательного» путешествия. Сначала в Ревеле они изучали немецкий и латинский языки, продолжили образование в Геттингене, затем во Фрейбургской Горной академии постигали «наследственные» специальности (минералогию, физику, химию, металлургию и т.д.). После «горной практики» на рудниках и заводах Чехии и Саксонии братья проследовали в Швейцарию, где прожили в Женеве около девяти месяцев (упорно обучаясь французскому языку), а оттуда отправились путешествовать сначала по Италии, включая Венецию, затем по Франции, включая двухмесячную жизнь в Париже, где помимо всего прочего (в прочее во все время путешествия входили занятия танцами, музыкой, верховой ездой, фехтованием и другими «светскими» науками) совершенствовали свой французский язык. Из Парижа через Голландию братья попали в Англию и Шотландию. Здесь они провели больше полутора лет, после чего в течение четырех месяцев следовали по маршруту: Северная Германия, Голландия, Дания и Швеция. Больше года Демидовы пропутешествовали по Швеции и Норвегии, затем через Ригу вернулись в Россию.

Все это время они регулярно отправляли родителям письма, в которых сообщали о здоровье, поездках, встречах, впечатлениях

от увиденных «примечательных» мест и т.д., а с 1756 г. – подневные записки («Журналы»), «своего рода коллективный дневник» (Г.А. Победимова)³⁷. Одной из причин, по которой Г.А. Демидов «повелел» детям в дополнение к письмам отправлять на родину «Журналы», была, по мнению Г.А. Победимовой, его озабоченность состоянием родного языка у сыновей, особенно у младшего Петра (тот был отправлен в Ревель в десятилетнем возрасте). Разговорным русским языком братья пользовались в своем кругу, а вот с письменным стали возникать проблемы. Отец пенял сыну на «стиль», а тот в ответ обещал «почаще повторять в русском как писать и читать» и просил выслать ему новые «пописи» (прописи), так как старые обветшали³⁸.

Обращает на себя внимание стилистическая эволюция писем братьев Демидовых. Поначалу они изобилуют церковнославянскими книжными оборотами, словно списанными с тогдашних «Письмовников», но постепенно живой, разговорный язык проникает в них все больше, также, впрочем, как германизмы и галлицизмы. Язык, как и вера, от которой братья и не думали отступать, вовремя поздравляя родителей с православными праздниками, рассказывая о том, как они молились, «читали проповеди» (правда, чаще всего «про себя»), о христианских святынях и т.п., безусловно, способствовали сохранению их национальной самоидентификации в иноязычном и иноверном окружении на протяжении десятилетних странствий по Европе. К тому же подневные, вплоть до часов, записи должны были приучить детей к систематическому труду³⁹.

На смену средневековому типу паломника по Святым местам приходит получивший широкое отражение в русской литературе (в первую очередь, в литературе путешествий) тип дворянина, путешествующего по европейским культурным центрам. Разумеется, этот тип менялся во времени и по своему «внутреннему содержанию». Верхнюю и нижнюю границы изменений можно обозначить с помощью двух известных примеров. «Я могу сказать, – признавался не без самодовольства граф А.Р. Воронцов в “Записках” (1758), – что <...> отъезд во Францию имел большое влияние на склад моего ума, так как способствовал моему умственному развитию»⁴⁰. Нельзя тут не вспомнить и сатирическую «ведомость» из новиковского «Трутня» (1769) о «молодом российском

поросенке, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который, объездив с пользою, возвратился уже совершенною свиньею»⁴¹. Едва ли последняя инвектива не отталкивалась от знаменитого пассажи о путешествиях из «Эмиля» Ж.-Ж. Руссо: «Путешествия содействуют развитию наших природных наклонностей и приводят к тому, что человек окончательно становится на путь добра или на путь зла...» и т.д.⁴²

Этот процесс прямо обуславливался и широким встречным влиянием европейской цивилизации на национальные основы культурно-бытовой жизни России (иностранные учителя и гувернеры и т.п.), осуществлявшимся, начиная с петровского времени, под постоянным государственным контролем (преимущественно в сфере идеологии) и известными акциями в бытовой области: взять хотя бы не прекратившуюся и в XIX в. борьбу против русской национальной одежды, насильственное бородобритие и т.д.⁴³

В екатерининское время культурный (литературный) диалог между Россией и Францией, «ставшей символом всей Европы» (Е.П. Гречаная), развивается до такой степени, что «Послание к Нинон Лакло» (1774), сочиненное на французском языке графом А.П. Шуваловым, приписывается «всем Парижем» Вольтеру и тот вынужден, отрицая свое авторство, его опубликовать во второй раз, назвав имя русского поэта («le Comte de Shwalo») ⁴⁴. Труды князя А.М. Белосельского (с 1779 г. Белосельский-Белозерский), например, его эссе об итальянской музыке, рецензируются в ведущих парижских журналах («Journal encyclopédique», 1778) и т.п. Русские аристократы ⁴⁵ становятся полноправными членами «Республики словесности», состоят в дружеских отношениях и переписке с Вольтером, Ж.-Ф. Лагарпом, Ж.-Ф. Мармонтелем, Бомарше, Э.-Д. де Парни, Ж.-А. Бернарденом де Сен-Пьером (двоюродный дядя А.П. Шувалова, И.И. Шувалов, как известно, был корреспондентом Вольтера, Гельвеция, Дидро, Д'Аламбера) и др. Разумеется, все это опирается на жизненную практику путешествий (А.П. Шувалов посещает Францию в 1756–1758, 1764–1766 и 1777–1781 гг., дипломат А.М. Белосельский в 1768–1778 гг. побывал в Англии, Германии, Франции, Италии, в 1779–1780 гг. опять в Германии и Италии). Добавим, что «европейское образование» граф А.П. Шувалов получил под руководством гувернера П.-Л. Леруа, члена С.-Петербургской академии наук, французского

поэта, а князь А.М. Белосельский учился у бывшего иезуита, французского литератора, члена Прусской академии и секретаря Фридриха Великого Д. Тьебо.

Подобные поездки русских аристократов в Западную Европу⁴⁶ оставили след и в литературе путешествий, но преимущественно на французском языке. Так, барон (с 1760 г. граф) А.С. Строганов (потомок знаменитых солепромышленников, основателей железоделательных и медеплавильных заводов на Урале, «именитых людей» Строгановых) в 1752 г. с разрешения отца отправился за границу завершать образование в Женевском университете (среди его домашних учителей в России были в основном преподаватели Сухопутного шляхетского корпуса), где в течение двух лет слушал лекции, познакомился с Вольтером, а в 1753 г. написал «Lettre à un Ami sur les Voyages» («Письмо другу о путешествиях») и «Lettre à un Ami sur la manière de voyager utilement» («Письмо другу о способе путешествовать с пользой»), оставшиеся неопубликованными⁴⁷. В 1754 г. он отправился в Италию, потом во Францию, заезжал еще раз в Женеву, в 1856 г. — он в Париже, а в 1857 г. вернулся в Россию. Все это время он вел путевой дневник по-французски (не опубликован) и одновременно отправлял письма отцу С.Г. Строганову на русском⁴⁸. Исследователи (Е.П. Гречаная и др.) отмечают содержательную близость писем и дневника. В письмах (из Данцига, Берлина, Женевы и т.д.) А.С. Строганов, как и полагается по законам жанра, последовательно излагал хронику учебных занятий, сообщал о покупке живописных полотен и произведений прикладного искусства, различных «курьезностей» (именно тогда закладывалась первоначальная основа его знаменитых коллекций), рассказывал о разнообразных достопримечательностях, редкостях и т.д. В том числе о греческой рукописи («антиквитете», «манускрипте») — «Путешествии Иеремии, патриарха Константинопольского, в Москву» (в письме из Турина от 21 сентября 1754 г.). Тут необходим комментарий⁴⁹.

Иеримия II (Транос) — один из участников учреждения Патриаршества на Руси, Константинопольский патриарх (1572–1579, 1580–1584, 1587–1595) совершил в 1588–1589 гг. поездку на Русь. В числе источников о визите Иеремии II (официальные греческие грамоты, русские записи в Греческой посольской книге, статья

«О пришествии на Москву <...> Иеремии, патриарха Царяграда» и др.) греческая рукопись из собрания библиотеки тогдашней столицы Сардинского королевства не упоминается⁵⁰.

Во время второго пребывания за границей в 1771–1779 гг. русский путешественник стал весьма популярной фигурой в парижских литературных (встречается с Д. Дидро и др.) и аристократических салонах, принимался при королевском дворе в Версале и т.д. Отметим, что Д.И. Фонвизин был знаком с А.П. Шуваловым и А.С. Строгановым: оба присутствовали на авторском чтении «Бригадира» у П.И. Панина в 1769 г. В «Чистосердечном признании в делах моих и помышлениях» Фонвизин писал о А.С. Строганове, что тот «всю жизнь свою посвятил единой добродетели» и, вероятно, неоднократно общался с ним в Париже (например, 21 февраля / 4 марта 1778 г.)⁵¹.

В 1788 г. граф А.С. Строганов, действительный член Российской академии наук, бывший президент Академии художеств (с 1768 г. ее почетный член) и т.п., составил «для сына своего графа Павла Александровича, Собрание рисунков, планов и карт областей, городов и других достойных любопытства предметов в Отечестве, под заглавием Путешествующий по России живописец, Voyage pittoresque de la Russie» (опубликовано: СПб., 1841).

П.А. Строганов родился в Париже в 1772 г., где провел по одним сведениям первые семь, по другим пять лет своей жизни⁵². В 1779 г. его гувернером стал Жильбер Ромм, будущий член революционного Конвента. Вместе с ним юный воспитанник отправился в Россию, где «за семь лет исколесил... едва ли не всю европейскую часть Российской империи – от Белого моря до Черного, от Волги до западной границы»⁵³, побывав в 1784 г. в Олонецкой и Пермской губерниях, Финляндии, на Алтае, Байкале, в 1785 г. на Валдае, в Новгороде, Москве и Туле, в 1786 г. – в Малороссии, Новороссии и Крыму и т.д. Не исключено, что в качестве путевода путешественники использовали какие-то предварительные материалы из «Живописного путешествия по России», составленного А.С. Строгановым⁵⁴. В 1786 г. они (взяв с собой, в частности, постоянного спутника в путешествиях по России и будущего архитектора А.Н. Воронихина) возвратились в Западную Европу, путешествовали по Германии, Швейцарии (в 1787 г.), в 1789–1790 гг. находились в Париже, выезжая летом в Оверни (центр

Франции), откуда Ж. Ромм был родом. Во время заграничного путешествия П.С. Строганов, подобно отцу (см. выше), вел дневник на французском языке (неопубликованный), письма А.С. Строганову писал по-русски⁵⁵. В Париже П.С. Строганов под именем гражданина Павла Очера стал первым и единственным русским членом Якобинского клуба⁵⁶. В Петербурге прознали про поведение «объевропеившегося русского аристократа» (гр. П.А. Головина) и послали в Париж его родственника Н.Н. Новосильцева, который и привез П.С. Строганова в Россию. Здесь его ждали сначала ссылка в подмосковное имение, затем возвращение в Петербург, а с воцарением Александра I участие в работе (вместе с тем же Н.Н. Новосильцевым, а также В.П. Кочубеем и А.А. Чарторижским) знаменитого «Негласного комитета» в качестве «самого пылкого» (А.А. Чарторижский) его члена. Потом будет дипломатическая деятельность (поездка в Лондон в 1806 г.) и служба в русской армии сначала в качестве «простого волонтера» (к тому времени он уже был сенатором и тайным советником). П.С. Строганов героически проявил себя на полях сражений: участвовал в антинаполеоновской кампании 1807 г., в войне со шведами 1808 г. и с турками 1809 г., в Бородинской битве, уже генерал-лейтенантом в битвах под Малоярославцем и Красным, в сражении под Лейпцигом и т.д. Был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость», орденами Анны I степени, св. Александра Невского и т.д.

Исследовавшая в числе прочих произведений русских авторов на французском языке путевые дневники и письма А.С. и П.А. Строгановых, А.Б. Куракина, А.А. Голицына, Н.М. Строгановой, Н.П. Голицыной, А.Г. Бобринского, Е.П. Барятинской и др., Е.А. Гречаная отмечала постепенное расширение в них сферы изображения внутренней жизни путешественников, эмоциональной реакции на те или иные достопримечательности, события и происшествия во внешнем мире, усиление влияния западноевропейской чувствительной литературы (в первую очередь, произведений Ж.-Ж. Руссо)⁵⁷.

Этот собственно историко-литературный процесс во многом определялся стремлением большинства подобных авторов-путешественников приобщиться «на практике» к ценностям западноевропейской культуры (цивилизации), реализуя тем самым

«установку» Петра. Впоследствии такая установка была переосмыслена русскими идеологами на самом высоком («вселенском») уровне (от П.Я. Чаадаева до В.С. Соловьева и др.): они надеялись, что рано или поздно осуществится наконец восстановление «утраченного» единства русской и западноевропейской культуры, в первую очередь на почве «общего» христианства, под которым подразумевалась в первую очередь католическая доктрина (как тут не вспомнить об униатском Ферраро-Флорентийском соборе). Одним из ярких проповедников такого единства в России был Ж. де Местр, публицистика которого оказала влияние на автора «Философических писем».

Другой, секуляризированный вариант подобного переосмысления дожил до наших дней и имеет в виду «светские», «общеευропейские», «цивилизационные» ценности (просветительские и т.д.) в качестве основы для объединения. Конечно, и тогда, и теперь речь идет о некоей перспективе, идеале объединения, но у него всегда имеется в наличии свой язык (в XVIII–XIX вв. французский, теперь английский) как «средство международного общения», литература на этом языке и т.д. Не следует сбрасывать со счетов и уже проверенные формы международных религиозно-этических организаций, для которых не существует государственных границ и национально-конфессиональных различий: в первую очередь речь, конечно, идет о масонстве. Впрочем, это не закрывало пути к «единству» и на сугубо христианской почве, пусть порой и определявшемся не «идейными» (что стало характерным уже для XIX в.: кн. И.С. Гагарин, В.С. Печерин, кн. З.А. Волконская, А.А. Бутурлина и др.), а вполне житейскими причинами. Взять хотя бы переход в католичество кн. М.А. Голицына, посланного в 1714 г. Петром учиться в Сорбонну и женившегося в Италии на местной уроженке⁵⁸.

Пока этот идеал мог реализовываться в отдельных человеческих судьбах, преимущественно европейски образованной элиты русского общества. Конечно, русский аристократ, якобинец и масон П.А. Строганов после Аустерлица становится большим патриотом и непримиримым врагом Наполеона, что доказывает на полях сражений (Отечественная война 1812 г., безусловно, внесла определенные коррективы как в сам идеал, так и в возможные пути его достижения). Но были и другие примеры. Еще в 1785 г.

кн. Н.П. Голицына писала из Парижа сыну Борису в Страсбург, где тот учился в местном университете, о желании, чтобы «наша нация ничем не отличалась от других». Б.В. Голицын, надо признаться, в этом весьма преуспел, и прежде всего на литературном поприще. «Французский язык, – отмечает Е.П. Гречаная, – служит ему не для того, чтобы вступить в диалог и представить себя и свою родину, как это было в случае А.П. Шувалова и А.М. Белосельского. Борис Голицын пишет по-французски, воспринимая себя как французского писателя, который пробует свои силы в различных жанрах и надеется занять место в литературном мире»⁵⁹. Впрочем, вопрос о вынужденной или добровольной эмиграции остается за пределами нашей работы, ведь путешествия всегда подразумевают возвращение на родину.

Все это, так или иначе, подготавливало в числе прочих факторов появление в русской литературе «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина. Следует еще раз подчеркнуть очевидное: Карамзин в принципе не делает ничего нового и необычного, отправляясь путешествовать за границу с образовательными в широком смысле слова целями: для знакомства с западноевропейской жизнью (бытом и нравами, общественно-политическими течениями и т.д.) и культурой (памятниками искусства, видными представителями, по формулировке П.А. Вяземского, европейской «аристократии ума и дарований» и т.д.). Русский путешественник просто следует развитой традиции дворянских путешествий в Западную Европу. Ситуация «Русский в Париже» становится к середине XVIII в. настолько обычной, что Вольтер посвящает ей сатиру («Le Russe à Paris», 1760), обращенную, впрочем, не столько против русских путешественников, сколько против парижского общества, погрязшего в корысти и забывшего про искусство и науки (к этой сатире мы еще вернемся).

Другое дело, что все дворянские «путешествия», т.е. литературные произведения жанра путешествий (на русском языке или французском, опубликованные или нет), о которых шла речь выше, оставались в большей или меньшей степени либо «домашним», «приватным» делом самих путешественников, либо недоступными посторонним государственными бумагами, либо и тем, и другим вместе (включая дипломатические послания А.А. Матвеева или письма Фонвизина из Франции и Италии, о которых речь

вперед). Есть все основания думать, что «Письма русского путешественника» с самого начала работы над ними автор предназначал к печати, для обнародования, выводя традицию русских действительных путешествий по Европе (что уже давно произошло в западноевропейских литературах) на другой уровень, стремился сделать ее, как когда-то говорили, «фактом литературы». «Наши соотечественники, — не совсем точно, в чем мы уже убедились, писал Карамзин, — давно путешествуют по чужим странам, но до сих пор никто из них не делал этого с пером в руке»⁶⁰. Конечно, многие русские путешественники как раз не расставались «с пером», но использовали его, в отличие от Карамзина, что называется, в личных целях. Более того, начинающий литератор, переводчик С. Геснера, У. Шекспира и др., журналист, поэт и прозаик, явно предполагал таким образом (публикацией первого крупного произведения) не только заявить о себе как о писателе в рамках отечественной литературы, но выйти за ее пределы и в качестве «русского (курсив наш. — В. Г.) путешественника» обратиться к европейскому читателю, войти в общеевропейскую литературу путешествий. Тем самым появлялась возможность представить и всю «молодую» русскую литературу как часть европейской. Что в определенной степени и произошло, о чем свидетельствует карамзинское «Письмо в “Зритель” о русской литературе»⁶¹. Выбор русской литературой своей мировой дороги должен был осуществляться в контексте европейских культурных ценностей, предложенных в «Письмах русского путешественника». Впоследствии, как известно, подобную проблему предстояло решать Пушкину с учетом всего сделанного Карамзиным.

Однако Карамзина чуть было не опередили. Правда, его предшественник строил не столь амбициозные планы, которым к тому же не суждено было сбыться. Мы имеем в виду А.П. Сумарокова, точнее, его письмо Екатерине II «О путешествиях». Письмо открывалось самым категорическим заявлением: «На Российском языке путешествий нет никаких», после чего следовала характеристика преимуществ путешествий перед другими жанрами литературы: «...путешествия не для того только, чтобы оныя вместо романов служили для потеряния времени, но для прояснения географии, мыслей и рассудка». Не преминул автор письма подчеркнуть и основной жанровый принцип путешествий:

«...потребно чужих земель сравнение со своим отечеством» (эта точная формула, впрочем, была найдена автором чуть позже). На основании таких рассуждений Сумароков предлагал восполнить пробел в русской литературе самолично: «Я предприемлю зделати описание путешествия и <...> употребити в сию пользу моего отечества». Для этой цели Сумароков просил выделить ему (помимо обычного жалованья) «двенатцать тысяч рублей». Коммерческий успех проекта писатель гарантировал, поручкой чему служил его европейский литературный авторитет и популярность путешествий у читателей (книгу он предполагал издать тиражом в шесть тысяч экз.): «...которые деньги по издании моего путешествия возвратятся в казну с излишком».

В письме предлагалось и описание маршрута планируемого путешествия: «Я опишу одну Италию и, проехав оттоле в Париж, опишу Париж, места на пути до Италии и оттоле до Парижа, и из Парижа чрез Голландию до Петербурга». Несколько позже в письме императрице от 3 мая 1764 г., посвященном преимущественно описанию своих невзгод и тягот, писатель (с учетом собственных профессиональных интересов) уточнил некоторые положения плана путешествия. Оно предназначалось, в частности, «для описания Италии, смотрения театров, как тамошних, так и парижских, и для истинной пользы и просвещения в географии»⁶². «Ежели бы таким пером, каково мое, – заключал Сумароков, – описана была вся Европа, не дорого бы стоило России, ежели бы она и триста тысяч рублей на ето безвозвратно употребила»⁶³.

* * *

Масонская тема, в частности, сыграла в «Письмах русского путешественника» существенную роль⁶⁴. В первую очередь, это касается маршрута самого заграничного путешествия Карамзина. Следует заметить, что путевой маршрут в литературе путешествий является, естественно, определяющим фактором. Это своего рода сюжет путешествия (иногда и просто сюжет), развернутый в пространстве и времени и обуславливающий его конструкцию, композицию. Достоверность или не достоверность именно маршрута служит порой одним из главных критериев, по которому некоторые литературоведы склонны либо относить путешествия к собст-

венно литературе (подразумевается так называемая «художественная литература», хотя зыбкость и изменчивость во времени этого понятия очевидны), либо выносить за ее пределы в область документалистики. Впрочем, с «Письмами русского путешественника» все как будто ясно: история их изучения (от классического труда В.В. Сиповского до работ Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского и других современных исследователей) «представляет собой постепенное осознание книги Карамзина как эстетического факта, постепенное вычленение ее из разряда биографически-реальных документов и вписывание в ряд собственно художественных произведений»⁶⁵. Поэтому так важен анализ достоверности маршрута (сюжета) «Писем русского путешественника».

Сохранились свидетельства (С.И. Гамалея, Ф.Н. Глинки), согласно которым Карамзин путешествовал по маршруту, согласованному с московскими масонами и на их средства⁶⁶. Однако следствие по делу московских масонов (допрос в 1792 г. их главы — князя Н.Н. Трубецкого) установило, что он ездил в Европу вольным «вояжиром на свои деньги»⁶⁷. С мнением следствия согласилось большинство исследователей. Более того, Ю.М. Лотман считал, что именно перед отъездом «Карамзин принял смелое решение: он порвал с масонством и со всем новиковским кругом. Разрыв был корректным, но твердым». Да и сам отъезд Карамзина за границу исследователь ставил в прямую зависимость от разрыва: «Самый простой и безболезненный вид разрыва был отъезд»⁶⁸.

Однако «масонский маршрут» время от времени давал о себе знать и в «Письмах русского путешественника»⁶⁹. Правда, он возникал в них неявно, подспудно. В некотором противоречии с собственным заявлением о категорическом разрыве Карамзина с московскими масонами Ю.М. Лотман, по сути дела, сосредоточил усилия на выявлении «следов» этого маршрута в тексте «Писем». Впрочем, исследователь нигде прямо об этом не говорил, хотя его «дешифровка» порой заставляла делать вывод о том, что Карамзин намеренно, в силу именно «масонских» причин, скрыл в «Письмах» реальные отклонения (в том числе во времени) от литературного маршрута своего произведения. Ведь в любом случае «планы путешествия Карамзин строил давно, и эти планы были известны в масонской среде и даже, видимо, одобрялись»⁷⁰. Вот только два примера.

Русский путешественник (в дальнейшем: Путешественник) «на одной станции за Дерптом» случайно встретил «г. З., едущего из Италии»: «Я с полчаса поговорил с ним и нашел в нем любезного человека. Он настрашал меня песчаными прусскими дорогами и советовал лучше ехать через Польшу в Вену; однако ж мне не хочется переменить своего плана»⁷¹. Ю.М. Лотман полагал, что эта встреча не была случайной и произошла в действительности в другом месте: «В то время Зиновьев (Василий Николаевич – дипломат, масон) <...> возвращался в Россию после путешествия по Италии с Сен-Мартеном⁷² <...> остановился недалеко от Риги <...> Зиновьев вряд ли беседовал с Карамзиным лишь о состоянии дорог в Пруссии. Совет Зиновьева Карамзину не ехать через Берлин, а отправляться в Вену, видимо, связан с его отрицательным отношением к односторонне-берлинской ориентации московских масонов»⁷³.

Подобное умозаключение кажется преувеличением: между двумя путешественниками существовала немалая разница в возрасте – более десяти лет и в социальном положении. С одной стороны, более чем обеспеченный, состоявший в родстве с первыми фамилиями России (Орловыми и др.), принадлежавший к высшему обществу, представленный в Берлине Фридриху Великому и близкий знакомый герцога Фердинанда Брауншвейгского, Великого мастера Соединенных лож, масон 3-й степени посвящения, друг и «осторожный поклонник Сен-Мартена» (Г.В. Вернадский) – камергер В.Н. Зиновьев. С другой стороны, совсем молодой (23 года), посредственного состояния и бесчиновный, из провинциальных дворян, только что в Москве оставивший «работы» по масонскому ордену (он вступил в ложу Златого венца в 1784 г. в Симбирске и значился там «товарищем»)⁷⁴ – отставной поручик Н.М. Карамзин. Впрочем, Ю.М. Лотман считал, что «они были людьми одного круга и сходных интересов» и их «встреча была предусмотрена еще в Петербурге»⁷⁵. В пользу этого, по мнению исследователя, говорит и тот факт, что «оба они приходились друзьями А.М. Кутузову». Относительно Карамзина это не вызывает сомнений. Что касается В.Н. Зиновьева, то он действительно учился с А.М. Кутузовым (а также А.Н. Радищевым и др.) в Лейпцигском университете с 1766 по 1773 г., но ему тогда было 11–18 лет (он был самым младшим из русских студентов). Сведениями

о последующих контактах В.Н. Зиновьева и А.М. Кутузова мы не располагаем, так что считать их друзьями применительно к 1789 г. можно только с натяжкой. Зиновьев и Кутузов были, судя по всему, школьными товарищами, но не больше.

По нашему мнению, Зиновьев мог быть только «любезен» по отношению к Карамзину и в качестве опытного путешественника давать ему «дорожные» советы. К тому же в справедливости этой рекомендации Путешественник вскоре убедился на собственном опыте и, чтобы избежать «ужасных песков набережной дороги», вынужден был почти вдвое увеличить свой путь от Мемеля до Кенигсберга.

Представить себе, что два до той поры незнакомых человека (пусть масоны, пусть и имевшие общих знакомых) «на одной станции за Дерптом» сразу же бросились обсуждать многосложные на ту пору проблемы ордена, тем более смену «односторонней ориентации московских масонов», – по меньшей мере затруднительно. К тому же начиная с середины 1780-х годов стала все более обозначаться антимасонская политика русского правительства и им приходилось быть осторожными. В другом месте Ю.М. Лотман сформулировал свою мысль в более общей форме и с этим в принципе можно согласиться: «Круг <...> масонских и личных связей, видимо, составил тему беседы Карамзина с Зиновьевым»⁷⁶. Ведь любой «любезный» разговор прежде не встречавшихся людей, как правило, начинается с выяснения общих знакомых.

В своем журнале путешествия по Германии, Италии, Франции и Англии в 1786–1790 гг., опубликованном (с «сокращением всего того, что не имеет исторического интереса») в переводе с французского в «Русской старине» за 1878 г.⁷⁷, о знакомстве с Карамзиным В.Н. Зиновьев не сообщает. Впрочем, в этом журнале отсутствуют все материалы, касающиеся 1789 г. Он обрывается на записи от 7 ноября 1788 г. из Немура (далее в публикации следует отрывок дневника В.Н. Зиновьева за 1790 г., рассказывающий о жизни в Санкт-Петербурге).

Ничего не говорится о встрече с Карамзиным и в позднейших (1806) воспоминаниях В.Н. Зиновьева, где рассказывается о возвращении в Россию, но не из Италии (как указано в «Письмах русского путешественника», а вслед за ними и Ю.М. Лотманом), а из Франции и Швейцарии через Германию вместе с семейством

Кошелевых. Кстати сказать, в Цюрихе русские путешественники посетили Лафатера, которого «застали заваленного бумагами в его кабинете и весьма занятого»⁷⁸. 10 (?) августа 1789 г. в этот же кабинет вошел Путешественник и также не был сразу принят Лафатером, который, сославшись на занятость, оставил его на некоторое время одного «разбирать физиогномические рисунки». Затем Лафатер «повел» Путешественника в «собрание цюрихских ученых, к профессору Брейтингеру, где рекомендовал <...> хозяину и гостям как своего приятеля»⁷⁹. Путешественник к этому времени уже был знаком с Лафатером по переписке (Карамзин вступил в переписку с Лафатером в 1786 г.) и по дороге в Лейпциг (письмо из Мейсена от 13 июля) цитировал своему спутнику – «прагскому студенту» одно из писем цюрихского мыслителя⁸⁰.

Кроме того, В.Н. Зиновьев никак не мог «путешествовать по Италии с Сен-Мартеном». Второй раз (первый раз он был в Италии дипломатическим курьером в 1774 г.) он отправился, согласно журналу путешествия, в Венецию из Вены через Триест и прибыл туда 5 ноября 1784 г., а 19 (8) декабря того же года приехал в Лион, «чтобы просветить себя»: в письме упоминаются глава лионской ложи, «выдающийся масон»⁸¹ Ж.-Б. Виллермоз и др., но не Сен-Мартен⁸². Затем в письме из Парижа от 9 января 1786 г. В.Н. Зиновьев сообщал С.Р. Воронцову, что «благополучно прибыл в Лионе две недели». Сюда он приехал, вероятно, из Пармы, где был в сентябре 1785 г. (под датой 19 сентября он сообщал С.Р. Воронцову: «На сие отвечай мне в Париж»)⁸³. Вероятно, именно в этот приезд в Лион и состоялось его знакомство с французским философом, «милым (charmant) Сен-Мартеном». По крайней мере, об этом знакомстве он говорит в своих воспоминаниях и добавляет: «И даже сделал с ним поездку в Париж». В 1787 г. они встретились в Лондоне⁸⁴.

Что касается места встречи Карамзина с В.Н. Зиновьевым, то Ю.М. Лотман его указывает по-разному – вначале «недалеко от Риги»⁸⁵, а в «Сотворении Карамзина» называет Нарву (что довольно-таки далеко от Риги, причем дорога из Риги в Петербург лежит через Дерпт)⁸⁶. При этом исследователь ссылается на воспоминания самого В.Н. Зиновьева, рассказавшего, что именно в Нарве он остановился вместе с Варварой Ивановной Кошелевой «пользоваться у одного местного доктора». Но В.Н. Зиновьев не указывает

точного времени своего прибытия в Нарву и сроков пребывания там (в этой части воспоминаний вообще нет никаких дат), только отмечает, что «пробыл с г-жой Кошелевой пять или шесть недель». После этого он продолжил путь в Санкт-Петербург вместе с В.И. Кошелевой (она приехала в Санкт-Петербург 8 сентября 1789 г.)⁸⁷. Таким образом, в Нарве путешественники, скорее всего, останавливались в июле-августе 1789 г.

«31 мая Карамзин был уже в Риге, следовательно, встреча его с Зиновьевым произошла до этого числа», – справедливо пишет Ю.М. Лотман.

Но почему Карамзин не мог случайно встретиться с Зиновьевым до 31 мая «на одной станции за Дерптом» (т.е. между Дерптом и Ригой), когда тот еще и не предполагал останавливаться в Нарве? Конечно, мемуарист ничего не сообщает о других задержках в пути во время возвращения в Россию (например, неизвестно, где путешественники провели май и июнь), но это ни о чем не говорит. Сам же В.Н. Зиновьев указывает: «Это путешествие не представляет ничего замечательного и почти совершенно изгладилось из моей памяти»⁸⁸.

Второй пример связан с действительно «масонским» путешествием друга Карамзина Алексея Михайловича Кутузова в Западную Европу (Берлин) по делам ордена розенкрейцеров в начале 1787 г.⁸⁹ Ю.М. Лотман дает ему в спутники «особо приближенного к Новикову» М.И. Багрянского⁹⁰, но хорошо известно, что в это время (с июня 1786 г. по сентябрь 1790 г.) тот изучал медицину в Берлине, Амстердаме и Лейдене, где получил в 1789 г. диплом доктора медицины, после чего отправился в Париж, откуда и вернулся в Россию⁹¹. Действительным же спутником А.М. Кутузова в поездке в Берлин был его друг⁹² и начальник по ордену известный барон Г.-Я. фон Шредер, которого Ю.М. Лотман называл «темным авантюристом» и т.п.⁹³ М.И. Багрянский в самом деле встречался с Шредером и Кутузовым «по масонским делам» в Берлине в 1789 г. в доме русского посла М. Алопеуса⁹⁴.

Но Карамзину, несмотря на все его желание, встретиться за границей с А.М. Кутузовым так и не удалось. Ю.М. Лотман придерживался другого мнения и полагал, что из Страсбурга в августе 1789 г. Карамзин отправился не в Швейцарию, как об этом рассказывается в «Письмах русского путешественника», а именно

в Париж, как раз для встречи с другом⁹⁵. Однако опубликованные С. Геллерманом в 1991 г. архивные документы, свидетельствующие о пребывании Карамзина в Женеве в октябре 1789 г. (как указано в «Письмах русского путешественника»), опровергли это предположение⁹⁶. Другое предположение Ю.М. Лотмана – о встрече Карамзина в Париже весной 1790 г. с Жильбером Роммом и, возможно, П.А. Строгановым – кажется вполне убедительным⁹⁷.

Остается добавить, что М.И. Багрянский и А.М. Кутузов стали самыми острыми критиками (с патриотических позиций) автора «Писем русского путешественника», причем в то время, когда его произведение еще только начинало печататься в «Московском журнале» (с № 1 за 1791 г.). Багрянский писал о Карамзине (лорде Рамсее) Кутузову 29 января 1791 г.: «Лорд Рамсей возвратился до меня, вы его не узнаете, он совсем изменился и телом и духом <...> Обо всем, что касается родины, он говорит с презрением и с поистине кричащей несправедливостью. Обо всем же, что касается чужих стран, говорит с восхищением»⁹⁸.

Кутузов, в свою очередь, сообщал в мае 1791 г. А.И. Плещеевой: «...он не имел никогда уважения к своему отечеству, путешествие его, виданное им, слышанное им, свобода, сопряженная с каждым путешественником, – все сие совокупно неуважение его претворило в презрение, которого, может быть, и сам он не подозревает...»⁹⁹ Ср. с письмом ей же от 4 (15) марта 1791 г. (см. ниже). К ним присоединялся князь Н.Н. Трубецкой, писавший А.М. Кутузову: «Касательно до общего нашего приятеля Карамзина, то мне кажется, что <...> чужие края, надув его гордостью, соделали, что он теперь никуды не годится»¹⁰⁰.

Но оказывается, что подобное отношение к Карамзину стало складываться в масонской среде много раньше, еще до его отъезда в Европу. А.И. Плещеева свидетельствовала в письме А.М. Кутузову от 21 апреля 1791 г.: «Прочие его друзья так называемые, как скоро он им сказал, что он едет, то явным образом его возненавидели <...> желают ему всякого зла»¹⁰¹. Впрочем, так думали далеко не все масоны. В отличие от других И.В. Лопухин, например, восхищался «привлекательным, важным, живым, новым, прелестным слогом любезного путешественника русского...»¹⁰²

* * *

Итак, с течением времени сакральное пространство Иерусалима и Палестины древнерусских «хождений» сменяется европейским культурным пространством путешествий XVIII–XIX вв., Запад становится для образованной части русского общества «страной святых чудес», по позднейшей классической стихотворной формуле А.С. Хомякова («Мечта», 1835). Иногда «сакральная» жанровая память проявлялась как бы помимо воли автора, и П.А. Вяземский, рассказывая во «Введении к жизнеописанию Фон-Визина» о путешествиях русских аристократов XVIII в. в Европу, замечает, что они «за границею ездили», в том числе «на поклон к Фернейскому отшельнику, отшельнику нового рода...»¹⁰³ Впрочем, не следует забывать, что сам П.А. Вяземский в 1850 г. совершил поездку в Константинополь и Иерусалим, впечатления от которой отразились в целом ряде его стихотворений, а также в книге очерков «Путешествие на Восток», изданной посмертно¹⁰⁴.

Но как бы то ни было процесс «замещения» разворачивался стремительно, и западноевропейская цивилизация стала приобретать в глазах своих русских поклонников («поклонниками» обычно называли себя и паломники на Святую Землю, Афон и др.)¹⁰⁵ черты светского, секуляризированного «земного рая». Причем сразу же определилось, что в роли центра этого «рая» выступает «новый Вавилон» – Париж.

С подобной точки зрения особенно интересен памятник литературы путешествий петровского времени – «Архив, или Статейный список, московского посольства, бывшего во Франции из Голландии инкогнито в прошлом, 1705 году, сентября в 5 день». Этот «архив», или «книга», как иногда называл свое произведение сам автор, принадлежит Андрею Матвееву. Он был сыном боярина-западника Артамона Сергеевича Матвеева и Евдокии Григорьевны Гамильтон, дочери шотландца, переселившегося в Россию в начале XVII в. А.А. Матвеев – один из самых образованных русских людей своего времени в 30 с небольшим лет стал постоянным представителем России в Голландии, а в 1705 г. был послан Петром ко двору Людовика XIV для ведения неофициальных (поскольку он был русским послом в Голландии, с которой Франция в то время находилась в состоянии войны) переговоров.

В Париже А.А. Матвеев пробыл более года, был принят при дворе, побывал в Версале, Фонтенбло, Сорбонне и т.д.

Здесь уместно напомнить жанровую историю «статейных списков», или повестей русских послов. «Первым посольским списком, имеющим характер заключительного отчета», обычно называют список Владимира Племянникова, побывавшего в 1518 г. у германского императора – «цесаря Максимиана I». До этого (и некоторое время после) русские послы практиковали присылку из-за границы грамот, «отписок» с «вестями», посылавшихся с гонцами до возвращения посла на родину (например, «отписки» Афанасия Нагого из Крыма в 1563–1573 гг.). «Список» Племянникова, в отличие от более поздних списков, формально даже напоминает первые древнерусские хождения на Святую Землю (например, «Хожение» игумена Даниила): в нем отсутствует описание дороги посла за границу и возвращения на родину. Постепенно, начиная с XVII в., «статейные списки» все более становятся похожи на путевые записки. Так, по мнению исследователей, «статейный список посольства Г.И. Микулина и И. Зиновьева в Англию в 1600–1601 гг. уже относительно более богат непосредственными жизненными впечатлениями от всего виденного и слышанного в незнакомой стране». В еще большей степени это можно отнести к статейным спискам второй половины XVII в., в которых отразилось особое внимание авторов к тем сторонам жизни иноземных государств, которые вызывали интерес при дворе Алексея Михайловича (органная музыка, театральные представления, мощение мостовых, городское освещение и т.п.)¹⁰⁶. Именно к этой традиции и примыкает «Архив» А.А. Матвеева.

Первым Н.П. Павлов-Сильванский, а вслед за ним и другие исследователи отмечают «обостренное чувство нового» у русского путешественника (приемы фортификации, стили в архитектуре и изобразительном искусстве, обычаи и т.п.), полагая, что для Матвеева «именно новое достойно внимания для изучения, а возможно, и для пересаживания на родную почву»¹⁰⁷. Современная исследовательница обратила внимание на другую, если угодно, идеальную сторону этого произведения. Н.И. Глушанина увидела в нем «раннюю русскую утопию нового времени в стадии становления жанра», где «идеально обустроенный социум обеспечивает французская просвещенная абсолютистская государственность».

При этом она пришла к выводу, что «в описании государственной утопии нашим автором используются, дополняя друг друга, все три христианские интерпретации Рая – города – сада – неба – на уровне отдельных мотивов и символов»¹⁰⁸.

В первом, по сути дела, географическом руководстве «для наставления обучающегося при Императорском Московском университете юношества» (1776) говорилось и об идеальном населении этого «земного рая», превосходящего остальных жителей земли не только нравственными и т.п. качествами, но даже физическими кондициями. Здесь можно было прочесть: «Европейцам ту честь приписывать должно, что они природными дарованиями несравненно превосходят жителей всех прочих частей света <...> они вообще искренни, правдивы, чистосердечны, остроумны, храбры, великодушны, человеколюбивы, ласковы, учтивы, обходительны и честны, да и самым сложением тела хороши и складны; и одним словом сказать, как в душевных, так и в телесных их дарованиях не найдется той грубости, какая примечается у народов других частей земного шара».

Заметим, что образ «земного рая» возникнет и у критиков «Писем русского путешественника». Например, А.М. Кутузов писал о Карамзине А.И. Плещеевой 4 (15) марта 1791 г.: «Отечество наше изображается им не в весьма выгодном виде. Но тем приятнее описаны прочие государства. Думаю, что и сама Курляндия, в сравнении с Россиею, представляется ему раем или, по малой мере, обетованною землею»¹⁰⁹. Курляндия в то время – пограничное, полусамостоятельное герцогство, фронтир, и русский путешественник отнесся к пересечению границы соответствующим образом: «Мы въехали в Курляндию – и мысль, что я уже вне отечества, произвела в душе моей удивительное действие. На все, что попадалось мне в глаза, смотрел я с отменным вниманием, хотя предметы сами по себе были весьма обыкновенны»¹¹⁰. И далее следует описание Митавы, которая «велика, но не хороша» и т.п. Словом, А.М. Кутузов был неправ, полагая, что Карамзин склонен идеализировать «прочие государства».

Наряду с всесторонним возвышением западноевропейского мира в русской культуре уже на новой, послепетровской основе начинает складываться линия, активно противоборствующая формирующейся традиции «преклонения перед Западом». Ее предста-

вители также широко используют путешествия в Европу, но только в качестве своеобразного документального орудия критической проверки новой «утопии». Нельзя не увидеть здесь определенной аналогии с древнерусскими хождениями-паломничествами. Паломники отправлялись на Святую Землю, чтобы увидеть «очима своима грешныма» то, о чем только читали или слышали (представляли в «воображении»), проверить на практике существование сакрального мира и его реликвий. Разумеется, все подтверждалось, и авторы «хождений» стремились поделиться увиденным с читателями.

Но вот возвращается из своего паломнического путешествия Гоголь и на просьбу Жуковского «передать» ему «локальные краски Палестины», увиденные глазами «христианина и поэта» (письмо от 20 февраля 1850 г. из Баден-Бадена), отвечает предложением сосредоточиться на тексте Библии и совершить своего рода «путешествие воображения». «Если бы ты сделал то же с Библией, что с Евангелием, — советует писатель-паломник другу-поэту, — т.е. всякий день переводил бы из нее по главе, то Святая Земля неминуемо бы предстала бы тебе благословенной Богом и украшенной именно так, как была *древле*» (из письма от 28 февраля 1850 г. из Москвы). И разочарованно добавлял в том же письме: «Что может сказать поэту-живописцу нынешний вид всей Иудеи с ее однообразными горами, похожими на бесконечные серые волны взбурившегося моря?»¹¹¹ Иначе говоря, реальные впечатления от Палестины середины XIX в. могут, по мнению Гоголя, только помешать библейскому образу «земного рая».

Любой путешественник, начиная с игумена Даниила, сверяет свои непосредственные впечатления (*de visu*) с теми или иными представлениями о стране (*imagine τόπος*), вплоть до стереотипных, которые у него сложились под влиянием прочитанных книг, рассказов предшественников и т.п. Как писал Карамзин: «Что было мне известно по описаниям, вижу теперь собственными глазами...»¹¹² Этот образ «чужого» мира, как правило, формируется еще до начала путешествия, на родине путешественника, в «своем» мире. Неизбежным является и сопоставление «чужого» мира путешествия со «своим» миром — родиной¹¹³. Вот только несколько примеров из заграничных писем Фонвизина: «Варшава, которая вижу с Москвою невероятное сходство имеет»¹¹⁴. «Между прочими

вещьми примечательна в Страсбурге колокольня, уже не Ивану Великому чета. Высота ее престрашная, она же вся сквозная и дырчатая, так что, кажется, всякую минуту готова развалиться» (418). «Лион лежит на реках Роне и Соне. По берегу Роны построена линия каменных домов прекрасных и сделан каменный берег, но гораздо похуже петербургского. Сия ситуация делает его очень похожим на Петербург, тем наипаче, что Рона не много уже Невы» (419). А вот примеры из «Писем русского путешественника». В швейцарской горной деревеньке чувствительный герой Карамзина наблюдает за праздником местных жителей, поющих «простые свои песни»: «Я вслушивался в мелодии, и находил в них нечто сходное с нашими народными песнями, столь для меня трогательными». Вскоре путешественники спустились в «пространные долины»: «Так лежат поля наши – думал я, предавшись сему мечтательному чувству, – так лежат поля наши, когда весеннее солнце растопляет снежную одежду их, и оживляет озими, надежду текущего года!»¹¹⁵ И т.д.

В случае с путешествиями на Святую Землю как будто все понятно: ее образ основан, прежде всего, на Священном Писании, а также апокрифах и т.д. «Библия есть вернейший путеводитель по Святой Земле», – подтверждает «ученый путешественник» по Святой Земле А.С. Норов¹¹⁶. Хотя, разумеется, у поклонников XIX в. (и много раньше) библейский образ Святой Земли осложнялся другими впечатлениями: от литературы, в частности произведений предшественников (например, археологических, литературных и пр. путешествий), частной переписки, устных рассказов и т.д.¹¹⁷ Взять хотя бы А.Н. Муравьева с его «Путешествием на Святую Землю» и «Путешествие» Шатобриана (см. выше). Положение с путешествиями на Запад во многом аналогично – жанровые законы, разумеется, действуют и здесь.

Но тогда встает вопрос о книжном репертуаре, который мог повлиять на формирование образа той или иной страны. «Для периода Нового времени, – справедливо утверждает М.С. Стефко, – очевидна связь путешествия с чтением»¹¹⁸. Впрочем, выявить, какая книга могла повлиять на то или иное путешествие, крайне затруднительно, конечно, если она не упоминается в тексте самого произведения. К тому же следует учитывать, помимо книжных, и другие возможные источники (устные и пр.). Исследовательница

также забывает, что связь «путешествия с чтением» прослеживается по крайней мере с эпохи Средних веков. В этом смысле особенно характерны так называемые мнимые или псевдопутешествия.

Самый яркий пример из западноевропейской литературы путешествий, конечно, путешествие сэра Джона Мандевиля (John Mandeville). Это знаменитое произведение было написано в 1357–1371 гг. (известно более 300 списков на франц., англ., нем., итал. и др. языках) и явилось одной из первых печатных книг (нем. изд. – 1478; франц. – 1480). Оно повлияло на путевые дневники Х. Колумба, на другие журналы реальных путешествий, его пародийно переосмыслил в пятой книге «Гаргантюа и Пантагрюэля» Франсуа Рабле и в 14-й главе «Улисса» Дж. Джойс и т.д. Автор сообщал о себе, что родился и вырос в Сент-Олбанс в Англии, в 1322–1356 гг. совершил путешествие в Турцию, Армению, Персию, Сирию, Египет, Палестину, Ливию, Индию и т.д. и описал все эти страны. Сохранились портреты сэра Джона, а на его могиле в Льеже – надгробная надпись (древнейшая копия 1462 г., опубл. в 1725 г.)¹¹⁹.

Со времен исследования А. Бовеншена (1888) считается установленным, что источниками этого произведения явились «Описание восточных земель» францисканца Одорико Порденоне, «Книга о путешествии в восточные страны» Гийома де Рубрука, «Великое зеркало» Винсента из Бове с добавлением сведений из Геродота, Плиния и др. Предполагается, что автором (компилятором) путешествия Мандевиля был французский врач Жан де Бургонь по прозвищу Бородач (Jean de Bourgogne, dit a la Barbe) или даже целый авторский коллектив. Впрочем, вопрос о возможном авторстве этой книги ряд исследователей по-прежнему считает открытым.

Историю путешествия сэра Джона Мандевиля во многом напоминает судьба путешествия Трифона Коробейникова, хотя и относится к более позднему времени. Это путешествие было исключительно популярно у русского читателя. По разным подсчетам, число списков коробейниковского хождения колеблется от 200 до 400 и даже более 500¹²⁰. Впервые «Трифона Коробейникова, московского купца, с товарищи, путешествие во Иерусалим, в Египет и к Синайской горе в 1583 г.» было издано В.Г. Рубаном в 1783 г. Затем повторено в 1786, 1803, 1810 и т.д. (всего таких переизданий

было около 40). И.Е. Забелин в 1884 г. установил, что в основе сочинения Коробейникова лежит текст малоизвестного «Хождения» Василия Познякова (сер. XVI в.), и на этом основании реальность путешествия «московского купца» на Ближний Восток была подвергнута сомнению. Утверждение И.Е. Забелина было поддержано Х.М. Лопаревым, затем В.П. Адриановой-Перетц, И.Ю. Крачковским и другими авторитетными учеными. О.А. Белоброва даже предположила, что «литературная обработка» позняковского текста была сделана не Коробейниковым, а в XVII в. Однако в 1988 г. Н.И. Прокофьев находит документальное подтверждение факту путешествия в Палестину, Египет и Синай Трифона Коробейникова в 1583–1584 гг. Современные исследователи, проведя анализ всего круга памятников, связанных с хождением Трифона Коробейникова, обосновали его авторство и с сравнительно-текстологической точки зрения. Примерно такая же история произошла в середине XIX в. и с «Письмами об Испании» В.П. Боткина, также долгое время считавшимися псевдопутешествием¹²¹. Таким образом, выявление в «путешествиях» разных эпох следов чтения других произведений этого жанра нередко дает основания для того, чтобы усомниться в реальности самих путешествий. Все эти рассуждения, на наш взгляд, имеют непосредственное отношение и к «Письмам русского путешественника» Карамзина, как и к европейской литературе путешествий, в них отразившейся.

В начале «Писем» (Курляндская корчма, 1 июня 1789 г.) встречается такое признание: «Некогда начал было я писать роман, и хотел в воображении объездить точно те земли, в которые теперь еду. В мысленном путешествии, выехав из России, остановился я ночевать в корчме: и в действительном то же случилось. Но в романе писал я, что вечер был самый ненастный, что дождь не оставил на мне сухой нитки, и что в корчме мне надлежало сушиться перед камином; а на деле вечер выдался самый тихий и ясный. Сей первый ночлег был несчастлив для романа: боясь, чтобы ненастное время не продолжилось и не обеспокоило меня в моем путешествии, сжег я его в печи, в благословенном своем жилище на Чистых Прудах»¹²². Эта откровенно литературная (стернианская) игра с вымышленной «непогодой» и реальным ведром впоследствии отзовется в сцене путешествия по географической

карте в «Страннике» А.Ф. Вельтмана (1835). Его герой-путешественник, подражая знаменитому аббату Бартеlemi, который «также ездил по картам и книгам, объехал всю Грецию и посетил глубокую древность», решает воспользоваться «крылатым воображением» и отправляется «путешествовать» по «подробной, верной карте», однако... «О неосторожность... какое ужасное наводнение в Испании и Франции!.. Вот что значит ставить стакан с водою на карту!.. но думал ли я когда-нибудь, что столкну его локтем с Пиренейских гор? <...> Все претерпело от потопа, все гибло; только невинные рыбы хладнокровно плавали в бесконечном Океане и воображали; вот настало на земле вечное царство рыб!»¹²³

Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский заметили: «После статьи Т. Роботи¹²⁴ сложился стереотип европейского литературного контекста, с которым сопоставляются “Письма русского путешественника”. Это “Сентиментальное путешествие” Стерна и “Письма об Италии” Дюпати. Конечно, странно было бы отрицать значение для Карамзина этих произведений, тем более, что ссылки и реминисценции из них играют существенную роль в конструкции “Писем русского путешественника”». «Однако, – продолжают исследователи, – для осмысления самим Карамзиным своей поездки и своей собственной позиции в жизни и тексте “Писем”, вероятно, важнее были другие произведения – “Путешествие юного Анахарсиса” Бартеlemi и “Философские (или, как они стали в дальнейшем называться, “Английские”) письма” Вольтера». Затем следует общая и в целом справедливая характеристика «обоих текстов», в которых «путешествие» связано «с поисками идеалов истинного просвещения», «оба создавали образ искателя мудрости, оба были проникнуты верой в прогресс цивилизации. Особенно важны для Карамзина были “Философские письма” Вольтера...»¹²⁵ И далее следует развернутый сопоставительный анализ карамзинских и вольтеровских «Писем», а «Анахарсис» ни разу не упоминается.

Между тем книга аббата Ж.Ж. Бартеlemi (1716–1795) «Путешествие юного Анахарсиса по Греции» («Voyage de jeune Anacharsis en Grèce», 1788; рус. пер. Т. 1–9, 1803–1819) заслуживает, на наш взгляд, большего внимания. Ее автор был крупным ученым, заложившим основы археологии как исторической науки, ибо «использовал вещественные памятники не для познания самих

вещей и их истории, а для познания истории общества, создавшего эти вещи» (А.С. Альмарик, А.Л. Монгайт), нумизматом, лингвистом, семитологом, дешифровавшим финикийский язык, членом французской Академии надписей и изящной словесности и т.д.

Герой книги – «археологического романа» – скиф Анахарсис вспоминает о своем «образовательном», «воспитательном» путешествии из Таврии (Крыма) по Понту Евксинскому (Черному морю) в Грецию. По дороге юный мореплаватель посещал черноморские греческие колонии, острова Эгейского моря и т.д. Прибыв в Афины, он познакомился с Платоном, Аристотелем, Ксенофонтom, Солоном, Эвклидом и другими выдающимися греками. От них он узнавал о событиях, свидетелем которых не мог быть, в общении с ними постигал античную мудрость, принципы гражданской свободы и т.п. Завоевание Греции македонским царем Филиппом заставило свободолюбивого Анахарсиса вернуться домой.

Словом, в книге создавался необыкновенно привлекательный романтический (точнее, преромантический) образ Древней Греции, разумеется, во многом определяемый представлениями эпохи Просвещения о прекрасном и разумном. Этот образ, конечно, был сильно идеализирован и довольно далеко отстоял от исторической Греции, что впоследствии заставило неутомимого путешественника Стендаля произнести сакраментальные слова: «Франция – это страна, менее всего знакомая с Грецией. И в этом виноват Бартелеми»¹²⁶. Впрочем, и сам аббат Бартелеми отдавал себе отчет в утопичности некоторых своих художественных построений, например рассказа о «Платоновской республике мудрецов». Это чутко уловил и Карамзин в рецензии на «Анахарсиса», помещенной в «Московском журнале» как раз тогда, когда в нем печатались «Письма русского путешественника»: «Сия прекрасная мечта представлена в живой картине, и при конце ясно показано, что Платон сам чувствовал невозможность ее»¹²⁷.

Книга Бартелеми была замечательно документирована: античные мыслители в беседах с юным скифом развивали идеи, ссылки на источники которых (труды Аристотеля, Страбона и др.) приводились тут же, в постраничных примечаниях; великолепное издание было снабжено Атласом, состоявшим из карт, планов и иллюстраций, в том числе складных и т.п. В последующих изда-

ниях Атлас постоянно расширялся и стал включать 44 листа (замечим в скобках, что именно этот «Атлас к Анахарсису» просил достать сидевший на гауптвахте Главного штаба А.С. Грибоедов в письме Ф.В. Булгарину после 6 марта 1826 г.)¹²⁸.

Но «скифский» сюжет отнюдь не замыкается в XVIII в. и не сводится к одному только «путешествию воображения» аббата Бартеlemi. Ведь А.Ф. Вельтман был прав – тот, действительно, никогда не бывал в Греции (только в Италии)¹²⁹, а «объехал всю Грецию и посетил глубокую древность» только «по картам и книгам». Дело в том, что ученый аббат дал своему герою имя исторического лица, о котором рассказывал Геродот, называвший его единственным «знаменитым человеком» у скифов, посланным царем-отцом «в ученье к эллинам»¹³⁰. Диоген Лаэртский посвятил ему целую главку своего труда «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» и также свидетельствовал, что Анахарсис принадлежал царскому скифскому роду (мать была эллинка) и прибыл в Афины во времена Солона, ставшего ему «лучшим другом»¹³¹. Впрочем, герой Бартеlemi называл себя потомком и тезкой «знаменитого Анахарсиса», что, конечно, не отменяет сходства между ними. Отметим, что В.Э. Вацуρο безоговорочно считал «вымышленным» героя Бартеlemi¹³².

В отличие от литературоведа XX в. просвещенные французы XVIII в. знали исторического Анахарсиса, как и то, что скифы, по общепринятому мнению, являются предками русских. Поэтому в уже упоминавшейся нами сатире Вольтера «Русский в Париже» появились такие строчки, написанные от лица русского путешественника:

*Je viens pour me former sur les bords de la Seine;
C'est un Scythe grossier voyageant dans Athène
Qui vous conjure ici, timide et curieux;
De dissiper la nuit qui couvre encore ses yeux.*

(«Я приезжаю, чтобы образоваться на берегах Сены; грубый скиф, путешествующий в Афинах, умоляет вас здесь, с робостью и любопытством, рассеять мрак, застилающий еще его глаза»)¹³³.

Пушкинисты давно установили¹³⁴, что этот образ, возможно, отразился в стихотворении «К вельможе», когда, охарактеризовав

Вольтера, расточающего «избыток веселости», и «проповедующего» Дидро, поэт обратился к своему герою:

*...И скромно ты внимал
За чашей медленной афею иль деисту,
Как любопытный скиф афинскому софисту.*

Словом, ситуация «Русский в Париже» закономерно превращалась в ситуацию «Скиф в Париже (=Афинах)». А «историческая» аналогия начинала приобретать чуть ли не вневременной характер: русские с глубокой древности учились и всегда должны продолжать учиться у европейцев. Впрочем, у Пушкина такого не происходит. Дистанция у него обозначена вполне определенно. Его вельможа-путешественник «скромно», но с удобствами, «за чашей медленной» располагается как бы в покойных креслах, «внимая» происходящему на исторической сцене, где выступают блестящие актеры: писатели и мыслители, «афеи и деисты». Но не более того. Посмотрим, как это было у Карамзина.

* * *

Во время путешествия Карамзина «Путешествие юного Анахарсиса по Греции» было литературной новинкой. Впервые Путешественник узнал «о славе Анахарсиса, сочинения Аббата Бартеlemi» в самом начале своего странствия в Лейпциге (письмо от «июля 15») от профессора К.Д. Бека. «Лишь только он вышел в свет, – сообщил ему профессор, – все Французские Литтераторы преклонили колена свои, и признали, что древняя Греция, столь для нас любопытная – Греция, которой удивляемся в ее развалинах и в малочисленных, до нас дошедших памятниках ее славы – никогда еще не была описана столь совершенно. Геттингенский профессор Гейне, один из первых знатоков Греческой Литтературы и Древностей, рецензировал Анахарсиса в Геттингенских Ученых Ведомостях, и прославил его в Германии. Г. Бек с великим нетерпением ожидает своего экземпляра»¹³⁵.

Судя по «Письмам...», подобным экземпляром вскоре обзавелся и Путешественник. Во всяком случае, когда он приехал в Париж, то уже свободно оперировал образами модного произведения и, не задумываясь, проецировал его сюжетную ситуацию на

себя, вполне осознавая театральность такого переноса. В начале рассказа о свидании с автором «Анахарсиса» и дуайеном Академии следует ремарка, адресованная зрителям=читателям и обозначающая имена (свое имя дается в достаточно прозрачной форме) и исторические «костюмы» действующих лиц.

«Нынешний день, – отчитывается в письме от мая 1790 г. Карамзин, – молодой Скиф К* в Академии Надписей и Словесности, имел шастие узнать Бартеlemi-Платона». Далее повествование ведется уже от первого лица.

«Меня обещали с ним познакомить; но как скоро я увидел его, то, следуя первому движению, подошел и сказал ему: “Я Руской; читал Анахарсиса; умею восхищаться творением великих, бессмертных талантов. И так, хотя в нескладных словах, примите жертву моего глубокого почтения!”» Непосредственность поведения, напоминающая о наивной простоте «первобытного» скифа, возведение собеседника сразу же в ранг «бессмертного» (как, впрочем, и полагается по отношению к академику), слова о «жертве» – все говорит о демонстративно-театральном, «сакральном» поклонении, хотя, видимо, и не особенно заступающем рамок светского приличия. Ответная реакция француза также насквозь аллюзивна по отношению к собственному произведению и свидетельствует о том, что Бартеlemi-Платон моментально понял смысл происходящего «представления»: «Он встал с кресел, взял мою руку, ласковым взором предуведомил меня о своем благорасположении, и наконец отвечал: *я рад вашему знакомству; люблю север, и герой, мною избранный, вам не чужой*». Ответ Путешественника выдержан в том же духе, хотя и содержит историческую поправку на современность: «Мне хотелось бы иметь с ним какое нибудь сходство. Я в Академии: Платон передо мною; но имя мое не так известно, как имя Анахарсиса».

Для того чтобы не оставалось никаких сомнений и чтобы особенно подчеркнуть «совпадение» сцен, русский путешественник цитирует в примечании к этому месту «Путешествие юного Анахарсиса», где рассказывается о «вежливом и простом» приеме древнего скифа Платоном, – своего рода «режиссерский план» разыгрываемого в современном Париже спектакля. Дальнейший диалог развивается в том же ключе, однако современность начинает заявлять о себе все больше и больше. Аббат произносит:

«Вы молоды, путешествуете, и конечно для того, чтобы украсить ваш разум познаниями: довольно сходства!» Путешественник в полном соответствии со своей ролью любознательного скифа отвечает: «Будет еще более, естли вы позволите мне иногда видеть и слушать вас, с любопытным умом, с ревностным желанием образовать вкус свой наставлениями великого писателя. Я не поеду в Грецию: она в Вашем кабинете». Следующая реплика Бартеlemi выводит разговор уже на улицы «костюмированного» революционного Парижа: *«Жаль, что вы приехали к нам в такое время, когда Аполлона и Муз наряжаем мы в национальный мундир!»*¹³⁶ Едва ли аббат не имел в виду небесно-голубые с красными отворотами мундиры национальной гвардии, созданной Учредительным собранием Франции в 1789 г.¹³⁷

Карамзин сдержал обещание и не поехал в Грецию, в которую, впрочем, и не собирался ехать с самого начала. О причинах такого невнимания русских (и не только) путешественников XVIII в. к колыбели европейской цивилизации (в отличие от христианских паломников) можно было бы поговорить особо, но не в этот раз. Ведь пока читателей вполне устраивала условная Греция «мысленных путешествий», «путешествий воображения», в которых именно на античном материале (точнее, по его поводу) развивали свои политико-педагогические взгляды Ф. Фенелон в «Приключениях Телемака» (1699, рус. пер. 1747), Э. Рамзей в «Новом Киронаставлении, или Путешествиях Кировых...» (рус. пер. 1765, 1785) и др. В России эти произведения были весьма популярны – вспомним хотя бы переложение «Приключений Телемака» В.К. Тредиаковским в поэму «Телемахиды» (1766) или тот факт, что в дружеском кругу Карамзин именовался «лорд Рамзей». Этот жанровый ряд вел как к «Анахарсису», так и к «Письмам русского путешественника» (Ю.М. Лотман, Е.А. Краснощекова и др.). «Карамзин относился отрицательно к традиции политико-педагогического романа Фенелона, – отмечали Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский. – Однако схема такого романа отчетливо просматривается в «Письмах русского путешественника»: путешествие от мудреца к мудрецу, от одной формы «гражданства» к другой, размышления о вольности, искусствах, торговле, перечисление памятников искусства и культуры»¹³⁸. К этому можно добавить, что карамзинский Путешественник (в отличие от пред-

шествующей традиции изображения главных героев в русской литературе путешествий)¹³⁹, по мнению большинства исследователей, заметно меняется уже по ходу самого путешествия, которое, можно сказать, сразу же начинает приносить свои умственно-духовные «плоды». Карамзин, следовательно, создает «образ становящегося человека» – Путешественника, как в классическом романе воспитания; путевой опыт приносит тот же, что и в романе, результат: «протрезвление с той или иной степенью резиньации»¹⁴⁰. На этом основании Е.А. Краснощекова готова даже назвать «Письма» «предроманом»: «Недаром в названии фигурирует слово “путешественник”, а не “путешествие”»¹⁴¹.

Впрочем, подобные изменения становятся особенно заметными (как и в «классических» путешествиях) уже за пределами текста произведения – на родине. Ср. в переписке А.И. Плещеевой и А.М. Кутузова рассуждения о Карамзине: «Я всякий день его вижу, но вижу не того, который поехал от меня. Сердце его сто раз было нежнее и чувствительнее... Перемена его состоит еще в том, что он более стал надежен на себя». Адресат полностью с ней согласился: «Видно, что путешествие его произвело в нем великую перемену...»¹⁴²

Таким образом, «мысленные путешествия» окружали Карамзина можно сказать со всех сторон, также, впрочем, как и действительные (М. Монтеня, Ш. дю Пати, К.Ф. Морица и мн. др.), и он активно их использовал в своем произведении. На одном из первых мест тут стоит, конечно, Л. Стерн¹⁴³, причем не только с «Сентиментальным путешествием по Франции и Италии» (1768), но и с «Жизнью и мнениями Тристрама Шенди, дженльтмена» (1767), ведь «VII том “Жизни и мнений...” представляет собой *путевые записки* Тристрама, который, спасаясь от настигающей его Смерти, предпринял путешествие по Франции. Поэтому этот том тематически и структурно соотносим со вторым стерновским произведением (“Сентиментальным путешествием по Франции и Италии”. – В. Г.) как еще один вариант сентиментальной разновидности жанра»¹⁴⁴. При разговоре о Стерне не следует к тому же забывать верного наблюдения В.И. Маслова: английский писатель «привлекал к себе внимание не как юморист; эта сторона его таланта на первых порах как-то мало отмечалась его русскими поклонниками. Стерн интересовал главным образом как представитель сентиментального

течения... отмечалось преимущественно гуманное настроение у Стерна, постоянный призыв его к чувствительности, в которой Стерн действительно видел могучее средство для улучшения человеческих настроений...»¹⁴⁵

Именно это сходство уловил анонимный соотечественник Стерна из «Эдинбургского обозрения» в своем отзыве на «Письма русского путешественника». «Господин Карамзин, – указывал он, – есть один из числа тех нежных путешественников, которые называются у нас тонкочувствующими или *сентиментальными*. Они объезжают обширные страны единственно для излияния своих чувствований, которые с таковою же разнообразностию могли бы они изливать, сидя в четырех углах своей комнаты»¹⁴⁶. Еще раз вернувшись, таким необычным образом, к «четырем углам» благословенного жилища Карамзина на Чистых прудах, мы должны в очередной раз констатировать, что русский писатель 18 мая 1789 г. на самом деле отправился «объезжать обширные страны» и предпочел «мысленному путешествию» путешествие действительное со всеми его тяготами и радостями.

* * *

Итак, Карамзин отправился в Западную Европу XVIII в. с ее «земным раем» – Францией. Попытаемся сопоставить два взгляда на эту страну: один принадлежит старшему современнику Карамзина – Д.И. Фонвизину, другой – ему самому, точнее, «русскому путешественнику». Разница во времени между заграничными письмами того и другого невелика, что-то около одного десятилетия.

«Письма из второго заграничного путешествия» Фонвизина весьма характерны уже в смысле своего словоупотребления. В письме из Монпелье (20 ноября 1777) путешественник отметил: «Словом сказать, господа вояжеры лгут бессовестно, описывая Францию земным раем» (420). И несколько дальше: «Я думал сперва, что Франция, по рассказам, земной рай, но ошибся жестоко» (423). То же и в письме к сестре из Парижа (август 1778): «Правду ты пишешь, что нас в России обманывают без милосердия Кары, Машковы и прочие, говоря о здешней земле, как о земном рае» (450). В последнем письме упоминаются, вероятней

всего, генерал Василий Алексеевич Кар (1730–1806), совершивший в 1770–1773 гг. зарубежную поездку «на теплые воды для лечения» (в письме родным от 8 сентября 1763 г. Фонвизин передавал от него «почтение») ¹⁴⁷, и, вероятно, секретарь и почетный советник русского посольства во Франции (1780–1790) Александр Машков (Мошков) (р. 1760), крупный масон, с которым в 1790 г. встречался в Париже Н.М. Карамзин ¹⁴⁸.

Одним из очевидных признаков образа рая (как сада и как города – эти две линии интерпретации темы рая выделяет С.С. Аверинцев) ¹⁴⁹, Эдема, парадиза («сада, парка») в мировой литературе является благоухание: даже останки, мощи святых, души которых находятся в раю, часто благоухают, что свидетельствует об их земном прославлении. Конечно, секуляризированный «земной рай» утопии нового времени отличается от «классического» рая в первую очередь тем, что создается человеком для себя и других в качестве идеального образца, примера для подражания. При попытке реализации такого проекта на практике (история знает немало подобных попыток) идеал, в любом случае, при всех, порой значительных, расхождениях неизбежно ориентируется на общий образ библейского рая, включая «благорастворение воздуш» (слова из молитвенного прошения «О благорастворении воздуш, о изобилии плодов земных и временех мирных...», входящего в двенадцать прошений великой (мирной) ектении, предваряющей большинство служб православной церкви). Возьмем, например, многие образцы садово-паркового искусства, в том числе в Древней Руси ¹⁵⁰.

А.А. Матвеев в уже известном нам описании Парижа, точнее, вступлении к нему («о древности города сего, о мере его, о крепости его...» и т.д.) ¹⁵¹ сообщал, что «именование тот город, по истолкованию старых описателей, приемлет себе Лютеции, якобы на болоте основанной, которое по латине сказывается лю-тум, понеже грязей от мокрот натурального своего положения много в городе том, и естли бы крепким великим камением не были по изрядному размеру все улицы намошены, в нем не только б от гнусностей вони, но и из натечения тех грязей никакой бы мог тому городу проезд быть...» ¹⁵² Получается, что в силу своего географического положения Париж («на болоте основанный») мог бы утонуть в грязи и задохнуться от «гнусностей вони» (неизбежно

напрашивается аналогия с Санкт-Петербургом)¹⁵³, однако человек «намостил» его улицы «крепким великим камением», и стал «тот город Париж изрядной, и вельми всем народам покойной и свободной».

Д.И. Фонвизин во время путешествия задолго до Парижа начал обращать внимание на запахи¹⁵⁴. «При въезде в город (речь идет о пограничном Ландо. – В. Г.) сшибла нас мерзкая вонь, так что мы не могли уже никак усомниться, что приехали во Францию. Словом, о чистоте не имеют здесь нигде ниже понятия, – все изволят лить из окон на улицу, и кто не хочет задохнуться, тот, конечно, окна не отворяет» (418). Затем следуют Страсбург, Бресс – «город изрядный, коего жители также по уши в нечистоте» (418). «Стоит внимания» Лион – «город превеликий, премноголюдный». Рассказав о его достопримечательностях (отметим, что, описывая достопримечательности Франции, Фонвизин не скупился на похвалы: так, в том же Страсбурге на него произвела сильное впечатление «мавзолея» маршала Саксонского – «верх искусства человеческого»), иначе говоря, о «доброй стороне», путешественник обратил внимание и на «худую». «Во-первых, надлежит зажечь нос, въезжая в Лион, точно так же как и во всякий французский город» (420). Более того, оказывается, что в немалой степени в «скверном» содержании улиц виноваты сами жители. Фонвизин вспоминал в том же письме сестре из Монпелье от 20 ноября (1 декабря) 1777 г.: «Шедши по самой лучшей улице в Лионе, увидел я вдруг посреди ее много людей и несколько блистающих факелов среди белого дня. Я думал, что это какое-нибудь знатное погребение, и подошел посмотреть поближе. Вообрази же, что я увидел? Господа французы изволят обжигать свинью! Подумай, какое нашли место, и попустила ли б наша полиция среди Миллионной улицы опаливать свинью!» (420).

Наконец, очередь доходит и до долгожданного Парижа, который незримо присутствовал в заграничных письмах Фонвизина чуть ли не с первого его шага по французской земле. «Мы не видали Парижа, это правда, – писал он родным из Монпелье, – посмотрим и его; но ежели и в нем также ошибемся, как в провинциях французских, то в другой раз во Францию не поеду» (420). Рассказывая о неучтивом поведении французских лакеев в Монпелье, путешественник добавлял: «В Париже, сказывают, точнехонько

то же» (429). Посещение французской столицы должно подвести итог впечатлениям от всей страны: «Остается нам видеть Париж, чтоб формировать совершенное заключение наше о Франции; но кажется, что найдем то же...» (434).

Последнее предположение полностью подтвердится, во всяком случае во всем, что касается нечистоты и запаха. В этом Париж, который «немножко почище свиного хлева» (450), мало чем отличался от других французских городов и селений. И от некоторых городов остальных западноевропейских стран, причем вплоть до 1830-х годов. Сошлемся на свидетельство еще одного неутомимого путешественника – Гоголя (в передаче А.А. Краевского). «Пройдя» всю Европу, «все города оценивает он одною меркою, запахом: в этом городе нет вони, а в этом очень воняет, потому что льют нечистоты на улицу»¹⁵⁵. Однако Фонвизин уже подводил итоги своим впечатлениям. Письмо к П.И. Панину из Парижа от 14/25 июня 1778 г. представляет собой полноценный аналитический трактат по поводу «сего пространного города» и излагает наблюдения путешественника («примечания», по Фонвизину) над бытом и нравами французской столицы «с большим основанием и точностью» (471).

«Нечистота в городе такая, – констатировал писатель, – какую людям не вовсе оскотинившимся, переносить весьма трудно. Почти нигде нельзя отворить окошко летом от зараженного воздуха. Чтобы иметь все под руками и ни за чем долго не ходить, под всяким домом поделаны лавки. В одной блистает золото и наряды, а подле нее, в другой, вывешена битая скотина с текущею кровью. Есть улицы, где в сделанных по бокам стоках течет кровь, потому что не отведено для бойни особливое места».

Теперь можно было обобщить впечатления такого рода и от всей страны, тем более что путешественник пересек значительную ее часть от баварского городка Ландау, принадлежавшего во времена Фонвизина Франции (Ландо), до Парижа¹⁵⁶: «Такую же мерзость нашел я и в прочих французских городах, которые все так однообразны, что кто был в одной улице, тот был в целом городе; а кто был в одном городе, тот все города видел». «Париж пред прочими имеет только то преимущество, – вернулся к французской столице Фонвизин, – что наружность его несказанно величественнее, а внутренность сквернее» (475).

У Карамзина в «Письмах» такое противопоставление приобрело пространственный характер (издали – «великолепен», вблизи – «нечист, грязен»). При этом Путешественник не мог избежать сравнения быстроменяющейся картины французской столицы с театром («декорации» и т.п.). Этот образ будет почти неизменно присутствовать во все время его пребывания в Париже (см. выше описание «костюмированной» встречи Путешественника с аббатом Бартелеми). Конечно, Путешественник, «зная твердо Шекспира»¹⁵⁷, многократно ссылаясь на него, обильно цитируя¹⁵⁸, не мог не знать знаменитой максимы из монолога шекспировского Жака (Как вам это понравится. Акт II, сцена VII): «All the world's stage...» и т.д. («Весь мир – театр...» и т.д.), но в тексте «Писем» нигде на них не ссылался. Однако сама жанровая ситуация путешествия (путешественник – зритель; мир и люди перед ним – театр и актеры) эти слова подразумевает (ср. с ситуацией в пушкинском «К вельможе», описанную выше). Не случайно «Письма русского путешественника» завершались и театральным образом «Китайских теней... воображения»¹⁵⁹.

Ю.М. Лотман возводил «одну из любимейших в языке и сознании Карамзина» метафор: «Жизнь – китайские тени моего воображения» именно к парижским театральным впечатлениям Карамзина и предполагал, что тот посещал «Театр Серафена, или Театр китайских теней, который с 1784 г. находился в Пале-Рояле, а позже переехал на Бульвар Тампль»¹⁶⁰. Серафен (Серафим) – псевдоним семьи итальянских актеров-кукольников, глава которой Франсуа-Доменик создал «труппу из картона» и в 1772 г. с успехом показал первый «теневого» спектакль в Версале. «Китайские тени, – объявлялось в афише театра, – посредством света и тени изображают все движения человека, танцы с поразительной точностью». Впрочем, театр теней был достаточно популярен и в России. Еще в 1710 г. в Славяно-греко-латинской академии состоялось представление панегирической комедии архиепископа Фефилакта (Лопатинского) «Божие уничижителей гордых уничижение» с элементами театра теней. В 1732 г. в Санкт-Петербурге было дано «Действие об Иосифе», в котором «сквозь полотна» показывались сны Фараона и т.д. В 1733 г. «Санкт-Петербургские ведомости» писали о театре теней («О позорищных играх в комедиях и трагедиях»): «И хотя таким способом показанные фигуры

ничего не говорят, однако же от знаков и других показаний познается, что оныя знаменует. Сею тенью изображаются многия зело дивныя виды и их применения, что в других позорищных играх не так хорошо уточняться может». Однако вернемся к «Письмам».

Все путешествие по Франции проходит у Карамзина под знаком Талии и Мельпомены, Терпсихоры и Каллиопы. «С приезде моего в Париж все вечера без исключения проводил я в спектаклях», — признается Путешественник в письме от 29 апреля 1790 г.¹⁶¹ Парижским театрам (с характеристикой актеров и т.п.) посвящено немало страниц «Писем». Уже первые впечатления от страны, по переезде туда из Швейцарии, связаны с посещением лионского театра. Триумф танцовщика Вестриса и явно ироническое отношение к нему Путешественника («Итак, легкость ног есть добродетель почтенная!») заставляет с самого начала заключить, что во Франции не стоит «искать искренности, искать симпатического сердца»¹⁶². Потом будут замечания о «холодной ласке», с которою «здесь обыкновенно чужестранцев принимают», о неприятной «холодной учтивости» парижан и т.п.¹⁶³

«Скоро въехали мы в предместье Св. Антония, — рассказывал Путешественник, — но что же увидели? Узкие, нечистые, грязные улицы, худые дома и людей в раздранных рубищах. И это Париж? (думал я) — “город, который издали казался столь великолепным?”» Но карамзинский критицизм при виде города, «который в течение многих веков был образцом всей Европы, источником вкуса, мод <...> которого имя стало мне известно почти вместе с моим именем...», быстро сменился «некоторым изумлением». «Но декорация совершенно переменялась, — свидетельствовал Путешественник, — когда мы выехали на берег Сены; тут представились нам красивые здания, дома в шесть этажей, богатые лавки. Какое многолюдство! какая пестрота! какой шум!.. <...> Мне казалось, что я как маленькая песчинка попал в ужасную пучину и кружусь в водном вихре»¹⁶⁴.

По этому же принципу: панорама города > город вблизи, «изнутри», строилась у Карамзина и обобщенная характеристика французской столицы, включающая контрастную «пошаговую» смену впечатлений (в том числе и от парижских запахов, уже знакомых нам по письмам Фонвизина). Путешественник пригласил читателя пройти по «искуснейшему саду в Европе» — Тюильри,

примыкающему «к великолепному дворцу: вид прекрасный!», и, поднявшись на одну из его террас, предложил: «...взгляните на все, и скажите, каков Париж? Мало, если назовете его первым городом в свете, столицей великолепия и волшебства. Оставайтесь же здесь, если не хотите переменить своего мнения...»

Но сам Путешественник уже не мог остановиться и продолжил: «...пошедше далее, увидите... тесные улицы, оскорбительно смешение богатства с нищетою; подле блестящей лавки ювелира кучу гнилых яблок и сельдей; везде грязь и даже кровь, текущую ручьями из мясных рядов – зажмите нос и закроете глаза. Картина пышного города затмится в ваших мыслях, и вам покажется, что из всех городов на свете через подземельные трубы сливается в Париж нечистота и гадость». Но и это еще не все: оказывается, калейдоскоп картин и запахов, естественных и искусственных, может продолжаться до бесконечности. «Ступите еще шаг, и вдруг повеет на вас благоухание щастливой Аравии, или, по крайней мере, цветущих лугов Прованских: значит, что вы подошли к одной из тех лавок, в которых продаются духи и помада, и которых здесь множество». Предварительный итог подводился, исходя из формулы, которая здесь не определилась, но которой была суждена долгая жизнь в последующей литературе путешествий: Париж – город контрастов. «Одним словом, что шаг, то новая атмосфера, то новые предметы роскоши или самой отвратительной нечистоты – так, что вы должны будете назвать Париж самым великолепным и самым гадким, самым благовонным и самым вонючим городом»¹⁶⁵.

Однако вернемся к Фонвизину. Его сатирическому, буквально разоблачающему, т.е. срывающему все и всяческие покровы, аналитическому взгляду ближе антитеза: наружное – внутреннее, видимое – скрытое и т.п. Она будет преследовать его на протяжении всего путешествия, затрагивая все сферы французской жизни вплоть до бытовой. Вот, например, внешнее: «прекрасные кружевные манжеты». А вот и скрытое, сокровенное: они пришиты к рубашке «из дерюги». В ответ на недоуменный вопрос путешественника «весьма благородные люди» отвечали обычным для французов «резонном»: «que cela ne se voit pas (этого не видно снаружи)» (429–430). «Предобрая и богатая» маркиза Fraigeville обычно прекрасно принимала гостей в «парадных покоях», но

когда путешественник случайно забежал к ней не в обычное время и застал обедающей на кухне с прислугой «без всякого стыда отвечала», «что как нет у нее за столом людей посторонних, то для экономии, чтоб не разводить огня в камине столовой комнаты, обедает она на поварне, где на очаге огонь уже разведен» (431–432) и т.п.

Впрочем, в письме к П.И. Панину Фонвизин уже обратился к исследованию истоков антисанитарного состояния французских населенных пунктов, которые он увидел в национальных («цивилизационных») особенностях всего французского уклада жизни (отсутствие бань и т.п.). «Напрасно говорят, – заключил он “зловонную” (мефитическую, как выразился бы Карамзин) тему, отвечая возможным оппонентам, – что причиною нечистоты многолюдство. Во Франции множество маленьких деревень, но ни в одну нельзя въезжать, не зажав носа. Со всем тем привычка от самого младенчества жить в грязи по уши делает, что обонянии французов нисколько от того не страдает» (475).

Любопытно сравнить эти наблюдения с авторитетным свидетельством Петра I: «Хорошо перенимать у французов науки и художества, и я бы хотел видеть это у себя; а в прочем Париж воняет»¹⁶⁶. В качестве же литературного комментария к такому сравнению, на наш взгляд, как нельзя лучше подойдет оксюморон первых строчек еще одного «путешествия воображения» – «Путешествия NN в Париж и Лондон, писанного за три дни до путешествия» (1808) И.И. Дмитриева, вышучивающего в этом произведении еще не состоявшийся зарубежный вояж В.Л. Пушкина: «Друзья! сестрицы! я в Париже! Я начал жить, а не дышать!»¹⁶⁷

Отметим, что в 1836 г. А.С. Пушкин написал для «Современника» заметку об этой «веселой, незлобной шутке над одним из приятелей автора», но не успел ее напечатать (впервые опубликована в 1855 г.). Здесь уместно напомнить об отношении Пушкина к путевым письмам «из перерусских русского» Д.И. Фонвизина. Поэт полагал, что и фамилию автора «Недоросля» нужно писать в одно слово: «Не забудь *Фон-Визина* писать *Фонвизин*. Что он за нехрист?» (из письма Л.С. Пушкину от первой половины ноября 1824 г.)¹⁶⁸. Автор первой биографии Фонвизина П.А. Вяземский вспоминал, что, по мнению Пушкина, он «слишком живо нападал» на Фонвизина в своей книге «за мнения его о французах», и добавлял

о великом друге: «При всей просвещенной независимости ума Пушкина в нем иногда пробивалась патриотическая щекотливость...»¹⁶⁹ «Просвещенную независимость ума» Пушкин в полной мере проявил при чтении рукописи книги П.А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине», в частности того места в ней, где биограф пеняет путешественнику за его «брезгливость» при описании Парижа.

В своих заметках на полях рукописи Пушкин, как всегда, лаконичен: «Нечистота Парижа вошла в пословицу – *voyez Voltaire, Mercier, Stern etc.*»¹⁷⁰. В подкрепление мнения Фонвизина и Карамзина (также и Пушкина) о нечистоте Парижа приведем цитату из произведения только одного из писателей, упомянутых в пушкинской маргиналии (тем более что на него ссылался Карамзин в «Письмах русского путешественника»). «Трупный запах дает себя чувствовать почти во всех парижских церквях <...> Все дома пропитаны здесь зловонием, и их обитатели от этого постоянно больны. В каждом доме можно найти источник гниения; из множества отхожих ям исходят заразные испарения <...> Чистильщики выгребных ям, желая избавить себя от труда вывозить нечистоты за черту города, выливают их на рассвете в сточные канавы...» (Л.-С. Мерсье. Картины Парижа. 1781. Глава 43 «Тлетворный воздух») ¹⁷¹.

Пословица «Славны бубны за горами» (в письме Я.И. Булгакову из Монпелье от 25 января 1778 г., А.Я. Булгакову из Монпелье от 25 января 1778 г., в письме сестре из Парижа от 11/22 марта 1778 г.) стала своего рода смысловым рефреном путевых писем Фонвизина. Эта же пословица приходила на ум и другим русским путешественникам, например В.Н. Зиновьев привел ее, рассказывая в письме из Брауншвейга от 28 (17) августа 1784 г. о посещении Магдебурга¹⁷², а князь И.М. Долгоруков даже вынес в заглавие своего произведения: «Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года» (М., 1870).

Как мы видели, Карамзин далек от того, чтобы представлять Францию и, тем более, Париж «земным раем». Этого наименования у него удостоилась только «верхняя часть Германии», которую он посетил в самом начале путешествия (Мангейм, 3 августа): «Дорога гладка как стол – везде прекрасные деревни – везде богатые виноградные сады – везде плодами обремененные деревья –

груши, яблоки и грецкие орехи растут на дороге (зрелище, в восторг приводящее северного жителя, привыкшего видеть печальные сосны и потом орошаемые сады...)»¹⁷³. Заметим, что «земной рай» русский путешественник представлял прежде всего как сад, парадиз. Однако для Карамзина, в отличие от Фонвизина и др., «бубны за горами» оказались именно «славны». Вместе с тем фонвизинские письма из заграничного путешествия (сентябрь 1777 – август 1778) к гр. П.И. Панину под заглавием «Письма из Франции к одному вельможе в Москву» были впервые напечатаны именно в карамзинском «Вестнике Европы» за 1806 г. (Ч. 26, № 7, 8; Ч. 27, № 9). Диалог между русскими путешественниками по поводу Франции продолжался, таким образом, и после смерти одного из них.

* * *

«Письма» во многом определяли позицию Карамзина и тогда, когда он стал путешествовать по Подмоскovie. Два, как сегодня бы сказали, историко-краеведческих очерка писателя – «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице» (ч. 4, № 15, 16; ч. 5, № 17) и «Путешествие вокруг Москвы» (ч. 7, № 4) – были опубликованы в «Вестнике Европы» в 1802–1803 гг. Сам автор, осознавая несопоставимость географического масштаба такого путешествия с «Письмами», вспомнил в «Путешествии вокруг Москвы» слова «Дюкре Жанлис, которая не любит чувствительных путешественников, *проехавших мило, чтобы написать том*»¹⁷⁴. М.Ф.Д. Жанлис, вероятней всего, имела в виду «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» (1768, рус. пер. 1793) Лоренса Стерна и произведения его подражателей, например популярное произведение своего соотечественника Ксавье де Местра «*Voyage autor de ma chamber*» («Путешествие вокруг моей комнаты»), вышедшее в Турине в 1794 г. (рус. пер. 1802)¹⁷⁵. Ср. также с рецензией на «Письма русского путешественника» из «Эдинбургского ревью» (см. выше).

Карамзинские очерки были своего рода подготовительным этапом в работе над «Историей Государства Российского». Портрет Бориса Годунова в «Исторических воспоминаниях вместе с другими замечаниями на пути к Троице и в сем монастыре»¹⁷⁶,

например, являлся предварительным эскизом для характеристики этого государя во II главе XI тома «Истории Государства Российского» (1824).

В «Исторических воспоминаниях» писатель сразу же отделил себя от паломнической традиции: «Троицкий монастырь свят не только для сердец набожных...» Для автора важнее другая, «светская», святость, и он продолжил: «...но и для ревностных любителей отечественной славы...» И тут же следовала отсылка к образу «просвещенного иностранца», столь знакомого читателям «Писем»: «...не только Россияне, но и самые просвещенные иностранцы, знающие нашу Историю, любопытствуют видеть место великих происшествий»¹⁷⁷.

Образ «просвещенного иностранца» будет постоянно сопровождать русского путешественника. Так, описывая мытищинский «водовод», построенный при Екатерине II, автор не преминул воскликнуть: «Я уверен, что всякий иностранный путешественник с удовольствием взглянет на сие дело общественной пользы»¹⁷⁸. Рассказывая о самой Троице-Сергиевой лавре, он вновь о нем вспомнил: «Иностранцы, которые видали богатство Италианских и Гишпанских монастырей, могут еще подивиться богатству Троицкой ризницы...»¹⁷⁹.

Осматривая святыни отечественной истории, автор, конечно, не собирался позиционировать себя как иностранца (даже совсем наоборот), но не мог не вспомнить и об опыте своих европейских странствий: «Мне случилось видеть памятники иностранной древности; но дворец Государя Алексея Михайловича (в селе Алексеевском. — В. Г.) гораздо более занимал мое воображение, даже и сердце. Я с какою-то любовью смотрел на те вещи, которые принадлежали еще к характеру старой Руси; с каким-то неизъяснимым удовольствием брался рукою за дверь, думая, что некогда отворял ее Родитель Петра Великого, или канцлер Матвеев, или собственный предок мой, служивший Царю. Я чувствовал, что во мне не простыла Русская кровь!» Н.М. Карамзин, как известно, считал себя потомком представителей древнего крымскотатарского рода Кара-Мурзы (кара — «черный», мурза-мирза — «господин, князь»), крестившихся и перешедших на службу Московскому государству еще в XVI в. — здесь они и получили фамилию Карамзины. Известны Василий Карамзин (1534 г., под Костромой), Федор (1600,

Нижегородский уезд), Семен и др. С 1606 г. их стали жаловать поместьями, т.е. отнесли к дворянам. Сам Карамзин о своих предках в «Истории Государства Российского» не упоминал, мы также не располагаем сведениями о Карамзиных, служивших при дворе царя Алексея Михайловича.

Сопоставление с европейскими впечатлениями продолжилось и при описании села Тайнинского: «Жаль, что такое приятное место, окруженное водою и густо осененное старыми деревьями <...> теперь остается дикою пустынею <...> Мосты сгнили так, что я великим трудом мог через один из них перебраться. Эта неприступность напомнила мне Эрменонвильский остров, где некогда покоились Руссовы кости»¹⁸⁰. В недатированном письме из Эрменонвиля в четвертой части «Писем» (опубл. в 1797) Карамзин рассказал о посещении на лодке «маленького прекрасного острова» недалеко от Парижа, где располагался «свинцовый гроб» Ж.-Ж. Руссо с надписью: «*Nic jacent ossa J.J. Rousseau*, здесь лежат кости Руссовы»¹⁸¹. Но в текст «Исторических воспоминаний» были внесены необходимые временные коррективы («некогда»): останки Руссо, как известно, перенесли в Парижский пантеон во время якобинской диктатуры.

И, наверное, самый любопытный пример подобных (в данном случае, швейцарско-русских) параллелей. В письме из Женевы от 26 января 1790 г. русский путешественник описал свое посещение «добронравной» четы Бонне (Боннет), «великого Философа», «почтенного старца» Шарля (ему было тогда 70 лет) и его супруги. «Я сидел между ими, – заметил путешественник, – как между Филемоном и Бавкидою»¹⁸². То же сравнение пришло на ум Карамзину, когда по дороге к Троице, в маленькой деревне Талице, он встретил «старика с сумою и проговорил с ним долее часу. Ему около ста лет; но он едва начинает сесть, и тверд на ногах как человек лет в 50 <...> Жена у него еще старше (двумя или тремя годами) и живет с ним в хижине как Бавкида с Филемоном <...> Какая редкая судьба! жить вместе 80 лет! Может быть на всем земном шаре нет друга супружества столь долговременно! Я хотел знать, любят ли они друг друга? – «Как не любить! Муж да жена больше, чем брат да сестра {Думаю, что это старинная пословица}...». По этому поводу последовало весьма неожиданное для современного читателя геронтологическое обобщение:

«К удовольствию всех страстных охотников до здешнего света заметим, что едва ли в какой нибудь земле живут так долго, как у нас: не в городах, разумеется, а в деревнях. Всякой год (как известно по ведомостям разных Губерний, вносимым в газеты) умирает в России множество стариков за сто лет. Вот благословение северных земель и трудолюбивой жизни! А мы нередко браним климат свой и боимся работы; хотим богатства, чтобы иметь все без труда – т.е. хотим преждевременной смерти!»¹⁸³

Наблюдение Карамзина в данном случае совпало с точкой зрения исторической науки как XIX в. (И. Братолубов, А. Шингарев), так и современной (Б. Миронов), давно обратившей внимание на то, что смертность у дворян была выше, чем у крестьян, несмотря на худшие условия жизни у последних. И. Братолубов писал об этом: «Правда, что жилища крестьян не так опрятны, как жителей других сословий <...> Но образ жизни и занятия предотвращают болезни и уменьшают смертность. Крестьяне исключительно занимаются земледелием и работают на свежем воздухе, среди полей, лугов и лесов. Труд – в пору и в меру, покой и отдых – вовремя, жизнь – умеренная и непрехотливая, обилие жизненных продовольствий и довольство малым заключают более условий для долговечной жизни»¹⁸⁴.

На протяжении всего очерка автор был вынужден вступать в постоянный диалог и с западноевропейскими путешественниками по России, отдавая их произведениям, как историческим источникам, предпочтение перед летописями. «К сожалению, – констатировал Карамзин, – мы худо знаем старинные обычаи; а что и знаем, то по большей части от иностранцев, которые, быв в России, описывали их: например, Герберштейн, Олеарий, Маржерет и другие. Летописцы наши и не подозревали, что должно изображать характер времени в его обыкновениях; не думали, что сии обыкновения меняются, исчезают и делаются любопытным предметом для следующих веков»¹⁸⁵.

Карамзин полемизировал, пожалуй, только со своим старшим современником Г. Миллером, указывая на неточности, содержащиеся, по его мнению, в цикле статей «Описание городов Московской провинции», печатавшихся в конце 1770–1780 гг. преимущественно в «Новых ежемесячных сочинениях». При этом Карамзин далеко не всегда внимательно вчитывался в текст своего

предшественника. Размышляя о том, «что не только люди, образ их жизни и творений, но и самый вид Натуры переменяется со временем», русский путешественник заключил: «Теперешние веселые луга и поля были некогда или болотом или густым лесом. Г. Миллер удивляется, от чего Переславль назван Залесским, когда вокруг его нет даже и рощи! Видно, что он без внимания смотрел на окрестности Троицкой дороги, частый кустарник и самый грунт земли (на правой и на левой стороне) доказывают, что тут были сплошные леса, которые, вероятно, простирались и далее к северу, т.е. к Переславлю»¹⁸⁶. Однако Г. Миллер в конце очерка «Поездка в Троицкой Сергиев монастырь, в Александрову слободу и Переславль-Залесской» рассуждал подобным же образом: «По сей дороге любопытствовал я примечать на тот большой лес, от коего город Переславль мог называться *Залесским*, но нигде большого лесу не усмотрел. Густые кустарники <...> можно почесть за признаки, что прежде там большие леса были». Г. Миллер на этом не остановился и даже решил предупредить читателей: «При сем может притти на мысль усердному патриоту, сколь великаго впредь в лесах недостатка опасаться должно, но сие касается не только до сих стран, но и до ближних мест подмосковных...»¹⁸⁷

Примерно так же обстоит дело и при описании села Братовщины. Г. Миллер упоминал «старый деревянный дворец, где прежние цари, когда обыкновенные для богомолья к Троицкому монастырю путешествия предпринимали, для отдохновения останавливались». Этот дворец, «похожий на анбар», Карамзин назвал «Царскою вышкою» (путевой дворец был снесен в 1819 г.) и добавил: «Близ ветхой церкви (где давно нет ни службы, ни образов) построен дворец при Елисавете Петровне: Г. Миллер ошибся, назвав его древним зданием царей»¹⁸⁸. Между тем аккуратный Г.Ф. Миллер совсем не ошибся: он побывал в Братовщине при самом начале строительства «нового императорского дворца и церкви», которые были заложены не при Елисавете Петровне, как полагал Карамзин, а при Екатерине Алексеевне в 1775 г., когда «августейшая монархиня» «имела... путешествие в Троицкий монастырь»¹⁸⁹.

В «Исторических воспоминаниях» автор всегда сохранял взгляд и словарь «просвещенного европейца», литератора преромантической эпохи. Рассказывая о преподобном Сергии в начале

второй части очерка, он заметил: «Здесь мрак лесов и дикое уединение, оградив его своею тишиною, не мешали святому юноше мирно беседовать с Творцем Натуры...», Троицкий монастырь для него «истинный Русский Палладиум» и т.п. Когда в «Истории Государства Российского» зашла речь о Троице-Сергиевой лавре, например в рассказе о благословении Дмитрия Донского на Куликовскую битву «Сергием, игуменом уединенной Троицкой обители, уже знаменитой добродетелями своего основателя» (Т. V, гл. I), писатель был гораздо сдержаннее и не позволял себе поэтических «вольностей».

Словом, Карамзин выступил в этом очерке прежде всего как просвещенный европеец, в недавнем прошлом автор «Писем русского путешественника», в недалеком будущем автор «Истории государства Российского», вполне толерантно (как сказали бы сегодня) относившийся к религиозным убеждениям соотечественников, но едва ли их разделявший или, может быть, говоря точнее, не собиравшийся демонстрировать собственную веру столь же просвещенному читателю.

Напомним, что в «Письмах» Путешественник высказывался по поводу христианских (католических) монастырей с гораздо большей определенностью. Таков, например, рассказ (Эрфурт, 22 июля) о посещении бенедиктинского монастыря, куда Путешественник пришел, чтобы поклониться могиле графа Э. Глейхена и его «семьи». О романтической истории запретной любви крестоносца (жизнь втроем)¹⁹⁰ Карамзин мог прочитать в повести К. Музеуса «Мелехсала» (кстати сказать, этот немецкий писатель был также автором «Физиогномических путешествий») и в юношеской драме Гете «Стелла». «Мне казалось, – повествует впечатлительный герой-путешественник, – что я пришел в мрачное жилище Фанатизма. Воображение мое представило мне сие чудовище во всей его гнусности, с поднявшимися от ярости волосами, с клубящеюся у рта пеною, с пламенными, бешеными глазами, и с кинжалом в руке, прямо на сердце мое устремленным. Я затрепетал, и холодный ужас разлился по моим жилам. Из глубины прошедших веков загремели в мой слух адские заклинания...»¹⁹¹

Подведем некоторые итоги. Историко-литературный процесс в России XVIII – первой трети XIX вв. определялся многими общественно-политическими и т.д. факторами, в числе которых

следует назвать интенсивную жизненную практику путешествий русских людей в Западную Европу и соответствующее развитие литературы путешествий. Не случайно важнейшим памятником самоопределения новой русской литературы как литературы европейской стали «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина (характерна тут и попытка А.П. Сумарокова выступить в том же жанре и с той же в принципе целью). Демонстративный характер переориентации главного географического маршрута русской литературы с Востока на Запад подчеркивал смену культурно-исторических эпох, вызванную Петровскими реформами, но, как вскоре выяснилось, не отменил и традиционного направления русской литературы путешествий. Тем более что путешествия на Запад во многом сохранили «жанровую память», оставаясь в большей или меньшей степени паломничествами только теперь не к сакральным, а культурно-историческим центрам. В этом смысле особенно характерны попытки «сакрализации» нового западноевропейского маршрута (утопический образ Европы как «земного рая») и критика подобных попыток со стороны тех же русских путешественников («стародумов»). Анализ описания встречи карамзинского Путешественника с аббатом Бартелеми показывает, что Путешественник общался с автором знаменитого «Путешествия юного Анахарсиса по Греции», подчеркнуто следуя ситуативной схеме этого произведения: юный скиф-путешественник приехал в Европу за просвещением и он готов учиться, в частности, у мудреца Бартелеми-Платона (ср. с девизом на кольце Петра I: «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую» и с переосмыслением той же ситуации в пушкинском стихотворении «К вельможе»). Диалог русской литературы (культуры) с западноевропейской продолжал развиваться и в рамках литературы путешествий (утопические путешествия М.М. Щербатова, В.А. Левшина, В.Ф. Одоевского и др.¹⁹², сентиментальные путешествия П.И. Шаликова, В.В. Измайлова и др., пародийные путешествия П.Л. Яковлева, А.Ф. Вельтмана и др.), в очередной раз свидетельствуя об огромном творческом потенциале древнего жанра, существующего на самой границе литературы и действительной жизни.

-
- ¹ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина и их место в развитии русской культуры // *Карамзин Н.М. Письма русского путешественника*. – Л., 1984 (серия «Литературные памятники»). – С. 525–526.
 - ² См.: *Арсеньев А.В.* История посылки первых русских студентов за границу при Борисе Годунове. – СПб., 1887. Н.Д. Блудилина, конечно, не совсем точна, когда утверждает: «На Запад ездили учиться и в допетровскую эпоху. Но это были не русские юноши, а сыновья иностранцев, находившихся на российской службе». – Блудилина Н.Д. Западное учение и русские ученики // *Россия и Запад: Горизонты взаимопознания. Литературные источники последней трети XVIII века*. – М., 2008. – С. 193 (со ссылкой на работы немецких исследователей А. Брюкнера, Э. Амбургера, В. Буша). Это же положение исследовательница дословно повторила в монографии «Запад в русской литературе XVIII века» (М., 2005. С. 202), отметив несколько ранее (С. 55): «Именно с царствования Петра ведут свое начало путешествия русских людей на Запад с образовательной целью». Впрочем, уже на следующей странице уточнила: «...Борис отправил за границу 18 молодых дворян. Это явилось первым образовательным путешествием русских людей на Запад». ПЛДР. Сер. XVI века. – М., 1985. – С. 538. Ср.: С. 382.
 - ³ См., напр.: *Кознина О.* Англия глазами русских // «Я берег покидал туманный Альбиона...» Русские писатели об Англии. 1646–1945. – М., 2001. – С. 5.
 - ⁴ *Вестник Европы*. – 1802. – Ч. 5. – № 17. – С. 34.
 - ⁵ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. XI. Гл. I. – М., 1989. – С. 53; репринт изд. 1842–1844 гг.
 - ⁶ *Андреев А.Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX в. – М., 2005. – С. 101.
 - ⁷ См.: *Романюк С.К.* Русский Лондон. – М., 2009. – С. 17–18. Со ссылкой на исследование Кэти Шулински (Cathy Czulinski), но без указания выходных данных этой работы, с которой нам, к сожалению, так и не удалось познакомиться.
 - ⁸ *Кознина О.* Англия глазами русских. – С. 5.
 - ⁹ *Андреев А.Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX в. – С. 100. Со ссылкой на: Raab H. Die Anfänge der slawischen Studien im deutschen Ostseeraum unter besonderer Berücksichtigung von Mecklenburg und Vorpommern // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst Moritz Arndt-Universität Greifswald. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe*, Nr. 4/5 (1955/56). S. 359.
 - ¹⁰ Годуновские «ученики, – утверждают современные “аналитические библиографы” (*Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Первое европейское путешествие царя Петра. Аналитическая библиография за три столетия: 1697–2006. – СПб., 2008. – С. 569), – не были первыми (Григорий Истома при Иване III, кн. Лыков при Иване IV...)), но при этом не ссылаются на источники. Сведениями

о том, что известный дипломат, переводчик с латинского и немецкого языков при дворе Ивана III и Василия III, участник многих русских посольств, открывший в 1496 г. путь в Западную Европу вокруг Кольского и Скандинавского полуостровов, Григорий Истома Малый обучался за границей, мы не располагаем. Сообщение С. Герберштейна о том, что «Григорий Истома, человек дельный, научился латинскому языку при дворе Юхана, короля датского» (*Герберштейн Сигизмунд*. Записки о Московии. Т. I. – М., 2008. – С. 509), в данном случае говорит о другом. Вероятно, в 1493 г. «подьячий Истома», состоявший в свите русских послов в Данию Д. Ларева (Ралева) и Д. Зайцева, воспользовался случаем и занялся повышением своего образовательного уровня (об этом посольстве см.: *Гамель И.Х.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. – СПб., 1865. – С. 162–164). Так что говорить о специально «образовательном», «учебном» путешествии Григория Истома на Запад не приходится. Можно предположить, что точно так же повышали свой уровень владения тем или иным языком, путешествуя за границу, и другие русские послы или толмачи при них состоявшие. Нам ничего неизвестно и о том, где получил свое образование и «кн. Лыков», тем более что библиографы не указали его инициалов, а эпоха Ивана IV знает целый ряд представителей этой фамилии. С напоминанием «о тысячах освобожденных русских полоняников, часть которых возвращалась в Московию, а часть оставалась в Европе (голландскому языку волонтеров, приехавших с В<еликим> П<осолец>ом», обучали «амстрадамские жители» – Павел Романов и Яков Ключев», конечно, нельзя не согласиться, хотя вопрос о «путешественниках поневоле» в целом остается за пределами нашей работы.

¹² См.: *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. II. Первое заграничное путешествие. Ч. I–II. 9 марта 1697 – 25 августа 1698 г. – М., 2007. – С. 12–14.

¹³ *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Труды по русской и славянской филологии. XXVIII. Литературоведение. – Тарту, 1977. – С. 33. Статья перепечатана в кн.: *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т. 1. – М., 1996. – С. 367–368.

¹⁴ См.: *Понырко Н.В.* Сочинение старца Леонтия и школа протопопа Аввакума // ТОДРЛ. – Л., 1976. – Т. 33. – С. 156–163. См. также: *Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. 1701–1703.* – М., 2008 (серия «Литературные памятники»).

¹⁵ *Юзефович Т.* Договоры России с Востоком, политические и торговые. – СПб., 1869. – С. 9–10.

¹⁶ См. об этом, например: *Гуминский В.М.* Святитель Николай и древнерусская паломническая традиция // *Добрый кормчий. Почитание святителя Николая в христианском мире.* Сб. статей. – М., 2010. – С. 192–204. Ср.: *Блудилина Н.Д.* Запад в русской литературе XVIII века. – С. 59–62.

¹⁷ См. об этом: *Гуминский Виктор.* «Сказание» инока Парфения и русская литература // *Парфений (Агеев) инок. Странствия по Афону и Святой Земле.* – М., 2008. – С. 239–271.

- ¹⁸ См.: *Сиповский В.В.* К литературной истории «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина. Вып. 1–5. – СПб., 1898.
- ¹⁹ *Марченко Н.А. (И. Паперно).* История текста «Писем русского путешественника» // *Карамзин Н.М. Письма русского путешественника.* – Л., 1984 (серия «Литературные памятники»). – С. 606.
- ²⁰ Текстологические принципы издания (Лотман Ю.М., Успенский Б.А.) // *Карамзин Н.М. Письма русского путешественника.* – Л., 1984 (серия «Литературные памятники»). – С. 523. От себя заметим, что Карамзин все равно сохраняет в тексте «Писем» явные галлицизмы. Например, «протянуть уши» (с. 189) в значении «прислушаться», «наострить уши» (от avoir l'oreille tendue – букв.: иметь вытянутое ухо) и др.
- ²¹ *Кочеткова Н.Д.* Карамзин Николай Михайлович // *Словарь русских писателей XVIII в.* Вып. 2: К–П. – СПб., 1999. – С. 33.
- ²² *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. Т. IV. Курс русской истории. Ч. 4. – М., 1989. – С. 21.
- ²³ *Левинсон-Лессинг В.Ф.* Первое путешествие Петра I за границу // *Левинсон-Лессинг В.Ф.* История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). – Л., 1985. – С. 308.
- ²⁴ См. об этом: *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 3. – СПб., 1858. – С. 90–91.
- ²⁵ См.: *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. – СПб., 1862. – Т. 1. – С. 163–167. Ср.: *Блудилина Н.Д.* Запад в русской литературе XVIII в. – С. 62–64.
- ²⁶ Один из пунктов Устава Шляхетного сухопутного кадетского корпуса, разработанного И.И. Бецким (1766), гласил: «Если кадеты, будучи выпущены из корпуса, окажут охоту путешествовать в чужих краях с согласия ближайших своих сродников, хотя скоро после выпуска или несколько лет спустя, получившим <...> награждения как в воинских, так и в гражданских науках, позволяем три года путешествовать на иждивении казны корпуса...» Цит. по: *Антология педагогической мысли России XVIII века.* – М., 1985. – С. 188.
- ²⁷ Что делает, напр., Н.Д. Блудилина применительно к образовательным путешествиям второй половины XVIII в. в главе «Формирование нового менталитета “русского европейца” в литературе 1762–1800 гг.» монографии (там же, с. 201–205). Об этом же много писали потенциальные и действительные путешественники первой половины XIX в. «В Германии узнаю всю глубину учености; у англичан научусь политике; во Франции увижу, как должно наслаждаться жизнью». (О путешествии. Избр. соч. и переводы в прозе и стихах. Труды благородных воспитанников Университетского пансиона. Ч. 2. – М., 1825. – С. 77). Ср.: «Во Франции жить можно всего веселее, в Англии свободнее, в Италии – приятнее, в Германии спокойнее» (*Погодин М.П.* Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник. Ч. 4. – М., 1844. – С. 230).
- ²⁸ Ср. с тем, что писал Д.С. Лихачёв во введении к «Поэтике древнерусской литературы»: «Петр ориентировал русскую культуру на те западноевропейские страны, с которыми Россия установила связи уже ранее, в XVII, отчасти

еще в XVI в., – на Голландию и Англию. Влияние Франции в области литературы установилось после Петра, вне намерений Петра. Но ни голландская, ни английская литература в эпоху Петра не привлекли внимания русских писателей» (*Лихачёв Д.С.* Избранные работы: В 3 т. Т. 1. – Л., 1987. – С. 270).

29 См. об этом: *Шестаков В.П.* «Grand Tour» – образовательное путешествие в Италию. (Из опыта Британской и Российской истории культуры) // Золотой век Grand Tour: Путешествие как феномен культуры. – СПб., 2012. – С. 21–77.

30 *Fernández Sánchez J.* Viajeros rusos por la España del siglo XIX. – Madrid, 1985. – P. 7.

31 См.: *Вацуро В.Э.* «К вельможе» // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов. – Л., 1974. – С. 177–221.

32 См., напр.: *Буторов А.В.* Князь Николай Борисович Юсупов. Вельможа, дипломат, коллекционер. – М., 2012.

33 Путешествующим дворянам была посвящена 4-я статья Манифеста, которая, в частности, объявляла: «Кто ж, будучи уволен из Нашей службы, пожелает отъехать в другие Европейские государства, таким давать Нашей Иностранной коллегии надлежащие паспорта беспрепятственно с таковыя обязательством, что когда нужда востребует, то б находящиеся дворяне вне государства Нашего явились в своем отечестве, когда только о том будет учинено надлежащее обнародование...» (ПСЗ. Т. XV, № 1144).

34 См. об этом: *Блудилина Н.Д.* Западное учение и русские ученики // Россия и Запад: Горизонты взаимопознания. Литературные источники последней трети XVIII века. – С. 219; *Блудилина Н.Д.* Запад в русской литературе XVIII века. – С. 222.

35 См. об этом: *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. – М., 1982. – С. 34.

36 См.: *Нифонтов А.С.* Россия в 1848 г. – М., 1949. – С. 73.

37 *Победимова Г.А.* «К великой пользе России...» (Образовательные путешествия молодых дворян Демидовых по Европе в 1751–1761 гг.) // Путешествие братьев Демидовых по Европе. Письма и подневные Журналы 1750–1761 гг. – М., 2006. – С. 11–12.

38 Эта проблема волновала не только старших Демидовых, но и других родителей молодых русских путешественников, отправившихся образовываться в Европу. Вот что писал Н.П. Барышников в связи с учебой в Лейпциге (вместе с А.Н. Радищевым, А.М. Кутузовым, П.И. Челищевым и др.) В.Н. Зиновьева: «Без ошибки можно предположить, что на русский язык весьма мало или вовсе не обращалось внимания и русские воспитанники рисковали совершенно позабыть русскую речь. Письма родителей молодого Зиновьева, адресованные к нему <...> в Лейпциг, представляют тому неопровержимые доказательства. И Николай Иванович и Авдотья Наумовна в каждом письме приказывают сыну писать к ним русские письма...» (См.: Русская старина. 1878, декабрь. С. 627).

- ³⁹ В 1771–1773 гг. по Западной Европе путешествовал дядя братьев Демидовых Н.А. Демидов. Характеристику его путевого Журнала см.: *Блудилина Н.Д.* Западное учение и русские ученики. – С. 218–219; *Блудилина Н.Д.* Запад в русской литературе XVIII века. – С. 221–222.
- ⁴⁰ «Записки» графа А.Р. Воронцова (1758) // Путешествия русских людей за границу в XVIII веке. – СПб., 1878. – С. 66. Ср. со словами безымянного немца, приведенными Н.М. Карамзиным в «Письмах русского путешественника» (письмо из «Курляндской корчмы» от 1 июня 1789 г.): «Кто хочет узнать свет, – говорил он, – тому надобно ехать в Роттердам. Там-то живут славно, и все гуляют на шляпках! Нигде не увидишь того, что там увидишь. Поверьте мне, государь мой, в Роттердаме я сделался человеком!» Характерна реакция карамзинского героя на эти слова: «Хорош гусь!» – думал я...». С той поры немец так и стал для ироничного русского путешественника «немцем, который в Роттердаме стал человеком» (*Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. – Л., 1984. – С. 12, 13). Как тут не вспомнить привязанность к Голландии и особенно к Роттердаму Петра I. Не случайно в наше время в городе установили ему памятник (скульптор Л. Баранов).
- ⁴¹ Цит. по: Русская сатирическая проза XVIII века. – Л., 1986. – С. 78.
- ⁴² См.: *Руссо Ж.-Ж.* Избранные соч.: В 3 т. Т. 1. – М., 1967. – С. 678.
- ⁴³ См., напр., об этом: *Гуминский В.М.* Портреты и литераторы // Панорама искусств-77. – М., 1978. – С. 305–306.
- ⁴⁴ См.: *Шувалов А.П.* Послание к Нинон Ланкло // Россия и Запад: Горизонты взаимопознания. Литературные источники последней трети XVIII века. – М., 2008. – С. 573–590; *Заборов П.Р.* Шувалов Андрей Петрович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3 (Р–Я). – СПб., 2010. – С. 426–428. Ср.: *Гречаная Е.П.* Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII – первая половина XIX в.). – М., 2010. – С. 82–101.
- ⁴⁵ Стремясь сблизиться с французскими литераторами, русские титулованные «парижане» не проявляли особого рвения, чтобы войти во французское высшее общество, предпочитая общение в кругу соотечественников. См. об этом: *Lilti A.* Le monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. – Paris, 2005. – P. 145, 446 (note 97). Ср.: *Гречаная Е.П.* Когда Россия говорила по-французски... – С. 83. На это же обратил внимание и Д.И. Фонвизин, писавший родным из Парижа 11/22 марта 1778 г.: «Русских здесь множество и все живут как одна семья» (439).
- ⁴⁶ О русских путешествиях во Францию этой эпохи см.: *Berelovitch W.* La France dans le «grand tour» des nobles russes au cours de la seconde moitié du XVIIIe siècle // *Cahiers du monde russe et soviétique.* 1993. Т. 34. № 1–2. P. 195–209. В другой своей работе В. Берелович (*Berelovitch W.* Les récits des voyageurs russes en France dans la seconde moitié du XVIIIe siècle. P. 11) ошибочно указывает, что «путевой дневник» братьев Демидовых велся «на русском, французском и немецком языках», тогда как письма и подневные Журналы братьев писались по-русски и только изредка, рассказывая, например,

о купленных книгах, они приводили их названия на языке оригинала (см. об этом в нашей статье выше).

47 См.: РГАДА. Ф. 1278. Оп. 4. № 76. Л. 51–58; Ср.: Кузнецов С.О., Сомов В.А. Строганов (Строгонов) Александр Сергеевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3 (Р–Я). С. 173. Название трактата 20-летнего А.С. Строганова дословно совпадает с характеристикой, данной Ф.Д. Бехтеевым его образовательному путешествию в письме С.Г. Строганову из Парижа от 12/23 сентября 1756 г., хотя, конечно, и тот и другой использовали традиционную словесную формулу, отличавшую «образовательные» и т.п. путешествия от «развлекательных»: «Я желал бы, чтоб все наши россияне в чужих краях с такою же пользою ездили, как сын Вашего Превосходительства» (из семейной хроники рода Строгановых. Письма спутников А.С. Строганова // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. XIV. – М., 2005. – С. 65).

48 См.: Из семейной хроники рода Строгановых. Письма барона А.С. Строганова отцу из-за границы. 1752–1756 гг. // Российский архив. – С. 9–70.

49 Публикатор писем А.С. Строганова в «Российском архиве» К.А. Писаренко оставил это место в письме из Турина без комментариев.

50 См.: Новиков Н.Е. Иеремия II // Православная энциклопедия. Т. XXI (Ив–Ик). – М., 2009. – С. 296.

51 См.: Фонвизин Д.И. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. – М. – Л., 1959. – С. 100, 438.

52 См.: Николай Михайлович, вел. князь. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I. – СПб., 1903. – Т. I. – С. 14, 37–83; Чудинов А.В. Ж. Ромм и П. Строганов в революционном Париже (1789–1790) // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 2. – М., 1998 (статья вышла и на фр. яз.). – С. 57. Ср.: Гречаная Е.П. Когда Россия говорила по-французски... – С. 162.

53 Чудинов А.В. Ж. Ромм и П. Строганов в революционном Париже... – С. 48.

54 Это путешествие по России, а затем по Европе во многом напоминает путешествие внебрачного сына Екатерины II и Г.Г. Орлова А.Г. Бобринского, который в 1782 г. отправился вместе с тремя однокашниками, выпускниками Сухопутного шляхетского корпуса, и в сопровождении полковника А.М. Бушуева и проф. (с 1782 г. академика) Н.Я. Озерецковского путешествовать по России (Псков, Новгород, Москва, Ярославль, Екатеринбург, Тобольск, Уфа, Симбирск, Астрахань, Таганрог, Могилев, Киев и т.д.). Из Варшавы А.Г. Бобринский отправился путешествовать по Европе, откуда вернулся в Россию только в 1788 г. См.: Бобринский А.Г. Дневник // Козлов С.А. Русский путешественник эпохи Просвещения. – СПб., 2003. – С. 356–447. Сама идея необходимости первоначального образовательного путешествия по России, а уже затем по Европе, как известно, принадлежит Д. Дидро и была им высказана в беседе с Екатериной II в 1773 г. в Санкт-Петербурге применительно к наследнику престола Павлу Петровичу. См.: Д. Дидро и Екатерина II. Их беседы, напечатанные по собственноручным запискам Д. Дидро. – СПб., 1902. – С. 49.

- 55 В приложении к своей статье А.В. Чудинов опубликовал четыре письма А.С. Строганову 1789–1790 гг.: Одно Ж. Ромма и три П.С. Строганова с дополнениями Ромма. См.: Там же. – С. 56–62.
- 56 См.: Далин В.М. Первый русский якобинец // Люди и идеи. – М., 1970; Чудинов А.В. «Русский якобинец» Павел Строганов. Легенда и действительность // Новая и новейшая история. – 2001. – № 4. – С. 42–70.
- 57 См.: Гречаная Е.П. Когда Россия говорила по-французски... – С. 140–217.
- 58 См. об этом, напр.: Цимбаева Е.Н. Русский католицизм. Забытое прошлое российского либерализма. – М., 1999 (к монографии приложен список наиболее известных русских католиков XIX в. и их опубликованных сочинений); Шенкман Г.С. Бутурлины. Жизнь между Россией и Италией. – СПб., 2004. Современники пытались по-разному объяснить случаи перехода русских дворян в католичество. Весьма характерна, например, точка зрения М.П. Погодина, представленная в его статье «Месяц в Риме (окончание)»: «...В детстве не получают эти господа и госпожи никаких понятий о религии, разве только поверхностные. В молодости они грешат, увлекаясь потоком света, в старости, в чужих краях, приходят иногда в себя и начинают думать и бояться будущей жизни – в эту-то минуту появляется ловец, услужливый Аббат, красноречивый, снисходительный, – он утешает, объясняет, убеждает и овладевает умом и воображением бедного грешника или грешницы, которые прежде не слыхали и не имели случая ничего слышать подобного о своей церкви, верят на слово, что там и нет ничего кроме заблуждений, не имея силы состязаться оружием слишком неровным, – и упадают в сети. Вот что советовал бы я этим несчастным лицам, как соотечественник и Христианин: выслушав Аббата, согласясь с его верованиями, побывайте, до перехода, у Русского священника или Архиерея, сообщите ему ваши вновь приобретенные мнения, испросите у него ответов, а потом сравните, рассудите и проч.» («Год в чужих краях». Ч. 2). Цит. по: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. Т. 2. – М., 2012. – С. 452.
- 59 Гречаная Е.П. Когда Россия говорила по-французски... – С. 263–264. Н.М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» (Л., 1987. – С. 338) отметил: «Всего же смешнее для меня наши *остроумцы*, которые хотят быть Французскими Авторами. Бедные! Они счастливы тем, что Француз скажет об них: *pour un étranger, Monsieur n'écrit pas mal!* (для иностранца мосье пишет неплохо! – *франц.*)». Ср. в письме Д.И. Фонвизина родным из Монпелье от 31 декабря 1777 г.: «Они (французы. – В. Г.) считают себя за первую в свете нацию и коли скажут: “vous n'avez point l'air étranger du tout”, то тотчас прибавят: “je vous en fais bien mon compliment”!» (Вы совсем не походите на чужестранного; поздравляю вас. – *Перевод Фонвизина*) (433).
- 60 Сам Путешественник, как следует из текста «Писем», пользовался в дороге «серебряным пером». См.: Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. – Л., 1984. – С. 19.

- ⁶¹ См.: *Карамзин Н.М.* Письмо в «Зритель» о русской литературе // *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. – Л., 1984 (дополнения). – С. 449–463.
- ⁶² См.: Письма русских писателей XVIII века. – Л., 1980. – С. 95, 97.
- ⁶³ Впервые письмо «О путешествиях» (название было дано, вероятно, издателем) было опубликовано Н.И. Новиковым в посмертном «Полном собрании всех сочинений в стихах и прозе...» А.П. Сумарокова. Ч. IX. – М., 1781. – С. 369–373. Не исключено, что Н.М. Карамзин мог его прочитать в этом издании. Цит. по переизд.: Россия и Запад: Горизонты взаимопонимания. Литературные источники XVIII века (1726–1762). Вып. 2. – М., 2003. – С. 427–429.
- ⁶⁴ О влиянии идеологии масонства на формирование «религии чувства», сентиментализма у Карамзина писал еще Г.В. Вернадский. Он, в частности, отмечал, что «Карамзин близко прошел в своем развитии около розенкрейцеровского мистицизма». Разумеется, речь идет о московском масонстве (новиковском кружке). В этом кружке сформировался настоящий культ «одного из столпов сентиментализма» – Ж.-Ж. Руссо («беседка Руссо с бюстом его» в Савинском саду И.В. Лопухина и т.п.). Особенно характерны в связи с «прочной традицией» почитания Руссо в кругах русского масонства сборники выписок («Орган Духовный») из «классиков» масонства, где наряду с изречениями Эккартсгаузена и др. обязательно помещались мысли Руссо. См.: *Вернадский Г.В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. Изд. 3-е. – СПб., 2001. – С. 161–164. См. также: *Кочеткова Н.Д.* Литература русского сентиментализма: (Эстетические и художественные искания). – СПб., 1994 (по им. указателю). О влиянии «углубленного психологизма» русских масонов на творчество Карамзина писал и В.И. Сахаров. См.: *Сахаров В.И.* Н.М. Карамзин и вольные каменщики // *Масонство и русская литература XVIII – начала XIX в.* – М., 2000. – С. 145–150. То же в главе «Н.М. Карамзин и масоны» в кн.: *Сахаров В.И.* Иероглифы вольных каменщиков. Масонство и русская литература XVIII – начала XIX в. – М., 2000. – С. 118–124.
- ⁶⁵ *Алпатова Т.А.* Проза Н.М. Карамзина: Поэтика повествования. – М., 2012. – С. 116. Об условности понятий «художественность», «художественный вымысел» и т.п. применительно к литературе путешествий см. также: *Гуминский В.М.* Открытие мира, или Путешествия и странники. – М., 1987. – С. 124–151.
- ⁶⁶ Особенно убедительным выглядит свидетельство Ф.Н. Глинки («собственно-ручная запись»): «Я спросил у Карамзина: как он составил такую богатую библиотеку у себя? – “C'est le fruit de mes éparagnes” (Это плод моих сбережений. – В. Г.) – ответил он и пояснил: “Общество, отправившее меня за границу, выдало путевые деньги из расчета на каждый день: на завтрак, обед и у ж и н. Я лишил себя у ж и н а и на эти деньги (за границей книги дешевы) накопил множество книг. Таким образом, я чувствовал себя здоровее и возвратился домой с библиотекою”». Цит. по: *Шторм Г.П.* Новое о Пушкине

- и Карамзине // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1960. – Т. 19. – Вып. 2. – С. 150–151.
- 67 Там же. – С. 150. См. также: *Кочеткова Н.Д.* Карамзин Николай Михайлович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К–П). – СПб., 1999. – С. 34.
- 68 *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. – М., 1987. – С. 45.
- 69 Ср. с тем, что писал авторитетный историк: «В “Письмах русского путешественника” есть, однако, места, которые показывают, что Карамзину совсем не чужды были события мира масонского и что они интересовали его» (*Лонгинов М.Н.* Новиков и московские мартинисты. – М., 1867. – С. 299).
- 70 Там же. – С. 46.
- 71 *Карамзин Н.М.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. – Л., 1984. – С. 61. Далее сноски на страницы этого издания даны в тексте статьи.
- 72 Сен-Мартен (Saint Martin) де Луи Клод (1743–1803) – масон, французский философ-мистик, «Неизвестный Философ», по имени которого новиковский кружок получил свое название – «мартинисты».
- 73 Там же. – С. 628–629 (комментарии Ю.М. Лотмана). См. также: *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. С. 48–53. Ю.М. Лотман в комментариях к изд.: *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. – Л., 1984 ничего не сообщает о месте встречи Н.М. Карамзина и В.Н. Зиновьева и о «масонском» подтексте рекомендации последнего изменить маршрут (Берлин на Вену). Хотя и здесь он утверждает: «В Италии Зиновьев путешествовал в обществе Сен-Мартена (С. 547, 614).
- 74 По крайней мере, именно так он аттестован в известном ответном послании симбирских масонов в Москву: см.: Оснадцатый век. Кн. 2. – М., 1869. – С. 369.
- 75 *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. – С. 49.
- 76 *Лотман Ю.М.* Комментарии // *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. – С. 614.
- 77 Русская старина, 1878, октябрь (С. 207–240), ноябрь (С. 399–440), декабрь (С. 593–630).
- 78 Воспоминания В.Н. Зиновьева // Русская старина – 1878. – Декабрь. – С. 626.
- 79 *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. – Л., 1984. – С. 106.
- 80 Там же. – С. 118–119. Переписка Карамзина с Лафатером (1786–1790) опубликована в дополнениях к этому изданию (С. 464–498). Посещение Лафатера русскими путешественниками к этому времени стало, судя по всему, достаточно традиционным. Так, в ноябре 1787 г. с ним виделись в Швейцарии П.А. и Г.А. Строгановы и А.Н. Воронихин. См.: Николай Михайлович, вел. князь. Граф Павел Александрович Строганов... Т. I. – С. 58.
- 81 [А. Г.] Зиновьев Василий Николаевич // Русский биографический словарь. Жабокритский-Зяловский. – Пг., 1916. – С. 398.
- 82 Журнал путешествия В.Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии в 1784–1788 гг. // Русская старина. – 1878, октябрь. – С. 230.
- 83 Журнал путешествия В.Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии в 1784–1788 гг. // Русская старина. – 1878, ноябрь. – С. 421, 420.

- 84 Воспоминания В.Н. Зиновьева. – С. 616, 596.
- 85 Карамзин Н.М. Сочинения: В 2 т. Т. 1. С. 628 (комментарии Ю.М. Лотмана).
Ср.: Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. – С. 48.
- 86 Там же. – С. 49.
- 87 Там же.
- 88 Воспоминания В.Н. Зиновьева. – С. 626.
- 89 О дружбе Кутузова и Карамзина см.: Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. –
С. 71–82.
- 90 Там же. – С. 77.
- 91 См.: Кочеткова Н.Д. Багрянский Михаил Иванович // Словарь русских писа-
телей XVIII века. Вып. 1 (А–И). – Л., 1988. – С. 46. См. также: Багрянский
Михаил Иванович // Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопе-
дический словарь. – М., 2001. – С. 77.
- 92 Так его уверенно называет авторитетный историк русского масонства
А.И. Серков. См.: Кутузов Алексей Михайлович; фон Шредер (Шрейдер)
Гейнрих-Леопольд, Генрих-Якоб Яковлевич, барон // Серков А.И. Русское
масонство. – С. 451, 905.
- 93 Там же. – С. 43.
- 94 См.: Кочеткова Н.Д. Багрянский Михаил Иванович // Словарь русских писа-
телей XVIII века. – С. 46.
- 95 См.: Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. – С. 71–82 (глава «Рамзей и Ве-
локс»).
- 96 См.: Gellermann S. Karamzine à Genève: Notes sur quelques documents
d'archives concernant les Lettres d'un Voyageur russe // Facten und Fabeln:
Schweizerisch-slavisches Reisebegegnung vom 18. bis zum 20. Jahrhundert / Hrsg.
von M. Bakowski, P. Brang, C. Coehrke, R. Kemball. Basel; Frankfurt am Main,
1991. См. также: Кочеткова Н.Д. Карамзин Николай Михайлович // Словарь
русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К–П). – СПб., 1999. – С. 34.
- 97 См.: Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. – С. 104, 113–124. Ср.: Вацу-
ро В.Э. Карамзин возвращается // Карамзин: pro et contra. – СПб., 2006. –
С. 733 (рецензия на «Сотворение Карамзина» впервые опубл.: Литературное
обозрение. 1989. № 11).
- 98 Цит. по: Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII века. – Пг., 1915. –
С. 86 (оригинал на франц. языке).
- 99 Русский исторический журнал. – 1917. – Кн. 1–2. – С. 137.
- 100 Цит. по: Барсков Я.Л. Переписка московских масонов... – С. 94.
- 101 Там же. – С. 108–109.
- 102 Лопухин И.В. Благодать и преимущество единоначалия. – М., 1795. – С. 21.
- 103 Литературная газета. – 1830. – № 3, 11 января. – С. 22.
- 104 См.: Путешествие на Восток князя П.А. Вяземского. – СПб., 1883.
- 105 См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 16. – М., 1990. – С. 160. Ср.
с заглавием книги архм. Антонина (Капустина) – «Заметки поклонника
Святой горы», печатавшейся в Трудах Киевской духовной академии в 1860–
1863 гг. (отд. отт.: Киев, 1864). Переизд.: М., 2013.

- ¹⁰⁶ См. подр.: *Лихачёв Д.С.* Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. – СПб., 2008 (репринт издания 1954 г.). – С. 320–346 (цит. раздел написан Я.С. Лурье). К повестям послов Д.С. Лихачёв «отчасти» относит три сказания о Ферраро-Флорентийском соборе, однако признает, что они «все же близки по своей форме и кругу интересов к “хождениям” паломников в “святую землю”» (там же. – С. 324).
- ¹⁰⁷ *Люблинская А., Шаркова И.* А.А. Матвеев и его труд // Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева). – Л., 1972. – С. 17.
- ¹⁰⁸ *Глушанина Н.И.* Архетипические черты рая в изображении идеальной государственности в «Архиве, или статейном списке...» А.А. Матвеева // «Вечные» сюжеты русской литературы. – Новосибирск, 1996. – С. 12–13, 17. Ср.: *Травников С.Н.* Писатели петровского времени. Литературно-эстетические взгляды. Путевые записки. – М., 1989. Ср. также: *Блудилина Н.Д.* Запад в русской литературе XVIII века. – С. 78. Публикатор писем к Ф.А. Головину (1705–1706) и «Дневник неофициальной миссии к французскому двору (1705)» В.И. Щербаков также подчеркивает «идеализацию некоторых сторон жизни тогдашней Франции» в сочинениях А.А. Матвеева (см.: Россия и Запад: Горизонты взаимопознания. Литературные источники первой четверти XVIII века. – М., 2000. – С. 314).
- ¹⁰⁹ Цит. по: *Барсков Я.Л.* Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1792. – Пг., 1915. – С. 99–100.
- ¹¹⁰ *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. – Л., 1984. – С. 10.
- ¹¹¹ См. об этом: *Гуминский В.М.* Путешествие Гоголя по Святой Земле в контексте развития паломнической литературы // Новая книга России. – 2011. – № 12. – С. 18–21.
- ¹¹² *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. – Л., 1984. – С. 217.
- ¹¹³ См. об этом: *Гуминский В.М.* Открытие мира, или Путешествия и странники. – М., 1987. – С. 146–150, 177–178.
- ¹¹⁴ *Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. 2. – М. – Л., 1959. – С. 415. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте.
- ¹¹⁵ *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. – Л., 1984. – С. 192, 193.
- ¹¹⁶ См. об этом: *Гуминский В.М.* Норов на Святой Земле // *Норов А.С.* Путешествие по Святой Земле. – М., 2008. – С. 288–290.
- ¹¹⁷ См.: Там же. – С. 279–290.
- ¹¹⁸ *Стефко М.С.* Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII – первой четверти XIX в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2010 // disserCat. 403909. С. 141–145.
- ¹¹⁹ Эта надпись гласила: «Здесь покоится благородный господин Иоанн де Мандевиль, именуемый также де ла Барб, рыцарь, владелец Кампди, рожденный в Англии, профессор медицины, красноречивый оратор, весьма одаренный человек, благодетель для бедняков, объехавший почти весь свет и закончивший жизнь в Льеже в год Господень 1372 17 дня месяца ноября». Последнее

критическое издание книги сэра Джона Мандевиля см: *Le livre des merveilles du monde*. Ed. critique de Ch. Deluz. – Paris: CRNS. 2000. Отрывки из нее вошли в известную антологию «*The Road to Science Fiction: From Gilgamesh to Wells*» (New York, 1977).

- ¹²⁰ *Seeman K.D.* Die altrussische Weltfahrtsliteratur. – München. 1976. – S. 448–449, 451–456; *Stavrou T.G., Welsensel P.R.* Russian Travelers to the Christian East from the Twelfth to the Twentieth Century. – Columbus, 1986. – P. 1–2; *Решетова А.А.* Древнерусская паломническая литература XVI–XVII вв. (история и поэтика). – Рязань, 2006. – С. 230.
- ¹²¹ См. об этом: *Белоброва О.А.* Коробейников Трифон // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI вв.). Ч. 1. А–К. – Л., 1988. – С. 490. Ср.: *Кириллина С.А.* Очарованные странники. Арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. – М., 2010. – С. 17–18. Ср. также: *Гуминский В.М.* Египет и Синай в русской паломнической литературе // От Фив египетских до Александрии. – М., 2006. – С. 75–76, 90–91.
- ¹²² *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. – Л., 1984. – С. 11–12.
- ¹²³ *Вельтман А.Ф.* Странник (серия «Литературные памятники»). – М., 1978. – С. 18–19.
- ¹²⁴ Имеется в виду: *Роботи Т.* Литература «путешествий» // Русская проза. – Л., 1926. – С. 48–53.
- ¹²⁵ *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина и их место в развитии русской культуры. – С. 576–577.
- ¹²⁶ Цит. по: *Немировский А.И.* Нить Ариадны. В лабиринтах археологии. – М., 2007. – С. 19.
- ¹²⁷ *Московский журнал*. – 1791. – Ч. 3. – С. 211. Ср.: *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. – С. 126.
- ¹²⁸ См.: *Грибоедов А.С.* ПСС: В 3 т. Т. 3. – СПб., 2006. – С. 109. «Анахарсис» был необыкновенно популярен в Европе, включая Россию, где неоднократно переводился вплоть до конца XIX в. Его цитировал в «Опытах в стихах и прозе» К.Н. Батюшков, ссылаясь как на образец исторического повествования Ф.Н. Глинка и т.д. См. об этом: *Оксман Ю.Г.* Из истории агитационной литературы 1820-х годов // Очерки из истории движения декабристов. – М., 1954. – С. 477 и сл.
- ¹²⁹ Судя по заметке «Путешествие аббата Бартелеми в Италии», напечатанной в журнале Карамзина «Вестник Европы» (1802, № 10), Бартелеми первоначально предполагал воплотить «идею Анахарсиса» именно на итальянском историческом материале: «Он хотел сперва описать путешествие француза по Италии в век Медицисов». В этой заметке приводится и подробный план неосуществленного замысла.
- ¹³⁰ См.: *Геродот*. История в девяти кн. – Л., 1972. – IV 46, 76.
- ¹³¹ *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М., 1979. – С. 101–105. Интересно, что на паперти (восточная сторона) Спасо-Преображенского собора Новоспасского монастыря в Москве (роспись осуществлялась в 1689 г. артелью костромичан под руководством

- «царского иконописца» Ф.Е. Зубова) в числе десяти «эллинских мудрецов» (Платона, Аристотеля и др.) изображен Анахарсис.
- 132 См.: *Вацуро В.Э.* «К вельможе». – С. 207.
- 133 Цит. по: Там же. – С. 206–207.
- 134 См.: *Никольский Б.В.* Академический Пушкин // Исторический вестник. – 1899. – № 7. – С. 208.
- 135 *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. – Л., 1984. – С. 61–62.
- 136 Там же. – С. 251–252.
- 137 Вскоре автор «Анахарсиса» столкнулся с Аполлонами и Музами в национальных мундирах непосредственно: во время якобинской диктатуры Бартеlemi был взят под стражу и чудом избежал гильотины. Причем главным обвинением послужило «аристократическое» направление его «Путешествия».
- 138 *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина и их место в развитии русской культуры. – С. 581.
- 139 См. об этом: *Гуминский В.М.* Открытие мира... – С. 148–149.
- 140 См. об этом: *Бахтин М.М.* Роман воспитания и его значение в истории реализма // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 201.
- 141 *Краснощекова Е.* (США). «Сентиментальное путешествие». Проблематика жанра (Лоренс Стерн и Н.М. Карамзин) // Философский век. Альманах 19. Россия и Британия в эпоху Просвещения. Опыт философской и культурной компаративистики. Ч. 1. – СПб., 2002. – С. 196.
- 142 Цит. по: *Лотман Ю.М.* Карамзин. – СПб., 1997. – С. 514.
- 143 Хотя с этим не согласен Ю.М. Лотман, утверждавший: «...реальное сходство двух “путешествий невелико”». См.: *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. – Л., 1984. – С. 668 (примечания).
- 144 *Банах И.В.* Структура повествования в сентиментальном повествовании («Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» и «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Л. Стерна) // Философский век. Альманах 19. Россия и Британия в эпоху Просвещения. – С. 169.
- 145 *Маслов В.И.* Интерес к Стерну в русской литературе конца XVIII – начала XIX в. // Историко-литературный сборник. – Л., 1924. – С. 355.
- 146 Цит. по: *Арзуманова М.А.* Перевод английской рецензии на «Письма русского путешественника» из бумаг А.С. Шишкова // XVIII век. Сб. 8. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX в. – Л., 1969. – С. 316.
- 147 Это тот самый генерал-майор В.А. Кар, который в 1773–1774 гг. неудачно командовал войсками, посланными подавлять восстание Емельяна Пугачева.
- 148 См.: *Комаровский Е.Ф.* Записки. – М., 1990 (переизд.: СПб., 1914). – С. 12; *Серков А.И.* Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедия. – М., 2001. – С. 531; *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. – Л., 1984. – С. 275, 547; *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. – С. 51–52. Г.П. Макогоненко (см.: там же) оставил эти имена без комментариев.

- 149 Из огромной литературы по этому поводу выделим две работы отечественных исследователей. См.: *Аверинцев С.С.* Рай // Мифы народов мира. Т. 2 (К–Я). – М., 1982. – С. 363–366; *Бибииков М.В.* Византийский Эдем: «Время-пространство» // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. – М., 2006. – С. 91–97.
- 150 См. об этом: *Черный В.Д.* Русские средневековые сады. – М., 2010 (особенно главу «Основы христианского понимания сада»).
- 151 Установлено, что эта вступительная часть заимствована автором из «Исторического словаря» Л. Морери и из «Описания города Парижа» Ж. Бриса. См.: Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева). С. 243 (примеч. 43). Книгу «G. Brice. Description de la ville de Paris...», выдержавшую, начиная с 1706 г., множество переизданий, спустя полвека «покупили» в Париже братья Демидовы, о чем Петр не преминул сообщить в письме отцу от 22 июля 1758 г. См.: Путешествие братьев Демидовых по Европе. – С. 222.
- 152 Русский дипломат во Франции... – С. 49.
- 153 Об «утопическом образе России, воплощенном в Петербурге», и о Петербурге-«парадизе» т.е. сакральном городе, уподобляющемся «земному раю» см.: *Лотман Ю.М. и Успенский Б.М.* Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого (к проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции). – М., 1976. – С. 236–249. Переп. в кн.: *Успенский Б.А.* Избранные труды. – Т. 1. – С. 124–141.
- 154 Заметим, что в русской литературе путешествий запахи играют немалую роль, особенно, в маринистике. См. об этом: *Гуминский В.М.* Русский человек в море и у моря // Новая книга России. – 2012. – № 12. – С. 20–21.
- 155 *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. – СПб., 1891. – Т. 4. – С. 340–341.
- 156 Ср.: «В списке провинций, посещенных им, семь исторических областей, но наиболее продолжительные его наблюдения связаны с Монпелье и Парижем (провинции Лангедок и Иль-де-Франс)». – *Афанасьев Э.Л.* Россия и Запад в восприятии «стародумов» // Россия и Запад: Горизонты взаимопознания. Литературные источники последней трети XVIII века. – С. 409.
- 157 *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. – Л., 1984. – С. 346.
- 158 Об отношении Карамзина к Шекспиру см., напр.: *Заборов П.Р.* Шекспир и русский преромантизм // Шекспир и русская культура. – М. – Л., 1965. – С. 70–78.
- 159 *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. – Л., 1984. – С. 388.
- 160 Там же. – С. 652 (примечания). Ср.: *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. – С. 144.
- 161 Там же. – С. 231.
- 162 Там же. – С. 201, 200.
- 163 Там же. – С. 223, 274.
- 164 Там же. – С. 215, 214, 215.
- 165 Там же. – С. 219.

- ¹⁶⁶ Цит. по: *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. Т. VIII (статья «Петр Великий среди своих сотрудников»). – М., 1990. – С. 397.
- ¹⁶⁷ Цит. по: *Пушкин В.Л.* Стихи. Проза. Письма. – М., 1989. – С. 294.
- ¹⁶⁸ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. X. – М., 1966. – С. 108.
- ¹⁶⁹ *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. I. – СПб., 1878. – С. L.
- ¹⁷⁰ См.: Новонайденный автограф Пушкина. Заметки на рукописи книги П.А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине. – М. – Л., 1968. – С. 37.
- ¹⁷¹ Цит. по: *Мерсье Л.-С.* Картины Парижа. – М., 1995. – С. 48–49. Ср. с тем, что писал о Версале, «не ведающем отхожих мест», Ла Морандьер (1764): «Парки, сады и сам замок вызывают отвращение своей мерзостной вонью. Проходы, дворы, строения и коридоры наполнены мочой и фекалиями; возле крыла, где живут министры, колбасник каждое утро забивает и жарит свиней; а вся улица Сен-Клу залита гнилой водой и усеяна дохлыми кошками». Цит. по: *Герер Ле Анник.* Ароматы Версаля в XVII–XVIII вв.: Эпистемологический подход // Ароматы и запахи в культуре. Кн. 1. Сост. О.Б. Вайнштейн. – М., 2010. – С. 297. Справедливости ради заметим, что и в Санкт-Петербурге 1770-х годов санитарно-гигиеническую обстановку нельзя назвать идеальной. Конечно, «новую столицу Петр I стремился сделать образцовым благоустроенным городом. С 1710 г. одновременно с мощением улиц делались отводы для воды в реки и каналы – дренажные канавы, а кое-где даже подземные каналы. Устройство подземных канализационных труб в Петербурге началось в 1770 г. при Екатерине II: вдоль центральных улиц прокапывались широкие траншеи, в которых выкладывались кирпичные трубы <...> К 1834 г. протяженность подземных труб на улицах Петербурга составила 95 км – вдвое больше, чем в Париже» (см.: *Штрумпф Герман.* Сюаса Махима: Из истории канализации Москвы и Петербурга // Независимая газета. Субботник. 2001. № 25 (72); Водоснабжение и способы удаления нечистот в городах России. – СПб., 1912. См. также: *Миронов Б.Н.* Социальная история России. Т. 1. – СПб., 2003. – С. 197–199 (здесь в примечаниях дана основная библиография вопроса); *Алимов И.А., Липков А.И., Сильнов А.А., Мецержков А.Н., Ланьков А.Н., Краснодембская Н.Г., Хисматуллин А.А., Дивов О.А.* Сосуды тайн. Туалеты и урны в культурах народов мира. – СПб., 2002.
- ¹⁷² См.: Журнал путешествия В.Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии в 1784–1788 гг. // Русская старина. – 1878, октябрь. – С. 222.
- ¹⁷³ *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. – Л., 1984. – С. 91.
- ¹⁷⁴ Вестник Европы. – 1803. – Ч. 7. – № 4. – С. 287.
- ¹⁷⁵ См.: *Маслов В.И.* Интерес к Стерну в русской литературе конца XVIII – начала XIX в. // Историко-литературный сборник, посвященный В.И. Срезневскому. – Л., 1924.
- ¹⁷⁶ Начиная с № 16 «Вестника Европы» очерк печатался под таким заглавием.
- ¹⁷⁷ Вестник Европы. – 1802. – Ч. 4. – № 15. – С. 207.
- ¹⁷⁸ Там же. – С. 211.
- ¹⁷⁹ Там же. – № 16. – С. 289.

- 180 Там же. – № 15. – С. 220.
- 181 *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. – С. 311.
- 182 Там же. – С. 174.
- 183 Вестник Европы. – № 15. – С. 225.
- 184 См. об этом: *Миронов Б.Н.* Социальная история России. Т. I. – СПб., 2003. – С. 194–195.
- 185 Вестник Европы. – С. 207.
- 186 Вестник Европы. – С. 212.
- 187 Цит. по: *Миллер Г.Ф.* Сочинения по истории России. Избранное. – М., 1996. – С. 255.
- 188 Вестник Европы. – С. 210.
- 189 См.: *Миллер Г.Ф.* Сочинения по истории России. – С. 242.
- 190 О теме запретной любви у Карамзина см.: *Лотман Ю.М.* Комментарии // *Карамзин Н.М.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. – С. 626–627.
- 191 *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. – Л., 1984. – С. 80.
- 192 См. об этом: *Гуминский В.М.* Комментарии // Взгляд сквозь столетия. Русская фантастика XVIII и первой половины XIX века. – М., 1977. – С. 293–334.

А.Д. Ивинский

**ЕКАТЕРИНА II, М.Н. МУРАВЬЁВ И КАРАМЗИН:
К ВОПРОСУ О КОНТЕКСТАХ «ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»**

Аннотация

Историческая концепция Н.М. Карамзина базировалась на трудах Екатерины II и М.Н. Муравьёва. Их объединяла идеологическая программа, которая в 1830-е годы будет известна как «уваровская триада»: «православие – самодержавие – народность».

Ключевые слова: Екатерина II, Н.М. Карамзин, М.Н. Муравьёв, «православие – самодержавие – народность», «Записки касательно российской истории», «История государства российского».

Ivinskij A.D. Catherine the Great, M.N. Murav'ev and Karamzin: To the problem of the contexts of «History of Russian state»

Summary. Karamzin's historical conception was based on works of Catherine the Great and M.N. Murav'ev. They were united by ideological program, that in 1830 s would be known as «Uvarov's triad» – Orthodoxy, autocracy and nationality.

В.М. Живов назвал Н.М. Карамзина одним из «отцов русского национализма» и высказал предположение, что, в частности, к его трудам восходит знаменитая формула «православие – самодержавие – народность»: «Обеспечивающими целостность нации чертами оказываются любовь к вере отцов и верность монархическому принципу, т.е., говоря в терминах уваровской триады, православие и самодержавие, которые и составляют содержание народности»¹. При этом исследователь связал эту идеологию с текстами Ж.Ж. Руссо: «Сентиментализм Карамзина напрямую связан с Руссо, и именно Руссо формулирует доктрину националь-

ного суверенитета и тем самым в определенном смысле стоит у истоков французского национализма»². Более того, он подчеркивал, что «национальная легитимация – это результат кризиса просвещенческих идей»³.

Как представляется, данная схема может быть пересмотрена. Во-первых, если продолжать поиски истоков уваровской триады⁴, то придется значительно расширить хронологические рамки: основные положения карамзинской исторической концепции, в частности идея «православие – самодержавие – народность», восходят к трудам М.Н. Муравьева, который воспринимается обычно как один из наиболее значимых предшественников Карамзина⁵, и Екатерины II⁶. При этом речь идет и о целом ряде частных пересечений – вплоть до использования одних и тех же формул для интерпретации тех или иных исторических сюжетов. Следовательно, придется выбрать одно из двух: либо «национализм» в России начал формироваться в 1760-е годы, либо Карамзин с ним не связан или, по крайней мере, связан не только с ним. С нашей точки зрения, «История государства Российского» должна быть рассмотрена в контексте имперского, а не националистического дискурса. Во-вторых, столь жесткая «спайка» Карамзина с Руссо скрывает иные, альтернативные контексты, которые, как представляется, были для Карамзина не менее, а возможно, и более значимыми⁷. В первую очередь мы имеем в виду, конечно, Вольтера. Прославленный писатель, историк, собеседник просвещенных монархов – все эти роли были для Карамзина исключительно актуальными. Поэтому в данном контексте, как кажется, преждевременно говорить не только об отказе Карамзина от «просвещенческой парадигмы», но и о том, что он воспринимал ее состояние как «кризисное».

Напротив, именно идеи, восходящие к «просветителям», были центральными и для Екатерины II, и для Муравьева, и для Карамзина. «Монархический проект» базировался на идее «внешнего воздействия» на человека, погрязшего в заблуждениях и пороках⁸. Наиболее последовательно и полно эта идеология была реализована в русских литературных журналах 1760–1770 гг., и особенно в екатерининской «Всякой всячине». Человек без правильного воспитания – животное, которому нет места в обществе, а его жизнь – это путь развития. При этом самодержавие – это инструмент реа-

лизации данного проекта⁹. В данном контексте рассматривалась и история России. Она мыслилась как путь от «тьмы» к «свету», от варварства к цивилизации, от анархии к монархии. А те или иные события прошлого трактовались в зависимости от того, приближали ли они страну к этому идеалу или, напротив, отдаляли от него. При этом, как правило, подчеркивалось, что подлинное самодержавие невозможно без «любви народа» и истинной веры.

Екатерина II

«Записки касательно Российской истории» Екатерины II были посвящены наследникам престола Александру и Константину и выполняли в первую очередь воспитательную функцию: «Сии записки касательно российской истории сочинены для юношества в такое время, когда выходят на чужестранных языках книги под именем “Истории российской”, кои скорее именовать можно сотворениями пристрастными; ибо каждый лист свидетельством служит, с какою ненавистью писан, каждое обстоятельство в превратном виде не токмо представлено, но к оным не стыдились прибавить злобные толки. Писатели те хотя высказываются, что имели российских летописцев и историков пред глазами, но или оных не читали, или язык русский худо знали, или же перо их слепою страстию водимо было. Беспристрастный читатель да возьмет труд сравнить эпоху российской истории со историями современников великих князей российских каждого века, усмотрит ясно умоначертания всякого века, и что род человеческий везде и по вселенной единакие имел страсти, желания, намерения и к достижению употреблял нередко единакие способы. Все европейские народы до святого крещения, быв погружены в суеверие, в идолопоклонство, имели правила и права иные; получив просвещение Евангельское, получили правила до того им неизвестные, кои не иначе могли переменить обычай, мнение и мысли людей, стариной занятые, как мало-помалу»¹⁰. Особенно показательно примечание Екатерины, в котором она изобличает Н.-Г. Леклерка: «Собиратель сих записок касательно российской истории – не в числе змей, вскормленных за пазухой: он век свой чтился выполнить долг благодарного сердца. Он думает, что похвальное не останется без хвалы; непохвальное без опорочения, доброго же умалять доброту

или порочного умножать дурноту, и тем подобиться неискусному врачу либо невежеством наполненному детскому учителю, не есть дело его»¹¹. Этот пассаж перекликается с тем, что она писала Гримму 20–28 преля 1783 г.: «<...>Эта вторая эпоха начинается с 862 г. и кончается в половине XII столетия; все это было закончено в три месяца или около того; это будет антидотом против негодяев, которые унижают историю России, как лекарь Леклерк и учитель Левек, которые, с вашего позволения, глупцы, и притом скучные или отталкивающие»¹².

Но, конечно, Леклерк и Левек не были единственными объектами полемики. Императрица построила свои «Записки», отталкиваясь от трудов А.Л. Шлецера. В первую очередь она предложила иную периодизацию русской истории. О сути этой, казалось бы, сугубо научной дискуссии позднее писал Карамзин: «Муж ученый и славный, Шлётцер, сказал, что наша история имеет пять главных периодов; что Россия от 862 года до Святополка должна быть названа рождающеюся, от Ярослава до Монголов разделенную, от Батые до Иоанна III угнетенною, от Иоанна до Петра Великого победоносною, от Петра до Екатерины II процветающею. Сия мысль кажется мне более остроумною, нежели основательною. 1) Век Св. Владимира был уже веком могущества и славы, а не рождения»¹³. Екатерину II, как и Карамзина, такая постановка вопроса устроить не могла.

Императрица подчеркивала, что даже самый древний период славянской истории отмечен величием – военными походами и победами: «Новгородский летописец сказует следующее. Един князь Славян с братом Скифом, имея многие войны на востоке, пошли к западу, многие земли около Черного моря и Дуная себе покорили»¹⁴. Отметим примечание, сделанное к этому месту: «Что славяне и скифы имели многие войны на востоке и западе, и многие земли покорили – о том сомнения нету»¹⁵. Успехи на поле боя – это то, что сближало славян и скифов, культура – то, что разделяло: «Славян князь оставил по Дунаю сына Бастарда, пошел к полуночи, град великий создал, во имя свое назвал Славянск»¹⁶. Примечание Екатерины к этому месту: «Славяне везде, куда ходили, созидали грады»¹⁷. Об этом же Екатерина II писала в письме к Гримму: «<...> везде куда они только приходили, они строили деревни, села и города. Стало быть, это был народ не пастуше-

ский, не кочевой? Славяне были народ свободный и любили свободу. Рабами были у них только военнопленные»¹⁸. Скифы же «не имели селений»¹⁹. Культурная гегемония в регионе обеспечила политическую: «Потом был князь Вандал, который, владея славянами, ходил войною на север, восток и запад морем и сухим путем, и возвратился во град великий, покоряя народы многие»²⁰. В другом месте читаем: «Славяне более к воинской службе прилежали, нежели к наукам и художествам, и потому не диво, буде красноречивых деесписателей между ими не случилось; однако же по сказаниям Нестеровым и иных видно, что они древние истории письменные имели, да оные утрачены или еще не отысканы, и потому до нас не дошли. Славяне задолго до Рождества Христова письмо имели; они своим соседям известны были под своим именем, иногда же и под другими многими именами. Распространением и умножением славянского языка доказывается распространение славянского народа. До времен Рюрика почти вся Россия уже славянским языком говорила. Многие народы в свете завоеваниями теряли свой язык, но славянский язык перенимали побежденные славянами народы. <...> Славяне на востоке, юге, западе и севере обладали толикими областями, что в Европе едва осталась ли земля, до которой не касались. Где же побывали, тут строили города, коим многим славянские имена до днесь остались»²¹. В подтверждение этой приводится «этимологический» аргумент: побед было так много, что они были известны, «славны» повсюду, отсюда и происхождение этнонима: «Примечается, что славянский народ любил везде употреблять слово “слава”. Князи и вожди того народа имели имена от славы, как-то: Святослав, Ярослав, Изяслав, Мстислав, Мечеслав, Судислав, Ростислав, Радислав, Болеслав, Владислав, Венцеслав, Вышеслав, Славомир, Преслава, Возмислава, Будислава, Подражислава, Сбыслава и проч.; даже и в народных песнях припев всегда был и есть “слава”. Самое имя славянского народа писатели производят от славных дел славян»²².

Здесь же выясняется, что сравнение России и Европы – один из важнейших полемических приемов, которыми пользовалась императрица. Несмотря на то что Русь находилась еще в «младенческом» состоянии, она и тогда была больше иных современных европейских государств: «Выше писанное, касательно первой эпохи российской истории пределов северных, представляет Русь

и Русию до 480 года по Рождестве Христове, противу нынешнего состояния яко во младенчестве. Пределы русские, однако же, простираются уже на девять степеней широты и на двадцать восемь степеней долготы и, следовательно, обширнее суть некоторых царств европейских нынешнего века»²³. Ср.: «Славяне те, коих имя писатели производят от славных дел того народа. Славянская пехота та, коя на Востоке, Юге, Западе и Севере овладала толикими областями, что в Европе едва осталась ли земля, до которой не дошли»²⁴. О более поздних периодах русской истории Екатерина II писала в «Антидоте»: «Знайте же, невежа, что <...> Римские законы были введены у нас вместе с христианством, ибо они входили в состав законов церковных; что великий князь Ярослав, отец святого Александра Невского велел изложить письменно составленные им законы, которым служили образцом древние законы Новгородские; эти же последние не отличались ничем от тех, которым следовал почти весь Север. Царь Иван Васильевич велел составить новое уложение; царь Алексей Михайлович другое. Земские судьи с незапамятных времен назначались ежегодно, и никто не подвергался приговору без предварительного суда. Все дела вершились приказами, для этого назначенными. <...> Мне кажется, что вот правительство, устроенное как почти все прочие в Европе того времени, и даже лучше некоторых из них. Страсть аббата состоит в том, чтобы приводить весьма пространно все, что он может откопать худшего, или то, чему можно дать ненавистный оборот»²⁵. Более того, вплоть до конца XVI в. Россия шла «ровным шагом со всеми прочими нациями Европы, за исключением, быть может, Италии, и лишь смуты, следовавшие за смертью этого государя, замедлили наше развитие»²⁶. Россия никогда не была изолирована от Европы, напротив, постоянно с нею взаимодействовала: «Что касается для сообщений Русских с чужими краями, они существовали всегда, и вот каким образом. Русские с древнейших времен делали частые завоевания. Оставляю в стороне времена самые древние, когда с берегов Борисфена они доходили до Константинополя, и когда великий князь Святослав перенес свою резиденцию на берега Дуная <...> начинаю лишь со времени построения города Москвы. И что же? Сколько завоеваний, оружием и политикою, сделал народ, заселивший губернию этого имени? I. Новгород со всей его областью, заключающею Ладожское озеро,

Псков, Вубцов, Тверь и часть Архангельской губернии. II. Царство Казанское. III. Царство Астраханское. IV. Всю Сибирь. V. Смоленск. VI. Украйну. VII. Ингерманландию. VIII. Финляндию. IX. Ливонию. X. Эстляндию. <...> внутри Империи были целые города, выстроенные и населенные иностранцами. Англичане, Немцы, Поляки, Шведы жили среди нас. <...> Кроме того, торговля способствовала этим сообщениям»²⁷. Между тем, своеобразие этой эпохи российской истории состояло в постоянных культурных контактах Руси и европейских стран, и она «тем драгоценнее, что <...> содержит в себе много еще начального основания, полученного от славян и от них не токмо России, но многим землям и царствам сообщенного, именно же всем тем областям, где Славянам быть случалось, как то: Польше, Богемии, Венгрии, Далмации, Иллирии, Германии, Саксонии, Боврии или Баварии, Дании, Швеции, Англии, Франции, Испании и Италии. Неудивительно, что тогда Россия имела со всеми сими областями не только многие связи и родство, но даже и одинакие обычаи»²⁸. В итоге Екатерина сделала вывод о культурном единстве славян и европейских народов, законы которых были проникнуты духом свободы. Единство это было разрушено только монгольским нашествием: «Когда вы приедете ко мне, я расскажу вам много других вещей, как например, что законы Саксонцев и Славян были проникнуты духом свободы; что эта свобода проявляется во всем во вторую эпоху нашей истории; что ею не пользовались только пленные; что этим последним сохраняли жизнь, для того, чтобы населять ими колонии, эта неволя и рабство подарок и умок татарский, которого получа в третьей эпохе, наипаче чувствителен везде в четвертой эпохе»²⁹.

При этом исключительно важно, что история, с точки зрения императрицы, это не безличный процесс; «двигатель прогресса» — государь. Самый показательный пример — княгиня Ольга: «Блаженная Ольга, будучи сама от рода князей славянских, паки народ славянский возвысила. При ней всюды имена славянские в начальниках и правителях оказываются. Ольга и язык славянский во употребление общее привела. Известно, что народы и языки народов мудростию и тщанием вышних правителей умножаются и распространяются. Каков государь разумен, о чести своего народа и языка прилежен, по тому и язык того народа процветет.

Многие народные языки исчезли от противного сему. Великая княгиня Ольга приятием святого крещения и книгами церковными, переведенными с греческого языка на славянский язык, наипаче утвердила язык славянский»³⁰. Как видим, идея «чести народа» неотделима от идеи абсолютизма, а эта последняя связывается и с религией, и с языком как фундаментальными основами народного бытия. Это центральное положение всей концепции, очевидным образом предвосхищающее и «уваровскую триаду».

Поэтому «началом» русской империи признавалось самодержавие. Об этом Екатерина подробно писала в «Антидоте»: «Вы <...> называете всех Государей России тиранами. Но кроме того, что вы оказываете неуважение к их памяти, вы лжете. Доказательством тому, что они не были таковыми, служит то обстоятельство, что их род царствовал около осьмисот лет. <...> Опыт показывает, что в течение семисот лет слишком, Россия была довольна их <Рюриковичей. – А. И.> правлением, росла в могуществе и силе, что все это время подданные не жаловались на форму правления, и действительно, это единственная, которая могла бы существовать в России вследствие обширности этой Империи»³¹. Залог многовекового процветания монархии в России – это единство государя и народа: «Нет в Европе народа, который бы более любил своего Государя, был бы искреннее к нему привязан»³².

Муравьев

Исторические труды Муравьева не претендовали на оригинальность, как научную, так и идеологическую, поэтому, видимо, и не публиковались³³. В 1785 г. Екатерина II назначила его воспитателем Александра и Константина. Выбор оказался удачным: Муравьев создал очень ясный «реферат» «Записок касательно Российской истории», стилистически обработав и дополнив их теми деталями, которые ему казались необходимыми³⁴. Мы найдем у него все основные положения екатерининского «монархического проекта»³⁵.

Муравьев так же, как и императрица, много рассуждал о древности и богатстве русской истории. Он также писал о том, что славяне «созидали грады»: «Около того же времени <V в. н.э. – А. Д.> Славяне, уступая превосходящей силе Римлян, от берегов

Дуная, на которых искали себе убежища от Уннов, возвратились на север, к развалинам отеческого града Славенска, дважды войною и язвою опустошенного. Но, разделясь в походе своем, в разных удобных местах оставляли поселения и созидали грады <...>³⁶. Не менее важной для него была мысль и о многовековой «дорюриковой» истории славян: «Четыре столетия процветал новый Славенский град успехами военными и спокойными выгодами земледелия и торговли, так, что достиг уже многочисленного населения и отменной знаменитости. Обитатели крайнего севера, Шведы, Нормандцы, смотрели на него с почтением и завистью. Варяги, оставившие имя свое Балтийскому Морю и составлявшие более воинство разноплеменное, нежели единый народ, известные, может быть, в других странах Европы под именем Норманцов, начали тревожить владения сего богатого града»³⁷.

В «Письмах к молодому человеку» Муравьев рассуждал даже о конкуренции славян с Византией, о богатстве Новгорода и величии Киева: «<...> мы изобразили быстрыми чертами первые успехи, которыми ознаменовал себя на позорище вселенной народ Славянский, одержавший исключительную верховность над всеми племенами, населявшими Север. Будучи, по свидетельству Истории, просвещеннее окружавших его пастырских народов, он имел уже гражданские установления и угрожал войною, или соревновал в сиянии упадающей державе Константина. В период безотрадном и темном, в котором томила Европа, Новгород привлекал сокровища Севера и Востока, поражал славою своею отдаленные народы и полагал основания буйственной вольности своей, между тем как Киев, возвеличенный Олегом, Святославом, Владимиром, служил к Просвещению России присвоением святой и кроткой Веры»³⁸. В этом же тексте находим и важную для Екатерины II мысль о «равноправии» современной ей России и Европы: «Бодрая юность Российскаго народа, побеждая вне пределов своих, испытала внутри себя несчастья разделения и междуусобия. Иго варваров не могло уничтожить выи его и он возник величественнее под мудрым правлением Иоаннов. С тех пор составляя одно и не разделенное политическое тело, и уже владыка народов, которые поработить его мечтали, народ российский должен был только явиться в Европе, чтобы стать наравне с другими просвещенными ея нациями <...>»³⁹.

При этом возникает вопрос, почему Россия раньше не «явилась в Европе». Муравьев, как и Екатерина, видел причину этого в монгольском нашествии: «Общее разорение постигло целое государство. Пылали расхищаемые грады. Сильный и славный народ, победитель других, унижен, объят ужасом, и мечтая себя жертвою гнева Божия, низпал в неволю варваров. Таким образом, безумная воля единого завоевателя может низринуть целый народ на столетия в невежество и унижение, и замедлить шествие человеческого рода к просвещению и благополучию»⁴⁰.

Но почему оказалась возможной монгольская катастрофа? Ответ очевиден: в силу того что Русь предпочла раздробленность единству. Вослед Екатерине II Муравьев противопоставил республику монархии как хаос порядку: «В недрах его <Новгорода. – А. И.> самого таились вредные начала разорения: безначалие буйной черни и алчность сильных. Не оставалось Республике для исцеления зол ее другого средства, кроме подвержения себя власти единой особы»⁴¹. Ср.: «Безполезно являются между разделениями счастливые промежутки единоначалия княжения Владимира Великого и мудрого Ярослава; чадолюбивые родители, увлекаемые обычаями времени своего, почитают себя обязанными раздроблять отечество. Властолюбивые сыны не гнушаются обогащать рук своих в крови единоутробных»⁴². Более того, разделение государства Муравьев признавал заблуждением, роковой ошибкой: «Обыкновения столь сильно обладают человеческим родом, что два столетия пагубных следствий не в состоянии побудить к отменению вредных правил, освященных древностию. Из числа таковых есть разделение государства, известное в прочих странах Европы под именем феодального или поместного владения. Россия была жертвою сего политического заблуждения около пяти столетий, от времен Святослава Игоревича до славного царствования Великого Князя Иоанна Васильевича. Раздираемая честолюбием родственных князей, вместо того чтобы в недрах своем основать счастье, искусства, просвещение, и вне приобрести уважение, она изнуряла силы в междоусобных бранях и в самых победах; но бессильная в разделении, была страхом окружающих ее врагов, Печенегов, Половцев, когда покоилась под управлением единого государя и составляла одно народное тело»⁴³. Только в единстве страны залог победы над врагом: «То же зло, коим она была низвержена в узы,

междоусобие, перешед в Орды завоевателей ея, было поводом к освобождению. Счастливым слиянием случаев свержено иго неволи в то же самое время, когда истребилось и бедственное раздробление государства. Великие уделы присоединились к Великому Княжеству Московскому. Многочисленные потомки Рюриковы, низшедшие безпрестанным разделением на степень маловажных владельцев, искали места в воинствах или в совете великаго князя»⁴⁴.

Нет единой власти – нет порядка: Русь погрязла в междоусобных войнах: «Междоусобие, первое из злодеяний, приводит с собою все другия, и государство близко к погибели, когда правление его, не будучи основано на мудрых и твердых законах, зависит от внезапностей войны. Спорное право владения, которое переходило от брата к другому в многочисленном потомстве Рюрика, становилось источником бедствий России»⁴⁵. Ср.: «Князья, которых лучшее звание состоит в том, чтоб устроить благополучие государства, губили оное междоусобиями. <...> Ложное разсуждение политики составило, кажется, несчастье России. Воображали, что трудное преимущество управлять народами, подобно личному имению государя, может и долженствует по справедливости быть разделяемо равно между детей его. Опыты и здравый разум свидетельствуют, напротив того, что сан государя, как отца народа, есть в государстве один и неразделим; государствование есть не только право владения, но и долг превосходной благотворительности. Разрушив единство России, умалили силу ея. Удельные князья, зная свое общее происхождение от Владимира и Ярослава, требовали себе равныя власти и устремлялись к независимости. Достоинство великаго князя было завидуемо и не уважено. Не доставало политическаго права, которое утверждало бы наследие и связывало взаимными обязанностями удельных князей с главою государства»⁴⁶. См. также: «<...> страсти, личная корысть и междоусобие князей обращаются безпрестанно в погибель России»⁴⁷. Не случайно, конечно, что Муравьев, как и Карамзин, обратил внимание на Марфу Борецкую, которая стала одним из символов антимонархического направления русской истории: «Составляется сильная крамола, которою начальствует женщина, именем Марфа, вдова главнаго посадника Борецкаго, подкрепляемая сыновьями, столь

же дерзновенными, и возмутительным красноречием чернеца Пимена и сношениями с Литвою»⁴⁸.

В данном контексте становится понятным, почему такую значительную роль в исторической концепции Муравьева играл Иван III: он рассеял тьму раздробленности и повернул Русь к свету монархии: «Со времени восшествия его <Иоанна Васильевича I. – А. И.> на отеческий престол московский, новый свет рассеивает тьму, которая носилась столетия над пространством России; соединяются раздробленные части ея во единое политическое тело; престаёт междоусобие; позорные узы неволи на выю утеснителей низвергаются; своевольный Новгород признает сообщество свое с Россиею, и сильное государство вступает на первую степень будущаго своего величия»⁴⁹.

Однако не каждый самодержец заслуживает власти. Муравьев, как и ранее Екатерина II, подчеркивал значение «любви подданных»: «Но к исполнению намерений Всеволоду не доставало сильнейшаго орудия: любви подданных. Сие испытал несчастный брат его, Игорь: ужасный пример народного мщенья! Едва на престоле, уже ненавистен жестокостью собственною и наглостью любимцев, низвержен Изяславом II Мстиславичем, влачим в темницу, пострижен, и при первом слухе, что князья черниговские вооружаются в его пользу, убиен неистовством народным»⁵⁰. Ср: «Недовольно еще Государю самых блестящих дарований, ежели не приобрел он любви народа неусыпным попечением о благе онаго»⁵¹; «Любовь народа есть превосходнейшее наслаждение Государей. Торжества, рукоплескания, безмолвие рабства повелеваются страхом; любовь заслушивается одною добродетелию»⁵².

При этом исключительно важно, что Муравьев, как и Екатерина, не рассматривал историю в отрыве от геополитических претензий⁵³: «Не менее и на запад распространилась сила российская. Владимир Волынский, Червен, Бельз, Перемышль, Теребовль, удел несчастнаго и храбраго Василька, Галич, сильное княжество, основанное потомством его у подошвы гор Венгерских, и котораго князья Владимирко, Роман и Мстислав имели толь сильное влияние на дела российские, – все сии области принадлежали к составу России, приобретенныя победами Владимира и Ярослава»⁵⁴.

Карамзин

Карамзин – придворный историограф, свой главный исторический труд он посвятил Александру I. При этом, как известно, заняться научной работой он смог только благодаря ходатайству Муравьева. Император не стал отказывать своему наставнику, и Карамзин получил чаемую должность⁵⁵.

Ситуация, впрочем, не была идиллической: как известно, Карамзин воспринимал планы реформ, предложенные Александром I и его соратниками с изрядной долей скепсиса⁵⁶. Свой идеал он видел в Екатерине II, которой посвятил восторженный панегирик – «Историческое похвальное слово»⁵⁷. О ней же он размышлял и в «Записке о древней и новой России». Для него екатерининская Россия – истинный и непреходящий образец для подражания⁵⁸.

Карамзин обратился к тем же идеологемам, что и Екатерина, и Муравьев. Он также писал о древности русской истории: «<...> Славяне, под сим именем, достойным людей воинственных и храбрых, ибо его можно производить от славы, – и народ, коего бытие мы едва знали, с шестого века занимает великую часть Европы, от моря Балтийского до реки Эльбы, Тисы и Черного моря»⁵⁹. По Карамзину, славяне жили на территории современной России «еще за несколько веков до Рождества Христова»⁶⁰. Он так же, как и Екатерина и Муравьев, рассуждал о древних славянских городах⁶¹.

Вослед Муравьеву и Екатерине Карамзин нарисовал идиллическую картину домонгольской русской жизни; это время, когда государь, вельможи и народ жили в согласии друг с другом, когда процветали христианство и искусства, когда развивались города: «В XI в. Государство Российское могло, как бодрый, пылкий юноша, обещать себе долголетие и славную деятельность. Монархи его в твердой руке своей держали судьбы миллионов, озаренные блеском побед, окруженные воинственною, благородною дружиною, казались народу полубогами, судили и рядили землю, мановением воздвигали рать, и движением перста указывали ей путь к Воспору Фракийскому, или к городам Карпатским. В счастливом отдохновении мира, Государь пировал с вельможами и народом, как отец среди семейства многочисленного. Пустыни украсились городами, города избранными жителями; свирепость диких

правов смягчилась верю Христианскою, на берегах Днепра и Волхова явились искусства Византийские. Ярослав дал народу свиток законов гражданских, простых и мудрых, согласных с древними Немецкими. Одним словом, Россия была не только обширным, но в сравнении с другими, и самым образованным Государством»⁶².

Однако идеал остался в прошлом в тот момент, когда Россия разделилась: «К несчастью, она <Россия. – А. И.> в сей бодрой юности не предохранила себя от государственной общей язвы тогдашнего времени, которую народы Германские сообщили Европе: говорю о системе удельной. Счастье и характер Владимира, счастье и характер Ярослава могли только отсрочить падение державы, основанной единовластием на завоеваниях. Россия разделилась»⁶³.

Разделение привело к междоусобицам. Так, например, Карамзин писал о том, что славяне могли бы захватить большую часть Европы, если бы были едины: «Представив читателю расселение народов Славянских от моря Балтийского до Адриатического, от Эльбы до Мореи и Азии, скажем, что они, сильные числом и мужеством, могли бы тогда, соединясь, овладеть Европою; но, слабые от развлеченія сил и несогласия, почти везде утратили независимость, и только один из них, искушенный бедствиями, удивляет ныне мир величием»⁶⁴. Ср.: «До времен Рюрика и Олега они не могли быть великими завоевателями, ибо жили особенно, по коленам; не думали соединять народных сил в общем правлении, и даже изнуряли их войнами междоусобными»⁶⁵. Об этом же Карамзин писал в «Марфе Посаднице»: «Народы дикие любят независимость, народы мудрые любят порядок, а нет порядка без власти самодержавной. Ваши предки хотели править сами собою и были жертвою лютых соседей или еще лютейших внутренних междоусобий <...> Граждане новгородские! В стенах ваших родилось, утвердилось, прославилось самодержавие земли русской. Здесь великодушный Рюрик творил суд и правду <...> На сем месте они проклинали гибельную вольность и благословляли спасительную власть единого»⁶⁶. Ср.: «<...> исчезло все могущество и благоденствие народа. Открылось жалкое междоусобие малодушных Князей, которые, забыв славу, пользу отечества, резали друг друга и губили народ, чтобы прибавить какой-нибудь ничтожный городок к своему уделу»⁶⁷.

Поражение от монголов также было следствием раздробленности Руси: «Сила Батыева несравненно превосходила нашу и была единственною причиною его успехов. Напрасно новые историки говорят о превосходстве Моголов в ратном деле: древние Россияне, в течение многих веков воюя или с иноплеменниками или с единоземцами, не уступали как в мужестве, так и в искусстве истреблять людей, ни одному из тогдашних европейских народов. Но дружины Князей и города не хотели соединиться, действовали особенно, и весьма естественным образом не могли устоять против полумиллиона Батыева»⁶⁸.

Как и Муравьев, Карамзин полагал, что особую роль в становлении русского государства сыграл Иван III. Именно он восстановил единовластие, а следовательно, привел страну к процветанию: «Россия около трех веков находилась вне круга Европейской политической деятельности, не участвуя в важных изменениях гражданской жизни народов. Хотя ничто не делается вдруг; хотя достохвальные усилия Князей Московских, от Калиты до Василия Темного, многое приготовили для Единовластия и нашего внутреннего могущества: но Россия при Иоанне III как бы вышла из сумрака теней, где еще не имела ни твердого образа, ни полного бытия государственного. Благотворная хитрость Калиты была хитростию умного слуги Ханского. Великодушный Димитрий победил Мамай, но видел пепел столицы и раболепствовал Тохтамышу. Сын Донского, действуя с необыкновенным благоразумием, соблюдал единственно целостность Москвы, невольно уступив Смоленск и другие наши области Витовту, и еще искал милости в Ханах; а внук не мог противиться горсти хищников Татарских, испил всю чашу стыда и горести на престоле, униженном его слабостию, и, быв пленником в Казани, невольником в самой Москве, хотя и смирил наконец внутренних врагов, но восстановлением Уделов подвергнул Великое Княжество новым опасностям междоусобия. Орда с Литвою, как две ужасные тени, заслоняли от нас мир и были единственным политическим горизонтом России, слабой, ибо она еще не ведала сил, в ее недрах сокроенных. Иоанн, рожденный и воспитанный данником степной Орды, подобной нынешним Киргизским, сделался одним из знаменитейших государей в Европе, чтимый, ласкаемый от Рима до Царяграда, Вены и Копенгагена, не уступая первенства ни Императорам, ни гордым

Султанам; без учения, без наставлений, руководствуемый только природным умом, дал себе мудрые правила в политике внешней и внутренней: силою и хитростию восстанавливая свободу и целостность России, губя Царство Батыево, тесня, обрывая Литву, сокрушая вольность Новгородскую, захватывая Уделы, расширяя владения Московские до пустынь Сибирских и Норвежской Лапландии, изобрел благоразумнейшую, на дальновидной умеренности основанную для нас систему войны и мира, которой его преемники должны были единственно следовать постоянно, чтобы утвердить величие Государства. Бракосочетанием с Софиею обратив на себя внимание Держав, раздрав завесу между Европою и нами, с любопытством обозревая престолы и Царства, не хотел мешаться в дела чуждые; принимал союзы, но с условием ясной пользы для России; искал орудий для собственных замыслов и не служил никому орудием, действуя всегда как свойственно великому, хитрому Монарху, не имеющему никаких страстей в Политике, кроме добродетельной любви к прочному благу своего народа. Следствием было то, что Россия, как Держава независимая, величественно возвысила главу свою на пределах Азии и Европы, спокойная внутри и не боясь врагов внешних»⁶⁹.

При этом исключительную роль в «воскрешении» Руси, по мнению Карамзина, сыграло православие: «Если мы в два столетия, ознаменованные духом рабства, еще не лишились всей нравственности, любви к добродетели, к отечеству: то прославим действие Веры; она удержала нас на степени людей и граждан, не дала окаменеть сердцам, ни умолкнуть совести; в унижении имени русского мы возвышали себя именем Христиан и любили отечество как страну Православия»⁷⁰.

В результате Карамзин пришел к тому же выводу, что и Екатерина, и Муравьев: «Самодержавие есть палладиум России; целостность его необходима для ее счастья <...>»⁷¹.

Итак, историческая концепция Карамзина базировалась на трудах Екатерины II и Муравьева. Причем речь идет не только о целом ряде частных совпадений в интерпретации тех или иных сюжетов, но и о единой идеологической концепции, созданной на основе интерпретации исторического материала, опиравшейся на «триаду» православия, самодержавия, народности.

- ¹ Живов В.М. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. – М., 2008. – № 91. – С. 134, 114–140. См. также: Летников Э.Д. Н.М. Карамзин и зарождение националистического дискурса в России // История философии. – М., 2016. – Т. 21. – № 1. – С. 72–86.
- ² Там же. – С. 115.
- ³ Там же. – С. 114.
- ⁴ Об этом см., в частности: Зорин А.Л. Заветная триада. Меморандум С.С. Уварова 1832 г. и возникновение доктрины «православие – самодержавие – народность» // Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. – М., 2001. – С. 337–374.
- ⁵ Ср. напр.: «Не будь у нас Муравьева, мы не имели бы Карамзина» (*Старчевский А.В.* Русская историческая литература в первой половине XIX в. (Карамзинский период) // Библиотека для чтения. – 1852. – Т. CXI. – Отд. 3. – С. 2).
- ⁶ См. об этом: Ивинский А.Д. Литературная политика Екатерины II: Журнал «Собеседник любителей российского слова». – М., 2012.
- ⁷ Показательно, что Ю.М. Лотман, много занимавшийся темой «Карамзин и Руссо», счел нужным отметить своеобразную избирательность русского писателя: «Ни прямое проявление власти народа, ни идея народного суверенитета Карамзина не привлекали. Это была та сторона наследия Руссо, которая прошла мимо него» (*Лотман Ю.М.* «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина – памятник русской публицистики начала XIX века // *Лотман Ю.М.* Карамзин. – СПб., 1997. – С. 595–596).
- ⁸ См., напр.: «Нет ничего столь блестящего и превосходного, как жребий Государя, составляющего блаженство народа своего просвещением, законами, умягчением нравов, возвышением сердец и разума» (*Муравьев М.Н.* Карл XII и Святослав I // *Муравьев М.Н.* Сочинения. Т. 1. – СПб., 1847. – С. 260). Ср.: «<...> нас не удивит тот факт, что искомый политический идеал оказался неограниченной монархией. В отличие от Кутузова и его единомышленников, Карамзин в эти годы видит выход не в утверждении бессмертия души, а в требовании сильной монархической власти, заменяющей необходимость внутреннего морального императива внешним императивом силы, “которая, – как писал Карамзин, – должна все соглашать и все устремлять к общей цели”. <...> Отрицательное отношение Карамзина к политическим объединениям являлось <...> следствием убеждения в невозможности “быть соучастником в благоденствии себе подобных”. По мнению Карамзина, человек не может представлять интересов определенного круга людей, – все его побуждения диктуются личной корыстью. Это определило отношение Карамзина к возможным общественным переменам в России. Представительное правление объявляется фикцией, парламентская республика – олигархией, при которой тирания “единого” заменяется еще более гибельной тиранией многих.

<...> Монархия объявлялась необходимой лишь как печальное следствие господства “необразованного” эгоизма. Всеобщее просвещение и образование людей (в том числе и крестьян), приучив членов общества к “самоограничению” и добродетели, сделало бы, по мнению Карамзина, излишней необходимость насильственного “обуздания”, подготовило бы возможность “отмены” самодержавия и крепостного права и установления блаженной “республики мудрецов”» (Лотман Ю.М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789–1803) // *Лотман Ю.М. Карамзин.* – СПб., 1997. – С. 333, 335).

9 Об этом подробнее см.: *Ивинский А.Д.* Люди, животные и проблема воспитания в Русской журналистике 1760-х годов // *Бестиарный код культуры.* – М., 2015. – С. 131–137.

10 Собеседник. – Ч. 1. – С. 104–105.

11 Там же. – С. 105–106.

12 *Екатерина II. Сочинения.* – СПб., 1906. – Т. 11. – С. 18.

13 *Карамзин Н.М. История государства Российского.* Т. 1. – СПб., 1818. – С. XXII.

14 Собеседник любителей русского слова. – СПб., 1783. – Ч. 2. – С. 75–76 (далее – Собеседник, с указанием части и страницы).

15 Там же. – С. 76.

16 Там же.

17 Там же.

18 Сборник Императорского русского исторического общества. – СПб., 1878. – Т. 23. – С. 325 (далее – Сборник, с указанием тома и страницы).

19 Собеседник. – С. 76.

20 Там же. – С. 76–77.

21 Там же. – С. 81–82.

22 Там же. – С. 80–81.

23 Там же. – С. 97.

24 Там же. – С. 98.

25 Антидот (Противоядие). Полемическое сочинение Екатерины II, или Разбор книги аббата Шапка д’Отероша о России // *Оснадцатый век. Исторический сборник, издаваемый П.И. Бартеневым.* – М., 1869. – Кн. 4. – С. 290.

26 Там же. – С. 424–425.

27 Там же. – С. 386–387.

28 Сборник Императорского русского исторического общества. – СПб., 1875. – Т. 15. – С. 615.

29 Там же.

30 Собеседник. – Ч. 3. – С. 101–102.

31 Антидот. – С. 289.

32 Там же. – С. 301.

33 Об исторических произведениях Муравьева см.: *Фоменко И.Ю.* Исторические взгляды М.Н. Муравьева // XVIII век. Сборник 13. Проблемы историзма в русской литературе XVIII – начала XIX в. – Л., 1981. – С. 167–184; *Топоров В.Н.* Из истории русской литературы. Т. 2. Русская литература второй

- половины XVIII в. Исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. 1. – М., 2001. – С. 747–778; *Фоменко И.Ю.* Учебные пособия по русской истории для детей и юношества в докарамзинской историографии // Михаил Муравьев и его время. Сборник статей и материалов Третьей Всеросс. научно-практ. конференции. – Казань, 2011. – С. 97–112.
- ³⁴ Ср.: «С 1787 г. выходили “Записки касательно Российской истории” Екатерины II, предназначавшиеся ею для юношеского чтения (это тоже говорит о большой и осознанной потребности в такого рода курсах). <...> Итак, в XVIII в. авторы пособий для детей и юношества еще не пытались ни дать беллетризованное описание событий, ни научить своих читателей философскому осмыслению исторического прошлого, а именно эти задачи считал необходимым решить Муравьев» (*Фоменко И.Ю.* Проза М.Н. Муравьева. Из истории русской прозы последней трети XVIII в. Диссертация на соискание ученой степени к. ф. н. – Л., 1983. – С. 139–140). Здесь, конечно, ошибка: «Записки касательно Российской истории» печатались в журнале «Собеседник любителей российского слова» в 1783–1784 гг.
- ³⁵ И.Ю. Фоменко указывала уже на связь литературных произведений Муравьева и императрицы: «Но был и источник, который описывал, как благородный Рюрик, “отказавшись судить Вадима «по закону прародителя своего Одина» <...> отпускает мятежника вместе с Оскольдом”. Этот источник – “Подражание Шекспиру, историческое представление <...> из жизни Рюрика” (1786) Екатерины II. Сюжетно муравьевский “Оскольд” примыкает к пьесе Екатерины II, – Муравьев начинает с того, чем Екатерина II заканчивает» (*Фоменко И.Ю.* Проза М.Н. Муравьева. – С. 126–127).
- ³⁶ *Муравьев М.Н.* Краткое начертание Российской истории // *Муравьев М.Н.* Сочинения. Т. 2. – СПб., 1847. – С. 5.
- ³⁷ Там же. – С. 5–6.
- ³⁸ *Муравьев М.Н.* Письма к молодому человеку о предметах, касающихся истории и описания России // *Муравьев М.Н.* Сочинения. Т. 1. – СПб., 1847. – С. 378.
- ³⁹ Там же. – С. 378–379.
- ⁴⁰ *Муравьев М.Н.* Краткое начертание Российской истории // *Муравьев М.Н.* Сочинения. Т. 2. – СПб., 1847. – С. 21; впрочем, в противостоянии с монголами Муравьев увидел «миссию» России: «<...> Народ Российский издали готовился быть оплотом Европы от разлиания варварских народов, последователей Магомета. Ратуя с Печенегам и Половцами, он приучался к ратованию против Татар и Турок» (Там же. – С. 22).
- ⁴¹ *Муравьев М.Н.* Краткое начертание Российской истории // *Муравьев М.Н.* Сочинения. Т. 2. – СПб., 1847. – С. 6.
- ⁴² *Муравьев М.Н.* Эпохи российской империи // *Муравьев М.Н.* Сочинения. Т. 1. – СПб., 1847. – С. 367.
- ⁴³ *Муравьев М.Н.* Краткое начертание Российской истории // *Муравьев М.Н.* Сочинения. Т. 2. – СПб., 1847. – С. 8–9. Ср.: «Запальчивость варвара по неволе

уступает очевидной опасности, и счастливый отпор возвещает России, что она может быть страшна прежним своим утеснителям» (*Муравьев М.Н. Соединение удельных княжеств в единое государство // Муравьев М.Н. Сочинения. – Т. 2. – С. 46*).

44 *Муравьев М.Н. Краткое начертание Российской истории // Муравьев М.Н. Сочинения. Т. 2. – СПб., 1847. – С. 36.*

45 Там же. – С. 14–15.

46 Там же. – С. 23.

47 Там же. – С. 28.

48 *Муравьев М.Н. Соединение удельных княжеств в единое государство // Муравьев М.Н. Сочинения. – Т. 2. – С. 43.*

49 Там же. – С. 41.

50 *Муравьев М.Н. Краткое начертание Российской истории // Муравьев М.Н. Сочинения. Т. 2. – СПб., 1847. – С. 14.*

51 *Муравьев М.Н. Андрей Юрьевич Боголюбский и Всеволод III Юрьевич // Муравьев М.Н. Сочинения. Т. 1. – СПб., 1847. – С. 277.*

52 *Муравьев М.Н. Роман Юрьевич Захарьин и окольный Адашев // Муравьев М.Н. Сочинения. Т. 1. – СПб., 1847. – С. 288.*

53 См. также: «И еще две важные черты работ Муравьева, особенно по истории России, – его острый интерес к геополитической ситуации, к тому пространству (и в общих чертах и в чертах и особенностях, его дифференцирующих), в котором разворачивается эта история, и к ее центрам, будь то Киев или Новгород, Москва или Петербург (во-первых), и (во-вторых, как расширительное следствие первого) постоянный учет более широкого контекста, частью которого является Россия в разные эпохи ее существования, контекста государственно-политического, этноязыкового, культурно-исторического (народы степи, татары, греки и др. в ранний период; Литва, Польша, Швеция и др. – в более позднее время)» (*Топоров В.Н. Указ. соч. – С. 749*).

54 Там же. – С. 22.

55 В.Н. Топоров писал, что «известны полтора десятка писем Карамзина к Муравьеву», но что «письма Муравьева к Карамзину, кажется, неизвестны» (*Топоров В.Н. Указ. соч. – С. 760*). В ОПИ ГИМ тем не менее находим черновик письма Муравьева к Карамзину. В нем Он благодарил Карамзина за то, что тот любезно обошелся с Н.Н. Муравьевым: «Милостивой Государь мой! Николай Михайлович! Напрасно стал бы я скрывать чрезвычайное удовольствие, которое мне приносит каждое письмо ваше. Вы не можете сомневаться, чтоб я не умел ценить достоинств ваших и дружбы, которою мне оказывать изволили. Лестное для меня изъяснение оной нахожу я в благополучнейшем приеме Николая Назаревича. Он не может вспомнить без особливаго чувствования тех минут которые препроводил он в обществе вашем» (Черновое письмо-автограф Михаила Никитича Муравьева к Николаю Мих. Карамзину // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 232. Ч. 483 б. Л. 33). Кроме того, Муравьев обещал «наведаться <...> о требуемой вам книге» (Там же. – Л. 33 об.).

- ⁵⁶ Ср.: «Замысел “Истории” созрел в недрах “Вестника Европы”. Об этом свидетельствует все возрастающее на страницах этого журнала количество материалов по русской истории. Но “Вестник Европы” был изданием отчетливо публицистического свойства: он противостоял планам реформ, о которых платонически мечтали Александр I и его “молодые друзья”, и отстаивал программу сильной власти, твердого законодательства и народного просвещения <...> В понятие самодержавия, которым, по мнению Карамзина, создавалась и укрепилась Россия, для него не включались механизмы управления или борьба общественных сил. <...> Замысел “Истории” должен был показать, как Россия, пройдя через века раздробленности и бедствий, единством и силой вознеслась к силе и могуществу» (*Лотман Ю.М.* Колумб русской истории // *Лотман Ю.М.* Карамзин. – СПб., 1997. – С. 576–577).
- ⁵⁷ «Екатерина бессмертна своими победами, мудрыми законами и благотельными учреждениями. По этому простому и ясному чертежу Карамзин на нескольких страницах представляет полное обозрение ее царствования в картине, истинно великолепной» (*Погодин М.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии. – СПб., 1866. – Т. 1. – С. 327).
- ⁵⁸ «Вместо того чтобы немедленно обращаться к порядку вещей Екатеринина царствования, утвержденного опытом 34 лет и, так сказать, оправданному беспорядками Павлова времени, вместо того чтобы отменить единственно излишнее, прибавить нужное, одним словом, исправлять по основательному рассмотрению, – советники Александровы захотели новости в главных способах монаршего действия, оставив без внимания правила мудрых, что всякая новость в государственном порядке есть зло, к коему надобно прибегать только в необходимости, ибо одно время дает надлежащую твердость уставам <...>» (*Булич Н.Н.* Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX в.: В 2 т. Т. I. – СПб., 1902. – С. 288). Об этом подробнее см.: *Ивинский А.Д.* Литературная политика Екатерины II: Журнал «Собеседник любителей российского слова». – М., 2012.
- ⁵⁹ *Карамзин Н.М.* Указ. соч. – С. 19–20.
- ⁶⁰ Там же. – С. 34.
- ⁶¹ Там же. – С. 38–39.
- ⁶² *Карамзин Н.М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – Берлин, 1861. – С. 5.
- ⁶³ Там же. – С. 5–6.
- ⁶⁴ Там же. – С. 32.
- ⁶⁵ Там же. – С. 44.
- ⁶⁶ *Карамзин Н.М.* Марфа Посадница // *Карамзин Н.М.* Сочинения. Т. 6. – М., 1803.
- ⁶⁷ *Карамзин Н.М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – Берлин, 1861. – С. 6.
- ⁶⁸ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. – СПб., 1817. – Т. 4. – С. 16–17.

- ⁶⁹ Карамзин Н.М. История государства Российского. – СПб., 1817. – Т. 6. – С. 324–326.
- ⁷⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. – СПб., 1817. – Т. 5. – С. 361.
- ⁷¹ Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – Берлин, 1861. – С. 143.

Н.Д. Кочеткова

**«БЕДНАЯ ЛИЗА» КАРАМЗИНА
И ПОВЕСТЬ
Ф.-Т.-М. БАКЮЛЯРА Д'АРНО «ФАННИ»**

Аннотация

В статье сравнивается повесть Карамзина «Бедная Лиза» с повестью французского писателя Ф.-Т.-М. Бакюляра д'Арно, популярного в XVIII в. в Европе и России. Оба сочинения сходны по своему сюжету: любовь знатного и богатого молодого человека и крестьянской девушки. Можно полагать, что Карамзин был знаком с повестью Арно. Существенно, однако, различие: счастливый конец в повести Арно и самоубийство героини Карамзина. Французский автор уделяет основное внимание событиям, для русского писателя более важны характеры и общая лирическая атмосфера.

Ключевые слова: Ф.-Т.-М. Бакюляр д'Арно, сентиментальная повесть, «Бедная Лиза».

Kochetkova N.D. Karamzin's «Poor Liza» and the short story of F. Th. de Baculard d'Arnaud «Fanny»

Summary. This article focuses on the comparison of Karamzin's «Poor Liza» and the short story written by the French writer Baculard d'Arnaud, who was very popular in Europe and Russia during the XVIIIth century. The main plot of both works is similar: love of a rich gentleman and a peasant girl. We can suppose, that Karamzin was acquainted with this Arnaud's short story. But there is also a very important difference between two works: the happy end in Arnaud's story and the suicide of Karamzin's heroine. The French author paid attention to events, for the Russian writer characters and the lyrical atmosphere are more important.

Сюжет и мотивы знаменитой повести Карамзина «Бедная Лиза», впервые опубликованной в 1792 г. в «Московском журнале» и ставшей образцом литературы русского сентиментализма,

широко варьировались как в европейской, так и в русской литературе XVIII столетия, начиная с романов С. Ричардсона и «Новой Элоизы» Ж.-Ж. Руссо.

Отдельные сходные моменты в развитии действия повести обнаруживаются и в сочинениях некоторых менее известных европейских авторов. Так, П. Бранг сопоставил повесть Карамзина с рассказом «Анекдот» («Anekdote») из сборника «Bagatellen» (1783–1785) немецкого писателя Христиана Леберехта Гейне (Heiune, 1751–1821), выступавшего в печати под псевдонимом Антон Валль (Anton Wall)¹. Герой этого рассказа – очень богатый молодой человек; он соблазняет девушку из бедной семьи, когда же узнает, что она ждет ребенка, откупается от нее крупной суммой денег, она умирает.

Ю. Долански отметил целый ряд сближений карамзинской повести с сочинениями австрийского писателя Йозефа фон Зонненфельса (Sonnenfels, 1733–1817), сотрудничавшего в 1760–1770-е годы в журнале «Der Mann ohne Vorurteil» («Человек без предрассудков»)². В опубликованных здесь рассказах Зонненфельса повествовалось о несчастных судьбах девушек из бедных семей, совращенных богатыми и знатными молодыми людьми. Среди имен персонажей встречается Эраст, Белизе (Belise), Ларисе (Larisse – параллель Клариссе С. Ричардсона). У Зонненфельса, как и у Антона Валля, нет речи о самоубийстве героинь: обе они умирают. Но в отдельных деталях (например, приход лорда к сельской хижине, где ему предлагают кружку молока) можно заметить удивительное сходство с отдельными эпизодами из «Бедной Лизы».

В сочинениях отечественных предшественников Карамзина исследователи также находили элементы, отчасти напоминающие сюжет «Бедной Лизы». В этой связи назывались анонимная повесть «Колин и Лиза» (1772), стихотворная сказка Я.Б. Княжнина «Флор и Лиза» (1778), романы Н.Ф. Эмина «Роза» (1786) и «Российская Памела» (1789) П.Ю. Львова, эпизоды из романа «Несчастный Никанор, или Приключение жизни российского дворянина Н*****» (1787–1789)³.

Конечно, сюжетное сходство вовсе не предполагает прямого заимствования, тем более что одни и те же темы, привлекавшие читателей того времени, развивались писателями по-разному. Тем не менее выявление таких параллелей помогает понять своеобраз-

зие подхода каждого автора к изображению одной и той же ситуации и характеров персонажей.

В связи с этим интересным может быть сопоставление повести Карамзина с одним из сочинений французского писателя Ф.-Т.М. де Бакюльера д'Арно, который получил широкую известность как в Европе XVIII в.⁴, так и в России⁵. Переводы его сентиментальных повестей, отвечавших вкусам читателей того времени, стали появляться в отдельных изданиях начиная с 1760-х годов. Среди первых русских переводчиков Арно был, в частности, Д.И. Фонвизин, обратившийся к повести «Сидней и Волсан», впервые опубликованной под названием «Сидней и Силли, или Благодеяние и благодарность» (1769).

Повесть «Фанни. Английская история» («Fanny. Histoire angloise») входила в собрание сочинений Арно «Испытания чувства» («Les épreuves du sentiment», 1772. Т. 1–2; 1773–1778. Т. 1–5). На французского автора значительное влияние оказал С. Ричардсон, поэтому неудивительно, что действие некоторых повестей Арно происходит в Англии. Главными персонажами повести «Фанни» являются знатный и богатый лорд Тейли (Thaley); живущий в одном из его ирландских имений фермер (fermier) Джеймс и его дочь Фанни. Плененный ее красотой, Тейли хочет жениться на ней, хотя благоразумный отец долго противится этому браку. Коварный приятель лорда уговаривает его устроить фиктивную свадьбу, а затем увозит его в Лондон. Ведя там светскую жизнь, полную удовольствий, Тейли женится на знатной леди, забывая Фанни. Лишь спустя несколько лет, после смерти супруги и ряда приключений ему удастся разыскать семью Джеймса. Выясняется, что у Фанни от лорда сын, которому к моменту их новой встречи уже 6-7 лет. Тейли женится на ней уже по-настоящему, и все становятся счастливы.

Повесть дважды была переведена на русский язык. Первый перевод под названием «Фанни, или Счастливое раскаяние», осуществленный Пафнутием Мосаловым⁶, служившим в лейб-гвардии Конном полку, появился в 1774 г. с посвящением генерал-поручику этого полка И.И. Давыдову. Через 20 лет, в 1794 г., вышел второй перевод, озаглавленный «Фания, английская повесть», выполненный анонимной переводчицей и посвященный «дражайшей и любезнейшей родительнице». Таким образом, сочинение Арно

привлекло к себе внимание начинающих литераторов, связанных с разными кругами русского общества.

Карамзин не переводил произведений Арно; во всяком случае, такие переводы неизвестны. Однако с большой долей уверенности можно говорить о знакомстве русского писателя с его творчеством не только по русским переводам, но и по французским изданиям.

В целом сюжет повести Арно существенно отличается от сюжета «Бедной Лизы». Однако в этих сочинениях обнаруживаются интересные сходные мотивы. Самый главный объединяющий сюжетообразующий мотив – любовь барина и крестьянской девушки. У Арно отец Фанни – фермер, находящийся в непосредственной зависимости от лорда, в имении которого он с семьей живет. В переводе Мосолова его имя не Джеймс, а Адамс, «мызник» лорда, «откупщик». Арно упоминает, что Джеймс когда-то учился в Оксфорде, но несчастные обстоятельства заставили его перейти в другое состояние, а именно крестьянское. Приятель лорда Тауэрд (Thoward; в переводе Мосолова Товарт) насмехается над ним, узнав о его любви к Фанни, «дочери крестьянина» («la fille d'un paysan») ⁷. Как известно, Лиза Карамзина – не крепостная крестьянка, ее отец был «довольно зажиточный поселянин» ⁸, а после его смерти жена и дочь стали отдавать свою землю внаем. Разрыв в сословном и имущественном положении, Эраста и Лизы столь же велик, как у героев Арно. Главное же – обе героини крестьянки.

Ключевое значение в развитии сюжета в обоих сочинениях приобретает один и тот же вспомогательный мотив: девушка подносит цветы, что способствует зарождению любви между молодыми людьми. Фанни, зардевшись, дарит букет цветов лорду, и тот покрывает их тысячью поцелуев. В переводе Мосолова: «Некогда Фанни принесла ему пук цветов. “Милостивый государь! – сказала она ему, покрасневшись, я их нарочно набрала для вас”» ⁹. Лиза продает ландыши; показав их Эрасту, она «закраснелась». После этой первой встречи на другой день Лиза собирает «самые лучшие ландыши» специально для Эраста и не хочет продавать их никому другому.

Герой Арно чувствителен, но с легкостью подчиняется своим страстям. Упоминая о юном возрасте лорда, автор вопрошает: «Может ли человек, будучи в таких летах, дать отчет в чувствах»

нии своем?»¹⁰ Сходные рассуждения есть и у Карамзина: «Безрассудный молодой человек! Знаешь ли ты свое сердце? Всегда ли можешь отвечать за свои движения? Всегда ли рассудок есть царь чувств твоих?»¹¹ Тауэрд, который хотел сделать из лорда «приятного Ловеласа», упрекает приятеля в том, что он «начитался негодных французских романов» и поэтому «не что иное ныне стал, как сумасбродный пастух»¹². Эраст, который «читывал романы, идиллии», тоже играет роль влюбленного пастуха, называя Лизу «своей пастушкой».

Сходным образом в обеих повестях затрагивается тема денег. Отец Фанни решительно отвергает предложенные ему деньги; мать Лизы учит ее не брать ничего лишнего. Некоторое сходство можно отметить даже в передаче взволнованной речи Фанни и Лизы. Встретив знакомого юношу с фермы, Фанни просит: «Скажи ему, что я его никогда не забуду и что я весьма несчастлива». Но тот не может понять, кому он должен передать эти слова. Тогда Фанни спохватывается: «Как, да разве я тебе того не сказала? – нашему господину, который меня любил»¹³. Первое появление Эраста у дома Лизы повергает ее в смятение, и мать спрашивает: «Что с тобой сделалось?» – «“Ничего, матушка, – отвечала Лиза робким голосом, – я только его увидела”. – “Кого?” – “Того господина, который купил у меня цветы”»¹⁴. И та и другая девушка настолько поглощены мыслями о своем возлюбленном, что каждой из них сразу не приходит в голову объяснить, о ком идет речь.

Отмеченные параллели, разумеется, еще не свидетельствуют о зависимости повести Карамзина от Арно. В каких-то случаях схождения могут представлять собой «общие места» литературы сентиментализма, восходящие к одним и тем же образцам, в частности «Кларисе» Ричардсона – роману, высоко ценившемуся Карамзиным. Тем не менее сопоставление «Бедной Лизы» с «Фанни» позволяет предположить, что повесть Арно не прошла мимо внимания Карамзина. Но, обратившись к тому же сюжетообразующему мотиву (любовь барина к крестьянке), писатель разработал его совершенно по-другому. У Арно повествование осложнено рядом побочных эпизодов (например, дуэль, на которой погибает коварный Тауэрд, убитый благородным офицером Виндгамом), вводятся элементы эпистолярного романа (письма Тейли и Джеймса)

и т.д. Сочинение французского автора завершается характерным для его произведений счастливым концом.

Совсем иначе строится повесть Карамзина: круг действующих лиц ограничен, действие развивается динамично, кульминацией становится трагическая концовка. Самоубийство крестьянки Лизы из-за несчастной любви поражало воображение самых неискушенных читателей повести. Ю.М. Лотман опубликовал интересный рассказ А.Ф. Мерзлякова о разговоре мужика и мастерового, по-своему пересказывавшего содержание повести Карамзина и пояснявшего своему собеседнику: «Это, брат, любовь!»¹⁵ Для образованных читателей «Бедная Лиза» могла ассоциироваться с романом И.В. Гёте «Страдания юного Вертера», и это вводило повесть в круг уже других сочинений и художественных ассоциаций¹⁶.

Для Арно главным оставалось сюжетное начало. Для Карамзина – характеры. В.Н. Топоров, всесторонне анализируя повесть «Бедная Лиза», справедливо заметил: «...образы Лизы и Эраста оказываются несводимыми (как это было до тех пор) к их роли в сюжете и к соответствующим функциям, из нее вытекающим»¹⁷. Художественное мастерство Карамзина, его тонкий лиризм, самый образ рассказчика, национальный колорит повести (описание окрестностей Симонова монастыря, размышления о прошлом России), «приятность» и музыкальность языка – все это встретило признание как русских, так и зарубежных читателей повести «Бедная Лиза», которая в свою очередь многократно стала переводиться на другие языки.

¹ Brang P. Studien zu Theorie und Praxis der russischen Erzählung 1770–1811. – Wiesbaden, 1960. – S. 142.

² Dolansky J. 1) Karamzin und Sonnenfels // Studien zur Ggeschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts. Bd. 2. – Berlin, 1968. – S. 358–374; 2) Deutsche Vorgänger von Karamzins «Die arme Lisa» // Slavisch-deutsche Wechselbeziehungen in Sprache, Literatur und Kultur. – Berlin, 1969. – S. 310–320.

³ См.: Пумпянский Л.В. Сентиментализм // История русской литературы. Т. 4. Литература XVIII века. Ч. 2. – М.; Л., 1947. – С. 438–441; Пухов В. Первая русская повесть о бедной Лизе // Русская литература. – 1965. – № 1. – С. 120–122; Аветухович Т. О возможном источнике «Бедной Лизы» Карамзина //

- Автухович Т.* Риторика. Жизнь. Литература: исследования по истории русской литературы XVIII века. – Минск, 2015. – С. 289–297.
- 4 См.: *Inklear D.* François Thomas de Baculard d’Arnaud, ses imitations en Hollande et dans d’autres pays. – Gravenhage, Paris, 1925.
 - 5 См.: *Рак В.Д.* Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века: Иностранные источники, состав, техника компиляции. – СПб., 1998. (По указателю.)
 - 6 Во время работы над переводом Мосолов только начинал свою воинскую карьеру, так как только в 1779 г. он был произведен из вахмистров в корнеты. См. о нем: *Кукушкина Е.Д.* Мосалов (Мосолов) Пафнутий // *Словарь русских писателей XVIII века.* – СПб., 1999. – Вып. 2. (К–П). – С. 301.
 - 7 *Les épreuves du sentiment.* Par M. D’Arnaud. – A Neuchatel, MDCCLXXIII. – Т. 1. – Р. 8.
 - 8 *Карамзин Н.М.* Избранные сочинения в двух томах. – М.; Л., 1964. – Т. 1. – С. 607.
 - 9 [*Арно Ф. Т. М. де Бакюляр д’*]. Фанни, или Счастливое раскаяние. С французского переведено Пафнутием Мосаловым. – СПб., 1774. – С. 15. – «Un jour Fanny présente un bouquet à Thaley». «Monsieur, – lui dit-elle en rougissant, – je voudrais bien que ces fleurs fussent plus belles, je les choisies exprès pour votre Grace» // *Les épreuves du sentiment.* – Р. 10.
 - 10 [*Арно Ф. Т. М. де Бакюляр д’*]. Фанни. – С. 57. – «A cet âge a-t-on le courage de se rendre compte de ce que l’on sent?» (*Les épreuves du sentiment.* – Р. 35.)
 - 11 *Карамзин Н.М.* Избранные сочинения. – С. 614.
 - 12 [*Арно Ф. Т. М. де Бакюляр д’*]. Фанни. – С. 16. – «Tu ais lu ces misérables romans françois»; «tu joues le berger languoureux» (*Les épreuves du sentiment.* – Р. 11.)
 - 13 [*Арно Ф. Т. М. де Бакюляр д’*]. Фанни. – С. 40. – «Et à qui voulez vous miss, que je porte ce message? – Et ne te l’a-je pas dit, mon ami? C’est à Monseigneur, qui j’aime et qui désirait m’épouser» (*Les épreuves du sentiment.* – Р. 24.)
 - 14 *Карамзин Н.М.* Избранные сочинения. – С. 609.
 - 15 *Лотман Ю.М.* Об одном читательском восприятии «Бедной Лизы» Н.М. Карамзина (К структуре массового сознания XVIII в.) // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР П.Н. Беркова. XVIII век. Сб. 7. – М.; Л., 1966. – С. 281.
 - 16 См.: *Сиповский В.В.* Очерки из истории русского романа. Т. 1. Вып. 2. (XVIII век). – СПб., 1910. – С. 387–396; 512–520; *Жирмунский В.М.* Гёте в русской литературе. – Л., 1984. – С. 33–35.
 - 17 *Топоров В.Н.* «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения. К 200-летию со дня выхода в свет. – М., 1995. – С. 142.

А.Н. Николюкин

«ПУТЕШЕСТВИЕ В ЛОНДОН»

Аннотация

Раздел об Англии в «Записках русского путешественника» Карамзина свидетельствует о его знакомстве с известными политическими деятелями, которые сыграли значительную роль в английском радикально-демократическом движении 1790-х годов. Карамзин первый в России дал общую картину развития английской литературы от Чосера до XIX в.

Ключевые слова: русская литература, Н.М. Карамзин, Англия, жанр путешествия, английская литература.

Nikolyukin A.N. *«Journey to London»*

Summary. Karamzin's *Letters of a Russian traveler* reveal his acquaintance with the eminent British radicals of those days. Karamzin was the first in Russia, who presented the panorama of English literature from Chaucer up to the XIX century.

Путь к Карамзину пролегает через его «Бедную Лизу». Все началось в 1949 г., когда Николай Иванович Либан читал в Московском университете лекции по русской литературе XVIII в. и особенно проникновенно рассказал о карамзинской повести «Бедная Лиза». Надо знать способность Либана возбуждать интерес в студентах, чтобы понять, как это подействовало на нас. Я со своим другом Виктором Хинкисом (будущим переводчиком «Улисса» Джойса) отправились посмотреть Симонов монастырь и знаменитый Лизин пруд, о котором говорил Николай Иванович так, будто сам присутствовал там или был среди тех современников Карамзина, которые ходили помечтать или позлословить известным стишком, который не преминул привести лектор:

*Здесь утопилася Эрастова невеста.
Топитесь, девушки, в пруду довольно места.*

Посмотреть этот Лизин пруд, обозначенный на имевшейся у меня дореволюционной карте Москвы, стало нашей мечтой. Доехав до Крестьянской Заставы на трамвае, мы пошли в гору к Симонову монастырю, находившемуся тогда в полном запустении и разорении. И все же с наружной стороны монастыря в сторону Москва-реки мы обнаружили могильную плиту, на которой было выбито имя Ослабя. Это один из монахов-воинов (Родион Ослябя и Александр Пересвет), погибших при Куликовской битве 1380 г., тело которого было отвезено в Москву и погребено в Старом Симонове в «каменной палате». Правда, побывав в Симоновом монастыре в наше время, я уже не обнаружил той каменной плиты...

Конечно, около монастыря не было описанной Карамзиным березовой рощицы. В том направлении, где был Лизин пруд, шла улица с маленькими деревянными домами и с сараями. Мы прошли немного по ней. Во дворе справа старушка вешала белье на веревку. Я спросил, был ли здесь пруд. Говорливая женщина стала показывать на соседние сараи с железными крышами: «Вот на месте этих сараев было болото и пруд, но в 20-е годы его засыпали и построили сараи». Недавно мне довелось проезжать по этой улице. По обе стороны стояли большие новые дома. Интересно было бы проследить, каким образом светлый красивый пруд, существовавший с древних времен и запечатленный на фотографиях еще в начале XX в., вдруг в советские годы превратился в грязное болотце...

23 августа 1845 г. при открытии памятника Карамзину в Симбирске М.П. Погодин выступил в Собрании симбирского дворянства с «Историческим похвальным словом Карамзину», в котором отметил: «Вместе с письмами Карамзин выдавал в “Московском журнале” свои повести, из которых первое место, и по времени сочинения, и по блестящему успеху, принадлежит “Бедной Лизе”. Сценою выбрано любимое гуляние московских жителей – окрестности Симонова монастыря; действующими лицами были выведены живые люди, вместо прежних Миленов и Замир, обитавших в неизвестных пространствах; все это было очень ново и разительно. Простосердечие, невинность и несчастная судьба доброй девушки изображены живо, а чувствительность была мод-

ною болезнью века: Поились слезы – тысячи любопытных ходили и ездили искать следов Лизиных. Несколько поколений считало своею обязанностью посмотреть на заходящее солнце с высот Си-монова монастыря, подумать о Карамзине и вздохнуть о небывалой Лизе».

Карамзин запомнился нам также рядом общеизвестных строк его поэзии: «Смеяться, право, не грешно над всем, что кажется смешно», «Ничто не ново под луною: что есть, то было, будет ввек», «На минуту позабудемся в чародействе красных вымыслов!» Но помимо общеизвестного о Карамзине существуют иные обстоятельства его заграничного путешествия, на которые не обращалось внимания.

* * *

Свою лекцию о книге Карамзина «Письма русского путешественника» Н.И. Либан завершает тревожными словами: «Карамзин покидал Лондон и Англию без особого восторга. <...> Он понял, что есть другой Лондон, другая, реальная Англия, не та, которую он принимает за страну идеальную, страну порядка, но та страна, где очень много страдания и горя»¹. Он пробыл в Лондоне с начала июня до начала июля 1790 г. А напечатал «Путешествие в Лондон (Из писем Русского путешественника)» только через четыре года в альманахе «Аглая» (1794). В чем же причина такого промедления?

В основе текста лежит не реальная переписка Карамзина со своими московскими друзьями, как можно было бы решить при чтении текста. Текст создавался уже перед печатанием на основе, очевидно, каких-то дневниковых записей, которые не сохранились. Поэтому текст о жизни Англии 1790 г. следует читать с пониманием того, что он печатался весной 1794 г. А к 1794 г. в Англии в основном завершились потрясения, вызванные Французской революцией, о чем Карамзин, конечно, знал из английских газет. Ведь он был членом московского Английского клуба, читал новейшие английские издания и знал, что происходит в Англии. Тень от происходившего во Франции лежит на воспоминаниях Карамзина о виденном в Лондоне.

В начале 1790-х годов в Англии оживилась деятельность старых радикальных обществ и были созданы новые. Наибольшее

значение имели три радикальных общества: «Общество революции», основанное в 1782 г. в память «славной революции» 1688 г.; «Общество друзей народа», основанное весной 1792 г. «новыми вигами» в целях борьбы за парламентскую реформу; «Общество конституционной пропаганды». Во главе последнего старого радикального общества стояли ветераны движения за реформу: Джон Горн Тук, Джон Картрайт и писатель Томас Холкрафт.

Еще в 1769 г. Горн Тук основал Общество для проведения билля о правах, в котором впервые со времен республики обсуждались демократические принципы. Карамзину довелось видеть Горна Тука в период выборов в британский парламент 14 июня 1790 г. Атмосферу парламентских выборов Карамзин описывает довольно иронично: «Вестминстер избирает двух Членов. Министры желали Лорда Гуда, а противники их Фокса; более не было Кандидатов. На кануне избрания угощались безденежно в двух тавернах те Вестминстерские жители, которые имеют голос: в одной подчивали Министры, а в другой приятели Фоксовы. Я хотел видеть этот праздник: вошел в таверну, и должен был выпить стакан вина за Фоксово здоровье. На сей раз Англичане довольно шумели.... Fox for ever! *Да здравствует Фокс! наш доброй, умный Фокс, лисица именем, лев сердцем, патриот, друг Вестминстерского народа!*»²

Многие члены «Общества конституционной пропаганды» в 1792 г. перешли в созданное Лондонское корреспондентское общество, руководителем которого стал шотландец Томас Гарди. К истории Лондонского корреспондентского общества, написанной Т. Гарди и оставшейся неопубликованной, эпиграфом были поставлены слова, характеризующие принципы Общества: «Если парламент не выражает больше воли народа, то наш долг — не философствовать, а действовать»³.

В руководстве нового Общества принимал участие знакомый Карамзину Горн Тук, а также Томас Пейн, автор книги «Права человека» (1791–1792) и писатель Уильям Годвин, опубликовавший свои «Размышления о политической справедливости» (1793). Среди участников Общества наметились расхождения между сторонниками насильственных действий (Т. Гарди, Т. Пейн) и приверженцами так называемого «мирного петиционирования» (писатель У. Годвин).

Корреспондентские общества имели разветвленную сеть отделений по всей стране, были связаны с подобными обществами в Ирландии и Шотландии. Политическим идеалом были республиканские идеи «Прав человека» Т. Пейна и французской конституции 1793 г. Экономической программой была национализация земли при отмене лендлордизма и уравнильное землепользование на основе аграрно-утопической теории Томаса Спенса, выпускавшего еженедельники для народа «Свиной корм, или Уроки для свиного стада» (*Pigs' Meat, or, Lessons for the Swinish Multitude*, 1793–1795) и «Политика для народа, или Смесь для свиней» (*Politics for the people, or, a Salmagundy for Swine*, 1793–1795). Сатирическое название журналов восходит к высказыванию Эдмунда Бёрка об английском народе как о «стаде свиней» («Размышления о французской революции», 1790).

Английские газеты в 1793 г. писали об арестах, судебных процессах и ссылках руководителей шотландских демократов Т. Мюира и Т. Пальмера. Для борьбы с Корреспондентскими обществами правительство создало «Общество защиты свободы и собственности от республиканцев и левеллеров». Вся эта борьба постоянно освещалась в английской прессе.

Одной из главных форм деятельности Общества были народные митинги и распространение листовок и брошюр с требованиями свободы слова, печати и союзов. Большая коллекция этих изданий сохранилась в Москве в бывшей библиотеке Института марксизма-ленинизма, ныне Центр социально-политической истории – филиал ГПИБ (Историческая библиотека). Директор этой библиотеки в 1921–1931 гг. Д.Б. Рязанов сумел через немецких социалистов приобрести эту коллекцию, в которой сохранились некоторые редкие издания массовой демократической публицистики, отсутствующие в крупнейшей в Англии Библиотеки Британского музея⁴.

1794 год стал переломным в развитии политических событий в Англии. Тайный комитет палаты общин объявил о раскрытии большого заговора, направленного к свержению правительства. В государственной измене были арестованы руководители Лондонского корреспондентского общества – Гарди, Горн Тук, Джон Телуол и др. Правительство приостановило действие конституционного «Габеус корпус акта» и провело законы, запрещающие

проведение общественных собраний. Однако лондонские процессы над руководителями Корреспондентских обществ провалились. Общественное мнение по этому поводу выразил в одном из своих писем Роберт Бёрнс. Он писал, что провал этих процессов вселил надежду в сердца многих людей и что недалеко то время, когда честный человек сможет открыто обличать премьер-министра Уильяма Питта и не будет объявлен за это «изменником родины»⁵.

Читая в английских газетах о политических процессах в Англии, о преследовании за издание и распространение книги Томаса Пейна «Права человека», о преследовании знакомого ему Горна Тука, Карамзин не мог не вспомнить своих слов о нем в «Путешествии в Лондон», напечатанного как раз в 1794 г. Не касаясь новейших событий, он излагает воспоминания о человеке, с которым встретился во время выборов в парламент: «Вдруг явился лет пятидесяти, неопрятно одетый, видом неважный, снял шляпу и показал, что хочет говорить. Все умолкло. “Сограждане!” – сказал он, понюхав несколько раз табак, которым засыпан был весь длинный камзол его: “Сограждане! Истинная Английская свобода у нас давно уже не в моде; но я человек старинной, и люблю отечество по-старинному. Вам говорят, что нынешний день есть торжество гражданских прав ваших; но пользуетесь ли вы ими, когда вам предлагают из рук Кандидатов выбрать двух Членов? Они уже выбраны! Министры с противниками согласились, и над вами шутят”. – (Тут он еще несколько раз понюхал табак, а народ говорил: “Это правда; над нами шутят”) – “Сограждане! для подтверждения ваших прав, драгоценных моему сердцу, я сам себя предлагаю в Кандидаты. Знаю, что меня не выберут; но по крайней мере вы будете выбирать. Я Горн Тук: вы обо мне слышали, и знаете, что Министерство меня не жалует”. – *Браво!* – закричали многие: *мы подадим за тебя голоса!* В ту же минуту подошел к нему седой старик на клюках, и все вокруг меня произнесли имя его: *Вилькес! Вилькес!* Вам, друзья мои, известна история этого человека, который несколько лет играл знаменитую роль в Англии, был страшным врагом Министерства, самого Парламента, идолом народа; думал только о личных своих выгодах, и хотел быть ужасным единственно для того, чтобы получить доходное место; получил его, обогатился и сошел с шумного театра. Он сказал Горну: “Мой друг! этою дрожащею рукою напишу я имя твое в книге,

и умру спокойнее, есть ли ты будешь Членом Парламента”. Горн обнял его с холодным видом, и начал нюхать табак.

Горн Тук был во время Американской войны проповедником в Брендсфорде, писал в газетах против двора, сидел за то в тюрьме, не унялся, и поныне еще ставит себе за честь быть врагом Министров. Он говорит сильно, пишет еще сильнее, и многие считают его Автором славных *Юниевых писем*»⁶.

Анонимные «Юниевы письма», печатавшиеся в Англии в 1769–1772 гг., – это сатирические политические памфлеты, авторство которых не удалось установить до сих пор. Они имели шумный успех, и Карамзин хорошо знал их. Его познания в английской литературе оказались необычно всесторонними для того времени. О Джеффри Чосере, которого в России еще никто не знал, Карамзин сообщает, прочитывая по-своему его фамилию: «Часер жил в четвертом-надесять веке, писал неблагопристойныя сказки, хвалил своего родственника, Герцога Ландкасторского»⁷. Как признается сам Карамзин, что ему труден английский выговор и мудрено узнать слухом то слово, которое известно глазами. В Вестминстерском аббатстве Карамзин видел памятник Чосеру, сооруженный в 1556 г. через полтора века после смерти поэта: «Готический монумент древнейшего Английского стихотворца Часера почти совсем развалился».

Карамзин один из первых сказал, будучи в Англии, о роли русского языка, о чем, как известно, позднее так резко заявил в своей комедии Грибоедов. «Англичане знают Французский язык, но не хотят говорить им, – заметил Карамзин, когда англичанка в Гайд-парке отказалась разговаривать с ним по-французски, – и я теперь крайне жалею, что так худо знаю Английский. Какая разница с нами! У нас всякой, кто умеет только сказать: *comment vous portez-vous?* без всякой нужды коверкает Французской язык, чтобы с Руским не говорить по-Руски; а в нашем так называемом *хорошем обществе* без Французского языка будешь глух и нем. Не стыдно ли? Как не иметь народного самолюбия? За чем быть попугаями и обезьянами вместе? Наш язык и для разговоров право не хуже других; надобно только, чтобы наши умные светские люди, особливо же красавицы, поискали в нем выражений для своих мыслей»⁸.

В оценке английской литературы Карамзин выступает как защитник поэтики сентиментализма. С этого он начинает раздел о литературе в Англии: «Литтература Англичан, подобно их характеру, имеет много *особенности*, и в разных частях превосходна. Здесь отечество *живописной* Поэзии <...> По сие время ничто еще не может сравняться с Томсоновыми *Временами года*; их можно назвать зеркалом Натуры» <...> Самым же лучшим цветком Британской поэзии считается Мильтоново описание Адама и Евы и Драйденова Ода на музыку»⁹ (имеется в виду ода Дж. Драйдена «Пиршество Александра, или Сила гармонии», 1697; пер. В.А. Жуковского, 1812).

Принято считать, что романтики первые поняли и оценили гений Шекспира. Однако уже Карамзин выступил предшественником романтической трактовки его наследия. Он не только издал в Москве свой перевод «трагедии Виллиама Шекеспира» «Юлий Цезарь» (1787), Шекспир оказался для Карамзина своего рода «вечным спутником» и в то же время «другом, советчиком, а иногда и судьей»¹⁰.

Наиболее полно свое представление о Шекспире Карамзин изложил в одном из писем своего путешествия в Англию. Возражая против сурового суждения Вольтера о Шекспире, Карамзин писал: «В Драматической Поэзии Англичане не имеют ничего превосходного, кроме творений одного Автора; но этот Автор есть Шекспир, и Англичане богаты! Легко смеяться над ним не только с Вольтеровым, но и самым обыкновенным умом; кто же не чувствует великих красот его, с тем — я не хочу и спорить! Забавные Шекспировы Критики похожи на дерзких мальчиков, которые окружают на улице странно одетого человека и кричат: *какой смешной! какой чудак!* Всякий Автор озаменован печатию своего века. Шекспир хотел нравиться современникам, знал их вкус и угождал ему; что казалось тогда остроумием, то ныне скучно и противно: следствие успехов разума и вкуса, на которые и самой великой Гений *не может взять мер своих*. Но всякой истинный талант, платя дань веку, творит и для вечности; современные красоты исчезают, а общие, основанные на сердце человеческом и на природе вещей, сохраняют силу свою, как в Гомере, так и в Шекспире. Величие, истина характеров, занимательность приключений, *откровение* человеческого сердца, и великие мысли, рассеянные

в драмах Британского Гения, будут всегда их магиею для людей с чувством. Я не знаю другого Поэта, который имел бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неистощимое воображение; и вы найдете все роды Поэзии в Шекспировых сочинениях. Он есть любимый сын богини Фантазии, которая отдала ему волшебный жезл свой; а он, гуляя в диких садах воображения, на каждом шагу творит чудеса! Еще повторяю: у Англичан один Шекспир! Все их новейшие Трагики только-что *хотят* быть сильными, а в самом деле слабы духом. В них есть Шекспировский *бомбаст*, а нет Шекспирова Гения»¹¹.

Карамзин видел в Лондоне исполнение трагедии «Гамлет» и оставил весьма критическую запись: «В первый раз видел я Шекспирова Гамлета – и лучше естли бы не видел! Актеры говорят, а не играют; одеты дурно, декорации бедныя <...> Какая разница с Парижскими театрами! Я сердился на актеров не за себя, а за Шекспира, и дивился зрителям, которые сидели покойно и с великим вниманием слушали; изредка даже хлопали. Угадайте, какая сцена живее всех действовала на публику? Та, где копают могилу для Офелии, и где работниками, играя словами, говорят, что первый дворянин был Адам»¹².

Карамзин вспоминает имена многих поэтов и прозаиков, даже завершает свою книгу воспоминанием о «густой иве, под которою Англичанин Поп сочинял лучшие стихи свои» в деревеньке, где жил и умер Александр Поп. Непосредственную и несколько насмешливую ассоциацию с жизнью англичан вызвало у Карамзина воспоминание о «Путешествиях Гулливера» Джонатана Свифта, переведенных в России еще в 1772–1773 гг.: «Вы читали забавное Гулливерово путешествие; помните, что он заехал в царство лошадей, у которых люди были в рабстве, и которых, разговаривая по своему с нашим путешественником, никак не хотели верить, чтобы где-нибудь подобные им благородные твари могли служить слабодушному человеку. Эта выдумка Свифтова казалась мне странною; но приехав в Англию, я понял Сатирика: он шутил над своими земляками, которые, по страсти к лошадям, ходят за ними по крайней мере как за нежными друзьями своими. Резвые скакуны здесь только что не Члены Парламента, и без всякого излишнего самолюбия могут вообразить себя господами людей»¹³.

Из английских романистов Карамзин обратил внимание на Ричардсона и Филдинга, «которые выучили Французов и Немцев писать романы как *историю жизни*». Заключает «фалангу бессмертных Британских Авторов» Лоренс Стерн, «оригинальный живописец чувствительности». Конечно, русская литературная критика XVIII в. еще была не в состоянии похвастаться столь основательным знанием английской литературы. Карамзин, по существу, выступил первопроходцем изучения английской литературы в нашей стране.

Что касается больших радикальных событий в жизни Англии 1790-х годов, времен Французской революции, то они разворачивались уже после отъезда Карамзина из страны. Но он находился в начале этих событий, видел людей, принимавших участие в движении за реформу. За судьбами известных ему лиц Карамзин не мог не следить, читая британские газеты, получаемые Английским клубом в Москве. Избегнув в 1792 г. репрессий по делу Н.И. Новикова и масонов, в новом царствовании Карамзин обратился к судьбам России, что привело к созданию «Истории государства Российского», увенчавшего его творчество.

¹ Либан Н.И. Русская литература. Лекции-очерки. – М., 2014. – С. 400.

² Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / Изд. подготовили Ю.М. Лотман и др. – Л., 1987. – С. 358.

³ Бер М. История социализма в Англии. – М.; Пг., 1923. – Ч. 1. – С. 76.

⁴ См. написанную на материалах этой коллекции книгу: Николюкин А.Н. Мас-совая поэзия в Англии конца XVIII – начала XIX веков. – М., 1961.

⁵ Burns R. The letters / Ed. by J.L. Ferguson. – Oxford, 1931. – Vol. 2. – P. 282.

⁶ Карамзин Н.М. Указ. соч. – С. 358–359.

⁷ Там же. – С. 374.

⁸ Там же. – С. 338.

⁹ Там же. – С. 368.

¹⁰ Заборов П.Р. Карамзин и русский преромантизм // Шекспир и русская культура. – М.; Л., 1965. – С. 80.

¹¹ Карамзин Н.М. Указ. соч. – С. 368–369.

¹² Там же. – С. 360–361.

¹³ Там же. – С. 378.

В.Л. Коровин

**КАРАМЗИН – ПЕРЕВОДЧИК ПОЭМЫ
А. ГАЛЛЕРА «О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗЛА»:
(ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ)**

Аннотация

В статье речь идет о дидактической поэме А. Галлера «О происхождении зла» («Über den Ursprung des Übels», 1734) в прозаическом переводе Н.М. Карамзина (1786) и о некоторых ее отражениях в его оригинальном творчестве.

Ключевые слова: Галлер, теодицея, философские взгляды Карамзина.

Korovin V.L. *Karamzin as a translator of the Haller's poem «On the Origin of Evil»*

Summary. The article deals with the N.M. Karamzin's translation (1786) of the poem «On the Origin of Evil» («Über den Ursprung des Übels», 1734) by A. Haller.

Дидактическую поэму швейцарского ученого Альбрехта фон Галлера (1708–1777) «О происхождении зла» («Über den Ursprung des Übels», 1734), одно из его главных (наряду с описательной поэмой «Альпы», 1729) стихотворных сочинений, Н.М. Карамзин перевел в прозе и сопроводил собственными примечаниями. Перевод был издан в 1786 г. Типографической компанией¹, незадолго до того организованной кружком московских масонов-розенкрейцеров, и оказался первым выступлением Карамзина в печати после его переезда в Москву². Ю.М. Лотман сделал естественное предположение, что поэма была переведена Карамзиным, «видимо, по заданию Н.И. Новикова»³, но сам же отметил, что традиции, представляемые швейцарским мыслителем и московскими масонами,

были «глубоко противоположны»⁴. Более вероятным кажется мнение предшественников Ю.М. Лотмана, что эту поэму Карамзин перевел по своей инициативе. Так, Н.Н. Булич, говоря о выборе его переводов до европейского путешествия, высказался решительно: «Он показывает нам ясно, что Карамзин был или слишком молод для того, чтобы быть посвященным в тайны масонства и мистицизма, или ум и душа его не поддались их влиянию. И то и другое обстоятельство сохранили Карамзина от вредного влияния Новиковского кружка. <...> За исключением “Бесед с Богом” Штурма, в переводе которых принимал участие Карамзин, вероятно по заказу, другие переводы этого периода свидетельствуют о свободе выбора. “О происхождении зла”, поэма *великого* Галлера, трактующая этот знаменитый в духовной истории XVIII столетия вопрос с точки зрения оптимизма и развивающая теорию свободной воли, переведена была Карамзиным не по заказу. Перевод этот возник под влиянием тех философических разговоров, которые Карамзин вел со своими московскими друзьями. Без сомнения, в поэме Галлера он нашел удовлетворивший его ответ на задачу современной философии. Здесь действительно были затронуты главные вопросы религии и нравственности, занимавшие лучших мыслителей прошлого века, начиная с Бэйля и английских деистов. Здесь была изложена сущность “Теодицеи” Лейбница»⁵.

«Великим» (как он назван на титульном листе карамзинского перевода) Галлер почитался прежде всего среди европейских ученых-естественников, а не мистиков. Всеобщим признанием пользовались его труды по медицине, и в поэме «О происхождении зла», относящейся к «самому ядру» его небольшого по объему «поэтически-интеллектуального наследия»⁶, видное место занимают суждения о совершенном устройстве человеческого тела, которое доказывает любовь Творца к человеку: «Бог любит нас. Кто знает тело свое? Скажите, чего недостает в нем для полезности и увеселения? <...> Каждая часть печется о себе, но печется и о других... <...> Может ли Он поставить телу целию благо, а духу злощастие?.. Нет! благодать Твоя, Боже мой! весьма явна. Все творение показывает любовь Твою» (с. 75–77). Не случайно, что второй (уже стихотворный) перевод этой поэмы на русский язык (1798) принадлежал студенту Московской духовной академии,

учившемуся позднее в Медико-хирургической академии, – Петру Ивановичу Богданову (1776–1816)⁷.

В России в конце XVIII в. Галлер – один наиболее почитаемых швейцарских авторов⁸. Для Карамзина он сохранял актуальность и после разрыва с масонами. В «Письмах русского путешественника» (где Галлер упоминается неоднократно) сообщается о беседе о нем с Ш. Бонне и высказывании последнего насчет переведенной Карамзиным поэмы: «Боннет называет Галлерову Поэму *о происхождении зла* самую лучшею из философических стихотворений»⁹.

Карамзинский перевод поэмы Галлера стал «фактом не только истории русской литературы, но и философии»¹⁰, и, видимо, пользовался успехом у разных читателей (список с печатного издания сохранился в составе одного рукописного конволюта конца 1780-х годов¹¹). Как и другие свои отдельно изданные ранние переводы (из Геснера, Шекспира, Лессинга), Карамзин его впоследствии не переиздавал, но работа над переводом оказала влияние на формирование его философских и литературно-эстетических взглядов. В.В. Сиповский, исходя из примечаний переводчика, сделал вывод о его особенной увлеченности поэмой: «Видимо, юноша смаковал это произведение, и никакие сомнения в истине картин, нарисованных Галлером, не закрадывались в его душу. Восторженно принял Карамзин и учение Галлера о свободной воле. <...> Так же охотно согласился Карамзин с Галлером, что для счастья человека мало дружбы, богатства, славы – главное, надо быть добродетельным»¹². В нижеследующих заметках приводятся некоторые наблюдения, подтверждающие мысль о самостоятельности Карамзина в этом литературном труде, некоторым образом отразившемся и в его позднейшем творчестве.

* * *

Свой труд Карамзин посвятил «Его высокоблагородию, милостивому государю Василию Михайловичу Карамзину» (родному старшему брату) со следующим текстом: «Родство и дружба соединяют *сердца наши* союзом *неразрывным*. Всегда почитаю я то время щастливейшим временем жизни моея, когда имею случай излить пред Вами ощущения сердца моего; когда имею случай

сказать Вам, что я Вас люблю и почитаю. Да внушит же Вам приношение сие оную истину и да послужит *новым* для Вас удостоверением, что я во всю жизнь свою буду / Вашим покорнейшим братом и слугою / Николай Карамзин» [с. 5–6].

Это посвящение, во-первых, выглядит как заявление переводчика о том, что его труд не имеет отношения к масонским связям и их духовному «братству» (поскольку адресовано настоящему старшему брату), а во-вторых, перекликается с текстом самой поэмы. Во второй (из трех) песни Галлер пишет: «И в нас впечатлел Бог величественный образ Свой; не только владыками зверей *создал* Он нас. Ему угодно было вложить во внутренность нашу два различные побуждения: любовь к самому себе и любовь к ближнему. Одна другой превосходнее; но и первая, будучи невинна, какова тогда еще была она, есть плодоносный источник трудов и терпения» [с. 39–40]. Далее на нескольких страницах перечисляются благодетельные следствия этих вложенных в человеческую природу «побуждений», в особенности любви к ближнему: от нее происходят дружба, брачные союзы, любовь к детям и к самому Богу: «Любовь сия была первою цепию человеков. <...> И к самым небесам восходят чистые пламена ея; к Богу ведут нас оные, происшедши сами из любви Его. Влечение ея вечно стремится к любви достойному, и успокаивается токмо во обладании высшим благом» [с. 42–44]¹³. Начав посвящение со слов «родство и дружба», Карамзин указал на тот случай, когда любовь к себе и любовь к ближнему действовали заодно и побудили его к «новому» литературному труду.

* * *

Главный вопрос поэмы – как в мире, который был сотворен совершенным, возникло зло? – живо интересовал молодого Карамзина и, видимо, часто был предметом его бесед с А.А. Петровым¹⁴. Об этом есть свидетельство в отклике на смерть последнего «Цветок на гроб моего Агатона» (1793), где Карамзин цитирует обращенное к нему письмо друга: «Усердно желаю, мой любезный друг, чтобы везде встречались тебе такие люди, которых знакомство и воспоминание возвышало бы удовольствия, находимые тобою в наслаждении прекрасною Природою, и утешало бы тебя

в неприятном опыте, что везде есть зло. Могу себе представить, что сей опыт часто тебя огорчает и приводит в такое грустное расположение, в каком я видал тебя, живши с тобою». Карамзин сразу вслед за этим прибавляет: «Так, мой друг, везде есть зло...»¹⁵, и рассказывает о смерти друга. Слова Петрова можно было истолковать как полуироническую отсылку к их беседам о поэме Галлера, а комментарий Карамзина – как заявление, что эта проблема занимает его по-прежнему, и не без серьезных причин.

* * *

В поэме Галлера происхождение зла объясняется уклонением свободной воли ангелов, обольстившихся собственным совершенством: «Гордость их пременила страх Божий на ненависть к Творцу... <...> Бог наказал возмущение, и гордость их соделалась их срамом; зло избрано было, злые были и следствия избрания сего. Наконец раскаяние без покаяния, отчаяние в рассуждении спасения и злоба без могущества были частию отпадших» [с. 52–53]. С тех пор мир духов лишился свободы выбора, в отличие от «слабых чад Адамовых» [с. 54], не сумевших воспротивиться влиянию злых духов, но не утративших после грехопадения ни свободы, ни надежды на спасение.

К высказыванию Галлера «Бог не любит никакого принуждения; мир со всеми своими недостатками превосходнее царства Ангелов, воли лишенных» [с. 29] Карамзин дал свое примечание: «Мысль, полное внимание читателя заслуживающая. Свободная воля причинила падение человека, свободная воля токмо может и паки восстановить падшего; она есть драгоценный дар Творца, сообщенный Им тварям избранным» (с. 29–30). Именно это примечание обычно цитируют, говоря о карамзинском переводе поэмы. Еще М.П. Погодин заметил, что оно «...показывает начавшееся знакомство Карамзина с учением масонов в Дружеском обществе»¹⁶. Однако в самом галлеровом учении о свободе воли, которое переводчик воспринял «восторженно» (В.В. Сиповский), не было ничего специально интересного для масонского окружения Карамзина: оно согласуется с общими основаниями христианского вероучения. Правда, в поэме Галлер умалчивает об Искуплении, о Христе, но лишь потому что не желает касаться

мистических вопросов в философской поэме (об этом он написал в предисловии к поэме, а чистой апологии христианского вероучения Галлер позднее посвятил особое сочинение, вышедшее в русском переводе в 1799 г.¹⁷). Возможно, именно осторожность, с которой Галлер в своей поэме обошел догматические вопросы, ее чистая «философичность», среди прочего, и привлекли внимание Карамзина к этой поэме.

Кажется, не столько учение о свободе воли, сколько мысли о принципиальной ограниченности познания человеком мира, об уединении («мать изобретений» — с. 15) и взаимосвязанности «добродетели» и «счастья» были созвучны идейным исканиям молодого Карамзина. Галлер решал метафизический вопрос о происхождении зла, но делал это в апологетических целях, чтоб опровергнуть манихейские представления («...разве Манес восторжествует над Богом и Истиною? Разве не возгорится в нас огонь ревности, когда на Бога хулы изрыгают?» — с. 24), и на первый план ставил практические нравоучение: «Но где я? куда увлекаюсь? Бог требует от нас дел, а не познаний. Воля Его нам известна: Он повелевает убегать пороков, а не стараться тщетно открывать причину их существования» [с. 23]. Карамзин, как небезосновательно принято считать, был склонен к агностицизму, и ему эта позиция должна была импонировать. В этой связи можно указать на рассказ о встрече с Кантом в «Письмах русского путешественника» и другие тексты (см., например, признание в частном письме 1816 г., где он отчетливо противопоставляет свою жизненную позицию масонской теории и практике: «Я не мистик и не адепт; хочу быть самым простым человеком; хочу любить как можно более, не мечтаю даже и о *возрождении* нравственном в теле. Будем в середине немного получше того, как мы были во втормик, и довольны с нас, ленивых»¹⁸).

По Галлеру, счастье человека имеет условием добродетель. Бог дал человеку болезни для тела и стыд для души, чтобы человек, лишившись покоя (и счастья), познавал свои проступки и заблуждения, чтобы, стремясь к счастью, стремился к добродетели: «Уклоняющийся от добродетели отказывается от счастья своего. Должности суть путь, уставленный Богом ко благополучию; сердце, в коем порок господствует, никогда не любило себя. Извне не втекает никакое утешение, когда мы во внутренности

мучимся. Наслаждение бывает для нас отвратительно, коль скоро лишаемся истинных потребностей» [с. 60–61]. К этим словам Карамзин дал примечание: «Истина неопровергаемая и каждым человеком ощущаемая! Будешь окружен возлюбленными, будешь знатен, будешь богат, но все еще не будешь спокоен. Для чего? для того, что ты лишен истинных потребностей; все сии блага суть для тебя блага чуждые» [с. 61].

Эта «истина» – одна из центральных в философской публицистике Карамзина и, в особенности, в его «Разговоре о щастии. Филалет и Мелодор» (1797). Идейные переключки этого диалога с поэмой Галлера вполне могут стать предметом отдельного исследования. Здесь ограничимся указанием на одно чисто текстовое соответствие.

В поэме внимание Карамзина привлекло следующее рассуждение: «Ни время, ни страна, ни обыкновение не могут переменить натуру: источник течет везде, а токмо единый вид течения переменяется. Всюе какой-либо народ прославляет невинность нравов своих <...> Лапландцы <...> суть также рабы пороков. Они подобно нам *нерадивы*, исполнены скотских вожделений, суетны, корыстолюбивы, леностны, завистливы и злобны. Не все ли едино, рыбий ли жир или золото смертоносную вражду производит?» [с. 59–60]. К последним словам дано примечание переводчика: «Мысль и выражение сие доказывают, что Галлер имел дар в немногих словах сказывать много» [с. 60]. В «Разговоре о щастии», доказывая (подобно Галлеру), что удовольствия человек ощущает при любом общественном положении и уровне развития, Карамзин, чтоб «в немногих словах сказать многое», использует тот же «рыбий жир»: «У камчадала также есть сердце, которому известны приятные движения чувствительности; он любит своих домашних, любит звериную ловлю и с удовольствием катится домой на обледенелых лыжах своих, воображая тепло, отдых, поцелуй жены и... рыбий жир на столе. – Истинные удовольствия равняют людей»¹⁹.

¹ О происхождении зла, поэма великого Галлера / Перевод с немецкого <Н.М. Карамзина>. – М.: В тип. Компании Типографической, с указного дозволения. – 1786. – 78 с. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи (номера страниц).

- ² Вообще это был второй по счету опубликованный литературный труд Карамзина. Первым был перевод идиллии С. Геснера «Деревянная нога» (СПб., 1783).
- ³ *Лотман Ю.М.* Эволюция мировоззрения Н.М. Карамзина (1789–1803) // *Лотман Ю.М.* Карамзин: Сотворение Карамзина. Статьи и исследования. Заметки и рецензии. – СПб., 1997. – С. 314.
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Булич Н.* Отношение Карамзина к Дружескому Обществу и к идеям масонства и мистицизма // Н.М. Карамзин. Его жизнь и сочинения. Сб. историко-литературных статей / Сост. В. Покровский. – Изд. 2-е. – М., 1908. – С. 39.
- ⁶ *Михайлов А.В.* Альбрехт фон Галлер // История швейцарской литературы. – Т. 2. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С. 296.
- ⁷ Поэма о происхождении зла, переложенная на российские стихи М<осковской> А<кадемии> с<тудентом> П<етром> Б<огдановым>. Из творений г. Галлера. Изданием издателя. – [М.]: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1798. – 84 с. О переводчике см.: *Фоменко И.Ю.* Богданов Петр Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. – Вып. 1. – Л.: Наука, 1988. – С. 102.
- ⁸ См.: *Данилевский Р.Ю.* Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII–XIX вв. – Л.: Наука, 1984. – С. 50–59.
- ⁹ *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. – Л.: Наука, 1984. – С. 185. – (Литературные памятники).
- ¹⁰ История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век / Отв. ред. Ю.Д. Левин. – Т. II: Драматургия. Поэзия. – СПб.: Наука, 1996. – С. 162.
- ¹¹ См.: *Мартынов И.Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков. – М.: Книга, 1981. – С. 163.
- ¹² *Ситовский В.В.* Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». – СПб., 1899. – С. 87.
- ¹³ Заключительная фраза является аллюзией на «Исповедь» св. бл. Августина. Ср. в стихотворном переводе П.И. Богданова: «Ея чистейший огонь восходит к небесам, / Доходит до Творца – не гаснет даже там. / Она к достойному любви всегда стремится, / И может благом лишь всевышним насладиться» [с. 41–42].
- ¹⁴ Об их отношениях см., например: *Лазарчук Р.М.* Переписка Н.М. Карамзина с А.А. Петровым: (К проблеме реконструкции «романа в письмах») // XVIII век. – Сб. 20. – СПб.: Наука, 1996. – С. 135–143.
- ¹⁵ *Карамзин Н.М.* Соч.: [В 8 т.]. – М., 1803. – Т. 7. – С. 10–11.
- ¹⁶ *Погодин М.Н.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями: [В 2 ч.]. – М., 1866. – Ч. 1. – С. 51.
- ¹⁷ Письма г. барона А. Галлера о важнейших истинах Премудраго Божественнаго Промысла / Перевод с немецкого. – М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия,

1799. – 375 с. Эта книга Галлера была написана в форме писем к дочери. Лафатер, недовольный его апологией христианства, писал Циммерману: «Письма Галлера о христианстве содержат кое-где хорошие мысли. Но от такого великого человека я никогда не ожидал столь плохой защиты христианской религии. Его богословие скверное, и с его собственной философией оно находится в разительном противоречии. Так защищать христианство – значит его предавать» (цит. по: Меркулов В.Л. Альбрехт Галлер. – Л.: Наука, 1981. – С. 155).

¹⁸ <Письмо Н.М. Карамзина к А.И. Тургеневу от 13 апреля 1816 г.> // Русская Старина. – 1899. – № 2. – С. 473.

¹⁹ Карамзин Н.М. Соч.: [В 8 т.]. – М., 1803. – Т. 7. – С. 249–250.

Т.М. Миллионщикова

ТВОРЧЕСТВО КАРАМЗИНА В АМЕРИКАНСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Аннотация

В статье рассматриваются работы американских литературоведов, исследующих творчество Н.М. Карамзина и его влияние на А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, литературные влияния, масонство, «Арзамас», классицизм, сентиментализм, роман-тизм, повесть, ироикомическая поэма, литературная пародия.

Millionshchikova T.M. N.M. Karamzin in the American literary studies

Summary. The article deals with the American studies on N.M. Karamzin and his influence on A.S. Pushkin and F.M. Dostoevsky.

В своих исследованиях о творчестве Н.М. Карамзина (1766–1826) американские русисты исследуют его заслуги в развитии сентиментализма и романтизма, своеобразие повествовательной манеры писателя, достижения в реформе русского литературного языка, роль в мировом литературном процессе. Американские литературоведы опираются на труды наших отечественных ученых – Г.А. Гуковского, В.Э. Вацура, Ю.М. Лотмана, Н. Эйдельмана, а также на работы профессора Кэмбриджского университета, английского русиста Энтони Гленна Кросса¹, рассматривающего Карамзина как писателя, который ввел европейский сентиментализм в русскую литературу.

Начальный этап восприятия творчества Карамзина в американском литературоведении подробно освещен в монографии

А.Н. Николюкина «Литературные связи России и США: Становление литературных контактов»².

Работы, опубликованные в середине 60-х годов прошлого века в связи с 200-летием со дня рождения Н.М. Карамзина, были в основном посвящены изучению его литературной деятельности и той роли, которую ему было суждено сыграть в переходе отечественной литературы XVII и XVIII вв. от сентиментализма к романтизму. Начиная с 70-х годов прошлого века внимание литературоведов США начинают привлекать общественно-политические и историософские взгляды русского писателя.

Автор истории русской литературы XVII и XVIII вв. Уильям Эдвард Браун³ развивает идею о целостности европейской культуры и литературы. По его убеждению, отдельные национальные литературы не могут быть по-настоящему поняты и изучены в изоляции друг от друга. В период развития романтизма русская литература шла по пути заимствования от западноевропейских литератур, и лишь возникновение реализма второй половины XIX в. поставило ее во главе европейской.

Сентиментализм рассматривается американским ученым «как переходное, предромантическое явление, сочетающее черты и классицизма, и романтизма. Если начало сентиментализма в Англии и Франции – середина XVIII в. (С. Ричардсон, Э. Юнг, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро), то в русской литературе к сентиментализму, или предромантизму, У.Э. Браун относит творчество М.М. Хераскова, Г.Р. Державина, В.В. Капниста и Н.М. Карамзина. С классицизмом сентименталистское направление связано дидактизмом, присущим в значительной степени и писателям-сентименталистам, прежде всего Карамзину. Вместе с тем именно в карамзинском творчестве впервые возникает «апология чувств», – характерное явление для нового литературного направления.

Анализируя переплетение классицистических и романтических элементов в творчестве русских писателей конца XVIII в., У.Э. Браун подчеркивает, что Карамзин-сентименталист, создавая свою «чувствительную повесть» «Бедная Лиза» (1792), продолжал следовать классицистическим образцам в обрисовке характеров персонажей. Главная героиня повести, лишенная черт, присущих русской девушке-крестьянке, показана так же схематично, как и персонажи писателя-классициста А.П. Сумарокова.

Освещая полемику «Беседы любителей русского слова» (1811–1816) и «Арзамасского общества безвестных людей» (1815), американский русист основывается на концепции Ю.Н. Тынянова, высказанной в книге «Архаисты и новаторы»⁴. С точки зрения У.Э. Брауна, сущность этой полемики заключалась не в защите «старого» и «нового» в литературе и языке (как было принято полагать до выхода книги Ю. Тынянова), а в противостоянии «русского начала» иностранному. Организатор и глава «Беседы» А.С. Шишков (1754–1841) защищал и отстаивал отечественные традиции в русской словесности.

Насмешливые упоминания о «поборнике славянских речений» Шишкове были распространены всю первую треть XIX в., – отмечает в своих комментариях к «Евгению Онегину» Владимир Набоков и приводит слова Карамзина, «обходительного оппонента» Шишкова, из письма И.И. Дмитриеву 30 июня 1814 г.: «...ты на меня сердит: не ошибаюсь ли?... Знаю твою нежность, сказал бы деликатность, да боюсь Шишкова!»⁵. Шишков тоже делает выпад против карамзинской прозы 1790-х годов: «Тогда и наша словесность, – по образу их новой и немецкой, искаженной французскими названиями, словесности, стала делаться непохожею на русский язык»⁶. Однако, по мнению В. Набокова, стремясь положить конец «этой опасной тенденции», Шишков прежде всего «целил в либеральную мысль, а галлицизмы и неологизмы были не так уж принципиальны»⁷. Борьба между ним и последователями Карамзина представляет лишь исторический интерес; на развитие языка она не оказала никакого воздействия. Еще с середины прошлого века у русских историков литературы вошло в обычай придавать преувеличенное значение группе «Арзамас», – отмечает В. Набоков.

Собрания «арзамасцев» «представляли собой обеды с неизменным жареным гусем, сопровождаемые чтением вслух натужно остроумных протоколов и тривиальных стихов. Участники облачались в красные колпаки, и эти “bonnets rouges” питают пылкое воображение левых историков. Однако историки эти не принимают во внимание, что под некоторыми колпаками были головы вождей “Арзамаса” Жуковского и Карамзина – пламенных приверженцев «монархии, религии и литературной изысканности, да к тому же дух шутовства, которым пропитана вся деятельность

этого клуба, исключал любую серьезную политическую направленность»⁸.

Если группа Шишкова прославилась своим невыносимым и угрюмым педантизмом вкупе с реакционными взглядами, то «Арзамас» известен насмешливостью и издевками, которые набивают оскомину. Принятые в «Арзамасе» либеральные понятия (в противовес обскурантизму староверов) не заключали в себе политического оттенка: так, Жуковский был привержен самодержавию и православию не менее твердо, чем Шишков. Русскиеистики отечественной литературы приписывают этим группам чрезмерную роль, хотя заметного воздействия на развитие русской литературы они не оказали. В противовес этой точке зрения американский литературовед М.Г. Альтшуллер рассматривает «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» Карамзина именно как «политический документ»⁹.

В статье о русском масонстве Лорен Грей Лейтон, затрагивая вопрос о пребывании Карамзина в кругу масонов в 1785–1789 гг., американский литературовед определяет масонство как «богатую духовно-интеллектуальную культуру, уходящую корнями в XVIII в., связанную с самыми выдающимися людьми и состоящую из разных, часто противоположных символических систем»¹⁰.

Известно, что Карамзин разочаровался в масонстве, и находящиеся под его влиянием В.А. Жуковский, А.И. Тургенев и другие «арзамасцы» высмеивали и пародировали масонские склонности Шишкова и остальных «беседенцев». Однако ни те ни другие не забыли принципов своего масонского образования под руководством «старика» Тургенева. Впрочем, хотя Карамзин порвал с новиковским кругом и разочаровался в масонской обрядности и таинственности, как и те, кто в недавнем прошлом назывались «карамзинистами», отрицали масонство как организованное, авторитетное общество, все-таки в своей деятельности они во многом близки идеалам союза высоких просвещенных людей, преданных высоким целям.

О заслугах Карамзина в развитии русской словесности и русского языка говорится в работах Владимира Набокова и Бориса Гаспарова.

Один из важнейших результатов деятельности Карамзина – обновление русского литературного языка и пропаганда разгово-

ной, простой лексики и стилистики, а также современных им форм русского языка (многие из этих форм переносились из французского) – подчеркивает В. Набоков в «Комментариях к “Евгению Онегину”»¹¹: В своей «поистине замечательной реформе» Карамзин последовательно изгонял «тяжеловесные церковнославянские и германские конструкции (своей цветистостью, претенциозностью и помпезностью напоминающие высокопарные латинизмы, которые засоряли европейские языки на ранней стадии их истории); он положил конец инверсиям, громоздким составным словам, монструозным предложениям и союзам, введя в оборот более легкий синтаксис, галльскую точность фразы и простые, естественно звучащие неологизмы, строго отвечающие семантическим нуждам – как романтическим, так и реалистическим, – в свою столь озабоченную стилем эпоху»¹².

Американский литературовед Б.М. Гаспаров¹³ отмечает, что в 1800–1810-е годы «школа Карамзина, силами самого основателя и необыкновенно талантливых младших представителей, сумела придать русскому литературному языку такую гибкость и ясность выражения, такую отчетливость синтаксиса и идиоматики, которые были немыслимы еще за двадцать лет до этого. ...У Карамзина и “арзамасцев” разные темы, разные эмоциональные, стилевые и жанровые модусы поэтического и прозаического повествования получили идеально подходящие для каждого из них изящно отделанные языковые средства. В творчестве Пушкина эти уже хорошо обжитые жанровые миры пришли в движение, стали активно взаимодействовать друг с другом, обнаруживая все новые неисчерпаемые ресурсы потенциальных смыслов, возникающих в новых перспективах и соположениях... Каждая идиома, синтаксический оборот, языковой образ включались в ряд потенциальных трансформаций, перемещений в иную сферу употребления, парадоксальных сдвигов... Однако, с другой стороны, победа стилевой линии Карамзина – Пушкина, казавшаяся полной и очевидной в 1810-е – первой половине 1820-х годов, в более далекой перспективе оказались, в сущности, кратким и изолированным эпизодом»¹⁴.

В 1818–1820-е годы с Карамзиным близко сошелся Пушкин, ценивший автора «Писем русского путешественника» (1792) главным образом как реформатора языка и историка России. Описание

Карамзиным его поездки по странам Западной Европы имело громадное воздействие на поколение, предшествующее пушкинскому, отмечает В. Набоков. С его точки зрения, «как прозаик Карамзин немногого стоит. Писателя называли русским Стерном, однако чопорное, блеклое повествование Карамзина – прямая противоположность богатому, скабрешному, блещущему фантазией, великолепному стилю английского поэта в прозе. Стерн вошел в Россию во французских переводах и подражаниях, его считали сентименталистом, каковым как раз и являлся Карамзин – осознанно. Отличаясь, подобно другим русским и французским писателям того времени блистательным отсутствием оригинальности, Карамзин в своих повестях не мог создать ничего, что не выглядело бы подражанием. Его повесть “Бедная Лиза” (1792), тем не менее, была очень популярна»¹⁵.

В 1974 г. в США в хьюстенском издательстве вышла монография американского русиста Роджера Б. Андерсона, внимание которого сосредоточено на художественных особенностях повествовательной манеры карамзинской прозы¹⁶. Опираясь на работы английского слависта Энтони Гленна Кросса¹⁷, автор монографии анализирует функции рассказчика в художественной прозе Карамзина. По его мнению, полученные результаты помогают высветить «эволюцию мировоззрения и эстетических взглядов русского писателя, а также – в более широком плане – своеобразие историко-литературного процесса того времени в целом»¹⁸.

К основным типам авторской «точки зрения» как организующего начала «повествовательного потока» относятся: «редакторское всеведение» (editorial omniscience), «нейтральное всеведение» (neutral omniscience), «рассказчик-свидетель» (narrator-as-witness) и «рассказчик-протагонист» (narrator-as-protagonist)¹⁹. Выявленная многофункциональность роли «автора» свидетельствует о начале зрелого этапа в истории русской литературы.

В «Письмах русского путешественника» позиция нейтрального рассказчика, обычная для той задачи, которую ставил перед собой Карамзин – сообщить поистине энциклопедические сведения о западноевропейской действительности, – сочетается с точкой зрения «автора-комментатора», выполняющего определенную дидактическую программу. Отклонение от основной – информативной – линии «Писем...» было вызвано той же просветитель-

ской целью: представить русскому читателю образы и темы «основного фонда» сентиментализма, показать ему законы и специфику сентименталистского восприятия действительности. Четкие утверждения в форме «редакторского всезнания» сменяются лирическими отступлениями «рассказчика-протагониста». Карамзин апеллировал и к интеллекту, и к эмоциям читателя. В духе сентименталистской моральной философии он дал ответы на все серьезные жизненные проблемы. В качестве «бесцеремонного автора» он руководит мыслью читателя. Мир чувств, основной для Карамзина, управляется принципами, четко сформулированными тоном «редакторского всезнания». В этом мире чувство разочарования в смысле существования сменяется верой в обновляющую силу жизни, в вечную гармонию потустороннего мира, горе переносимо благодаря дружескому теплу и вечной окружающей человека природы. Для Карамзина моральная и эстетическая система сентиментализма предлагает альтернативу грубой, ненадежной реальности, которая подавляет «чувствительного человека»²⁰.

Р. Андерсон подчеркивает, что этому же замыслу отвечала деятельность Карамзина как издателя и редактора «Московского журнала» (янв. 1791 – дек. 1792), в котором начали печататься «Письма». Повествовательная манера «редакторского всезнания», отличающая «Письма», соответствовала позиции Карамзина-редактора, публиковавшего в своем журнале переводы западноевропейских сентименталистов и собственные «сентиментальные» повести. Р. Андерсон распределяет повести Карамзина по трем группам, в соответствии с повествовательной манерой, непосредственно обусловленной «авторской точкой зрения».

К первой группе, в основу которой положен принцип «редакторского всеведения», исследователь относит повести «Бедная Лиза» (1792), «Наталья, боярская дочь» (1792), «Прекрасная царевна и счастливый карла» (1792) и написанную позже «Юлию» (1796).

Ранние повести Карамзина пронизаны духом оптимизма, надежды, сознанием взаимосвязанности событий, которые развиваются согласно «всеобщим законам». Эти законы действуют в соответствии с системой ценностей сентиментализма и раскрываются с помощью авторских комментариев. В «Бедной Лизе» трагедия смягчается надеждой автора на «загробное примирение»,

пафос повести – в утверждении идеалов нравственности и вере в конечную справедливость. В «Наталье, боярской дочери» и «Прекрасной царевне...» истинная любовь преодолевает социальные преграды. Духовное торжествует над физическим. Поскольку читатель уже знаком с основными принципами «нового типа мироощущения», Карамзин допускает некоторые перемены в авторской точке зрения, отступая в сторону или мягко иронизируя по поводу ситуации, в которой оказываются его персонажи.

Высокое художественное мастерство Карамзина в наибольшей степени по мнению Р. Андерсона, выражено в повести «Юлия». Героиня обладает сложным характером, который изменяется в зависимости от новых жизненных обстоятельств. Однако композиция и этой повести построена на присутствии «бесцеремонного автора», «комментатора» и подчинена дидактическим целям «редакторского всезнания». На том этапе Карамзин предпочитал откровенное выражение авторской позиции, прием непосредственной проповеди в угоду распространения идеалов сентиментализма.

Вторая группа включает в себя повести «Остров Борнгольм» (1794), «Сиерра-Морена» (1795) и «Моя исповедь» (1802), отмеченные переменами в мироощущении повествователя, у которого вера в прочность законов бытия, во всепобеждающую силу любви сменилась отчаянием, размышлением о роковых силах зла, разрушающих надежду на счастье. В «Сиерра-Морена» этот переход совершается очевидно и быстро (самоубийство Алонсо), настроение всеобъемлющего одиночества определяется резче, чем в «Острове Борнгольм», где оно возникает постепенно, по мере нарастания трагических совпадений. Соответственно этому происходит сдвиг, изменение «точки зрения». Главным источником повествования стал и рассказчик: в «Острове Борнгольм», где оно возникает постепенно, по мере нарастания трагических совпадений. Соответственно этому происходит сдвиг, изменения «точки зрения». Главным источником повествования стал сам рассказчик: в «Острове Борнгольм» – рассказчик-наблюдатель, в двух других повестях – рассказчик-протагонист. Сомнение и разочарование в ценностях сентиментализма сближают рассказчика с героями, страданиям которых он очень сочувствует и создает первые отчетливые намеки на романтический бунт.

В повести «Моя исповедь» «попытка мятежа» принимает более определенные формы. Краткое описание путешествия князя по Европе является традиционной аллегорией жизненного пути. С самого детства не отягощенный бременем этических идеалов, князь проходит по жизни, как по тротуарам европейских столиц, не приобретая и не разрушая своих «изначальных» жизненных представлений. В отличие от других карамзинских «рассказчиков» он не переживает никакой эволюции. Он свободен от чувства любви, справедливости, от семьи, родины, религии; в конце концов он «свободен от собственной человечности»²¹. Сверхъестественное влияние, которое он оказывает на людей, и некоторые его поступки позволяют Р. Андерсону провести аналогию между ним и Ставрогиним Достоевского. Вызывающий, законченный цинизм героя Карамзина литературовед объясняет крушением светлых юношеских идеалов писателя, завершившихся к моменту создания «Исповеди». Пессимистическое мировосприятие, моральный релятивизм обуславливают выбор повествовательной перспективы: автор уступает место рассказчику, демонстрирующему последствия бунта против идеалов сентиментализма – нищету бездуховности и отношение к жизни как к ледяной пустыне. И в ранних, и в более поздних повестях Карамзин изображает своих героев «вне-социально».

Повести «Рыцарь нашего времени»; «Чувствительный и холодный. Два характера»; «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода» Р.Б. Андерсон относит к третьей группе, знаменующей собою новый, зрелый этап творчества Карамзина. Вера в просвещенный абсолютизм, возродившаяся было у Карамзина с воцарением Александра I, породила у писателя представление о новых идеалах, более земных и реальных, чем сентиментальный идеализм его раннего творчества. Теперь его внимание полностью сосредоточилось на «посюсторонней» жизни, ограниченной рамками определенного исторического контекста. В последних повестях Карамзин поставил психологическую индивидуальность персонажей в связь с реальностью их социального окружения.

Развивая принцип В.Д. Локка «*tabula rasa*», в «Рыцаре нашего времени» писатель показал влияние среды и системы воспитания на формирование характера героя. С помощью метода

«нейтрального всеведения», основного в этом произведении Карамзина, писателю удалось создать яркие картины детства героя.

В повести «Чувствительный и холодный» (1803) Карамзин провел последовательное противопоставление двух характеров, отстаивая мысль о неизменности врожденного различия темпераментов. «Редакторское всезнание» дополняет здесь метод «нейтрального всеведения» и вписывается в единый композиционный замысел: сопоставить два способа познания действительности и, соответственно, поведения в ней. Эту повесть объединяет с повестью «Рыцарь нашего времени», несмотря на противоположность их исходных посылок, один и тот же вопрос, который автор решает по-разному: что определяет тот или иной тип психологического склада человека.

В первой в русской литературе исторической повести «Марфа-посадница» (1803) – Карамзин также показывает взаимодействие между внешним окружением и внутренними психологическими процессами в человеке. Поднятые на героический уровень персонажи этой повести действуют на широком социально-историческом фоне. Объективность исторического повествования, основанная на методе «нейтрального всеведения», способствует развитию реалистических тенденций.

В статье, опубликованной в сборнике, посвященном 200-летию Карамзина, Р.Б. Андерсон²² анализирует композицию «Писем русского путешественника» (1791–92). В структуре «Писем» исследователь выделяет два плана повествования: очерковое изображение быта, обычаев, памятников, архитектуры, живописи, музеев и театров различных стран и лирический дневник, регистрирующий собственные душевные переживания писателя. Традиционное рассмотрение «путевых заметок» как «гибридной» формы, сочетающей разнородные элементы, с его точки зрения, неправомерно, так как оно не учитывает фактора функционального единства частей. Это единство выражается в том, что и описательный уровень, знакомящий русского читателя со странами и духовной атмосферой Запада, и субъективный, – представляющий соотечественникам основные положения сентиментализма, служат единой цели: последовательной, в высшей степени «эффективной» защиты новой европейской чувствительности и ее пропаганды²³. Это позволяет рассматривать Карамзина как одного из самых влия-

тельных представителей «литературного западничества» в России на рубеже XVIII–XIX вв.

Особенности повествовательной манеры Карамзина рассматриваются и в статье «Бедный Эраст, или Точка зрения в повести Карамзина» Джона Гордона Гаррарда, также опубликованной в упоминавшемся юбилейном сборнике, посвященном русскому писателю. Американский ученый показывает, что новаторство писателя в области языка, введение «нового слога» в русскую прозу сочетается в «Бедной Лизе» с техническими экспериментами в области повествовательной манеры. Неустойчивость «точки зрения» (повествование от первого лица, в начале повести постепенно вытесняется повествованием от третьего лица); в то же время образ рассказчика лишь намечен, причем не вполне логично и художественно убедительно: его трудно отделить от самого «всеведущего» писателя. В повести отсутствует единство изобразительного ракурса, а также стерта нравственно-оценочная дистанция между писателем (соответственно и читателем) и описываемыми событиями. Эти «технические дефекты» произведения Дж. Гаррард объясняет не столько особенностями литературного таланта писателя, сколько общим состоянием русской прозы XVIII в.

В целом эстетическое несовершенство «Бедной Лизы» обусловлено сложностью стоявшей перед Карамзиным задачи – разработки принципиально нового для русской литературы художественного метода. Американский русист считает, что «Бедная Лиза», написанная в начале литературного пути, – не лучшее произведение русского писателя. Повесть «Остров Борнгольм», а в особенности рассказы Карамзина, опубликованные в «Вестнике Европы», дают более полное представление о замыслах, целях творчества и художественных возможностях русского писателя-сентименталиста.

Рассматривая взаимоотношения и творческие связи Пушкина и Карамзина, американские русисты прежде всего акцентируют внимание на влиянии традиции «Истории государства Российского» на драму «Борис Годунов» (1825). Дэвид Бетеа²⁴ напоминает, что Пушкин использовал выражение «подвиг честного человека» – наивысшую похвалу, которой он почтил Карамзина за написание «правдивой и облагораживающей истории России».

В. Набоков обращает внимание на то, что именно Карамзин предсказал рождение великого русского поэта Пушкина. Играя в 1799 г. в буриме (требовалось составить строку, используя рифму, предложенную Дмитриевым), «Карамзин сделал такое новогоднее предсказание:

*Чтоб все сие воспеть, родиться вновь – Пиндар*²⁵.

«История государства Российского» «явилась откровением для покоренной ею публики»²⁶, отмечает В. Набоков. Первое издание, включавшее первые восемь томов, появилось 1 февраля 1818 г., и за месяц был распродан весь тираж – 3 тыс. экземпляров. Французский перевод, выполненный Ст. Тома и А. Жоффре, преподавателями-французами, работавшими в России, начал выходить в Париже уже в 1819 г.

Размышления о роли Карамзина в создании Пушкиным «Бориса Годунова» содержатся в работах Э. Броуди, Юрия Стридтера, Моники Гринлиф, Кэрил Эмерсон, Марка Альтшуллера и других американских литературоведов-пушкинистов.

История создания «Бориса Годунова», круг чтения Пушкина в период ссылки в Михайловское подробно освещены в монографии Стефани Сандлер²⁷. В переписке Пушкина содержатся частые просьбы прислать ему книги, среди которых чаще других упоминаются: романы Вальтера Скотта, «Лекции о драматическом искусстве» Августа Шлегеля, русские летописи, Библия, «История государства Российского» Карамзина.

М.Г. Альтшуллер в монографии «Между двух царей: Пушкин в 1824–1836 гг.»²⁸, изданной в серии «Современная западная русистика», в главе ««Руслан и Людмила» и традиции ироикомической поэмы» рассматривает некоторые признаки, сближающие «Руслана и Людмилу» с ироикомической поэмой, возникшей и существующей как литературная пародия, как осмеяние популярных литературных форм, как активное проявление литературных споров.

На самом общем уровне содержание и композиции «Руслана и Людмилы» вообще могут быть рассмотрены как пародирование схемы европейского (античного) романа. Вся поэма вписывается в систему европейской литературы и на этом фоне может быть воспринята как некоторое подтрунивание над важными и серьез-

ными литературными текстами, т.е. как ироикомическая поэма. На этом общем фоне с особенной четкостью выделяются конкретные явления литературной жизни начала XIX в., становящиеся объектом довольно мягкой, но очевидной и недвусмысленной насмешки и пародирования.

Автор монографии отмечает, что в начале XIX столетия ироикомическая поэма особенно активно демонстрировала свои возможности полемического литературного жанра. Непосредственными предшественниками «Руслана и Людмилы» являются две такие поэмы: «Опасный сосед» (1811) В.Л. Пушкина и «Расхищенные шубы» (1815) А.А. Шаховского. В первой местом действия является бордель, далеко не такой поэтичный, как в романтической поэме Пушкина; во второй немецкий Шустер-клуб. Первый текст распространялся в рукописи, а второй дошел до нас, к сожалению, только в печатном варианте, утратив, наверное, значительную часть полемического задора. В обеих поэмах главным является не сюжет, весьма незначительный, а острая литературная полемика, направленная в первой – против «славянофилов»-шишковистов, во второй – против Карамзина и его последователей.

«Руслан и Людмила» начинается и заканчивается цитатой из поэмы Оссиана «Картон»: «A tale of the times of old! The deeds of days of others years!»²⁹ Эти поэтические строки Оссиана были известны русскому читателю по переводу «Картон», выполненному Карамзиным. В карамзинском переводе оссиановские строки читались: «Повесть времен старых! Дела минувших лет!» Пушкин, таким образом, начинает и заканчивает свою поэму парафразой из Карамзина, тоже повторенной дважды:

*Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой»³⁰.*

В общем контексте поэмы реминисценции из Оссиана принимают слегка иронический оттенок. Описания пиров у Оссиана мрачно торжественны и манерны. Карамзин несколько смягчает эту манерность и вымученную торжественность в своем переводе. Так, сложная парафраза Оссиана: the joy of the shell (радость чаши) went round – у Карамзина становится «чашей радости» («чаша радости вокруг ходила»). У Пушкина по кругу

двигаются просто чаши, а рядом с ними, снижая высокий стиль, *ковши*, наполненные простым *пивом*.

В пушкинской поэме содержится и некоторая ирония по отношению к патриарху русской литературы – Н.М. Карамзину. Об отце русского предромантизма напоминают не только оссиановские строки поэмы. Из «Истории государства Российского», в которой рассказывается о княжении Владимира, взяты имена Рогдай (в черновике у Пушкина: Рохдай), у Карамзина – Рахдай и Фарлаф. Последнее имя встречается у Карамзина дважды. Оно должно было понравиться Пушкину, ибо звучит почти как Фальстаф, который и является литературным прототипом этого персонажа. Дважды встречается у Карамзина и имя Рахдай. На этот раз и характеры героев совпадают у обоих авторов. У Карамзина: «Сильный Рахдай (который будто бы один ходил на 300 воинов)», в примечаниях он же назван «Рахдай удалой». И на той же странице, где говорится о Рахдае, встречается фраза: «расширил пределы государства на Западе».

Особенно явственны совпадения рассказа Карамзина о пирах Владимира и описание пира в начале поэмы. Карамзин: «...сей князь всякую неделю угощал в Гриднице, или в прихожей дворца своего, Гридней (меченосцев княжеских), воинских Сотников, Десятских и всех людей именитых или нарочитых. ...память сего Великого Князя хранилась и в сказках народных о великолепии пиров его, о могучих богатырях его времени...»³¹

Ср. у Пушкина:

*В толпе могучих сыновей,
С друзьями в гриднице высокой
Владимир-солнце пировал...*³²

Торжественно-величавый рассказ Карамзина, наложенный на историю незадачливого мужа, у которого прямо из постели украли жену, не успевшую лишиться невинности, принимает не-серьезный, проказливо-насмешливый оборот. Черты комизма, шутовства, иронии и травести – важнейшие мотивы поэмы – позволяют рассматривать ее как памятник литературных споров, литературной полемики того периода. «Так молодой поэт легко и изящно посмеялся над столпами раннего русского романтизма:

Карамзиным, Озеровым, Жуковским, Батюшковым»³³, – резюмирует американский литературовед.

Дэвид Гленн Кропф отмечает, что в «Истории села Горюхина» в определенной степени Пушкин пародировал и «Историю государства Российского». Американский славист напоминает, что Н. Страхов вкратце коснулся этой темы в 1897 г.³⁴

В тесной взаимосвязи поэзии и истории видит отличительную черту русской культуры конца XVIII – начала XIX в. Юрий Стридтер. Ради истории Карамзин оставил поэзию и в 1802 г. начал работать над «Историей государства Российского». Публикация этого труда способствовала, в частности расцвету русской исторической поэзии.

Американский пушкинист подчеркивает, что «История...» Карамзина, освобожденная от дидактизма, служила источником вдохновения многим поколениям писателей XIX в., так как ее автор был не просто первым историком своего народа, но и первым и, возможно, величайшим мифографом. Его труд превратил прошлое России в собрание доступных неискушенному читателю поэтических историй. «Если Н.А. Полевой... был недоволен тем, что Карамзину не хватало толкований событий в его “Истории” и что она была не более чем собранием отдельных эпизодов и сюжетов, слишком изобилующим для исторического сочинения моральными оценками, то Пушкин открыто заявлял: то, что для историка – промах, для поэта может оказаться достижением. Вы можете выбрать отдельные эпизоды, пустить мораль в расход – и литературное произведение готово»³⁵.

С Ю. Стридтером соглашается американская исследовательница Кэрил Эмерсон. Она считает, что ученый безусловно прав, когда утверждает, что «эпизодический» характер «Истории...» Карамзина способствовал «выборочному подходу» в ее использовании. Однако, с ее точки зрения, Ю. Стридтер недооценил те факторы, которые прекрасно осознавал Пушкин, обращаясь к карамзинской «Истории». Поэт понимал, что «в каждый, даже самый незначительный эпизод вложены ценности и смысл “целого”, в том числе и обязательный для жанра дидактической истории морализаторский аспект. И действительно, невозможно, читая Карамзина, пускать “мораль в расход”. Голос автора присутствует повсюду – в отборе и последовательности событий, в самой связи

и внутренней логике повествования. И нигде это так ярко не ощущается, как в истории о «Борисе Годунове»»³⁶.

Ю. Стридтер подчеркивает, что для исторической драмы «Борис Годунов» Пушкин заимствовал у Карамзина не только сюжет, но и моральные аспекты. При этом Пушкин-поэт существенно углубил историко-политическое «измерение» событий Карамзина. Так, Годунов в интерпретации Пушкина терпит поражение не вопреки своим реформам, а именно из-за них. Он становится образцом неудачного рационального поведения в политике, неумения просвещенно-прогрессивного политика учесть иррациональное в политике и истории.

В связи с этим в статье рассматривается пушкинский прием персонификации истории в лице историка, выступающего в роли рассказчика. Сопоставление «Бориса Годунова» с «Историей государства Российского» Карамзина показывает, что Пушкин ввел в свою драму новый персонаж – монаха-летописца Пимена, для которого написал пятую сцену. Хотя сцена эта не имеет исторических корней, тем не менее именно она оказалась ключевой и для структуры драмы как исторического произведения, и для пушкинского чувства истории. Пушкин воплотил в своем произведении чувство истории в особых условиях драматического жанра, заменив образ повествователя, не свойственный драматическому жанру, сценическим присутствием летописца Пимена.

По убеждению К. Эмерсон, подход к истории в «Борисе Годунове» отличается от трактовки того же материала у Карамзина в его «Истории». «Хотя карамзинские принципы подкрепления текста авторитетными источниками были запутанными и непоследовательными, и его труд представлял собой сплав различных по степени достоверности свидетельств, историзм Карамзина, его вера в органическое развитие государства и представление о месте героя в истории были, в сущности, шекспировскими. Пушкин же, напротив, стремился расчлнить историю, распределить стили таким образом, чтобы ни один персонаж не оставался самим собой. Но все же в драме есть герой, который связывает все разрозненные фрагменты в целое: это летописец Пимен»³⁷.

Именно «наложение» стилистически и идеологически конфликтующих фрагментов делало байронические поэмы Пушкина столь загадочными и сложными не только для непосвя-

щенной публики, но и для членов кружка – Вяземского, А.С. Тургенева, В.В. Жуковского, Н.М. Карамзина. Это не было уже ни «нормативной», ни даже «эстетической» иронией; это была ирония, совмещавшая абсолютно разные перспективы внутри одной, повествовательной, структуры и не пытавшаяся даже приступить к разрешению противоречий.

Американский специалист по творчеству Пушкина Моника Гринлиф в своей монографии отмечает, что Пушкин пропускал в «Борисе Годунове» исторический материал, почерпнутый им у Карамзина сквозь призму шекспировских хроник. Глядя на него, так сказать, «взором европейца», Пушкин создал убедительную «ренессансную» картину русской политической и общественной истории: «Эта картина могла быть понята – лучше, чем ложно-наивное, средневеково-провиденциальное толкование Смутного времени Карамзиным – в тех же терминах, что и политические битвы, сформировавшие в итоге Англию Тюдоров, Италию Макиавелли и, по сути дела, Россию Романовых. Никто лучше Пушкина не понимал значение того, что скрывалось “за кулисами”»³⁸.

Особенно полезной для целей Пушкина являлась исключительно ясная трактовка Шлегелем глубинного смысла шекспировских хроник. Шлегель указывал не только на всеохватывающую идею – провиденциальный замысел конечного воцарения Тюдоров на английском троне (à la Карамзин), но и на неоднозначную роль случая в становлении их судеб. Драматург идет по тонкой грани между навязыванием своему калейдоскопу событий чересчур явно провиденциального значения и риском возбудить в публике ощущение семантической энтропии. Историческая пьеса (хроника) драматизирует усилия историка извлечь смысл из летописи («хроники»).

«Нечто подобное, по мнению М. Гринлиф, имел в виду Пушкин, когда позднее написал о Карамзине, чьей памяти посвятил “Бориса Годунова”», – «первый наш историк и последний летописец»³⁹. Карамзин ступал по той же опасной территории, что и Шекспир: «обоим приходилось преобразовывать разноречивые летописные записи в связную предысторию правящего дома, стараясь не жертвовать целиком точностью и драматизмом»⁴⁰.

Кэрил Эмерсон в главе «“Борис Годунов” А.С. Пушкина» из монографии «Перемещения русской темы»⁴¹ подчеркивает, что,

хотя в 1820-е годы и сценическое искусство, и историческая наука в России находились еще в стадии становления, Пушкину удалось воплотить один из ярчайших эпизодов русской истории в форме драматического произведения. Однако автор настолько радикально подошел к решению этой проблемы, что большинство современников, слышавших пьесу в чтении, считали ее непригодной для постановки на сцене. Кроме того, многие ставили под сомнение саму интерпретацию исторических фактов. Источником драмы послужила «История государства Российского» Карамзина, из которой Пушкин выбрал наиболее живые легенды и анекдоты, не приемля, однако, исторической концепции Карамзина.

В этом отношении критика была права, отмечает М. Гринлиф. И Пушкин, и Карамзин весьма «поэтически» подходили к описанию событий, оба ставили опыты в области литературных жанров. Однако, если в «Истории...» происходившее в прошлом описывалось таким образом, что неудачи и страдания. Все, что сдерживало развитие страны, создавало предпосылки для триумфа династии Романовых и образования единого Российского государства, то Пушкина отнюдь не привлекала подобная схематизация. Ему всегда приносило радость другое – создание новых и творческое переосмысление уже существующих жанров.

«Отдавая положенную дань идее прогресса человечества, поэт не стремился дополнять или романтизировать исторические события. Те принципы толкования, которые были приняты в философски обоснованных трудах, оказались для него столь же неприемлемыми, как и для Карамзина»⁴², считает исследовательница.

Пушкин чрезвычайно серьезно относился ко всему, что связано с риском, азартом, со случайностью вообще. Случайность была оборотной стороной фатума, возможностью вырваться из его оков, отдаться во власть неожиданности и получить таким образом духовную свободу непосредственно в настоящем в единственно доступной нам реальности. Это неизбежно повлияло на восприятие Пушкиным «Истории» Карамзина, где все события сверх меры предопределены. Тот «оговорочный язык», который М.М. Бахтин считал тенденцией современности, в наивысшей степени развит у Пушкина и совершенно не свойствен Карамзину.

М. Гринлиф напоминает, что из переписки, заметок о драме и различных набросков к «Борису Годунову», датировемых 1829–

1830 гг., известно, что Пушкин был настроен столь же полемически касательно нужд российской драматургии, как Карамзин – относительно предпосылок русской истории. «Однако Пушкин оставлял эти наброски незавершенными и не раз признавался в своих опасениях, что его драма обречена на провал. Пессимизм и сдержанность драматурга в отношении своей позиции ярко контрастирует с самоуверенностью историка, настаивающего в предисловии к своему труду на его многочисленных заслугах и достоинствах. Карамзин сочетал два течения русской историографии посредством стиля популярной прозы. Стиль этот совершенствовался десятилетиями и являлся гарантиями благосклонного приема у публики. Пушкин же, напротив, пытался создать драму, стиль которой не имел прецедентов, и писал ее на языке, еще ни разу не звучавшем на сцене»⁴³, пишет исследовательница.

Карамзин сообщает своему providенциальному повествованию о былом драматизм, придавая судьбам русских царей возвышенно-патетическую трактовку, при этом иногда сохраняя в сносках противоречивые записи современных летописцев. Таким образом, русский писатель также притяжал на ауру достоверного историка, которая окружала простых летописцев.

«История государства Российского», в сущности, обрывает-ся на распаде России в годы Смуты, или Смутного времени, явно-го последствия в его изложении, роковых вступлений на престол обманом, сначала Бориса Годунова, а затем Лжедмитрия. Первый – трагически честный и эффективный правитель, второй – средне-вековый авантюрист, но оба они обречены в силу изначальной не-легитимности их царствования. Прагматическая связь между компетентным правлением и процветанием государства полностью отрицается: гражданские беспорядки выступают как явные проявления беспорядка метафизического, подчеркивает М. Гринлиф. Каким бы изуверски жестоким правителем ни был Иван Грозный, он был правителем легитимным, а потому то, что испытывали при нем русские люди, можно назвать «страданием» тяжким, но не бессмысленным. Иное дело Годунов: он был эффективным ренессансным правителем, но нарушение им естественных и божеских законов ввергло русский народ в пучину бед, приведя к распаду власти и национальной идентичности, к потенциально нескончаемому повторению «лжегосударей», а следовательно –

к новым циклам насилия. В первом случае страдания воспринимаются как нечто подобное «испытанию библейского Иова, как нечто, ниспосланное свыше и закаляющее самосознание народа»; во втором – разрушение цельности «монаршего тела» ведет к полной утрате в ходе Смуты национальной идентичности. Как «последнее слово» Карамзина все это звучало скорее обоюдоострым предостережением, нежели гимном правящей династии. Читателю в какой-то степени предлагалось сделать заключение самому. Тем не менее прочитанное заставляло его в конечном итоге ассоциировать порядок в государстве и чувство национального самосознания с династической преемственностью, независимо от недостатков того или иного царя.

По мнению М. Гринлиф, особенно показательны отношение Александра I к Карамзину, с которым венценосца связывали многолетние дружеские отношения. Для Александра щепетильная честность, высокая порядочность, полное бескорыстие Карамзина были вне подозрений. Однако даже Карамзин не избежал тягостных проявлений противоречивого и скрытного характера императора. Так, познакомившись в 1811 г. с «Запиской о древней и новой России» Карамзина, царь обиделся на историка. Потом помирился с ним. Однако, когда Карамзин приехал в Петербург с восемью томами «Истории государства Российского», царь два месяца не принимал его, заставив нанести унизительный визит к Аракчееву. Потом, щедро наградив историографа, не преминул заметить, что награда дается не за «Историю», а за ту самую «Записку о древней и новой России»⁴⁴. Отношение царя к историку очень точно охарактеризовал Ю.М. Лотман: «Личность Александра I была очень сложной: он отличался и редкой терпимостью, и редкой злопамятностью. В отношении Карамзина проявилось и то и другое...»⁴⁵

Рассматривая «Бориса Годунова» как «первую русскую историческую драму нового типа»⁴⁶, американский русист Э. Броуди утверждает в своей монографии, что, самостоятельно интерпретируя исторические материалы, Пушкин отстаивал свою свободу по отношению не только к «Истории государства Российского» Карамзина, но и вообще к официальной историографии царского двора. Хотя пьеса Пушкина составлена из разделенных пространством и временем эпизодов, ее структурное единство сохраняется

благодаря общей для всех них теме политической нестабильности и беззакония, уходящих корнями в царствование Ивана Грозного.

Как и Карамзин, Пушкин изобразил Годунова убийцей. Однако его Годунов вызывает интерес не только как конкретный исторический персонаж, но и как нравственно и психологически сложный характер, в связи с которым встают вопросы, предвосхищающие проблематику Достоевского: можно ли построить счастье на слезах ребенка? Компенсирует ли политическая эффективность отсутствие морали?

Джозеф Фрэнк⁴⁷, американский биограф творчества Ф.М. Достоевского, отмечает, что Карамзин оказал огромное влияние на мировоззрение великого русского романиста, видевшего, как и его предшественник, в безграничной власти русских царей основу величия Российской империи. Об отношении русского народа к монарху Достоевский с одобрением писал: «Это дети царицы, дети заправские, настоящие, родные, а царь их отец»⁴⁸.

Достоевский отождествлял самодержавную власть с силой русского государства, — подчеркивает специалист по русской философии Джеймс Сканлан⁴⁹. В то же время, как это ни парадоксально, русский писатель не только не считал, что самодержавие ограничивает граждан, но видел в нем, подобно Карамзину, источник свободы: «оно причина всех свобод России»⁵⁰.

Отдавая русским фактическую монополию на братскую любовь, Достоевский несомненно считал, что, если всеобщему братству суждено осуществиться на земле, то скорее всего именно в России. Однако превосходство, на котором основано христианство русских, не ограничивается одним только духом братской любви: сюда же следует отнести и, по выражению Достоевского, «всемирность» русских, представление о которой он унаследовал от своих предшественников — русских романтиков, и прежде всего от Карамзина.

Американский философ подчеркивает, что в 1856 г. Достоевский впервые употребил выражение «русская идея», связывая ее с чувством национального долга и будущим величием России. Схожие понятия о русской «всеобщности» и ее особом национальном предназначении были общим местом у русских романтиков начиная с Карамзина. Хотя в философском смысле этот термин повторял концепцию немецкой идеалистической истории как

развития вселенского (всеобщего) духа, русские писатели, по убеждению Дж. Скэнлона, употребляли его в более прозаических целях: они опровергали критиков, порицавших русских за их заимствования у Запада в эпоху Петровских реформ. Карамзин, возражая на это, высказывался, что «в переимчивости нет ничего предосудительного, на самом деле это знак превосходно развитой души и свидетельствует лишь о способности распознать и воспринять всеобщие ценности, какой бы нации они ни принадлежали: “Мы взглянули, так сказать, на Европу, – писал он в 1802 г., – и одним взором присвоили себе плоды долговременных трудов ее”»⁵¹.

Достоевский, как и его предшественник Карамзин, считал Петровские реформы свидетельством русской восприимчивости к всеобщим ценностям, утверждая, что на самом деле Россия восприняла принцип «общечеловечества» более полно, чем впервые провозгласившая его Европа, и тем самым показала большую широту русского духа.

Карамзин умер, так и не завершив своей «Истории государства Российского». Он не довел ее до времени воцарения Романовых, – возможно, «в этом был перст судьбы», высказывает предположение М. Гринлиф⁵². Но именно Карамзину, а уже вслед за ним и Пушкину, все же удалось добраться «до источника феноменологического расщепления общества – мрачной тайны, скрытой в самой его сердцевине»⁵³ – приходит к выводу К. Эмерсон.

Говоря о поэтическом таланте Карамзина, В. Набоков отмечал, что «пленительные, изящные», но почти забытые сегодня стихотворения в художественном отношении стоят выше его прозы. Именно Карамзин – автор «одной из лучших русских эпиграмм:

Что наша жизнь? Роман. – Кто автор? Аноним.

Читаем по складам, смеемся, плачем... стим

(31 дек. 1797 г.)»⁵⁴.

¹ Cross A.G. N.M. Karamzin: A study of his literary career, 1783–1802. – Carbon-dale, 1971.

² Николокин А.Н. Литературные связи России и США: Становление литературных контактов. – М., 1981.

- ³ *Braun W.E.* A history of Russian literature of the romantic period. – Ann Arbor (Mich.). 1986. – Vol. I–II.
- ⁴ *Тынянов Ю.Н.* Архаисты и новаторы. – Л., 1929.
- ⁵ *Набоков В.* Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / Пер. с англ.; Под ред. А.Н. Николюкина. – М., 1999.
- ⁶ Там же. – С. 719.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. – С. 723.
- ⁹ *Альтшуллер М.* «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка как политический документ (А.С. Шишков и Н.М. Карамзин) // Russian and the West in the eighteenth century / Ed. A.G. Cross. 1983. Oriental research papers. Newtonville (Mas.), 1983. – P. 214–222.
- ¹⁰ *Лейтон Л.Г.* Пушкин и масонство: Контекст // Университетский пушкинский сборник. – М., 1999. – С. 36. См. также: *Leighton L.G.* Romanticism // In: Handbook of Russian literature / Ed. V. Terras. – New Haven, 1985. – P. 36.
- ¹¹ *Набоков В.* Указ. соч..
- ¹² Там же. – С. 691.
- ¹³ *Гаспаров Б.М.* Поэтика Пушкина в контексте европейского и русского романтизма // Современное американское пушкиноведение: Сборник статей / Ред. У.М. Тодд III. – СПб., 1999. – С. 327.
- ¹⁴ Там же. – С. 328.
- ¹⁵ *Набоков В.* Указ. соч. – С. 690.
- ¹⁶ *Anderson R.B.* N.M. Karamzin's prose: The teller in the tale. A study in narrative technique. – Houston, 1974. См. монографию отечественной исследовательницы творчества Карамзина: *Аллатова Т.А.* Проза Н.М. Карамзина: Поэтика повествования. – М., 2012.
- ¹⁷ *Cross A.G.* Op. cit.
- ¹⁸ *Anderson R.B.* Op. cit. – P. 18.
- ¹⁹ Там же. – P. 23.
- ²⁰ Ibid. – P. 70.
- ²¹ Ibid. – P. 162.
- ²² *Essays on Karamzin.* Russian man-of-letters, political thinker, historian. 1766–1826. – Ed. by J.L. Black. – The Hague-Paris, 1975. (Siavistic print. a. repr. 309). – P. 24.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ *Bethea D.M.* Realising metaphors: Alexander Pushkin and the life of the poet. – Madison, 1998. – P. 106.
- ²⁵ *Набоков В.* Указ. соч. – М., 1999. – С. 691.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Sandler S.* Distant pleasures. Alexander Pushkin and the writing of exile. – Stanford, Calif., 1989. – P. 79–139.
- ²⁸ *Альтшуллер М.Г.* Между двух царей: Пушкин в 1824–1836 гг. – СПб. – С. 210. (Современная западная русистика, т. 47).

- ²⁹ The poems of Ossian. Translated by James Macpherson, Esq. N.Y., <1846>. P. 223.
- ³⁰ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. – М.; Л., 1937–1959. (Репринт: М., Воскресенье, 1994–1997. Т. 1–19). Т. VI. – С. 7, 85.
- ³¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. – М., 1989. – С. 157, 161.
- ³² Пушкин А.С. Указ. соч. – С. 85.
- ³³ Альтишуллер М.Г. Указ. соч. – С. 214.
- ³⁴ Страхов Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. – Киев, 1897. – С. 57.
- ³⁵ Striedter J. Poetic genre and the sense of the history in Pushkin // New literary history. – 1977. – Vol. 8. – N 2. – P. 295–309.
- ³⁶ Emerson C. Boris Godunov. Transpositions of Russian theme. – Bloomington, 1986. – P. 110.
- ³⁷ Ibid. – P. 136.
- ³⁸ Greenleaf M. Pushkin and romantic fashion. – Stanford, 1994. – P. 150.
- ³⁹ Пушкин А.С. Полное собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. – М., 1956–1958. – Т. 7. – С. 136.
- ⁴⁰ Greenleaf M. Op. cit. – P. 144.
- ⁴¹ Emerson C. Op. cit. – P. 121.
- ⁴² Ibid. – P. 118.
- ⁴³ Ibid. – P. 120.
- ⁴⁴ Альтишуллер М.Г. Указ. соч. – С. 215.
- ⁴⁵ Лотман Ю.М. «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина – памятник русской публицистики начала XIX в. // Лотман Ю.М. Карамзин. – СПб., 1997. – С. 593, 599.
- ⁴⁶ Brody E. Pushkin's «Boris Godunov»: The first modern Russian historical drama // Modern language rev. – L., 1977. – Vol. 40, N 4. – P. 857–875.
- ⁴⁷ Frank J. The seeds of revolt, 1821–1849. – N.J. – P. 55–58.
- ⁴⁸ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л., 1973. – Т. 27. – С. 21.
- ⁴⁹ Scanlan J. Dostoevsky the thinker. – Itaca and London, 2002.
- ⁵⁰ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л., 1973. – Т. 24. – С. 278.
- ⁵¹ Карамзин Н.М. О любви к отечеству и национальной гордости // Карамзин Н.М. Избр. соч. – М.; Л., 1962. – С. 284.
- ⁵² Greenleaf M. Op. cit. – P. 154.
- ⁵³ Emerson C. Op. cit. – P. 115.
- ⁵⁴ Набоков В. Указ. соч. – С. 691.

А.Н. Стрижёв, М.А. Бирюкова

АЛЕКСЕЙ ПЕРОВСКИЙ – КАРАМЗИНИСТ И ФАНТАСТ

Аннотация

Ранний карамзинист, усвоивший стилистическое мастерство вождя сентиментализма, – Алексей Перовский был одним из первых переводчиков сочинений Карамзина: в 1807 г. он перевел на немецкий язык его повесть «Бедная Лиза». В литературе А.А. Перовский известен и как оригинальный прозаик-фантаст, свои произведения он подписывал псевдонимом Антоний Погорельский.

Ключевые слова: А.А. Перовский, Антоний Погорельский, «Бедная Лиза», Э.Т.А. Гофман, гофманиана.

Strizhev A.N., Biriukova M.A. Aleksey Perovskiy as the follower of Karamzin

Summary. An early scholar of Karamzin who has mastered the art of writing of the leader of sentimentalism, Aleksey Perovsky was one of the first translators of Karamzin's works: in 1807 he translated «Poor Lisa» into German. A.A. Perovsky is known as an ingenious fiction prose writer. He signed his works by a pseudonym Antoniy Pogorelskiy.

В первые годы XIX столетия русская словесность была еще во власти литературных предпочтений, усвоенных публикой в предыдущие годы. Новый период литературы по праву называют «карамзинским»: проза и поэзия Николая Михайловича Карамзина были пронизаны такой свежестью чувств и выражены изящным и поистине новым слогом, что его произведения на фоне сочинений старожилов, манерных и безмерно учтивых, отличались мелодичностью и новизной стиля. Юноше Перовскому по душе пришлось такое письмо, и он с жадностью перечитывал «Московский Журнал» и альманахи Карамзина «Аглая» и «Аониды»,

а затем и вовсе осмелился перевести на немецкий язык повесть «Бедная Лиза», «столь прекрасную и великолепную – по способу изложения». Повесть была напечатана в 1807 г. и была литературным дебютом Алексея Алексеевича. Свой перевод он посвятил отцу, графу Алексею Кирилловичу Разумовскому, вельможе Екатерининского царствования, тайному советнику и камергеру. Люди сведущие признали перевод повести удачным, точным по смыслу, с соблюдением образного строя и характерного авторского красноречия.

В том же 1807 г. Алексей Алексеевич Перовский оканчивает обучение в Московском университете и готовится защитить ученую степень доктора философии и словесных наук. Защита состоялась 16 октября 1807 г. Пробные лекции молодой ученый решил посвятить ботанике, науке в ту пору для аристократов, весьма ценимой в усадьбах, где увлекались эстетикой, живописью и поэзией садов и парков. Граф Алексей Кириллович Разумовский в своем подмосковном имении Горенки создал настоящий ботанический рай из коллекций реликтов, отечественных и привозных редкостей, он серьезно занимался историей и современным состоянием этой науки, лично общался с Карлом Линнеем и был в переписке с учеными ботаниками всех европейских стран. Библиотека графа по составу уникальная, в ней были богато представлены на языках труды древних и новейших знатоков флоры. В Горенках нашел приют профессор естественной истории Фридрих Фишер, наставник юного Алексея. В доме его звали Фёдором Богдановичем, впоследствии он славно потрудится и в Императорском ботаническом саду в Петербурге, куда перейдет коллекция растений из подмосковных Горенок, и побудет в Черниговском имении Алексея Перовского Погорельцы. А пока оба в Москве, и 20-летний юноша готовится защитить докторскую степень. Пробные две лекции он произносит на французском и немецком языках, а третью – излагает по-русски. Темы выбрал под руководством своих наставников, и касались они ряда проблем естественных наук: первая – посвящена минералогии; вторая, на французском языке, – целям и пользе Линнеевой системы растений; а третья, но на ней стоит остановиться особо. Ее название «О растениях, которые бы полезно было размножать в России», и речь в ней велась о том, как важно осваивать перспективные виды

дикой флоры, вводить их в культуру и тем самым удовлетворять хозяйственные нужды населения. Перовский перечисляет прежде всего те из них, кои возделываются в других землях, – сорго, рис, хлопчатник, чай, и выражает уверенность, что и у нас найдутся для этих культур подходящие условия. А из прядильных растений указывает на джут, не известный у нас, на красильное индиго, вошедшее в широкое применение для крашения холста. Соискатель ученой степени не обходит вниманием и садовые насаждения, он полагает, что у нас на юге можно разводить цитрусовые – апельсины и мандарины, высказывает надежду на совершенствование цветочных растений, скажем тюльпанов, заимствуя голландский опыт. А ведь этот луковичный уникум первоначально был найден в наших степях и усовершенствован иноземцами.

Разумеется, такой, казалось бы, сугубо профессиональный разговор к Карамзину не относится, но он начат поклонником Карамзина. И в том, как он пишет, – в лексике и стилистике его текста просматриваются влияние и приемы письма литературного кумира – Н.М. Карамзина. Вот что, в частности, услышали присутствующие при защите: «...Ботаника, кажется, более всех других частей натуральной истории приносит нам пользы, и по сей причине сия наука есть одна из самых нужнейших. Вы, милостивые государи, будете в этом со мною согласны, когда помыслите, что то искусство, которое делает государства благополучными и цветущими, которое переменяет нравы целых народов, которое диких и скитающихся людей делает кроткими и общежительными, что сие искусство – я говорю о земледелии – есть не что иное, как часть ботаники»¹. В январе 1808 г. А.А. Перовский окончил Университет и получил степень доктора философии и словесных наук. Вскоре на правах рукописи были напечатаны его три пробные лекции отдельной книжкой, объемом 64 страницы. Посвящен труд «Его сиятельству господину генерал-майору и ордена Св. Владимира второй степени кавалеру Льву Кирилловичу Разумовскому», брату отца. Это тот самый знаменитый на всю Москву Разумовский, который в своем доме «со львами», на Тверской, славился громкими обедами, где и собиралась московская аристократия для бесед и жарких споров. Там Лев Кириллович представил молодого Перовского своим гостям – Н.М. Карамзину, И.И. Дмитриеву и П.А. Вяземскому, и с тех пор личное знакомство переросло

в дружбу: Алексей Алексеевич мог бывать в Остафьеве у Карамзина, узнал его семью и был там своим человеком. Другой подносной экземпляр своих лекций Алексей Алексеевич вручил сестре отца, Наталье Кирилловне Загряжской, прозванной в семье «Сиреной». Два десятилетия спустя Александр Пушкин породнился через жену с Загряжскими, заслушивался рассказами Сирены. Книжка пробных лекций соискателя докторской степени с дарственными надписями сохранилась, одна в Музее книги РГБ, другая в Петербурге, в книжном фонде РНБ. Сам факт общения Перовского с Разумовскими весьма важен, ведь Алексей Алексеевич Перовский, как и еще его восемь братьев и сестер, были детьми графа Алексея Кирилловича Разумовского побочными, прижитыми вне супружества. Все они от графа Разумовского получили фамилию Перовские – по одной из вотчин – Перово. И несмотря на это, Перовские росли и воспитывались в условиях роскоши и довольства, а обучали их лучшие наставники и педагоги. Так что Алексей Алексеевич Перовский прекрасно владел европейским языками, знал отечественную историю и русскую словесность. Кроме того, им прививали практические навыки, готовили к полезной карьере. Признание Перовского со стороны родственников графа Разумовского прибавляло ему, как и его братьям и сестрам, уверенность в прочном статусном состоянии личности, влияло на самостоятельный выбор. Всем своим воспитанникам – внебрачным детям – граф Разумовский выхлопотал грамоты на дворянское достоинство. Не получила такой грамоты лишь их мать – Мария Михайловна Соболевская, Император Александр не подписал ходатайства вельможи. Интересно, что Перовские все, как один, оказались в жизни на высоте, оставив в нашей истории заметный след, чего не сделали родные его дети, от Варвары Петровны Шереметевой, их было четверо.

После окончания Университета А.А. Перовский определен чиновником Шестого департамента Сената в Петербурге, а затем был включен в Комиссию ревизоров ряда губерний. В составе этой комиссии состоял и П.А. Вяземский, служащий Московской Межевой канцелярии. В письме своему другу из Москвы, куда наведался Перовский, пишет в Казань – там оказался князь по службе: «Что тебе сказать, милый князь? После долговременного и неприятнейшего путешествия я наконец в тяжелой своей коляске, кото-

рую на дороге тысячу раз проклинал, вчера же прибыл в Москву [19 января 1809] и желал тебе с нынешнею почтою дать известие о твоих – через несколько часов после приезде отправился к Карамзиным. Николая Михайловича я не видал, потому что он... сделался очень нездоров. Катерина Андреевна сказала, что он был болен горячкою, и что только третий день, как он вне опасности, а то доктора отчаивались в его выздоровлении. Теперь, слава Богу, вся опасность миновалась... Вот все, что я до сих пор знаю. Жуковского я еще не видал и кроме Карамзина ни у кого не был». Через неделю Алексей Алексеевич сообщает Вяземскому: «Карамзин совсем уже вне опасности, ходит по комнате... Карамзины на этих днях переезжают в Кушникова дом, что на Никитской»². С.С. Кушников – племянник Карамзина, в его доме историк пробыл лишь до лета, позже поселился на Новой Басманной, в доме Н.С. Мордвинова.

Повидав жизнь в глубинных провинциях России, после завершения ревизорских поездок, А.А. Перовский возвращается в Петербург в дом отца. Новое место службы – департамент внешней торговли, секретарь при министре финансов. Усадьбный дом Разумовского на Фонтанке, поблизости от усадьбы Г.Р. Державина. С вторжением Наполеоновской армии в пределы нашего государства пылкий молодой человек не мог оставаться вне боевых действий. Долг и честь диктуют ему немедленно отправиться в армию сражаться с врагом. Но вот препятствие: граф не хочет отпускать сына на театр военных действий, за непослушание грозит лишить имения и поддержки. В чем же дело? Ведь братьев Алексея – Льва и Василия – отец отпустил на войну, не сопротивляясь, а старшего в военную службу не отпускает, хочет оставить при себе, возможно опасался потерять его. Перовский пошел наперекор желаниям отца. Вот что он написал графу: «Можете ли Вы думать, граф, что сердце мое столь низко, чувства столь подлы, что я решусь оставить свое намерение не от опасения потерять Вашу любовь, а от боязни лишиться имения?»³

И вот карамзинист Алексей Алексеевич Перовский – ратник, влился в казачий партизанский полк, штабс-ротмистром. Сражался умело и храбро, а когда Наполеона откинули далеко на запад, то участвовал в деле во всех крупных битвах, включая бои при Лейпциге и при Кульме. После взятия Лейпцига в октябре 1813 г.

Перовский назначен адъютантом при генерал-губернаторе Королевства Саксонии князе Н.Г. Репнине, доводившемся ему в некотором роде свояком. Храбрый кавалерист и на чужбине проявил себя как народный защитник, уважал культуру этой страны. Он деятельно вписался, в частности, в театральную жизнь королевства. В это время в Дрездене дирижировал оперной группой Амадей Гофман, он как писатель еще не проявился. Но именно в 1814–1815 гг. в Дрездене Гофман создает свои фантастические рассказы, которые пленили многих, не исключая и Перовского. Высказывались даже мнения, что эти неординарные люди могли бы и встретиться в тесном послевоенном культурном пространстве Дрездена, но бесспорных фактов на этот счет не обнаружено. Бесспорно только то, что фантазийная нота Гофмана нашла отклик в душе русского почитателя, и вскоре под его пером возникнут свои волшебные повествования.

С началом 1816 г. Алексей Алексеевич снова в Петербурге. Он еще не расстался с военным мундиром и числится в лейб-гвардии Уланского полка, и лишь осенью совсем прекращает служить. Предстояло заниматься особыми поручениями в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий, под началом Александра Ивановича Тургенева. В ноябре того же года родная сестра Алексея, Анна, выходит замуж за графа Константина Петровича Толстого и через некоторое время родит сына, будущего нашего классика Алексея Константиновича Толстого. С любимой сестрой и младенцем чиновный Перовский уезжает в свое имение Погорельцы и там плотно вошел в чисто домашние дела. Из литературных авторитетов выше других немецких романтиков ставит Людвиг Тика, переводит его новеллу «Руненберг». Летом 1819 г. Алексей Алексеевич Перовский посещает в Царском Селе Карамзина. Его брат Василий сближается с В.А. Жуковским и становится для него незаменимым и сердечным другом. Вяземский, Жуковский, Карамзин – под этим литературным созвездием крепнет и созревает собственный талант Перовского. В 1820 г. он впервые знакомится с юным Александром Пушкиным. Время бежит, казалось, еще недавно он поступал в Лицей, а перед этим был представлен Министру народного просвещения графу А.К. Разумовскому, в его доме на Мойке. И вот он перед сыном того важного графа предстал с сверкающими глазами, живой и общительный,

не похожий ни на кого. Сразу подружились. А потом и вовсе Перовский убедительно и остроумно печатно отвел нападки литературных староверов на своеобразие пушкинской поэмы «Руслан и Людмила». Эту меткость его суждений и позже ценил великий поэт.

26 марта 1822 г. в брянском имении Почеп скончался граф Алексей Кириллович Разумовский. Перовский все последние дни не отходил от умирающего отца, приказывающего только ему, Алексею, свою последнюю волю, изложенную им письменно и устно. «Законные» дети графа Разумовского, Варвара и Пётр, как и другие еще двое, рожденные от графини В.П. Шереметевой, – настойчиво заявят о себе позже, при разделе наследства. Впрочем, «незаконные» Перовские благородно откажутся от всяких претензий на собственную долю, оставив за собою только то, чем наделил их сам граф. Алексею Алексеевичу достались имения «Погорельцы» и «Красный Рог». Рядом было имение сестры, Анны Алексеевны, той, что выходила замуж за графа Константина Петровича Толстого, так что его фамилию по праву унаследовал знаменитый наш писатель Алексей Константинович Толстой. В этих своих имениях и состоялся «Антоний Погорельский», писатель романтический с демонической изюминкой, оригинальный на письме, владеющий мастерством изящного стиля, выработанного, возможно, не без влияния Карамзина. По существу, Алексей Алексеевич Перовский прожил свою сравнительно недолгую жизнь (1787–1836) под двумя псевдонимами – как Перовский, получил фамилию по названию имения отца Перово, а в литературе станет известен как Антоний Погорельский – по своему черниговскому имению Погорельцы. Первая его фантастическая повесть «Лафертовская Маковница» была напечатана в мартовском номере «Новостей Литературы» за 1825 г., вызвав широкий интерес в читательской среде. Эта повесть положила начало отечественной фантастики из разряда гофманианы, включающей элементы потустороннего вмешательства. В новейшее время этот прием отразился в творческом преломлении Александра Васильевича Чаянова и Михаила Афанасьевича Булгакова. Место происхождения повести Антония Погорельского «Лафертовская Маковница» – московское урочище Лефортово, в народной огласовке – Лафертово, персонажи выведены из незначительных «маленьких» людей – отставной

почтальон Онуфрич, мечтательница Маша, торговка маковыми пышками у Проломной слободы, знавшаяся, по слухам, с темной силой и к тому же гадалка; каждый из них мечтает о лучшей доле. У Погорельского много московских городских достопамятностей, и все действительное пронизано мифологией этого сакрального урочища. Оно же присутствует в «Необычайных приключениях» А.В. Чаянова, только создано это будет век спустя. Русская гофманиана не подражала Гофману, а лишь завязывалась в сюжет для колорита, но не выполняла функцию метатекста. Этой теме посвящена важная публикация Т.В. Цивьян⁴. В ней разработана проблема соотношения московских фантастических повестей Погорельского и Чаянова, где не только отображены топографические и фольклорные подробности, но еще и затронут слой народной мифологии, закреплённой за старыми городскими заставами. Интересна дневниковая запись 1831 г. Вильгельма Кюхельбекера, узника Свеаборгской тюрьмы: «Перечёл я “Лафертовскую Маковницу”, которую в первый раз в 1825 году прочел мне Дельвиг на квартире у Плетнёва: большое сходство с манерой Гофмана»⁵. С манерой Гофмана есть сходство и в романтических повестях А.В. Чаянова. Но только в манере, зато в них нет буйного демонизма немецкого фантаста, в полной мере чувствуется московский быт и колорит.

В 1828 г. Антоний Погорельский – теперь только так подписывается под своими литературными произведениями А.А. Перовский – издает в двух частях книгу «Двойник, или Мои вечера в Малороссии», в ее составе шесть повествований, наполненных реальными происшествиями и занимательными фантазиями. Причем двойничество, как прием письма позволил автору выразить свои философские и педагогические воззрения, а соперничество с двойником запечатлело и ряд биографических черт самого повествователя. Мир малороссийской глубинки показан рельефно и художественно. Так что «Мои вечера в Малороссии» вскоре с еще большей силой и задушевностью будут представлены Николаем Гоголем в его «Вечерах на хуторе». В то же время А.А. Перовский пишет и свою волшебную сказку для детей «Чёрная курица, или Подземные жители», посвящая ее своему любимцу Алешеньке Толстому. Эта сказка, выпущенная в свет отдельной книжкой в 1829 г., погружала ребенка в такой фантастический

мир, полный тайн и волнующих переживаний, что увлеченному хочется искать и познавать все рассказанное самому. Впрочем, искать волшебный мир ребенку далеко ходить не надо – он рядом, в доме, где живешь. Мир прекрасной сказки, созданной на творческом волшебном вымысле, затем был закреплён и раскрыт отечественными писателями. И самый яркий из образцов такого художественного показа – детская сказка Сергея Тимофеевича Аксакова «Аленький цветочек».

Пик творческого достижения А.А. Перовского пришелся на период начала 1830-х годов. Его роман «Монастырка», в двух частях, вышел целиком не сразу: первая часть в 1830-м, а вторая в 1833 г. Воспитанница Смольного, смолянка Машенька, тетуски и опекуны, а персонажей много, и все они близкие, связаны с домашней жизнью: никакого вымысла, чисто семейный роман. Читалась книга с упоением и восторгом, как в столицах, так и в провинции. Тогда это был самый нравственный роман, без придумок и вычурностей, как бы предшественник «Анны Карениной» Льва Толстого. Конечно, при появлении более совершенных произведений русских писателей книга Антония Погорельского отодвигалась и постепенно забывалась. Ныне о его произведениях вспоминают чаще: существенно пополнилась литература, посвященная старинному прозаику-карамзинисту, его творчество дождалось серьезного научного рассмотрения. Сравнительно недавно появилась весьма капитальная книга доктора филологических наук Мариэтты Андреевны Турьян «Антоний Погорельский: Сочинения, письма» (СПб.: «Наука», 2010), с обстоятельной статьей об авторе и ценными комментариями. Многолетний труд исследователя завершен замечательным итогом.

Последние годы жизни Алексей Алексеевич Перовский жил замкнуто, разве что все больше посещал родственников Н.М. Карамзина, проводил время в своих имениях, Погорельцы и Красный Рог, увлекаясь там любимой ботаникой и садоводством. Но основное внимание он уделял воспитанию и научению подрастающего Алёшеньки Толстого. Он уже получил графский титул. Из прежних монарших назначений Перовскому припомнится разве что должность попечителя Харьковского учебного округа, но пробыл в этом качестве недолго, глубокого следа от своего кураторства там не оставил. В новое царствование, в начале 1826 г., Перовский,

во исполнение воли Николая I, подает ему записку «О народном просвещении в России», делая упор на усвоение благонамеренности воспитанниками заведений, усвоение рациональных начал в науках, положительных знаний в точных и прикладных предметах. Позже, в конце того же года, А.С. Пушкин подал монарху свою записку о воспитании юношества как дома, так и в учебных заведениях, упомянув пунктом и о благонамеренности. Перовский старел, мудрел, прибивал. Лечение гомеопатическими пособиями не помогало, и летом 1836 г. надо было ехать на юг, в Ниццу. По дороге туда Алексей Алексеевич окончательно занемог и умер на руках Анны Алексеевны в Варшаве. Скончался от скоротечной чахотки. Туберкулез лечению тогдашними лекарственными средствами не поддавался.

¹ *Перовский А.А.* Три пробные лекции на немецком, французском и русском языках, читанные в Императорском Московском университете при получении докторской степени. [М., 1807]. С. 48. Музей книги РГБ.

² См.: *Антоний Погорельский.* Сочинения. Письма. Изд. подготовила М.А. Турьян. – СПб.: Наука, 2010. – С. 383–384.

³ *Турьян М.А.* Указ. соч. (Письмо к А.К. Разумовскому от 12 июля 1812 г.). – С. 390.

⁴ *Цивьян Т.В.* «Рассказали страшное, дали точный адрес...» (к мифологической топографии Москвы) // *Лотмановский сборник.* Т. 2. – М.: Изд. РГГУ, 1997. – С. 599–614.

⁵ *Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Статьи. – Л., 1979. – С. 70.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

А.В. Голубков

РОССИЙСКИЕ ЦАРИ И ИМПЕРАТОРЫ В ЗЕРКАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ АНЕКДОТОВ НАЧАЛА XIX в.^{*}

Аннотация

Статья посвящена анализу двух французских произведений, созданных в начале XIX в. и посвященных русской истории и царям: «История России, сведенная только к важным фактам» П.С. Марешаля и «Alexandrana, или Остроты и примечательные выражения Александра I, [сказанные] во время своего пребывания в Париже». Оба сборника вписываются в традицию анекдотов о царственных особах, получивших распространение на Западе с XVII в., и знаменуют собой меняющееся представление о деспотизме и «просвещенном государе» в Российской империи.

Ключевые слова: анекдот, П.С. Марешаль, Alexandrana, история России, Александр I.

Golubkov A.V. Russian tsars and emperors reflected in the mirror of French anecdotes of the beginning of the 19-th century

Summary. The article deals with two French books of the beginning of the 19-th century devoted to the Russian history and tsars: «The history of Russia» by P.S. Maréchal and «Alexandrana or the jokes and remarkable expressions made by Alexander the I-st during his visit to Paris». It is argued that both of them belong to the tradition of anecdotes about monarchs in Western literature.

^{*} Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, грант 13-24-08001 «Русская франкофония XVIII – начала XX в.».

*Насколько же мерзко описывать историю
коронованных персон!
(Пьер Сильвен Марешаль, 1807).*

*Император Александр установил такую контрибуцию,
которую Франция ему с удовольствием платит –
признание всех французских сердец.
(Alexandrana, 1815).*

Общеизвестно, что 19 (по новому стилю – 31) марта 1814 г. русская армия во главе с императором Александром I триумфально вошла в Париж, символически завершив таким образом кампанию против Наполеона Бонапарта. Спустя год после этого события в Париже вышла примечательная книжица (in-16) в 150 страниц под названием «Alexandrana, или Остроты и примечательные выражения Александра I, [сказанные] во время своего пребывания в Париже»¹. Название книги – Alexandrana – апеллировало к уже развитой к 1815 г. французской литературной традиции: произведений с суффиксом *ana*, добавляемым к имени (или фамилии) известного человека, в течение XVII и XVIII вв. было создано довольно много (согласно некоторым библиографическим данным², их число превышает сотню). В числе наиболее знаменитых памятников такого рода – Menagiana, Rousseauana, Voltairiana и многие другие: в них редакторами были собраны разнообразные суждения о том лице, имя которого фигурирует в названии, его собственные высказывания, примечательные, иногда курьезные, события, которые имели место в его жизни. Перипетии создания книги Alexandrana к настоящему моменту не выяснены и уже, очевидно, вряд ли будут прояснены, как и имя составителя (редактора), однако о ее популярности во французском обществе можно судить хотя бы по тому факту, что она была переиздана в 1818 г. с некоторыми изменениями (они сводились преимущественно к добавлению нескольких анекдотов).

Как явствует из самого названия, главным героем французского сборника афоризмов и анекдотов оказывается российский император, победитель Наполеона (которому, кстати, посвящены по меньшей мере пять схожих книг под разными названиями – Bonapartiana, Buonapartiana, Napoleoniana). Alexandrana открывается внушительных размеров вступительным разделом (занимаю-

щим около 1/3 всего объема), в котором разъяснялись те события европейской истории, в результате которых Александр I и оказался в Париже. Вслед за таким вводным разделом начинаются, собственно, сами «занимательные истории». Внушительное количество анекдотов посвящено встрече обычных французов с императором на улицах Парижа. Во время таких встреч, судя по тем анекдотам, которые представлены в сборнике, Александр вел себя удивительно просто, совершенно «не по-королевски», т.е. поступал всегда и общался так, как подобает сдержанному интеллигенту: «Во время въезда в Париж Его Величество обратился к огромной толпе, собравшейся вокруг его сиятельной особы [с такими словами]: Я пришел сюда не как враг, я принес вам мир и дружбу»³. Вот другой пример человеческого обращения с окружающими: «Его Величество прогуливался по Парижу и, когда толпа раступилась, дабы не мешать его проходу, сей добрый князь сказал: не опасайтесь приближаться ко мне»⁴. Более того, свой приход в Париж Александр пытается объяснить с поистине аристократической тонкостью и галантностью: «Уже давненько, сир, кто-то сказал императору России, что его приход был таким долгожданным и желаемым в Париже, на что монарх ответил: Я бы пришел раньше, доблесть французов есть причина моего опоздания»⁵. Галантность российского императора проходит, что называется, «красной нитью» через все повествование: «Одна дама в обществе двух своих дочерей, юных и прелестных, вознамерилась проникнуть в часовню, где пребывал император. Русский офицер, к которому она обратилась за позволением, ответил ей: “Это никак невозможно, моя госпожа, сейчас Святая неделя, и император не желает предаваться развлечением [...] Другая дама сообщила офицеру: “Как же прекрасен ваш император! – Истинная правда, ответил тот. – И ведь его доброта схожа с его красотой!”»⁶

Образ российского императора рисуется преимущественно на антитезе с личностью Наполеона Бонапарта, который, безусловно, оказывается одним из главных героев настоящего текста: «Его Величество, проходя перед колонной на Вандомской площади, воображая ее статуей Бонапарта, сказал, обращаясь к окружающим: Если бы я был вознесен на такую высоту, я бы боялся сойти с ума от падения с нее»⁷. Александр сам, согласно тексту, последовательно выстраивает свою идентичность на противопос-

тавлении с образом французского императора: «Его Величество император Александр посещал дворец Тюильри и ему продемонстрировали “салон Мира”. Его Величество, усмехаясь, сказал: “Каким же целям эта комната служила Буонапарту”»⁸. История с пребыванием в Тюильри интересна так же и еще одним в высшей степени показательным нюансом; Александр оказывается победителем, который не предполагает разрушение столицы побежденных, более того, российский император предстает истинным ценителем парижского шарма, образа жизни, культуры поведения. Александр оказывается, фактически, идеальным императором с точки зрения французов: Его Величество в лъстивой манере выразил свое удовлетворение по поводу вкуса, с которым были оформлены помещения этого дворца. Он воскликнул: «Я нахожу Париж истинно прекрасным и надеюсь оставить его в состоянии еще более цветущим»⁹. Примечательно, что Наполеон как раз оказывается отклонением от французского идеала: «Его Величество император вышел из ботанического сада и в сопровождении лишь двух офицеров стал переходить реку по Аустерлицкому мосту. Там он остановился на несколько мгновений, удивленный тем эффектом, что произвел на окружающую его толпу, и сказал: “Друзья мои, Буонапарт вас больше не угнетает, через неделю у вас будет и король, и мир”»¹⁰.

Важно заметить, что ряд анекдотов из Alexandrana посвящены восприятию Александра его подданными; и здесь мы тоже не встречаем никаких сюрпризов: в тексте наличествуют сцены «простого» и даже «простецкого» общения императора с соотечественниками, а также свидетельства их огромной любви к нему: «Следующий анекдот может служить тому, чтобы понять, насколько император Александр любим своими подданными и своими солдатами. Один русский офицер присутствовал на спектакле и оркестр вдруг заиграл гимн Генриха IV. То возбуждение, что он произвел, настолько изумил русского офицера, что тот попросил разъяснений у француза. – Тот гимн, что Вы слышите, – услышал он в ответ, – так нас воодушевляет, ибо он вызывает в нас воспоминания и любовь об одном из самых любимых нашим народом государей. – [русский офицер заметил] Таком же, как наш Александр»¹¹.

Мы оказываемся свидетелями необыкновенно панегиристического текста, посвященного русскому императору Александру I, который представляется как просвещенный, галантный, умный, добрый государь, практически идеальный извод истинного правителя. Такой образ кажется совершенно невероятным на фоне той философии русской истории, что сложилась в течение 1800-х годов во французском обществе, – той философии северного и восточного варварства и властного деспотизма, которая *volens nolens* легитимизировала восточные походы Великой армии. Одним из создателей такой философии оказался Пьер Сильвен Марешаль, автор важнейшей книги «История России, сведенная только к важным фактам», вышедшей в Париже в 1807 г., заметим менее чем за десятилетие до Alexandrana. Отношение к российской истории и русским царям (и императорам) в данной книге отчетливо негативное: повествование доводится до самого начала XIX в. и останавливается как раз незадолго до начала правления Александра.

Имя Пьера Сильвена Марешаля в равной степени малоизвестно как российской, так и французской современной читающей публике. Хотя еще в недавнее, советское, время творчество этого француза было весьма любимо и даже, с некоторыми оговорками, ценимо в нашей стране из-за своего радикального революционного пафоса, а одно его самое, очевидно, скандальное, с точки зрения русского читателя, произведение в течение XIX в. иногда рассматривалось как полноценный исторический документ и даже часть мемуарного наследия российской императрицы Екатерины II. Биография Пьера Марешаля изучена досконально¹². Он – парижанин, родился 15 августа 1750 г. в семье скромного виноторговца; несмотря на давление со стороны отца, мечтавшего, чтобы сын продолжил семейное дело, будущий автор «Российской истории» посвятил себя изучению права. В 1770 г. в Париже вышел сборник «Пастушеских песен»¹³ Марешаля, вполне традиционно воспевающий естественную красоту и трогательную жизнь на фоне девственной природы. После этого эпигонского сборника, снискавшего самую широкую популярность в Париже, Марешаль поменял имя – отныне он стал именовать себя Сильвеном, т.е. «пастухом». Его творчество 1770-х годов практически полностью выдержано в традициях с нашей точки зрения весьма пошлой из-за

своей клишированности идиллическо-эротической риторики и в целом не представляет большого интереса для историка литературы в силу «вторичности» и откровенной ходульности образов и ситуаций¹⁴. В начале 1780-х годов в творчестве Марешаля обозначился перелом – его взгляды все более приобретали радикально-атеистический характер, в своих трудах он откровенно высказывался против всего, что составляло основы основ «Старого порядка» – института частной собственности, любых проявлений неравенства, патриархального почтения власти и религии. Отечественный исследователь, оценивая сложившиеся в течение 1780-х годов взгляды Марешаля, небезосновательно утверждает, что они были даже более радикальны, чем у якобинцев 1793 г.¹⁵. Литературно-публицистическая деятельность Марешаля этого периода огромна. Широкий резонанс имел выпущенный в 1788 г. им сборник «Альманах честных людей»¹⁶, за который даже пришлось отбывать краткосрочное тюремное заключение, ведь в нем Марешаль заявляет о насущной необходимости для всего человечества начать жить заново, в связи с чем стремится подвергнуть ревизии всю историю, упразднить религиозные праздники, заменив их поклонением Гименею; символическим жестом оказывается и введение нового календаря, по принципу которого и построен «Альманах» – эта идея будет заимствована при создании республиканского календаря буквально пять лет спустя. Восторженно принявший Французскую революцию, Марешаль выступал с радикальными, откровенно «просанкюлотскими» идеями, настаивал на казни Людовика XVI и Марии Антуанетты; в его пьесе 1793 г. «Страшный суд над королями» европейские монархи (заметим, среди них и Екатерина II) вместе с Папой римским были гурьбой отправлены победившим народом на необитаемый остров. Екатерина в пьесе этой, имевшей шумный успех и ставившейся буквально в тот же день, когда гильотинировали французского монарха, показана как злонамеренная, вечно втягивающаяся в любые скандалы и драки особа. Очевидно, около 1796 г. Марешаль примыкает к тайной организации Гракха Бабёфа и даже составляет программный документ организации – «Манифест равных»¹⁷. Избежав гильотины во время термидора, Марешаль не меняет своих радикальных, близких к анархическим, взглядов, свидетельством чего стала изданная анонимно в 1799 г. книга «Путешествие

Пифагора»¹⁸, где в уста античного мыслителя вложены призывы к необходимости насилия над самыми сильными, узурпаторами и угнетателями. Марешаль заостряет руссоистские идеи о «золотом веке», считая, что рай был на заре человечества, когда лишь право старшинства предопределяло наделение властью. Однако такое идеальное состояние длилось недолго, ибо «колыбель всех наций осквернена преступлениями. Ее окружали или узурпаторы или подлецы, которые сдирали шкуру с себе подобных»¹⁹. Для иллюстрации данного положения, а также вообще для манифестации своих антимонархических воззрений Марешаль обращается к истории и, что для нас представляет особый интерес, избирает для апологии своих антимонархических и антицерковных идей опыт российской истории.

Интересующее нас произведение Марешаля впервые было издано анонимно в 1802 г. в Париже под примечательным названием «Преступления российских императоров, или История России, сведенная только к важным фактам»²⁰, впоследствии (в 1807 г.) текст был переиздан, а в заглавии пропала первая часть, касающаяся указания на преступления российских императоров. Содержание же осталось прежним: Марешаль концентрирует свое внимание исключительно на «зверином» обличье российских лидеров начиная с первых лет существования государственности, доводя повествование – довольно, кстати, однообразное и встраивающееся в одну-единственную господствующую догматическую (обличительную в своей основе) схему – вплоть до последних дней Екатерины II. Вариант первого заглавия, очевидно, изначально формировал горизонт ожидания публики, которой предлагался рассказ, состоящий из перечисления эпизодов распутного поведения, деспотичной (доходящей до абсурда) жестокости, властолюбия и себялюбия, к которой свелась вся российская история, не породившая более или менее ни одного человеколюбивого государя. Заглавие второго издания в этой связи менее тенденциозно, однако текст не оставляет читателю никакого права *самостоятельно проанализировать* представленную информацию и поразмышлять о природе российской властной жестокости: автор «подверстывает» в нужном ему догматическом направлении факты, которые он почерпнул преимущественно из книг Вольтера (прежде всего, безусловно, его «История России в царствование Петра Великого»),

законченная в 1763 г.) и переведенной в 1769 г. на французский язык «Древней Российской истории»²¹ М.В. Ломоносова. Читателю остается лишь принять на веру сообщаемое: информация подана Марешалем не для читательской верификации, а лишь для демонстрации тезиса о преступном характере любой власти. Тем примечательнее, что именно «история преступлений и несчастий, из которой сложены анналы России» стала для Марешаля буквально олицетворением, архетипом зловредной власти вообще. Объяснение факта, почему именно Россия оказалась в центре его внимания, дается Марешалем только на последних страницах труда, в разделе, касающемся правления Екатерины II: «Так как история России является суммой преступлений, более значительных, чем история других стран, то из уважения к народу, скорее достойному жалости, чем презрения, мы считали своим долгом написать летопись согласно порядку и длительности царствований. Правители государства – единственные, кто виноват в том, что происходило»²².

Вдохновленный руссоизмом, Марешаль указывает, что изначальная идеальная жизнь нецивилизованных руссов, «мирно наслаждавшихся естественными правами», длилась недолго, ибо на смену привольному существованию на лоне природы пришла кабальная цивилизация, начало которой связывается французским автором с «первым князем Руси», *персидским авантюристом Обрином, захватившим Московию*. Марешаль пишет, что «трепещущие славяне склонили головы под этой иностранной властью и смогли выкупить свои жизни ценой рабства»²³. Подобные заявления, озвученные в первой главе, уже ставят под сомнение собственно *исторический* статус марешалевого текста; вряд ли он не был осведомлен хотя бы о том, что Москва не могла быть столицей руссов в описываемую им эпоху, которая, заметим, предшествовала и князю Игорю, и Олегу (о которых он говорит позднее). Современному читателю, владеющему самыми элементарными сведениями из истории Руси, довольно забавно читать эпизоды, в которых рассказывается, что до захвата Обрином Московии тамошние правители (как думается, здесь речь идет о патерналистском характере древней власти, т.е. скорее о старейшинах) ездили, «подобно ленивым французским королям» на колясках, запряженных парой быков. Обрин порывает с такой традицией, в связи

с чем оказывается идеальным примером узурпатора, захватившего власть и издевающегося над своими подданными: «Обрин быстро пресытился подобным способом передвижения. Полагаясь на свою силу и безропотность народа, он приказал однажды запрячь свою коляску и коляски своих придворных женами и дочерьми поработенных россов». Настоящий эпизод, вне всякого сомнения, является искаженным пересказом известного места из «Повести временных лет», в котором речь идет о племени обров, которые притесняли несчастных древлян: «Эти обры воевали и против славян и притесняли дулебов – также славян, и творили насилие женам дулебским: бывало, когда поедет обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трех, четырех или пять жен и везти его – обрина – и так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, и умом горды, и Бог истребил их, умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и доньне: “Погибли, как обры”, – их же нет ни племени, ни потомства».

Очевидно, Марешаль знал о «Повести временных лет» (недаром он называет Вольтера «Нестором российской истории»²⁴), хотя этот эпизод он получил что называется через «третьи руки» и затем это событие было встроено Марешалем в его догматическую схему в нужном ракурсе. Весьма вероятно, что *выдумывание* Обрина имело не историческое, а собственно художественное значение и призвано было проиллюстрировать основную мысль автора. Очевидно, вопрос о захвате Московии *чужеземным* авантюристом, с которого *начинается* российская история (неизбежно надолго тесно связанная именно с Москвой, а не с Киевом или Санкт-Петербургом) в изложении Марешаля, становится символическим предвестием всей истории и архетипом нечестивой власти вообще. Вводя эпизод с фантастическим «культурным героем» Обрином, Марешаль подчеркивает *неестественную* и контртрадиционную природу власти, привнесенную и навязанную покладистым «естественным» руссам извне. Преступления Обрина вызвали народный гнев и восстание, в ходе которого иноземный угнетатель был уничтожен, однако подобный опыт ничему руссов не научил и скорее даже развратил, ибо именно после правления персидского авантюриста россы уже никогда не сумели вернуться в свое первоначальное состояние. Россы стали «бесформенной

смесью многих народностей, которые сталкивались друг с другом, охотились друг на друга, взаимно уничтожали себя»²⁵.

Дальнейшее повествование Марешаля имеет гораздо больше связей с реальностью. Книга четко разделена по царствованиям от уже упоминавшегося Обрина вплоть до Екатерины II. Обращает на себя внимание тот факт, что логика подачи материала в значительной степени напоминают систему организации информации (указание порядкового номера правителя, количество лет царствования) в еще одном труде Ломоносова – «Кратком Российском летописце», который Марешаль мог, зная немецкий язык, прочитать в переводе П.Я. Штелина, вышедшем Лейпциге в 1765 г.²⁶ Характеризуя того или иного российского государя Марешаль всегда (за исключением, пожалуй, Рюрика) замечает одно и то же: кровавые преступления, истоком которых были «звериные», «канибалистические» инстинкты. Он, не скрывая, сообщает о том, что российские лидеры не отличались друг от друга: «Первые царства на Руси сходны одно с другим: братья против братьев, племянники против дядей, князья ранней династии заставляют нас говорить об одном и том же. Это бессмысленные кровавые войны, осажденные города... и народ, всегда один и тот же, не усваивающий данного ему урока и позволяющий своим не знающим ни нравов, ни человеколюбия, ни принципов владеть собой как стадом»²⁷. Характеристики российских правителей, в целом, однотипны, вплоть до рассказа о Петре Великом Марешаль безукоризненно следует одной и той же концептуальной схеме, однако, приступая к рассказу о событиях XVIII столетия, он становится значительно более язвительным и саркастичным. Связано это с тем, что на страницах его текста появляется новый герой – не очередной российский монарх, но историограф и писатель Вольтер, становящийся собирательным образом тенденциозного, облащенного властью рассказчика-льстеца. Вольтер, прославляя Петра I, считал всех предшествовавших ему царей деспотами и варварами, Пётр же был для него идеалом просвещенного государя, который проливал кровь во имя благого дела. Эту точку зрения Марешаль яростно опровергает с самого начала главы: «Что только не говорил Вольтер, чтобы доказать свое восхищение этим деспотом, которого он сделал своим героем... Но ни героя, ни льстеца больше нет; самое время восстановить беспристрастно их имена и наконец вывести из заблуждения

последующие поколения в отношении людей и событий, которые произвели столько грохота в истории»²⁸. Полемика с Вольтером продолжается в течение всей главы, Марешаль намекает на «одного историка нашего времени»²⁹, указывает, что «Вольтер историк презренный настолько же, насколько жесток его герой»³⁰; критика «официальной историографии» проходит в течение всего рассказа. Марешаль восклицает: «И всем этим презренным историкам, которые составляли историю этого великого бандита, так хочется прокричать “Вот ведь, он был всюду велик, даже на краю могилы”»³¹. В главе о Петре последовательно реализуется нарративная схема последовательного опровержения официальной истории, представленной вольтеровым текстом и сообщение «истинной» информации, заключающейся в примерах жестокости, которая манифестирует животную природу российского императора: «Пётр I, прозванный Великим, между прочим, имел одну особенность, которая роднит его с безумными животными – он не мог выносить вида воды»³². Подобные характеристики взяты из различных слухов, анекдотов, домыслов и поданы Марешалем как истина в последней инстанции, совершенно без попытки верификации, при этом сам Марешаль логику своей работы определяет в соответствии с просветительскими идеалами: «Наведем же скальпель разума на того, кого объявляют великим человеком и твердят о его популярности уже долгое время. Рассечем же те чудесные качества, которые ими приписывают. Этот Пётр Великий был в действительности мясником человеческой плоти, палачом, неверным мужем, дурным отцом и детоубийцей, подлецом в своих удовольствиях, жестоким зверем в своей мести, преданным учеником тиранов, лицемерным деспотом... Вот уже предолго писательское перо служит инструментом лжи и лести, оно должно, наконец-то, стать дубиной правды»³³. Вольтер, который «восхищался этим деспотом»³⁴, по мнению Марешаля, предпочитал *оставить в тишине* жестокие нравы и ужасы поведения Петра Первого³⁵, но наступило время, когда «и герой, и панегирист уже на том свете, и все умолчания должны быть оставлены в их могилах, а вся правда открылась взгляду будущих поколений»³⁶. История Петра и манера ее изложения Вольтером оказываются для Марешаля поводом представить рассуждения об ангажированности придворных летописцев и о том, какие качества должен сочетать в себе идеальный

историк, преданно занятый выяснением истины: «Предрассудки рождения и жизни, дух партии и тела, даже любовь к родине представляют собой столько помех при написании истории, достойной потомства»³⁷. «Было бы хорошо, чтобы историк не имел ни семьи, ни друзей. Это был бы бесстрашный ангел, который бы писал историю людей, не боясь их и ничего не ожидая от них»³⁸.

Панегиристическая, основанная на строгой селекции информации, логика официального историографа, по мысли Марешаля, мешала Вольтеру понять истину, выявить главные качества натуры Петра, которые может обнажить только «бесстрашный ангел»: «Вольтер, такой скрупулезный в описании преступлений земных богов, не попытался предпринять расследование главной черты характера своего героя – честолюбие. Ему показалось более удобным обойти все это молчанием»³⁹. Характер Петра сведен в итоге к одной черте – честолюбию, порожденному бешенством, природному отклонению, девиации, из которой, собственно, и происходят все его действия – и любовная интрига с Екатериной⁴⁰, и убийство Алексея⁴¹, и строительство Петербурга⁴², и бесконечные кровавые войны. Монарх в итоге редуцирован до крайне ограниченного объема черт, которые однозначно предопределяют его поведение. Историческое произведение, таким образом, оказывается набором иллюстраций этой черты, задающей модус произведения и фактически образующей художественную фабулу. Пётр Великий в Марешалевом тексте не может сделать то, что «он сам хочет», он вынужден подчиниться воле Марешаля, он задан им изначально практически как литературный персонаж.

Схожую ситуацию мы наблюдаем в главе о Елизавете Петровне. Стремлением к удовольствиям (преимущественно плотским), которые, собственно, и приводят ее к трону (через тела гвардейцев, которым будущая императрица самозабвенно отдается), объясняется характер императрицы. Всё поведение Елизаветы прочитывается через эту единственную черту, стоящую у истоков разнообразных прихотей и преступлений, которые в большинстве своем связаны с ревностью. Марешаль берет эпизод, загоняет его в необходимый ракурс, затем фикционализует его в соответствии с догматическим замыслом, свидетельством чему стал эпизод с Лопухиной, которую Елизавета приговаривает к экзекуции, желая утвердиться в статусе самой красивой: «Шептали, что импе-

ратрица сама присутствовала, спрятавшись за занавеской, на наказании и наслаждалась капля за каплей сладостью мести, такой знакомой всем ревнивым женщинам... Елизавета вела счет всем ударам кнута, который раздирал тело ее несчастной красавицы. До нее долетали куски тела Лопухиной, но она покинула место этого кровавого действа лишь когда своими глазами увидела черты лица своей соперницы, обезображенные мукой...»⁴³

Марешаль заявляет, что «Геродот и Фукидид, Тит Ливий и Тацит, Боссюэ и Вольтер писали только для того, чтобы забавлять бездельников»⁴⁴, а его собственная задача «показать необходимость и возможность выразить многое немногими словами»⁴⁵. Российские монархи оказываются крайне упрощенными и однолинейными, редукция персонажа до одной конкретной черты и лапидарная логика подачи материала объясняется Марешалем в предисловии к другому историческому труду – «Всеобщей истории в лапидарном стиле», изданном в 1800 г.: «Долгое время уже слышны жалобы на многословия историков. Боссюэ и Вольтер задумались вычистить мировые анналы, они заставили себя обратиться к великим эпохам, точным фактам и читательскому интересу. Сделанное этими двумя писателями недостаточно. Необходимо возвести Историю к тому пункту, откуда она началась, используя лапидарный стиль... Лаконизм и ясность – две основные обязанности историка... Эта задача более достойна, чем та, которую преследуют те историки, которые, желая взойти к причинам событий, о которых они рассказывают, на деле ограничиваются догадками»⁴⁶.

Заявленный проект Марешаля весьма радикален. По сути, он предполагает *превращение истории в максимум*, лаконичный афоризм, надпись, высеченную на мраморе или камне, в связи с этим Марешаль и заявляет о своем непочтении к историкам, которые пространно рассказывают о «догадках», в то время, как необходимо сообщить то, что можно было бы назвать «фактом». В пространстве Марешалевого идеального исторического текста не должно оставаться никакого «зазора» между событием и его авторским и читательским восприятием, информация не должна анализироваться, она должна буквально заучиваться и, в значительной степени будучи спаянной с Марешалевым же пониманием этики, становиться догмой. Исторический нарратив должен, таким

образом, буквально застыть в памятнике, в связи с этим идеалом для Марешаля служат высеченные египетские иероглифы, Моисеевы скрижали, а также греческие и римские надписи на храмах. Именно такой, сведенный буквально к нескольким словам дискурс о прошлом, полный благородных мыслей, чистейшего слога, краткости, простоты и чистоты, Марешаль считает непревзойденным идеалом и стремится воскресить: «Лапидарный стиль, состоящий в отборе слов и в упорядочении строк, требует некоторого искусства, а также подчиняется правилам... Лапидарный стиль находится на полпути между поэзией и прозой. Каждая строка на странице, написанной в таком жанре, должна содержать в себе законченный смысл. Каждое слово должно, если можно так выразиться, обозначать мысль или обрисовывать чувство. Счастливым найденное выражение, сильная идея обычно как бы теряются в длинной фразе прозы, там же где лапидарный стиль – они схватываются взглядом, запечатлеваются в разуме, так, как если бы были в нем высечены. Лапидарный стиль требует лаконизма от писателя и внимание от читателя... Лапидарный стиль прекрасно соотносится с моральным установлением... И этот стиль стал необходим для Истории. Это, быть может, наиболее древний из всех письменных жанров, возможно, он все эти жанры и переживет. С него начинали, к нему же необходимо вновь припасть, человеческой жизни более не хватает, дабы прочесть все эти исторические опусы, которыми переполнены наши книгохранилища»⁴⁷.

Озвученные Марешалем принципы исторического письма не стали открытием для начала XIX в.; логика «редуцирования» истории и исторического персонажа до конкретного события или же физиологического отклонения (мании или фобии) была разработана и теоретизирована еще в XVII столетии, а в течение XVIII в. неоднократно опробована на практике. Таким изначально историческим, а впоследствии – псевдоисторическим жанром, концептуальные основы которого Марешаль активно использует в своем труде, был анекдот, или «тайная история». При всем анахронизме этого жанра применительно к полемическим практикам XIX в. Марешаль преданно использует рабочие схемы историографии полуторавековой давности.

Итак, термин «анекдот» как обозначение жанра исторического нарратива начал утверждаться во Франции в первой трети

XVII в. после открытия книги-памфлета «*Anekdotia*», приписываемой византийскому историку VI в. Прокопию Кесарийскому. Манускрипт был обнаружен в Ватиканской библиотеке ученым-эллинофилом Николо Алеманни⁴⁸, который перевел текст⁴⁹ с греческого языка на латинский и опубликовал в Лионе весьма облагороженную его версию с собственными комментариями под названием «*Procopii Caesariensis Anekdotia seu Arcana Historia*» (1623). Алеманни не осмелился представить современной ему читающей по-латыни французской публике оригинальную версию, в которой были эпизоды, рассказывающие в том числе о разврате и безумствах византийского василевса Юстиниана и его супруги Феодоры, бывшей до замужества комедианткой и славившейся самыми отвратительными пороками, которые молва всегда приписывала актрисам⁵⁰. Даже редуцированная версия книги Прокопия, представленная Алеманни, противоречила тому образу Юстиниана, который сложился к началу XVII в. Алеманни, издавая безымянный текст Прокопия, воспользовался тем названием, которое было дано в X в. в греческом каталоге «Суда», где, собственно, произведение и впервые было упомянуто и получило название «*Anekdotia*», т.е. в буквальном переводе – «неизданные записки». Алеманни добавил второе название «Тайная история», последующие издатели брали оба заглавия либо останавливались на одном⁵¹. В каталоге «Суда» текст Прокопия был назван политическим памфлетом. П. Мараваль убедительно показал, что сочинение Прокопия стало не столько артикуляцией оппозиционных взглядов, а были лишь тонкой софистической игрой автора, в которой он, вспоминая годы учебы в школе Газы, продемонстрировал не столько отношение к императору, сколько риторическое мастерство, составив экспериментальное произведение по принципам инвертированной похвалы⁵². (Юстиниан назван «дурным императором», «тираном», воплощением Нерона и Домициана.) Прокопий показывал таким образом свою софистическую образованность, равные способности составления как эпидейктического, так и хулительного текста (*psogos*⁵³), вне зависимости от собственного отношения к предмету, абстрагируясь от истины, сводя писательство исключительно к виртуозному языковому действию. Данное предположение, как кажется, ближе к истине, нежели теория о том, что Прокопий был политически ангажирован и выражал

идеологию группы, близкой опальному полководцу Велизарию⁵⁴, в связи с чем и подводил читателя к выводу, что вся деятельность императора объясняется его характером, который сводится исключительно к жажде крови и стремлению к хаосу. Марешалев текст, кстати, полностью перенимает именно такое представление монархов. Концепты «скрытой правды», которую обнажает анекдотист, особенно актуальны в марешалевой главе о Екатерине II и в приложении к этой главе. Несомненно, фигура Екатерины II притягивала особенное внимание Марешала, рассказом о ней заканчивается исторический обзор русских тиранов, однако на этом книга не завершается. Вслед за внешним описанием наполненного тиранией и кровью царствования Екатерины Марешаль представляет «документ», призванный стать своеобразным «обнажением души» императрицы-узурпаторши, ставшей собирательным образом и лицом всех российской власти. Это «Добрые и последние Советы Екатерины II Павлу I, найденные среди бумаг российской императрицы после ее смерти»⁵⁵. Текст, вне всякого сомнения, принадлежит самому Марешалю, что, впрочем, не особенно им и скрывается: в небольшом разделе до текста «Завещания», помеченном «NB» он указывает⁵⁶, что «следующая часть не чужда всему произведению»: «Один русский любитель словесности, связанный с внутренними службами Петербургского двора, предоставил нам копию императорской рукописи, которую он смог раздобыть с преогромным трудом. Важность темы, высокое общественное положение Автора, обстоятельства момента, а также постоянная симпатия, которая связывает нас с ним, — вот что послужило причиной его дерзкого поступка [...] Пугливые знакомцы меня отговаривали от печати перевода памятника секретной русской дипломатии, из-за чего нам пришлось припомнить им переиздание «трактата о Государе» Н. Макиавелли⁵⁷.

Перед нами литературная мистификация, которая удивительно умело составлена; как замечал Г.П. Макогоненко, «высказанные мысли и убеждения почти дословно совпадают с тем кругом идей, о которых нам известно из ее (имеется в виду — Екатерина II) писем, записок, показаний близких к ней людей...»⁵⁸ Перед нами — исповедь идеального макиавеллистического (заметим, ссылка на итальянского политического философа приводится самим Марешалем) «чудовища», вот лишь некоторые выдержки из

текста: «Сделайте тоже как добрый отец семейства, допускающий в дом свой только то, что кажется ему полезным, для детей его, блюдите, чтобы ни одна книга, ни единая газета, даже карикатура не входила в Россию без вашего позволения. Народ, хорошо управляемый, не должен иметь иных мыслей, кроме мыслей своего Царя»⁵⁹.

Повышенный интерес Марешаля к России и превращение именно русской истории в одну большую иллюстрацию кровавого деспотизма, очевидно, связано как с резким и внезапным увеличением той роли, которую Российская империя стала играть в жизни Европы в XVIII столетии (вспомним, например, хотя бы Итальянский поход Суворова, который состоялся именно в период создания Марешалева «Истории России»), так и с еще двумя обстоятельствами. Первое – это опровержение комплекса вольтерьянских идей, связанных с просвещенным абсолютизмом. Вольтера можно назвать одним из самых ярких «имиджмейкеров» России на европейской почве; он, безусловно, считал всех древних русских правителей варварами, однако Петра (как и Екатерину) со всеми безумствами воспринимал монархом просвещенным и в целом принесшим России благополучие. Марешалю важно скорректировать эти воззрения Вольтера и указать на варварский характер любого правления. Таким образом, опровергая доводы Вольтера, он пропагандирует свои, своего рода паразитируя на имени французского философа.

Второе обстоятельство связано непосредственно с той политической ситуацией, которая сложилась в конце XVIII в. с возвышением Наполеона Бонапарта, который еще выражал желание сблизиться с Россией и «превратить недавнего противника в союзника»⁶⁰. Выпады Марешаля против Наполеона, узурпаторские устремления которого были им диагностированы очень рано, встречаются уже в сочинении «Путешествие Пифагора». Наполеон для Марешаля такое же яркое олицетворение деспотии, как и российские лидеры, в связи с чем Марешалева «История России» может быть прочитана как памфлет не только на российских государей, но и на складывающуюся власть французскую, а вместе с тем – подспудно – и на макиавеллизм как философское обоснование власти вообще. Морис Домманже указывал, что «История России» полна намеков на Наполеона, хотя в целом можно говорить

о нападках на любую власть, а также любую идеологическую систему, которая ее обслуживает (Вольтер в этой связи – идеальный пример). В то же время способ оформления памфлета Марешаля и избрание им анекдотической формы исторического нарратива свидетельствуют о том, как трудно (и, пожалуй, даже невозможно в условиях начала XIX столетия) избавиться от догматических схем, неизбежно фабулизирующих главных героев в соответствии с авторской прихотью. Тем примечательнее, что образ Александра в другом сборнике анекдотов, коим является *Alexandrana*, оказывается созданным по лекалу «идеального» западного монарха, противостоящего как предшествующей ему традиции русской, так и актуальной французской действительности.

¹ *Alexandrana*, ou bons mots et paroles remarquables d'Alexandre Ier pendant son séjour dans Paris. – Paris, Lemercier, 1815.

² *Aude F.* Bibliographie critique et raisonné des ana français et étrangers. – Paris, 1910.

³ *Alexandrana*. Op. cit. – P. 73.

⁴ Op. cit. – P. 75.

⁵ Op. cit. – P. 75.

⁶ Op. cit. – P. 93.

⁷ Op. cit. – P. 75.

⁸ Op. cit. – P. 76.

⁹ Op. cit. – P. 77.

¹⁰ Op. cit. – P. 78.

¹¹ Op. cit. – P. 101.

¹² См.: *Dommanget M.* Sylvain Maréchal. L'egalitaire. «L'homme sans Dieu». Sa vie, son œuvre. – Paris, 1950.

¹³ *Maréchal S.* Les bergeries. – Paris, 1770.

¹⁴ «Пастушеский» период Марешаля представлен следующими сборниками: «Храм Гименея» (*Le temple de l'hymen, dédié à l'Amour, suivi d'une anecdote véritable*. – Paris, 1771), «Анакреонтические песни пастуха Сильвена» (*Chansons anacréontiques du berger Sylvain*. – Paris, 1777), «Библиотека влюбленных, эротические оды» (*Bibliothèque des amants, odes érotiques*. – Paris, 1777). О поэзии Марешаля вскользь упоминает Д. Обломиевский, подчеркивая ее «идиллический характер», а также полное «игнорирование жизненных противоречий» (*Обломиевский Д.* Литература французской революции 1789–1794. – М., 1964. – С. 295).

¹⁵ *Лихоткин Г.А.* Сильвен Марешаль и «Завещание Екатерины II». К истории одной литературной мистификации. – Ленинград, 1974. – С. 24.

- ¹⁶ *Maréchal S.* Almanach des honnêtes gens. – Paris, 1788.
- ¹⁷ Подробнее об участии Марешаля в заговоре бабувистов см.: *Кучеренко Г.С.* Роль Сильвена Марешаля в «Заговоре равных» // Новая и новейшая истории. – 1961. – № 6. – С. 114–121.
- ¹⁸ *Maréchal S.* Le voyage de Pythagore. – Paris, 1799. Полный русский перевод был опубликован в 1805 году.
- ¹⁹ Путешествие Пифагора. – М., 1804. – Т. 1. – С. 106.
- ²⁰ *Maréchal S.* Crimes des empereurs russes, ou Histoire de la Russie réduite aux seuls faits importants. – Paris: F. Buisson, an X (1802). Произведение было издано анонимно, авторство в полной мере было доказано М. Домманже (см.: *Dommange M.* Sylvain Maréchal. L'egalitaire. «L'homme sans Dieu». Sa vie, son œuvre. – Paris, 1950. – P. 465), который нашел в библиотеке Мазарини экземпляр книги с дарственной надписью самого Марешаля.
- ²¹ Histoire de la Russie depuis l'origine de la nation russe, jusqu'à la mort du grand Duc Jaroslavs premier. Par Michel Lomonossov, conseiller d'Etat. Traduit de l'allemand par M.-E. – Paris, 1769. О популярности книги свидетельствуют переиздания – 1773 и 1776 годов. Подробнее см.: *Быкова Т.А.* О переводах «Российской истории» Ломоносова // Литературное творчество М.В. Ломоносова. – М., Л., 1962. – С. 237–242.
- ²² *Maréchal S.* Histoire de la Russie, réduits aux seuls faits importants. – Paris, Arthus Bertrand, 1807. – P. 357.
- ²³ Op. cit. – P. 6.
- ²⁴ Op. cit. – P. 274.
- ²⁵ Op. cit. – P. 11.
- ²⁶ Kurzgefasstes Jahrbuch der russisches Regenten. – Leipzig, 1765. Ломоносовский текст был популярен и известен в Европе в XVIII в., кроме немецкого перевода циркулировала также его английская версия, изданная в 1767 г.
- ²⁷ Op. cit. – P. 40.
- ²⁸ Op. cit. – P. 202.
- ²⁹ Op. cit. – P. 192.
- ³⁰ Op. cit. – P. 258.
- ³¹ Op. cit. – P. 264.
- ³² Op. cit. – P. 193.
- ³³ Op. cit. – P. 193.
- ³⁴ Op. cit. – P. 201.
- ³⁵ Op. cit. – P. 197.
- ³⁶ Op. cit. – P. 202.
- ³⁷ Op. cit. – P. V.
- ³⁸ Op. cit. – P. IV.
- ³⁹ Op. cit. – P. 233.
- ⁴⁰ «Вольтер рассказал эту историю по-другому; он сочинил скорее роман, отмеченный благопристойностью и героизмом; но рассказчик о правлении Петра Великого стал не Плутархом, а своего рода Петронием своего века. На нас же никакое соображение не может оказать давления, настал час рассказать обо

всём без прикрас, поднять все покровы, обнажить нутро того, кого считают великим человеком». (Op. cit. – P. 247.)

41 «Эта жестокость, как заявляют те историки, что получают от русского правительства щедрые пенсии, весьма сомнительна, дабы быть правдоподобной». (Op. cit. – P. 256.)

42 «Оставим Вольтеру и авторам большой всеобщей истории выстраивать помпезное описание этого города (Санкт-Петербурга), соперника Афинам, Риму и Парижу, возведение которого стоило жизням более сотни тысячам человек». (Op. cit. – P. 223.)

43 Op. cit. – P. 312–313.

44 Op. cit. – P. VII.

45 Op. cit. – P. II.

46 *Maréchal S. Histoire universelle, en style lapidaire.* – Paris, Chez Deterville, 1800. – P. I.

47 Op. cit. – P. 12–13.

48 О Николо Алеманни сведений практически нет; известно, что он был из древнего греческого рода, эмигрировавшего после взятия турками Константинополя в Италию. Предположительно родился в Анконе.

49 Алеманни располагал рукописью Прокопия из Ватиканской библиотеки, в которой отсутствовала первая страница.

50 Большинство сведений о василевсе собрано Прокопием в кн. IX. Вот один из показательных, но не самых откровенных фрагментов: «Как только она подросла и созрела, она пристроилась при сцене и тотчас стала гетерой из тех, что в древности называли “пехотой”. Ибо она не была ни флейтисткой, ни арфисткой, она даже не научилась пляске, но лишь продавала свою юную красоту, служа своему ремеслу всеми частями своего тела. Затем она присоединилась к мимам, выполняя всяческую работу по театру и участвуя с ними в представлениях, подыгрывая им в их потешных шутовствах... У этой женщины не было ни капли стыда, и никто никогда не видел ее смущенной, без малейшего колебания приступала она к постыдной службе... Сбрасывая с себя одежды, она показывала первому встречному и передние и задние [свои срамные] места...» // Прокопий Кесарийский. Книга 9, 12–14 // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. – М., 1993. Цит. изд. – С. 346.

51 *Procopii Caesariensis Anecdota seu Arcana Historia.* – Lyon, 1623 (N. Alemannus); *Procopii Caesariensis Anecdota seu Historia Arcana.* – Helmstadt, 1654 (I.E. Eichelius; переиздание текста Н. Алеманни); *Procopii Caesariensis Arcana Historia.* – Paris, 1663 (J.C. Orellius; переиздано в Венеции в 1721). В течение XVIII в. труд Прокопия более не переиздавался; всплеск издательского интереса к его «Тайной истории» наблюдается с 1830-х годов. Некоторым событием в осмыслении анекдота в XIX в. стала статья «Anecdota» Э. Ренана, появившаяся в «Journal des Débats» 19 июля 1857 г., в которой Ренан «популяризировал» наследие Прокопия, поведал об обстоятельствах

обнаружения рукописи Н. Алеманни, а также о «дурном» правлении Юстиниана и Теодоры.

⁵² *Maraval P.* Op. cit. – P. 12–14.

⁵³ А.А. Чекалова видит основную черту *psogos*'а, наследника языческой инвективы, в исключительном очернительстве. Канон христианской инвективы предполагал «возведение» героя к дьяволу. См.: *Прокопий Кесарийский*. Цит. изд. – С. 447. Ссылка 113.

⁵⁴ Вопрос оставался ли Прокопий до конца своих дней предан Велizarию, остается открытым. Точно не известен характер их отношений во время создания Прокопием его книг «Войн...», однако не кажется правдоподобным, что он занимал провезлизариевскую позицию, когда в официальных историях находил мотивы, которые лежали в основе возвращения Юстинианом полководца из Африки из-за опасений, что тот поднимет восстание, а в анекдотах – обвинит супругу Велizarия Антонину в разврате, объясняя отзыв Велizarия стремлением его супруги воссоединиться с любовником. Если бы всё было наоборот, тот поверить в сохранение симпатий к Велizarию со стороны Прокопия было бы легче.

⁵⁵ Les bons et derniers avis de Catherine II à Paul I, trouvés parmi les papiers de l'Impératrice de Russie, après sa mort // *Histoire de la Russie*. – P. 359–387. О месте маршалева «Истории России» в отечественно историографии, а также о полемике вокруг завещания Екатерины II см. в работе: *Лихоткин Г.А.* Цит. изд. – С. 50–66. В той же монографии приведен перевод «завещания» на русский язык.

⁵⁶ Op. cit. – P. 358.

⁵⁷ Préface de l'éditeur // *Histoire de la Russie*. – P. 360. Обратим внимание на то, что интерес к Макиавелли в эпоху 1790-х годов во Франции был чрезвычайно велик, труды переиздавались неоднократно (в 1793 и 1798) и были буквально на слуху.

⁵⁸ *Макогоненко Г.П.* Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. – М., Л., 1951. – С. 522.

⁵⁹ Цитируется (с некоторыми изменениями) в переводе Г.А. Лихоткина. См.: *Лихоткин Г.А.* Цит. изд.

⁶⁰ *Лихоткин Г.А.* Сильвен Марешаль... – Л., 1974. – С. 45.

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОММЕНТАРИЙ
К РОМАНУ Ф. РАБЛЕ
«ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ».
КНИГА ТРЕТЬЯ: «ДЕЯНИЯ
И РЕЧЕНИЯ ПАНТАГРЮЭЛЯ»
(Продолжение)***

Данный комментарий к третьей книге Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» составлен на основе следующих комментариев: Rabelais, François. *Œuvres complètes*. Édition établie, présentée et annotée par Mireille Huchon, avec la collaboration de François Moreau. Bibliothèque de la Pléiade – XV. Gallimard, 1994 (repr. 2009); Rabelais, François. *The Five Books and Minor Writings Together with Letters and Documents Illustrating His Life: Volume I*. Translated and annotated by W.F. Smith. London: Alexander P. Watt, 1893; Рабле Ф. *Гаргантюа и Пантагрюэль*. Пер. с фр. Н.М. Любимова. Вст. ст. И.К. Стаф. Прим. К.А. Чекалова. М.: АСТ, АСТ Москва, 2009. Под «литературным» комментарием подразумевается указание на источник различных литературных аллюзий и цитат, которыми изобилует текст Рабле, но которым уделено недостаточно внимания в отечественных комментариях.

Текст Рабле дан в переводе Н.М. Любимова, в редких случаях перевод мой (А. Ж.). Тексты античных и иных авторов цитируются по классическим изданиям и переводам.

Предисловие к третьей книге было опубликовано в предыдущем номере «Литературоведческого журнала».

* Начало см.: Литературоведческий журнал № 36, 2015; № 37, 2015; № 39, 2016.

Книга третья – Деяния и речения Пантагрюэля

[1]

...Когда Пантагрюэль окончательно покорил Дипсодию – ср. «Пантагрюэль», гл. XXXI, где речь идет о дипсодах и их короле Пантагрюэле. Интересно, что после второй главы третьей книги дипсоды полностью исчезают со страниц романа.

...численностью в 9 876 543 210 человек, не считая женщин и детей – выражение «не считая женщин и детей» близко к евангельскому «а евших было около пяти тысяч человек, кроме женщин и детей» (Мф 14. 21).

...которые плодились, как саранча – ср. Наум 3. 15 «Там пожрет тебя огонь, посечет тебя меч, поест тебя как гусеница, хотя бы ты умножился как гусеница, умножился как саранча».

...каждые девять месяцев в каждой утопийской семье рождалось не менее семи младенцев мужского и женского пола зараз, так же как у иудеев в Египте, если только не подвирает де Лира – Николай де Лира, монах-францисканец (ок. 1270–1349, Италия), автор первого печатного комментария к Библии (1471). Эти сведения содержатся в его комментарии на Исх 1. 7.

...то был единственный их укор небесам и небесным силам – в оригинале les cieulx et intelligences motrices, последнее понятие – из Аристотеля («Метафизика», книга 12). Перводвигателем выступает высший Ум, а есть так называемый «вторичный двигатель», или «движущий ум», который, согласно развитию теории Аристотеля в Средние века, движет небесные сферы.

...что для того, чтобы держать в повиновении и удержать вновь завоеванную страну, вовсе не следует (как ошибочно полагали иные тиранического склада умы – аллюзия на «Государя» Маккиавелли (опубликован в 1532 году)?

...управлять им [= народом. – А. Ж.] с помощью железных палок – ср. Откр 2. 27 «и будет пасти их жезлом железным» и Пс 2. 9 и 88. 33.

...не нужно есть и пожирать народ, вроде того царя, которого Гомер называет неправедным демовором – «Илиада», I 231 «Царь пожиратель народа» (Ахилл об Агамемноне).

...И точно: Озирис, великий царь египетский <...> И по повелению Юпитера, которое получила некая Памила, народ прозвал его великим царем Эвергетом – Плутарх, «Об Исиде и Осирисе», XII, пишет, что некий фиванец Памилес слышал в храме глас Юпитера, повелевший возвестить о рождении великого благодетельного царя Осириса. Прозвище Эвергет носил не только Осирис, но и другие египетские цари.

...Гесиод в своей Иерархии помещает добрых демонов (назовите их, если хотите, ангелами или же гениями) – на самом деле, речь о «благостных демонах» идет не в «Теогонии» (которую Рабле называет «Иерархией»), а в «Трудах и днях», 122. Ср. Плутарх, «Об Исиде и Осирисе», XXVI.

...ибо всем творить благо и никому не причинять зла есть удел истинно царский – Гесиод, «Труды и дни», 126.

...Так поступал владыка вселенной Александр Македонский. Таков был Геркулес – сближение Александра Македонского и Геркулеса позаимствовано «О судьбе Александра».

...И тем же самым духом была проникнута афинская амнистия, дарованная после того, как благодаря храбрости и хитроумию Фрасибула тираны были низложены; о ней поведал римлянам Цицерон, а затем она была дана в Риме при императоре Аврелиане – Фрасибул (450–389), афинский генерал, глава демократической партии, изгнанный из Афин при тридцати тиранах, и восстановивший впоследствии демократию. В «Филиппиках» Цицерона (I, 1, 1–4) речь идет о возвращении изгнанников. Флавий Вופиск, автор «Жизни императора Аврелиана», 9 (из «Жизнеописаний Августов», ок. IV в. н.э.), рассказывает об амнистии, которую объявил врагам Аврелиан после битвы при Иммах в Антиохии. Интересно, что Фрасибул и контекст Цицерона используются как примеры в адагии Эразма Роттердамского («Адагии», II, 1, 94 *Ne malorum memineris*, «Не помни зла»).

...Воинскую свою доблесть он выказал, побеждая и завоевая, справедливость же его означится в том, что он издаст закон, сообразующийся с волей и склонностями народа, объявит указы, установит вероисповедание и даст права каждому, подобно Октавиану Августу, о котором знаменитый поэт Марон сказал так: Он, победив, любовь к своим законам / Умел внушать

народам побежденным – Рабле пересказывает комментарий к «Георгикам» Вергилия (IV, 560–561) Сервия.

...Вот почему Гомер в своей Илиаде называет добрых государей <...> устроителями народов. – «Илиада», I, 375; III, 236.

...Теми же соображениями руководствовался Нума Помпилий – рассказ о прекращении кровавых жертв на Терминалиях излагает Плутарх в «Римских вопросах», XV.

...Нечисто нажитое впрок не идет. – это высказывание Невия (цитируется Цицероном, «Филиппики», II, xxvii, 65) комментирует Эразм в «Адагиях» (I, vii, 82 Male parita, male dilabuntur «Дурно рожденное дурно пропадает»).

...Нечисто нажитое третьему наследнику не достается – это латинская пословица De male quaesitis, non gaudet tertius heres.

...в отличие от Карла Великого, который из одного беса сотворил двух – эпизод из жизни Карла Великого, который описал хронист Сигеберт (из хроники 802 года).

[2]

...Ибо все сокровища, над коими раскинулся небесный свод и которые таит в себе земля, в каком бы измерении ее ни взять: в высоту, в глубину, в ширину или же в длину, не стоят того, чтобы из-за них волновалось наше сердце, приходили в смятение наши чувства и разум. – ср. Рим 8. 39.

...неизвестно, кто из нас еще немного протянет, а кто протянет ноги – французская пословица.

...Не открывали боги никому, / Придется ль завтра быть живым ему – Сенека, «Фиест», 619–620.

...духу коммутативной справедливости – согласно «Никомаховой этике» (V, 4) Аристотеля, коммутативная справедливость поддерживает баланс между покупкой и оплатой в торговых операциях, в то время как дистрибутивная справедливость пропорциональна заслугам.

...Что говорит по поводу ведения хозяйства Катон? Главе семьи, говорит он, надлежит быть вечным продавцом. – ср. Катон, «О сельском хозяйстве», II, 55, 7: «Хозяин должен прилежаться к продаже, не к покупке» (речь о том, что следует немедленно избавляться от всех излишков в хозяйстве).

...которых, словно Одиссея, судьба забросила на скалу хорошего аппетита – «Одиссея», 5, 475 или 6, 250.

...ибо, по Гиппократу, юность с трудом переносит голод – Гиппократ, «Афоризмы», I, 13.

...ибо они являются последовательницами Платона и Цицерона: по их мнению, они должны жить не только для себя самих – ср. Эразм, «Адагии», IV, vi, 81 (Nemo sibi nascitur «Никто не рождается для себя»), где цитируются Платон («Письма», IX, 358 а) как источник данной цитаты, и Цицерон (Об обязанностях», I, 22).

...я, как второй Милон, ваю толстые деревья, свожу дремучие леса – известный атлет Милон Кротонский (V в. до н.э.) погиб, разжимая две половины рассеченного дуба (Авл Геллий, «Аттические ночи», XV, 16; Валерий Максим, «Изречения», IX, 12, 9).

...а пни оставляю до Страшного суда, – это будут судебные кресла – ср. Откр 20. 4 «И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить» и Откр 4. 4 «И вокруг престола двадцать четыре престола».

...<молотильщики>, по словам Вергилиевой Тестиллиды, подчистую обрывают на огородах лук, чеснок и шалот – Вергилий, «Буколики», II, 10–11 «И Тестиллида уже для жнецов, усталых от зноя, / К полднику трет чабер и чеснок, душистые травы».

...Нерон: ни перед кем из смертных он так не преклонялся, как перед своим дядей Гаем Калигулой, который благодаря уму непостижимой своей изобретательности ухитрился в несколько дней промотать наследство, оставленное ему Тиберием – это передает Светоний в жизнеописании Нерона («Жизнь двенадцати цезарей», «Нерон», 30).

...законам римским, – я имею в виду Орхиев, Фанниев, Дидиев, Лициниев, Корнелиев, Лепидов, Антиев – список законов против чревоугодия и роскоши позаимствован у Макробия, «Сатурналии», III, 17, 1–13.

...вы принесли проптервию – у Рабле protervie, искаженное propter viam; о выражении «Proterviam fecit» пишет Эразм в «Адагиях» (I, ix, 44), где приводит и следующие у Рабле далее примеры про Моисея и Катона с Альбидием.

...жертву, напоминающую пасхального агнца у евреев – Исх 12. 10.

...*Consummatum est*, – слова, которые впоследствии произнес Фома Аквинский, съев целую морскую миногу – фраза из Евангелия, которую произносит Христос на кресте (Ин 19. 30, «свершилось!»), в Средние века была использована в анекдоте: Фома Аквинский, обедая у Людовика Святого, сочинял в уме гимн и случайно съел предназначенную королю миногу; в этот момент он и произнес эту фразу, имея в виду то ли заверченный им в уме текст, то ли, как подумали окружающие, съеденную миногу.

[3]

...*К греческим календам* – т.е. никогда, так как в греческом календаре нет календ.

...*когда все люди будут всем довольны, а вы сами себе оставите наследство* – в оригинале «lors que tout le monde sera content, et que serez heritier de vous mesmes». Ср. Клеман Маро, «Послания», 29: «Je vous ferai une belle cedula / A vous payer (sans usure il s'entend) / Quand on verra tout le monde content».

...*Во времена давнопрошедшие в Галлии по обычаю, установленному друидами, на похоронах и погребении хозяев и господ сжигали живьем их рабов, слуг и прислужников* – об этом обычае рассказывает Цезарь, «Записки о Галльской войне», VI, 19.

...*молились с утра до ночи своему главному богу Меркурию* – Цезарь, «Записки о Галльской войне», VI, 17. Верховный бог галлов Тевтат идентифицировался у римлян с Меркурием, а бог богатства Дит – с Плутоном.

...*вопреки мнению философов (которые утверждают, что из ничего ничего и не сделаешь)* – Ср. Персий, «Сатиры», III, 83–84 «Старца недужного сны разбирать, – родиться не может / Из ничего – ничего, и ничто в ничто возвратиться» (пер. А.А. Фета). Ср. также Плутарх, трактат «О том, что не надо делать долгов», V, 2 «Ну, конечно, они смеются над физиками, говорящими, что ничто из ничего не рождается, потому что у них-то прибыль рождается от того, что еще не существует или еще не получено» (пер. Чистякова Г.П. // Вестник древней истории. 1979, № 2). Плутарх, возможно, ссылается на Эмпедокла (Diels В II).

...*Чего же я наделал? Долгов. Какая это редкость, какая диковина!* – ср. Эразм, «Разговоры запросто», «Самозванная знат-

ность»: «Наоборот, нет более удобного пути к царству, чем задолжать как можно большему числу людей».

...число слогов, получающееся от сочетания всех согласных со всеми гласными, а число это было найдено и высчитано славным Ксенократом – Плутарх в «Застольных беседах» (VIII, 9, 13) рассказывает, что глава академиков Ксенократ вычислил количество всех возможных сочетаний букв алфавита (оно равняется $100 \cdot 200 \cdot 000$).

...я играю роль Бога в сомюрской мистерии Страстей Христовых – данная мистерия была поставлена в г. Сомюр в августе 1534 г.

...описанная Гесиодом гора героических добродетелей – Гесиод, «Труды и дни», 289–290. Об этой горе также пишет Лукиан в диалоге «Гермотим, или О выборе философии».

...клянусь святым угодником Баболоном – св. Баболен (Babolin, Babolinus или Babolein), первый аббат монастыря Сен-Мор (близ Парижа), умер ок. 660 года.

...великая мировая душа, которая, согласно учению академиков, все на свете оживляет – Платон, «Тимей», 34 b–37 c; Макробий, «Комментарий на сон Сципиона», I, 14.

...тридцатый мир, описанный философом Метродором – ср. Плутарх, «Мнения философов» (пер. В.В. Черниговского, «Человек», 1998 № 3–6; 1999 № 1): Метродор утверждает, что «миров бесконечное множество» (I, 5). Метродор Хиосский (ок. 330 г. до н.э.) – последователь Демокрита и ученик Гиппократы, автор сочинений «О природе», «Троянские деяния», «Ионийские деяния».

...семьдесят восьмой мир Петрона – Плутарх, «Об упадке оракулов», 23: утверждается, что Петрон из Гимеры (VI в. до н.э., пифагореец) считал, что существует 183 мира, расположенных в виде треугольника, 60 на каждой грани и по одному на углах.

...Юпитер, не считая себя более должником Сатурна, лишит его орбиты и своею гомерическою цепью опутает все умы – Гомер, «Илиада», 8, 19 (речь Зевса): «Цепь золотую теперь же спустив от высокого неба, / Все до последнего бога и все до последней богини / Свестись по ней; но совлечь не можете с неба на землю / Зевса, строителя вышнего, сколько бы вы ни

трудились!» Платон в «Тэтетете» (153 d) дает этому эпизоду аллегорическое толкование.

...Меркурий не захочет больше услужать другим, перестанет быть их Камиллом, как его называли этруски – Макробий, «Сатурналии», III, 8, 6: «Ведь Статий Туллиян в первой книге [сочинения] “О названиях вещей” пересказывает слова Каллимаха, что туски зовут Меркурия Камиллом, каковым словом они обозначают прислужника богов». Ср. также Плутарх, «Сравнительные жизнеописания», «Нума», 7; Сервий, «Комментарий к “Энеиде”», IX, 543.

...испарениями и выделениями, которыми, как говорил Гераклит, как доказывали стоики и как утверждал Цицерон, питаются звезды – мнение Гераклита передает Плутарх, «Мнения философов», II, 17, 2: «Гераклит и стоики утверждают, что звезды питаются исходящими от земли испарениями». Цицерон, «О природе богов», III, 14: «Что и солнце, и луна, и звезды питаются: одни пресными водами, другие морскими».

...Их место заступят Недоверие, Презрение, Злопамятство с целой когортой всех прочих зол, бедствий и проклятий – ср. Гораций, «Оды», I, 3, 30: «Вслед чахотка и с ней новых болезней полк / Вдруг на землю напал» (в оригинале у Горация полк – cohors, «когорта»).

...Люди станут волками в образе человеческого, оборотнями и бесами вроде Ликаона, Беллерофонта и Навуходоносора – Ликаон превращен в волка Юпитером за нарушение гостеприимства (Овидий, «Метаморфозы», I, 216–239); Навуходоносор (Дан 4. 30) за гордость превратился в зверя и ел как вол; Беллерофонт не превращался в зверя, но под конце жизни, попытавшись подняться на Пегасе на Олимп, упал, охромел и по повелению богов вынужден был до конца жизни скитаться вне людской жизни («Илиада», VI, 155–202).

...каждый ополчится на всех, подобно Измаилу, Метабу, Тимону Афинскому, прозванному по этой причине мизантропом – Исмаил – сын Авраама и Агари (Быт 16. 12: «он будет между людьми, как дикий осел; руки его на всех, и руки всех на него»); Метаб – сын Сизифа, изгнанный из своего царства за тиранию (Вергилий, «Энеида», 11, 540); Тимон Афинский – легендарный мизантроп (Лукиан, «Тимон-мизантроп»; Плутарх, «Жизнь Алки-

виада», 16), о нем позднее напишет пьесу Шекспир («Жизнь Тимона Афинского», 1623).

...Так что природе легче было бы питать рыб в воздухе и пасти оленей на дне океана – Эразм, «Адагии», I, 4, 74 «In aere piscari, venari in mari» (ловить рыбу в воздухе, охотиться в море).

...вы явитесь свидетелем более опасного бунта, нежели изображенный Эзопом в его притче – Эзоп, басня «Живот и ноги» (Aesop, Fabulae. Lipsiae: Teubneri, 1970, CXXXII), где ноги выступили против живота на основании того, что они сильнее (а в более поздних вариантах (Тит Ливий, «История Рима от основания города», II, 32, 9–12) и другие члены тела обвиняли живот в том, что только он ест – видимо, этот вариант и использовал Рабле).

...а возмущенная душа отправится ко всем чертям – в оригинале «l'ame toute indignée prendra course à tous les Diables» – ср. Вергилий, «Энеида», XII, 952 «uitaque cum gemitu fugit indignata sub umbras» (Тело покинула жизнь и к теням отлетела со стоном).

[4]

...Я словно бы отсюда слышу их музыку, столь же явственно, как некогда Платон – Платон в «Государстве» (X, 617 b) говорит о веретене, на кругах которого восседают Сирены и, вращаясь, издают каждая один звук одной высоты, что в совокупности дает «стройное созвучие». Впоследствии Марсилио Фичино прокомментировал это явление как полноценную музыку (о чем, по сути, нет речи у Платона, равно как и о том, что эти звуки можно слышать).

...Юнона, царица эфира – Цицерон, «О природе богов», II, 26, 66: «Воздух же, который находится между морем и небом, обожествляется, как учат стоики, под именем Юноны, сестры и супруги Юпитера, так как у воздуха есть сходство с эфиром и теснейшая с ним связь».

...Вы трижды, вы четырежды блаженны! – ср. Гомер, «Одиссея», V, 306 «Трижды блаженны данайцы – четырежды!»; Вергилий, «Энеида», I, 94 «Трижды, четырежды тот блажен...»

...столько святых первого разбора <...> сколько их теперь не наберется во всех девяти епископатах Бретани. Единственно, кто бы с ними потягался, это святой Ив. – в Бретани было

довольно большое количество культов различных святых, в том числе местночтимых. Более широко почитаем был действительно святой Ив Бретонский (1253–1303) – покровитель Бретани, вдов и сирот.

...наивысшими похвалами превознести его до третьего неба – 2 Кор 12. 2: «Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба».

...Тем он знаменит, / Что отпускал товар в кредит – «Фарс об адвокате Патлене», 173–174.

...Жизнь пребывает в крови. Кровь – обиталище души – ср. Лев 17. 11 «потому что душа тела в крови». Большое рассуждение о крови присутствует в диалоге «Тимей» Платона. Ср. также комментарий Сервия на «Энеиду», II, 532 (*concidit ac multo vitam cum sanguine fudit* – «пал и с множеством крови излил жизнь»): «видимо, [Вергилий] следует тем, кто считает кровьместилищем жизни, или же тем, кто считает саму кровь жизнью» (*modo eos sequitur qui sanguinem sedem vitae volunt, alibi eos qui ipsum sanguinem vitam volunt*). Следует отметить, что, возможно, дальнейшее рассуждение о частях тела зависит также от Цицерона, «О природе богов», II, 54–55.

...Чтобы найти, приготовить и сварить пищу, работают руки <...> печень же снова преобразует пищу и превращает ее в кровь – пересказ Галена, «О назначении частей человеческого тела» (*De usu partium*), IV, 2, 3 и 7.

...Селезенка извлекает из крови землистые вещества и тот осадок, который вы называете черной желчью – Гален, «О назначении частей человеческого тела» (*De usu partium*), IV, 5.

...Сердце своими диастолическими и систолическими движениями разжижает ее и воспаляет, в правом желудочке она еще улучшается – по Галену, как пишет Мирей Юшон, жизнь есть природный дух, вырабатываемый кровью в печени; жизненный дух в сердце; душевный дух в мозгу. Правый желудочек сердца греет кровь для питания легких и является источником внутренне-го тепла, а левый порождает жизненный дух.

[5]

...В апостольском послании прямо говорится: «Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви» – Рим 13. 8.

...Вы пользуетесь прекрасными графидами и диатипозами – риторические термины, греч. γραφίς – рисунок; διατύπωσις – схема.

...словно к ним явилась чума в том самом обличье, в каком она предстала в Эфесе перед философом тианским – Флавий Филострат в «Жизни Аполлония Тианского» (IV, 10) повествует, что Аполлоний опознал причину чумы в демоне, принявшем облик нищего. Когда тот закидал его камнями, то под грудой обнаружился исходящий пеной труп собаки, что доказало предположение философа.

...По-моему, персы были правы, утверждая, что второй порок – лгать, а первый – быть должным – это цитата из Плутарха, «О том, что не надо делать долгов», V, 3: «Персы, как известно, считают ложь вторым по величине проступком, а долги – первым». Плутарх позаимствовал это высказывание у Геродота («История», I, 138), поменяв местами ложь и долги: «Нет для <персов> ничего более позорного, как лгать, а затем делать долги». Рабле, возможно, цитирует это высказывание через Эразма, который в разборе адагии Felix qui nihil debet («Блажен, кто не имеет долгов», «Адагии», II, vii, 98) цитирует Плутарха.

...Подобные случаи предусматривает в своих законах Платон – Платон, «Законы», VIII, 844 b; его цитирует Плутарх в самом начале «О том, что не надо делать долгов», I, которого и пересказывает Рабле.

...по примеру короля Людовика Одиннадцатого, который хотел было избавить от судебной ответственности Миля д'Илье, епископа Шартрского, но потом, уступив настойчивой его просьбе, оставил ему несколько тяжб – для упражнения. – Миль д'Илье стал епископом Шартрским в 1459 году (оставил должность и умер в 1493). Прославился любовью к судебным разбирательствам, умер во время очередной тяжбы (об этом рассказывает Бонавантюр Деперье (1501–1544) в «Новых забавах и веселых разговорах» (1558 г.), XXXIV).

[6]

...А каким это законом заведено <...> что насадившие виноградник, построившие новый дом и молодожены получают отсрочку на год по призыву на военную службу? – Законом Моисея – Втор 20. 6: «и кто насадил виноградник и не пользовался им, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы не умер на сражении, и другой не воспользовался им»; Втор 24. 5: «Если кто взял жену недавно, то пусть не идет на войну, и ничего не должно возлагать на него; пусть он остается свободен в доме своем в продолжение одного года и увеселяет жену свою, которую взял».

...И новостроители из мертвого камня также не занесены в книгу живота моего – ср. Откр 13. 8: «И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира».

...Я созидаю живые камни, т.е. людей – ср. 1 Петр 2. 5: «и сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный».

...пусть-де молодожены первый год вдоволь наслаждаются любовью – Втор 24. 5: «Если кто взял жену недавно, то пусть не идет на войну, и ничего не должно возлагать на него; пусть он остается свободен в доме своем в продолжение одного года и увеселяет жену свою, которую взял».

...говорят, что <второй брак> безумие и позор – ср. 1 Тим 5. 14: «Итак я желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак».

...там, где воинствует Энио – Энио (Ἐννῶ) – др.-греч. богиня неистовой войны, спутница Ареса («Илиада», V, 333).

...боятся задохнуться из-за недостатка воздуха, о чем с таким знанием дела толкует Гален в книге второй О затруднительности дыхания – на самом деле трактат называется ровно противоположно, «О механизме/способе дыхания» (De usu respirationis).

[7]

...На другой день Панург велел, по еврейскому обычаю, проткнуть себе правое ухо – Исх 21. 6 и Втор 15. 17, если раб по

истечении семи лет желал остаться у господина со своей семьей, то господину следовало пробить ему ухо шилом.

...золотое с инкрустацией колечко, в которое была вправлена блоха – Карл Орлеанский, песня 1, *De riens ne me doy soussier, / Car pas n'ay la pusse en l'oreille* («Ни о чем я не должен беспокоиться, / Потому что у меня нет блохи в ухе»).

...свадьба одной гирканской тигрицы – аллюзия на «Энеиду», IV, 367: «В чащах Гирканских ты был тигрицей вскормлен свирепой!» Гиркания находилась на юго-восточном побережье Каспийского моря.

...на котором Панург, как на якорю спасения, основывал последнее свое убежище – в оригинале *comme en l'ancre sacre*, «как на священном якорю». Это выражение использует Эразм («Адагии», IV, i, 1 *Dulce bellum inexpertis*, «Сладостна война неопытным»), называя так самый большой якорь, применяющийся тогда, когда другие уже не дали результата.

...Верю вам на слово – в оригинале «На самом деле я бы не хотел держать раскаленное железо» (*Vrayement ie n'en voudrois pas tenir un fer chaud*), ср. Софокл, «Антигона», 264–265: «И каждый отрицал ее. Готов был / Всяк раскаленное держать в руках железо» (пер. Ф. Ф. Зелинского).

...да еще какого-то невероятного цвета, никто <...> не носит таких плащей – в оригинале *couleur inusitée en robes talares* («необычный цвет этих плащей до пят»). Слово «talares», очевидно, заимствовано напрямую из латинского *talaris*, «до пят» (от слова *talus*, «пятка»). Ср. Овидий, «Метаморфозы», X, 591 (*aura refert ablata citis talaria plantis*, «Бьет пятками подол, назад его ветер относит»).

...Каждый поступает, как ему подсказывает здравый смысл – Рим 14. 5 «Иной отличает день от дня, а другой судит о всяком дне равно. Всякий поступай по удостоверению своего ума».

...На таком сукне только в карты играть да монетки менять – в оригинале «лучше бы мой казначей не удлинял ss» (*ne se ioue mon argentier d'allonger les ss*). Как знак для монетки соль использовалась буква s, часто имевшая удлиненную форму *ſ* или *ſ̄*, которая внешне походит на букву f, обозначающую значительно

более крупную монету, франк. Таким образом, речь идет о жульничестве с финансовыми бумагами.

...Долой оружие, да здравствует тога! – выражение принадлежит Цицерону, «Об обязанностях», I, 22, 77: «меч, перед тогой склонись!», изначально оно появилось в поэме Цицерона «О моем консулате».

...милый чудак Гален, рассуждая в книге девятой о Назначении частей нашего тела, сказал, что голова существует для глаз – Рабле ошибается в ссылке, это рассуждение присутствует в восьмой книге трактата «О частях тела» (VIII, 5).

[8]

...Почему гульфик есть самый главный доспех ратника – в этой главе высмеивается мнение Галена о едва ли не главенствующей роли яичек в организме («О семени», I, 15).

...Принято думать, что вооружение начинается со шпор. – Остальное вооружение воина: доспехи, шлем, – настолько тяжелое, что после его надевания пристегнуть шпоры было бы уже невозможно.

...Взгляните, как заботливо вооружила природа <и далее сравнение человека и природы> – данное сравнение основано, видимо, на тексте Плиния, «Естественная история», VII, 1, 2, где так же описывается природная защита всех растений и животных, при том что человек рождается голым.

...<человек создан> для того, чтобы мирно повелевать всеми животными – Быт 1. 28.

...В железном веке, в царствование Юпитера, среди людей расплодилось зло – здесь и далее компиляция 3-й главы «Бытия» и первой книги «Метаморфоз» Овидия.

...земля начала родить крапиву, чертополох, терновник и прочее – Быт 3. 18: «терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевой травой».

...как природа подала человеку мысль вооружиться и с какой части тела начал он свое вооружение <...> Прямое на это указание мы находим у еврейского вождя и философа Моисея – Быт 3. 7: «И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания».

...Вот почему галантный Гален в книге первой *De spermate* – Гален, «О семени», I, 15.

...те самые камни, благодаря которым Девкалион и Пирра восстановили род человеческий – Овидий, «Метаморфозы», I, 381–415.

...погибший во время потопа, о коем так много писали поэты – в оригинале *le deluge Poétique* «поэтический потоп», причем последнее слово добавлено в издании 1552 г., видимо, чтобы подчеркнуть отличие от библейского потопа.

[9]

...О том, как Панург советуется с Пантагрюэлем, стоит ли ему жениться – возможно, в данной главе, где Пантагрюэль и Панург обсуждают, стоит ли последнему жениться, а вернее, Пантагрюэль попеременно отвечает положительно и отрицательно на реплики Панурга, Рабле мог вдохновляться различными источниками: диалогом «Эхо» из «Разговоров запросто» Эразма Роттердамского; «Фацециями» Поджо Браччолини (104); средневековой «рикошетной песней», которая не дошла до нас; строкой из «Лисистраты» («Ах, и с ними невозможно – и без них никак нельзя», 1039, в рус. переводе 1054); рассуждением на ту же тему мудреца Бианта, которое приводит Авл Геллий («Аттические ночи», V, 11, 1–2: «О том, что силлогизм Бианта о браке не может считаться имеющим обратную силу (*ἀντιστρέφον*)»). (1) Некоторые считают, что и знаменитый ответ Бианта, прославленного мудреца, является имеющим обратную силу (*ἀντιστρέφον*) подобно тому Протагорову изречению, о котором я только что сказал. (2) Ведь когда кто-то спросил Бианта, следует ли брать жену или жить холостяком, он сказал: «Либо ты возьмешь красивую, либо безобразную; и если ты возьмешь красивую, то получишь общедоступную, если же возьмешь безобразную, то получишь наказание; ни то ни другого принимать не нужно; итак, жениться не следует»; наконец, известной проповедью *De viduitate* («О вдовстве») Жана Ролина, клюнийского монаха, в которой женщина спрашивает у кюре и у церковных колоколов, надо ли ей выходить замуж.

...Раз уж вы бросили жребий – ср. Эразм, «Адагии», «Бросить жребий» (*Omnem iacere aleam*), I, iv, 32.

...сказано в Писании: *Veh soli* – Еккл 4. 10: «Горе одному».

...изречение Сенеки справедливо и исключений не допускает: как сам ты поступал с другими, так, будь уверен, поступят и с тобой – высказывание Сенеки («Письма к Луцилию», 94), возможно, само позаимствовано из «Мимов» Публилия Сира.

...Мудрец сказал: «Где нет женичины, – я разумею мать семейства, законную супругу, – там больной находится в весьма затруднительном положении» – Сир 36. 27.

[10]

...с состоянием бесов, которые искушают отшельников в пустынях Фиваиды и Монтсеррата – Фиваида в Египте – известное место скопления монастырей и отшельнических пещер. Монтсеррат – бенедиктинский монастырь, центр религиозной жизни Каталонии.

...Я послезавтра, коль не задержусь, / Во Фтии плодородной окажусь – Гомер, «Илиада», IX, 363 («В третий я день, без сомнения, Фтии достигну холмистой» в пер. Гнедича). Ср. «Апофтегмы» Эразма (III, Сократ, 39).

...<Сократ>, когда ему в темнице прочли стих из речи Ахилла, <...> догадался, что умрет через три дня, и уверил в том Эсхина, как об этом повествуют Платон в Критоне, Цицерон в книге первой *De divinatione* и Диоген Лаэртский – В платоновском «Критоне», 44 b Сократ видит во сне смерть в белых одеждах, которая и цитирует Гомера. Цицерон пересказывает этот эпизод («О дивинации», I, xxv, 52), а Эсхин был наперсником Сократа согласно Диогену Лаэртскому («Жизнь философов», II, vii, 60) – у Платона Сократа в тюрьме посещает Критон.

...Тому примером служит Опилий Макрин; он страстно желал узнать, будет ли он римским императором – Дион Кассий, «Римская история», LXXXVIII, 40.

...(Илиада, песнь восьмая) – Гомер, «Илиада», VIII, 102–103. В пер. Гнедича: «Старец, жестоко тебя ратоборцы молодые стесняют! / Сила оставила, старость тебя удручила лихая».

...Макрин был уже стар, и правил он империей всего лишь год и два месяца, а затем юный и могучий Элагабал низвергнул его и умертвил – Марк Аврелий Антонин Элагабал, или Гелиогабал,

римский император (218–222) из династии Северов, сверг своего предшественника Макрина (рим. император в 217–218 гг.) путем военного мятежа, во время которого Макрин пытался бежать, но был убит.

...Тому примером служит Брут; он пожелал узнать, каков будет исход Фарсальской битвы, в которой он пал – знаменитый убийством Цезаря Марк Юний Брут покончил с собой после поражения в сражении республиканцев с цезарианцами Антонием и Октавианом при Филиппах (42 г. до н.э.), а не пал в Фарсальском сражении (48 г. до н.э., решающее сражение между Помпеем и Цезарем, где он был на стороне проигравшего Помпея, но был прощен Цезарем).

...и ему вышел стих из речи Патрокла (Илиада, песнь шестнадцатая) <...> Боевым кличем в той битве было имя Феба. – У Плутарха («Брут», 24) не совсем так: на пиру задолго до смерти Брут сам неожиданно, подняв чашу, произносит фразу из «Илиады» (XVI, 849) «Грозная Мойра меня и сын Летó погубили» (в пер. М.Е. Грабарь-Пассек), что, учитывая данный им солдатам в сражении при Филиппах пароль «Аполлон», сочли впоследствии предзнаменованием его поражения. В «Илиаде» эти слова принадлежат умирающему Патроклу. Та же история излагается у Валерия Максима («Достопамятные деяния и изречения», I, v, 7).

...Также и гадания по Вергилию пользовались известностью – этот и последующие примеры гаданий по книгам относительно возможной власти содержатся в «Истории Августов» (Historia Augusta), которую цитирует и Тирако (André Tiraqueau, 1488–1558), приятель и патрон Рабле, автор таких трактатов, как «О брачном законодательстве» (1513), «О знати» и «О праве перворожденных» (1549). Возможно, Рабле при создании своего текста пользовался как первоисточником, так и рукописью (а впоследствии и книгой) своего друга.

...как это произошло с Александром Севером, которому открыл его судьбу следующий стих (Энеида, песнь шестая) – Вергилий, «Энеида», VI, 851 «Римлянин! Ты научись народами править державно»; «История Августов», XVIII (Александр Север), 14.

...мучимый сомнением, что о нем думает и какие чувства питает к нему Траян, <император Адриан> прибегнул к гаданиям

по Вергилию и напал на следующие строки (*Энеида*, *песнь шестая*) – Вергилий, «*Энеида*», VI, 808–810 «Кто это там, вдалеке, ветвями оливы увенчан, / Держит святыни в руках? Седины его узнаю я! / Римлян царь, укрепит он законами первыми город»; «*История Августов*», I (Адриан), 2. Впоследствии Траян усыновил Адриана, и тот стал императором.

...Сошлюсь на достославного Клавдия Второго, императора римского, который прочел следующий стих (*Энеида*, *песнь шестая*) <...> И точно: он царствовал только два года – Вергилий, «*Энеида*», I, 265 «Третье лето доколь не узрит, как он Лацием правит»; «*История Августов*», XXV (Божественный Клавдий), 10.

...Тому же Клавдию, когда он пожелал узнать судьбу своего брата Квинтила, которому он намеревался передать бразды правления, вышло (*Энеида*, *песнь шестая*) – Вергилий, «*Энеида*», VI, 869 «Юношу явят земле на мгновенье сѹдѣбы»; «*История Августов*», XXV (Божественный Клавдий), 10. Там же, в 12 главке, рассказывается, что Квинтилл был действительно убит на семнадцатый день своего правления.

...Та же участь постигла императора Гордиана Младшего. – «*История Августов*», XX (Трое Гордианов), 20: Гордиану Младшему (император в 238 г.) выпадает при гадании тот же стих из Вергилия; он погиб в битве у Карфагена.

...Клавдию Альбину, пытавшему свою судьбу, вышло следующее (*Энеида*, *песнь шестая*) – Вергилий, «*Энеида*», VI, 857–858 «Тот, кто Рим укрепит, поколебленный тяжкою смутой, / Кто, воюя в седле, разгромит пунийцев и галлов»; «*История Августов*», XII (Клодий Альбин), 5: военный император Альбин (196–197 гг.) управлял легионами в Галлии, а под пунийцами, как пишет автор «*Истории Августов*» Юлий Капитолин, видимо, следует понимать Септимия Севера, выходца из Африки, с которым Альбин сражался и в конце концов проиграл.

...императора Д. Клавдия – под D. Claude, видимо, следует понимать Divus Claude, Божественный Клавдий.

...<Клавдий> допытывался, будут ли у него потомки, и ему вышло (*Энеида*, *песнь первая*) – Вергилий, «*Энеида*», I, 278 «Я же могуществу их не кладу ни предела, ни срока»; «*История Августов*», XXV (Божественный Клавдий), 10: император Константин

Великий считал императора Клавдия II Готского (268–270) своим предком.

...*Сошлюсь на господина Пьера Ами; он пытал судьбу, удастся ли ему спастись от козней нечистой силы* – комический переход от перечня кратковременно правивших императоров и их гаданиях к тому, кто вряд ли известен читателю. Пьер Ами (Pierre Amy), монах-минорит, приятель Рабле по монастырю Фонтенелле-Конт (Вандея). Как и Рабле, был лишен греческих книг и нашел убежище у бенедиктинцев общины Сен-Мёмен близ Орлеана. Согласно некоторым документам, просил о переводе в бенедиктинцы.

...(*Энеида, песнь третья*) – Вергилий, «Энеида», III, 44 «Горе! Беги от жестокой земли, от алчных прибрежий!»

[11]

...*Богомерзкую книгу «О том, как забавляются гаданием на костях» в давние времена сочинил сам враг человеческого рода в Ахайе, близ Буры* – Libro delle sorti («Книга гаданий на костях») Лоренцо Спирито Гвальтьери из Перуджи (Lorenzo Spirito Gualtieri, 1426–1496) издана в 1482 году и переведена с итальянского на французский в 1528. Согласно Платону («Федр», 274 d), изобретателем игры в шашки и кости был египетский бог Тевт.

...*перед статуей Геркулеса Бурского* – Павсаний, «Описание Эллады», кн. VII (Ахайя), 25, 10. Агриппа в «Оккультной философии» (III, 52) пишет об оракуле Геркулеса в местечке Бура в Ахайе, где на доску с различными оракулами после молитвы кидали четыре кости (от жертвоприношений), и жрец интерпретировал сочетание того, что выпадало на костях и изречений на доске.

...*Вам известно, что мой отец Гаргантюа запретил эту книгу во всем своем королевстве* – аллюзия на Франциска I (1515–1547), запретившего во Франции игру в кости?

...*Пожалуйста, не ссылайтесь на Тиберия, удачно бросившего бабку в Апонский источник Герионова оракула* – Светоний, «Жизнеописания двенадцати цезарей», «Тиберий», 14: «Потом, на пути в Иллирик он посетил близ Патавия оракул Гериона, и ему выпало указание для ответа на свои вопросы бросить золотые кости в Апонов ручей, а когда он это сделал, кости легли самым

счастливым броском: их и сейчас можно видеть там под водою». Оракул Герiona известен только из этого места; Апонов источник находится южнее Падуи (Патавия).

...согласно толкованию, которое дает Мерлин Коккай во второй книге *De patria diabolorum* – Мерлин Коккай – псевдоним Теофиля Фоленго (1491–1544), известного автора макаронической поэзии «Макаронея» (1517, переведена в прозе на французский в 1606); в предисловии Фоленго утверждает, что Коккай якобы написал пять книг «О родине дьяволов» (о нем же в «Пантагрюэле», гл. 7).

...Возьмем на раскрывшейся странице стих шестнадцатый. Число мне нравится – согласно Агриппе («Об оккультной философии», II, 15), в этом числе содержится число ветхозаветных пророков, а также апостолов и евангелистов.

...Первый раз вы промахнетесь, и это вам будет зачтено за пятнадцать, зато поутру как раз попадете в цель, – вот и выйдет шестнадцать. – аллюзия на старинную игру в мяч (*jeu de raquette*, жё-де-пом), прообраз современного тенниса, который позаимствовал из нее, помимо ракеток и общей идеи, систему ведения счета, где при промахе противник получает 15 очков. «Поутру» – в оригинале *au desjucher*, от *jucher* – жердочка, на которой спят птицы и с которой они слетают утром (откуда и приставка *de-*).

...Ну уж нет, за тем отважным бойцом, который стоит у меня на часах пониже пупа, упущений не числится. – во французском «упущений» – *solécisme*, ср. Марциал, «Эпиграммы», XI, 19 «*Saepe solécismum mentula nostra facit*».

...богинь Тенит, которые, как я слышал, председательствовали в гадальной палате – Фест, XVIII «Тениты считались богинями гаданий, от слова *tenendi* «владение» – что у них была сила владения».

[12]

...шестнадцатый по счету стих гласил следующее – более полно эта фраза выглядит так (Вергилий, «Буколики», IV, 62–63) «Мальчик, того, кто не знал родительской нежной улыбки, / Трапезой бог не почтит, не допустит на ложе богиня». Это известный

стих с не совсем очевидной интерпретацией. Рабле, видимо, следует за трактовкой Сервия, который под ребенком, которому не улыбнулась мать, предлагает видеть Вулкана: его сбросили с неба и, таким образом, изгнали из-за стола богов; кроме того, Минерва отвергла его сватовство. Ср. ниже: «Выходит, я и есть Вулкан, о котором говорит поэт?»

...согласно учению древних этрусков, манубии (так назывались у них вулканические молнии) исходят только от Минервы – Сенека, «Естественно-научные вопросы», II, 41 и далее, пишет, следуя Цецинне, что молнии (manubias) бывают от Юпитера, как говорят этруски.

...доказательством может служить пожар на кораблях Аякса Оилида – Вергилий, «Энеида», I, 39–41 «Но ведь сил достало Палладе / Флот аргивян спалить, а самих потопить их в пучине / Всех за вину одного Оилеева сына Аякса?» Аякс в присутствии Афины Паллады оскорбил в ее храме Кассандру.

...и от головного ее отца Юпитера – «головного», так как Минерва родилась из головы Юпитера.

...Однако ж когда боги увидели, что титанам удалось взгромоздить гору Оссу на гору Пелион, а гору Олимп раскатать, чтобы водрузить ее на самый верх – Вергилий, «Георгики», I, 281–282 «Трижды на Пелион водрузить они Оссу пытались, / Трижды на Оссу взвалить Олимп многолиственный. Так-то!»; ср. также Овидий, «Метаморфозы», I, 155 (гигантомахия у него смешивается с титаноманией и битвой с Алоадами), Аполлодор, «Мифологическая библиотека», I, 6.

...было постановлено временно удалить с небес и сослать к истокам Нила всех срамниц-богинь, предварительно превратив их в ласок, кунниц, летучих мышей, лягушек и так далее – Овидий, «Метаморфозы», V, 325–331 «Будто потом и туда появился Тифей земнородный, / И что бессмертным пришлось под обманными видами скрыться. / “Стада вождем, – говорит, – стал сам Юпитер: Либийский / Изображаем Аммон и доньне с крутыми рогами! / Вороном сделался Феб, козлом – порождение Семелы. / Кошкой – Делийца сестра, Сатурния – белой коровой / Рыбой Венера ушла, Киллений стал ибисом-птицей”».

...Ведь этот хромоногий мерзавец потребовал, чтобы его признали рогоносцем по повелению свыше и в присутствии всех

богов. – Гомер, «Одиссея», V, 260–366, имеется в виду ситуация, когда Гефест поймал сетью Афродиту и Марса и позвал всех богов, чтобы публично заявить об измене супруги.

...Такого мерзкого блудника, такого пакостного корд... т.е., я хотел сказать, бордельера – кордельерами назывались французские францисканцы.

...<Зевса> на острове Кандии, на горе Дикте, выкормила свинья, если только не врет Агафокл Вавилонянин – Королевством Кандия назывался о. Крит в период владычества Венецианской республики (1202/1212–1645/1669). На горе Дикте, по преданию, Зевс был спрятан после рождения. Сведения из произведения «О Кизике» Агафокла передает Афиней («Пир мудрецов», IX, v, 375), якобы свинья была у критян священным животным из-за того, что она вскормила Зевса и хрюканьем скрывала его младенческие крики.

...Недаром идет молва, что его поила молоком коза Амалфея – другая, более распространенная версия воспитания Зевса (излагается, среди прочего, в «Мифологической библиотеке» Аполлодора, I, 1, 7).

...За это козление поклонявшиеся Аммону велели изобразить Юпитера в виде козлящего козла, козла с рогами – Юпитер Аммон действительно изображался с рогами, ср. Геродот, «История», II, 42.

...он полез на третью часть света <...> т.е. на Европу – аллюзия на известный сюжет о похищении Зевсом в виде быка Европы?

...Я ему не простофиля Амфитрион – начало перечня обманутых распутством Юпитера мужей или отцов. Амфитрион – муж Алкмены, родившей от Зевса, принявшего облик ее мужа, Геракла (Гомер, «Илиада», XIV, 323).

...не дурачок Аргус со всей его сотней очков – стоглазый Аргус стерег по приказу ревливой Геры Ио, которая впоследствии родила Эпафа, предка Геракла. Аргуса убил Меркурий.

...не трусишка Акрисий – Гораций, «Оды», III, 16, 5 «Но над стражем ее, робким Акрисиєм». Отец Данаи, испугавшийся пророчества, что его убьет свой собственный внук, и заточивший дочь в башню, где ее посетил в виде золотого дождя Зевс, и она затем

родила Персея (ср. также Софокл, «Антигона», 944–950; Гигин, «Мифы», 63).

...не какой-то неведомый *фивянин Лик* – фиванский герой Лик (Аполлодор, «Мифологическая библиотека» III, 10, 1; 5, 5), чью дочь, или племянницу, Антиопу соблазнил Зевс в облике сатира, и она родила Зета и Амфиона.

...не *разиня Агенор* – тирский царь Агенор, отец Европы, которую Зевс соблазнил в облике быка.

...не *размазня Асоп* – речное божество Асоп – отец Эгины, которую Зевс соблазнил в облике огня (Аполлодор, «Мифологическая библиотека» I, 9, 3; III, 12, 6). «Размазнёй» его Рабле называет в намеки на мутность воды реки Асоп.

...не *мохногий Ликаон* – аркадский царь Ликаон, согласно варианту мифа, отец Каллисто, которую Зевс соблазнил в облике Артемиды или Аполлона, и она родила Аркада (Овидий, «Метаморфозы» II, 425–437; Аполлодор, «Мифологическая библиотека», III, 8, 1–2).

...не *неповоротливый тосканец Корит* – итальянский царь Корит, муж Электры, одной из Плеяд, которая родила от Зевса Дардана (Аполлодор, «Мифологическая библиотека» III, 10, 1; Сервий, комментарий к «Энеиде», III, 167).

...не *долговязый Атлант* – титан Атлант, отец Плеяды Электры.

...*Пусть себе хоть сотни раз превращается в лебедя* – эпизод с соблазнением Леды (Гигин, «Мифы», 77). Большой список превращений Зевса содержится в «Метаморфозах» Овидия, на полотне, которое ткёт Арахна (VI, 103–121).

...в *быка* – см. выше о Европе.

...в *сатира* – см. выше об Антиопе.

...в *золото* – см. выше о Данае.

...в *кукушку* – именно в этом обличье лишил он невинности сестру свою *Юнону* – Зевс полюбил Геру и превратился в кукушку, чтобы быть с нею (Павсаний, «Описание Эллады» II, 17, 4).

...в *орла* – имеется в виду эпизод с похищением Ганимеда (Феокрит, «Идиллии», XX, 41; Овидий, «Метаморфозы», X, 155–161).

...в барана – см. выше эпизод бегства богов во время битвы с Тифоном, или же соблазнение Бизальтиды, дочери царя Фракии (Овидий, «Метаморфозы», VI, 117).

...в голубя – в этом образе он влюбился в деву Фтию, живущую в Эгионе – Элиан, «Пёстрые истории», I, 15. Эгион – порт в западной Ахайе на реке Селин, в Коринфском заливе.

...в огонь – речь о наяде Эгине, дочери речного бога Асопа и впоследствии матери Эака (Овидий, «Метаморфозы», VI, 113).

...в змея – есть различные мифы с превращением Зевса в змею: для соблазнения Реи (Орфический фрагмент, 58; Гесиод, «Теогония», 56); Деметры, или Персефоны, в тексте героиня названа Деоидой (Овидий, «Метаморфозы», VI, 114).

...это еще что – в блоху – возможно, аллюзия на превращение Зевса в муравья ради совращения Евримедусы, будущей матери Мирмидона (Климент, «Протрептик», 39, 6).

...в эпикурейские атомы или, магистронострально выражаясь, во вторичные интенции – под *magistri nostri* подразумеваются профессора Сорбонны; понятия первичных и вторичных интенций разрабатывали, среди прочих, францисканцы Дунс Скот (1266–1308) и Уильям Оккам (1285–1347). Для Оккама, например, первичная интенция – это обозначение любого природного знака, который сам по себе не является знаком другого знака (человек, животное, Сократ, белизна, существование и т.д.). Вторичная интенция – это знаки первичной интенции, или концепты (род, вид и т.д.).

...Сатурн со своим отцом Ураном – эпизод осклопления Урана (Гесиод, «Теогония», 178–182; Аполлодор, «Мифологическая библиотека», I, i, 4).

...Сенека мне это предрек, а Лактанций подтвердил – Лактанций, «Божественные установления», I (О ложной религии), xvi, 10: обсуждая абсурдность возможности размножения богов, Лактанций ссылается на несохранившийся текст Сенеки о моральной философии, где тот якобы вопрошал, почему в какой-то момент Юпитер прекратил производить потомство, не потому ли, что испугался, что кто-то с ним поступит так же, как он – с Сатурном? Ср. также «Божественные установления», I, 12.

...то же, что Рея с Аттисом – фригийская богиня Кибела ассоциировалась с минойским культом Реи (а также Геи и Деметры).

Согласно Павсанию («Описание Эллады», VII, 17, 5), Зевс породил двуполое существо Агдистис (Кибелу), у которого боги отсекали мужские органы, из них выросло миндальное дерево, от плода которого у речной нимфы Сангарии родился сын Аттис. Агдистис влюбилась в Аттиса, но родичи решили женить его на царевне. Тогда Агдистис явилась в божественной славе на брачный пир, Аттис лишился рассудка и оскотил себя. Ср. также Катулл, 63.

...*И уж папой ему тогда не быть, ибо testiculos non habet* – аллюзия на папессу Иоанну и последовавший за этим эпизодом обычай проверять пол будущего папы.

...*Панургу вышел следующий стих*: – Вергилий, «Энеида», III, 30 «Весь задрожал я, и кровь, леденя, застыла от страха».

...*Уж погуляет по ней палочка!* – в оригинале *Martin baston en fera l'office*. В житии св. Мартина из Верту (ум. около 601 г.) рассказывается, что он воткнул свою палку в то место, которое впоследствии стало двором аббатства, а палка проросла и превратилась в раскидистый ягодный тис. Также «Мartiном» нередко, видимо, называли палку погонщиков ослов (или изначально самих ослов), ср. у Лафонтена, «Басни», IV, 5 «Осёл и собачонка», погонщик осла говорит «*Dit le maître aussitôt. Holà, Martin bâton.*» / *Martin bâton accourt: l'âne change de ton*» («Погонщик говорит: «Эх, палка-Мартэн!» / Палка-Мартэн спешит на помощь – и осел запел на новый лад»).

...*как сожрал свою жену Камблет, царь лидийский* – Афиней («Пир мудрецов», X, 8) и Элиан («Пёстрые истории», I, 27) рассказывают о лидийском царе Камблете, который был до такой степени обжорой, что однажды съел свою жену. Обнаружив утром ее руку у себя в зубах, он покончил с собой, перерезав себе горло.

...*Как говорится: Жан стоит двух <...> А разве я Жан?* <...> *Я имел в виду игру в трик-трак*. – «Жан» – неудачный бросок в триктраке (нардах), а также традиционное название роконосца.

...*а Геркулес выходит один против двоих не решался* – Эразм, «Адагии», I, v, 39 *Ne Hercules quidem advesus duos*. Ср. также Платон, «Федон», 89 с и «Евтидем», 297 с: Платон упоминает эту поговорку и помещает ее в контекст эпизода сражения Геракла с гидрой и раком (второй подвиг), когда тот позвал на помощь своего племянника Иолая (Аполлодор, «Мифологическая библио-

тека», II, v, 2). Эразм также приводит эти места из Платона и комментирует их.

...В третий раз Панургу вышел следующий стих – Вергилий, «Энеида», XI, 782 «Женскую жадность разжег в ней убор драгоценный Хлорея».

...Сатирик вполне прав, когда говорит, что женщине, пылающей возвышенной любовью, иной раз доставляет удовольствие что-либо утащить у своего возлюбленного. – Ювенал, «Сатиры», VI, 208–210 (в рус. переводе Д.С. Недовича только 209) «Если сама влюблена, все же рада и мучить и грабить».

...Равным образом небольшие размолвки и ссоры, вспыхивающие по временам между любовниками, лишь оживляют и возбуждают любовь – Теренций, «Девушка с Андроса», III, 3, 23 «Разлад в любви – любви возобновление».

...Приговоры Судьбы и Фортуны обжалованию не подлежат <...> так утверждают древние законоведы и знаменитый Бальд (L. ult. C. de leg.) <...> Поэтому все, кто ей подвластен, не могут восстановить положение, существовавшее до ее приговора, о чем Бальд прямо говорит в L. Ait praetor. § ult ff. de minor – обе юридические цитаты позаимствованы у Тирако, De iure primigeniorum (quaestio XVII, opinio I, 95 и 96), о котором см. выше. Cod. lib. I, tit. 14 de Legibus et Constitutionibus; Digestae, IV, tit. IV, 7.

Составление А.В. Журбиной

БИБЛИОГРАФИЯ

АЛЬМАНАХИ КАРАМЗИНА «АГЛАЯ» (1794–1795) И «АОНИДЫ» (1796–1799): МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ

«Исчезли призраки моей юности...» Н.М. Карамзин и его альманахи

Альманахи Николая Михайловича Карамзина «Аглая» и «Аониды» – явление в истории русской журналистики уникальное. Составлены сборники исключительно из произведений отечественной словесности, написанных современными авторами, и составлены с выбором писателем-сентименталистом. Роль составителя в этом выборе была определяющей. Солидные книжки, пронизанные чувствами, «полезными для сердца и разума», вызвали небывалый всплеск интереса к чтению в среде самых разных сословий и во многом повлияли на литературные предпочтения произведениям нового стиля, «чуткого» к мироощущению просвещенного человека.

Альманах «Аглая» выходил в свет по одной книге в год в 1794 и 1795 гг. Свое поэтическое название получил от хариты, античной музы, которой Николай Михайлович уподобил воспеваемую им грацию, Елизавету Ивановну Протасову, будущую свою жену (с 1801 г.). «Аглая» предназначалась как преемница «Московского Журнала», но с более свободным сроком выпуска, чем журнал, и с «более выработанным слогом». В обращении к читателю Н.М. Карамзин заметил: «Наконец – вот первая книжка! В ней одни Русские сочинения, переводов нет. На этот раз приятели мои сообщили мне только две пьесы: басню “Чиж” и “Разлуку”, написанные И.И. Дмитриевым и М.М. Херасковым».

В первой книжке «Аглая» Н.М. Карамзин поместил «Путешествие в Лондон» – отрывок из второй части «Писем Русского Путешественника» и статьи: «Что нужно знать автору» и «Нечто о науках, искусствах и просвещении», уточняющие мировоззренческие позиции составителя.

Во второй книжке «Аглаи», выпущенной в свет в 1795 г. в Москве, в той же Университетской типографии, опубликован ряд важнейших произведений самого Н.М. Карамзина – воображаемая повесть «Сиерра-Морена», литературная зарисовка «Афинская жизнь», было и продолжение «Писем Русского Путешественника» – отрывок «Париж». Западнические иллюзии потускнели и окончательно исчезли. Европа позади: «Там лежит страннический посох мой, и тлеет во прахе!» – восклицает Николай Михайлович. Родина, своя национальная культура отныне будут питать его душу. Завершает второй выпуск «Аглаи» богатырская сказка «Илья Муромец», по складу напоминающая народную былинку. Альманах также посвящен Е.И. Протасовой: «Тебе, любезная, посвящаю мою Аглаю, тебе, единственному другу моего сердца!» Сколько здесь личного, и во всем издании – семейного, альбомного. Такие книжки читали, не выпуская из рук, так что вскоре пришлось прибегнуть к переизданию «Аглаи».

Другой альманах Н.М. Карамзина «Аониды» выходил в свет тремя книгами в 1796, 1797 и 1799-м годах. Название дано в честь муз искусства, обитающих, согласно сказанию, на горе Геликон. Все эти книжки по составу оказались непохожими на выпуски «Аглаи». Там был, по существу, один автор стихотворных и прозаических текстов, за исключением оговоренных, здесь же участвовало множество поэтов из близкого круга Николая Михайловича, либо из начинающих, подающих надежды. Само собою, все тексты отбирались лично самим издателем. Под собственными произведениями он подписи не ставил – у него право преимущественное, остальные авторы обходились намеками на свои фамилии, чаще прозрачными, или весьма затейливыми, жеманными, во вкусе века, криптонимами. Издатель во вступлении заметил: «Надеюсь, что публике приятно будет найти здесь вместе почти всех наших известных Стихотворцев; под их щитом являются на сцене и некоторые молодые Авторы, которых зреющий талант достоин ее внимания». Из маститых поэтов в «Аониде» печатаются:

М.М. Херасков, Г.Р. Державин, Н.А. Львов, И.И. Дмитриев, В.В. Капнист и В.Л. Пушкин. В тех же книжках помещены произведения стихотворцев второго ряда: Н.П. Николева, М.Н. Муравьева, Ю.А. Нелединского-Мелецкого, В.В. Измайлова, Д.И. Хвостова. В образцах представлены менее известные, а то и просто начинающие поэты: Д.И. Вельяшов-Волынцев, Д.А. Кавелин, А.Ф. Малиновский, М.Л. Магницкий и А.Л. Магницкая, А.И. Клушин, Е.П. Свиньина, Ф.М. Брянчанинов и др. Словарь псевдонимов И.Ф. Масанова (М., в 4 т., 1957) во многом улавливает, раскрывая подлинные имена, скрытые под криптонимами. В «Аониадах», в отличие от «Аглаи», печатались и переводные произведения. Так, в книге первой помещены: «Гектор и Андромаха» – из «Илиады» Гомера и «Любитель нынешнего света» Вольтера, а во второй книге – «К луне» и «Минвана» Оссиана. Третья книга знакомила читателей с произведениями Лафонтена в переложении Александра Васильевича Храповицкого, с другими переводами зарубежных писателей. Разумеется, выше по мастерству и вдохновенному восторгу в книжке первой стало переложение Шестого псалма «Господи, да не яростию Твоею обличиши мене...», выполненное Иваном Андреевичем Крыловым с названием «Ода». Ермил Костров переложил Восемнадцатый псалом царя Давида.

Программа издания сборников «Аонида» ставила главной целью – собрать вместе литературные силы и раскрыть возможности дальнейшего роста отечественной словесности. «Я с удовольствием беру на себя должность издателя, желая с своей стороны всячески способствовать успехам нашей Литтературы, которую люблю и всегда любить буду», – заявлено было Н.М. Карамзиным в первой книжке «Аонида, или Собрание разных, новых стихотворений». По ее выходе, кроме благосклонных откликов, раздавались и упреки за публикацию некоторых слабых стихов. Николай Михайлович в следующем выпуске сборника на это ответил так: сделано это было «отчасти для ободрения незрелых талантов, которые могут созреть и произвести со временем нечто совершенное; отчасти для того, чтобы справедливая критика публики заставила нас писать с большим старанием... чтобы не очень хорошее тем более возвышало цену хорошего». Таким образом, проблема литературного мастерства выдвигалась на видное место. Живость мысли, истина, непритворная чувствительность, искренность

и простота изображения – вот необходимые признаки качества произведения. Истинный поэт и в обыкновенных вещах найдет поэтическую сторону, и она полюбится читателям.

Если альманахи Н.М. Карамзина «Аглая» и «Аониды» целиком были посвящены русской словесности, то его сборник «Пантеон иностранной словесности» 1798 г. (Кн. I и II) знакомил русскую публику с литературой мировой и тем первым сборником родственен разве что эстетическому вкусу и предпочтениям самого составителя. Здесь продолжились «Письма Русского Путешественника» и перевод из Оссиана. Из «Освобождённого Иерусалима» Тасса выбран «Армидин сад», дан в переводе. Много внимания уделено красноречию Цицерона, его мыслям о творческом начале бытия. Персидская поэзия представлена сочинением Саади. Шутки и затейливые рассказы рассчитаны на развлечение. Таким образом, Николай Михайлович Карамзин привнес в отечественную литературу и свое, и чужое. Чужое, но не чуждое нашему просвещению.

АГЛАЯ

*Les Esprits bien faits qui ne peuvent
lire mon coeur, liront au moins mon livre.*

Боннет.

(Перевод: «Славные умы, которые не могут читать в моем сердце, прочтут хотя бы мою книгу» – перевод цитаты с фр. А.Р. Акчуриной, автора диссертации «Эволюция Н.М. Карамзина-журналиста» (М., 2013)).

Книжка I

1794

Москва. В Университетской Типографии, у Ридигера и Клаудия.

С. 2.

Одобрение.

По приказанию Императорского Московского Университета Господ Кураторов я читал книгу под заглавием Аглая, и не нашел в ней ничего противного наставлению, данному мне о рассматривании печатаемых в Университетской Типографии книг: почему она и напечатана быть может. Логики и Метафизики Профессор, Цензор печатаемых в Университетской Типографии книг

Андрей Брянцев.

Роспись:

I. [Н.М. Карамзин]. Приношение Грациям. (Стихотворение). С. 3–5. Подпись: Июня 3, 1793.

II. [Н.М. Карамзин]. Цветок на гроб Моего Агатона. С. 6–21. Подпись: Марта 28.

III. [Н.М. Карамзин]. Надгробная надпись Боннету. (Стихотв.). С. 22. Б. п.

IV. [Н.М. Карамзин]. Волга. (Стихотв.). С. 23–26. Б. п.

V. [Н.М. Карамзин]. Что нужно автору? С. 27–31. Б. п.

VI. [Н.М. Карамзин]. К соловью. (Стихотв.). С. 31–32. Б. п.

VII. [Н.М. Карамзин]. Нечто о науках, искусствах и просвещении. С. 33–76. Б. п.

VIII. [Н.М. Карамзин]. Эпитафия Калифа Абдулрамана. (Стихотв.). С. 77. Б. п.

IX. [Н.М. Карамзин]. Весеннее чувство. (Стихотв.). С. 78–79. Подпись: Майя 1, 1793.

X. [Н.М. Карамзин]. Нежность дружбы в низком состоянии. С. 80–90. Б. п.

XI. [И.И. Дмитриев]. Чиж. (Подражание). (Стихотв.). С. 90–91. Подпись: И.Д.

XII. [Н.М. Карамзин]. Остров Борнгольм. С. 92–118. Б. п.

XIII. [Н.М. Карамзин]. Путешествие в Лондон. (Отрывок из второй части Писем Русского Путешественника). С. 119–142. Б. п.

XIV. [М.М. Херасков]. Разлука. (Стихотв.). С. 143. Подпись: М. -въ.

XV. Н.М. Карамзин. От сочинителя. С. 144.

Содержание. С. 145.

«От сочинителя (с. 144):

Я не мог издать Аглаи ни весною, ни летом, ни осенью. На что говорить о причинах? Довольно, что я не мог. Важное для меня не важно для Публики.

Наконец – вот первая книжка! В ней одни Русские сочинения; переводов нет. На сей раз приятели мои сообщили мне только две пьесы: басню «Чиж» и «Разлуку».

Я желал бы писать не так, как у нас по большей части пишут; но силы и способности не всегда соответствуют желанию.

Любезные Читатели, любезные Читательницы! Ваше удовольствие, ваше одобрение есть драгоценный мой венок – он снова расцветет некогда на могиле моей, орошенной слезою милого сердца!

Вторая книжка выйдет не скоро.

Н. Карамзин».

АГЛАЯ

*Je veux que la mort me trouve plantant mes choux;
mais nonchalant d'elle, et encore plus de mou jardin imparfait.*
Montaigne.

(Перевод: «Я хочу, чтобы смерть застигла меня за посадкой капусты, но я желаю сохранить полное равнодушие и к ней, и, тем более, к моему не до конца возделанному огороду. Монтень». (Перевод цитаты с фр. А.С. Бобовича – из XX главы «Опытов» Монтеня, под названием «О том, что философствовать – это значит учиться умирать». – Монтень М. Опыты в трех книгах. – Калининград, 1997. Кн. 1. С. 88–89).

Книжка II

1795

Москва. В Университетской Типографии, у Ридигера и Клаудия.

С. 2.

Одобрение.

По приказанию Императорского Московского Университета Господ Кураторов, я читал сию книгу, под заглавием Аглая, Часть II, и не нашел в ней ничего противного наставлению, данному мне о рассматривании печатаемых в Университетской Типографии книг: почему она и напечатана быть может. Логики и Метафизики Профессор, и печатаемых в Университетской Типографии книг Ценсор,

Андрей Брянцев.

С. 3.

Посвящение: Другу моего сердца, Единственному, Бесценному...

С. 5–6.

Тебе, любезная, посвящаю мою Аглаю, тебе, единственному другу моего сердца!

Твоя нежная, великодушная, святая дружба составляет всю цену и счастье моей жизни. Ты мой благодетельный Гений, Гений хранитель!

Мы живем в печальном мире; но кто имеет друга, тот пади на колена, и благодаря Вездесущего!

Мы живем в печальном мире, где часто страдает невинность, где часто гинет добродетель; но человек имеет утешение – любить!

Сладкое утешение!.. Любить друга, любить добродетель!.. Любить, и чувствовать, что мы любим!

Исчезли призраки моей юности; угасли пламенные желания в моем сердце; спокойно мое воображение.

Ничто не прельщает меня в свете. Чего искать? К чему стремиться?.. К новым горестям? Они сами найдут меня – и я без ропота буду лить новые слезы.

Там лежит страннический посох мой, и тлеет во прахе!

Любезная! Сии две слезы, которые выкатились теперь из глаз моих, тебе же посвящаю!

8 Октября, 1794.

NB. И в сей книжке нет ничего, кроме Русских сочинений.

Роспись:

I. [Н.М. Карамзин]. Сиерра-Морена. Элегический отрывок из бумаг N. С. 7–18. Б. п.

II. [Н.М. Карамзин]. Послание к Д*** [И.И. Дмитриеву]. В ответ на его стихи, в которых он жалуется на скоротечность счастливой молодости. (Стихотв.). С. 19–25. Подпись: А.Б.В.

III. [Н.М. Карамзин]. Афинская жизнь. С. 26–60. Б. п.

IV. [Н.М. Карамзин]. Песнь Божеству. (Стихотв.). С. 61–62. Б. п.

V. [Н.М. Карамзин]. Мелодор к Филарету. С. 63–77. Б. п.

VI. [Н.М. Карамзин]. Филарет к Мелодору. С. 78–94. Б. п.

VII. [Н.М. Карамзин]. Молитва о дожде. (Стихотв.). С. 95–96. Б. п.

VIII. [Н.М. Карамзин]. Любезной, в день ее рождения. (Стихотв.). С. 97. Подпись: О.О.

IX. [Н.М. Карамзин]. Странность любви, или Бессонница. (Стихотв.). С. 98–101. Подпись: О.О.

X. [Н.М. Карамзин]. Дремучий лес. Сказка для детей, сочиненная в один день на следующие заданные слова: *Балкон, лес, шар, хижина, лошадь, луг, малиновый куст, дуб, Оссиан, источник, гроб, музыка*. С. 102–119. Б. п.

XI. [Н.М. Карамзин]. Письма Русского путешественника. (Париж, Апреля 29, 1790). С. 120–167. Б. п.

XII. [М.М. Херасков]. Притча. Скворец, Попугай и Сорока. (Стихотв.). С. 168–170. Подпись: М. – вь.

XIII. [Н.М. Карамзин]. Илья Муромец. Богатырская сказка. (Стихотв.). С. 171–201. Подпись: Продолжение вперед. (После с. 183 идет с. 194 – ошибка в пагинации страниц).

Содержание. С. 202.

Ошибки в печати. С. 203.

АОНИДЫ, ИЛИ СОБРАНИЕ РАЗНЫХ, НОВЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ

Книжка I

1796

*Chériffons le rival qui peut nous furpaffer;
Montrez moi mon vainqueur, & je cours l’embraffer.*

(Перевод:

«Обнимем же соперника, который может нас превзойти
Покажите мне победителя, и я побегу его обнимать» – пе-
ревод цитаты с фр. А.Р. Акчуриной, автора диссертации «Эволю-
ция Н.М. Карамзина-журналиста» (М., 2013)).

Москва. В Университетской Типографии, у Ридигера и
Клаудия.

С. 2.

По возложенной от Господ Кураторов на меня должности
я рассматривал книгу под заглавием: Аониды, Книжка I, и не на-
шел в ней противного наставлению, данному мне о печатаемых
в Университетской Типографии книгах. – Натуральной Истории
и Энциклопедии Профессор и Цензор,

Л. Прокопович-Антонской.

От Издателя.

Почти на всех Европейских языках ежегодно издается соб-
рание новых, мелких стихотворений, под именем «Календаря
Муз» (Almanac des Mufes); мне хотелось выдать и на Русском не-
что подобное, для любителей Поэзии: вот первый опыт, под назва-
нием «Аониды»¹. Надеюсь, что публике приятно будет найти здесь
вместе почти всех наших известных² Стихотворцев; под их щитом

¹ Другое имя Муз.

² Жалею – конечно, и читатели Аонид будут жалеть вместе со мною – что
любезный мой Д-въ [И.И. Дмитриев], который издал приятные свои стихотворе-
ния под именем «И мои безделки», не прислал мне ничего для сей первой книжки.

являются на сцене и некоторые молодые Авторы, которых зреющий талант достоин ее внимания. Читатель похвалит хорошее, извинит посредственное – и мы будем довольны. Я не позволил себе переменить ни одного слова в сообщенных мне пьесах.

Есть ли «Аонида» будут приняты благосклонно; есть ли (важное условие!) Университетская Типография, в которой они напечатаны, не потрепит от них убытку: то в 97 году выйдет другая книжка, в 98 третья, и так далее. Я с удовольствием беру на себя должность издателя, желая с своей стороны всячески способствовать успехам нашей Литтературы, которую люблю и всегда любить буду.

Н. Карамзин.

Роспись.

Н.М. Карамзин. От издателя. С. III–VI.

Оглавление. С. VII–X.

[М.М. Херасков]. Добродетель. С. 1–7. Подпись: М. Х.

В.[В]. Капнист. Уныние. С. 8–12.

Юрий Нелединской-Мелецкой. Хор, петый в день постановления бюста Ея Императорского Величества в зале Благородного Собрания, в Москве. С. 13–16.

[Н.М. Карамзин]. Послание к А.А. П. [Послание к Алексеичу Плещееву]. С. 17–27. Б. п.

[Н.М. Карамзин]. Ответ моему приятелю, который хотел, чтобы я написал похвальную оду Великой Екатерине. С. 28–29. Б. п.

[Г.Р. Державин]. Спящий Эрот. С. 30–31. Подпись: Д-нь.

[Н.А. Львов]. Ода Музыке или Семитония. С. 32–35. Подпись: Н. Л.

[И.А. Крылов]. Ода. Вольное подражание Псалму: «Господи, да не яростию твоею, и пр.». С. 36–40. Подпись: И. К-въ.

[Н.М. Карамзин]. К ней. С. 41–42. Б. п.

[Н.М. Карамзин]. Две песни. (I. «Мы желали – и свершилось!..». С. 43–45. – II. «Доволен я судьбою...». С. 45–47. – Приписание к Г-же N., которая желала, чтобы я списал для нее сии две песни. С. 47–48). Б. п.

[Н.М. Карамзин]. Соловей, галки и вороны. Басня. С. 49–50. Б. п.

- [Н.М. Карамзин]. Прощание. С. 51. Б. п.
[Н.М. Карамзин]. К самому себе. С. 52–55. Б. п.
[Н.М. Карамзин]. Песня. С. 56–58. Б. п.
[Н.М. Карамзин]. Время. С. 59. Б. п.
В. [В]. Капнист. Мотылек. С. 60–61.
[Ю.А. Нелединский-Мелецкий]. Послание к Темире. С. 62–66. Подпись: Ю. Н.М.
[Е.С. Урусова]. Весна. С. 67–69. Подпись: К.К. У-а.
Стансы. С. 70–72. Подпись: Е. Х-а. (или У-а?)
[Н.М. Карамзин]. К Мелодору, в ответ на его Песнь Любви. С. 73–74. Б. п.
[Н.М. Карамзин]. Хлоя. С. 75. Б. п.
[Н.М. Карамзин]. Лиля. С. 76–77. Б. п.
Н. [П.] Николев. Рондо. Блаженные памяти Государю Петру Первому. С. 78–81.
[М.М. Херасков]. Ответ на вопрос. С. 82. Подпись: Х.
[М.М. Херасков]. Птичка. С. 83. Подпись: Х.
[Е.П. Свиньина]. Милонова печаль. С. 84–86. Подпись: К...
С...а.
К.Д. Горчаков. Моя доля. С. 87–89.
К.Д. Горчаков. Мадригал. С. 90.
К.Д. Горчаков. Портрет. С. 91.
[Василий Пушкин]. Письмо к И.И. Д. С. 92–95. Подпись: Всл. Пшкн.
К.Г. Хованской. Стихи к Бюсту Великой Екатерины, поставленному в Благородном Московском Собрании. С. 96.
К.Г. Хованской. Послание К двум милым девицам одного имени, одних мыслей, вкуса и чувств. С. 97–101.
К.Г. Хованской. Рондо. С. 102–104.
[Н.М. Карамзин]. Гектор и Андромаха. Перевод из шестой книги «Илиады». С. 105–116. Б. п.
[Г.Р. Державин]. Хариты. На случай Русской пляски Их Императорских Высочеств, Великих Княжен, Александры Павловны и Елены Павловны, в 25 день Декабря, 1795 года. С. 117–119. Подпись: Д-нъ.
[В.В. Измайлов]. К одному майскому дню. На рождение Любезной. С. 120–121. Подпись: Вл. Изм.

[Кн. Е.С. Урусова]. Чувство дружбы. С. 122–124. Подпись: К.К. У-а.

К.Г. Хованской. Песня. (На голос: «Весел я тогда бываю»). С. 125–126.

В. Капнист. Гимн к Солнцу слепого старца Оссиана. С. 127–130.

[Кн. Е.С. Урусова]. Ручей. С. 131–134. Подпись: К.К. У-а.

[Кн. Е.С. Урусова]. Уединенные часы. С. 135–137. Подпись: К.К. У-а.

К.Д. Горчаков. К розе. С. 138–140.

[Д.И. Вельяшев-Волынцов]. Фиалка. С. 141–144. Подпись: Дм. Влшв. Влнцв.

[Д.И. Вельяшев-Волынцов]. Апрель. Пиесу сию посвящает Сочинитель своему другу А.В. Л. С. 145–152. Подпись: Д. Влшв. Влнцв.

[В.Л. Пушкин]. На смерть Лауры. Подражание Маруллию. С. 153–154. Подпись: Всл. Пшкн.

К.Г. Хованской. Сверчок. Басня. С. 155–157.

[В.В. Измайлов]. Второй вздох жизни. С. 158–159. Подпись: Вл. Изм.

[И.А. Крылов]. Вечер. С. 160–162. Подпись: И. К-въ.

[Н.М. Карамзин]. Соловей. С. 163–168. Б. п.

[Н.М. Карамзин]. Стихи на день рождения А.А. П-ой [Плещеевой]. 14 Октября. С. 169. Б. п.

[Г.Р. Державин]. Стихи на покорение Дербента Графом Валерианом Александровичем Зубовым. С. 170–172. Подпись: Д-нь.

[Г.Р. Державин]. Стихи на кончину Графа Федора Григорьевича Орлова. С. 173–174. Подпись: Д-нь.

[А.В. Лопухин]. К природе. С. 175–179. Подпись: Авр. Лпхн.

[В.В. Измайлов]. Песнь Богу. С. 180–182. Подпись: Вл. Изм.

[Н.А. Львов]. К Дорализе. С. 183–184. Подпись: Н. Л.

К. Гр. Хованской. Романс. С. 185–187.

К.Д. Горчаков. Ода Г... И... Ш-у. С. 188–191.

[В.В. Измайлов]. Разлука. С. 192–194. Подпись: Вл. Изм.

[А.В. Лопухин]. Весеннее утро. С. 195–198. Подпись: Ав. Лпхн.

Ермил [И.] Костров. Преложение Псалма 18. С. 199–202.

К.Г. Хованской. Романс. С. 203–205.

К.Г. Хованской. Незабудочки. (Песня на голос: «Выду ль я на реченьку»). С. 206–207.

Дм. [А.] Кавелин. Песня. С. 208–209.

Петр [С.] Кайсаров. Цветок. С. 210–211.

Петр [С.] Кайсаров. Ожидание друга. С. 212–213.

[А.Ф. Малиновский]. К умершему соловью. С. 214–216.

Подпись: А. Малин...

[Кн. Е.П. Свиньина]. Пчела. Басня. С. 217. Подпись: К-а С-а.

[Н.М. Карамзин]. Послание к женщинам. С. 218–249. Б. п.

[М.Л. Магницкий]. Ночь. С. 250–252. Подпись: М. Мгнцк.

[М.Л. Магницкий]. Стихи к пятилетней девушке, М* В* Н*. С. 253–256. Подпись: М. Мгнцк.

Ермил [И.] Костров. Стихи Его Сиятельству, Графу Алексею Григорьевичу Орлову. С. 257.

[Кн. Е.П. Свиньина]. Любовь и дружба. С. 258–260. Подпись: К...а С...а. (Сноска – «Сочинение молодой, любезной девицы»).

Прибавление к последней строфе. С. 260–261. Подпись: N.N.

[Н.А. Львов]. Отпускная двум чижикам при отъезде в деревню к М.А. С. 262–263. Подпись: Н. Л.

[П.А. Пельский]. Пастушья песня. С. 264. Подпись: П. Плск.

Ошибки в печати. С. 265.

АОНИДЫ, ИЛИ СОБРАНИЕ РАЗНЫХ, НОВЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ

Книжка II

1797

*Chériffons le rival qui peut nous furpaffer;
Montrez moi mon vainqueur, & je cours l'embraffer.*

Москва. В Университетской Типографии, у Ридигера и Клаудия.

С. 2.

По возложенной от Господ Кураторов на меня должности, я рассматривал книгу, под заглавием: Аониды, Книжка II, и не нашел в ней противного наставлению, данному мне о печатаемых в Университетской Типографии книгах. – Надворный Советник, Профессор и Цензор,

Л. Прокопович-Антонской.

От Издателя.

Первая книжка Аонид принята благосклонно (есть ли не ошибаюсь) любителями Русского Стихотворства; ровно через год выходит и вторая – участь ее зависит от Публики.

«Для чего между многими хорошими стихами помещаются в Аонидах и некоторые... очень несовершенные, слабые... или как угодно называть их?»

Отчасти для ободрения незрелых талантов, которые могут созреть и произвести со временем нечто совершенное; отчасти для того, чтобы справедливая критика Публики заставила нас писать с большим старанием; чтобы Читатели имели удовольствие видеть, как молодые Стихотворцы год от году очищают свой вкус и слог; наконец, и для того, чтобы *не-очень-хорошее* тем более возвышало цену *хорошего*. Одним словом, Аониды должны показывать состояние нашей Поэзии, красоты и недостатки ее.

Не употребляя во зло доверенности моих любезных сотрудников, не употребляя во зло прав Издателя, я осмелюсь только заметить два главные порока наших юных Муз: излишнюю высокопарность, гром слов не у места, и часто притворную слезливость¹.

Поэзия состоит не в надутым описании ужасных сцен Натуры, но в живости мыслей и чувств. Естьли Стихотворец пишет не о том, что подлинно занимает его душу; естьли он не раб, а тиран своего воображения, заставляя его гоняться за чуждыми, отдаленными, несвойственными ему идеями; естьли он описывает не те предметы, которые к нему близки, и собственную силу влекут к себе его воображение; естьли он принуждает себя, или только подражает другому (что все одно): то в произведениях его не будет

¹ Я не говорю уже о неисправности рифм, хотя для совершенства стихов требуется, чтобы и рифмы были правильны.

никогда живости, истины, или той сообразности в частях, которая составляет целое, и без которой всякое стихотворение (несмотря даже на многие счастливые фразы) похоже на странное существо, описанное Горацием в начале Эпистолы к Пизонам. Молодому питомцу Муз лучше изображать в стихах первые впечатления любви, дружбы, нежных красот Природы, нежели разрушение мира, всеобщий пожар Натуры¹ и прочее в сем роде. Не надобно думать, что одни великие предметы могут воспламенять Стихотворца и служить доказательством дарований его: напротив, истинный Поэт находит в самых обыкновенных вещах пиитическую сторону; его дело наводить на все живые краски, ко всему привязывать остроумную мысль, нежно е чувство, или обыкновенную мысль, обыкновенное чувство украшать выражением – показывать оттенки, которые укрываются от глаз других людей – находить неприметные аналогии, сходства – играть идеями, и подобно Юпитеру (как сказал об нем мудрец Езоп) иногда *малое делать великим*, иногда *великое делать малым*. Один *бомбаст*, один гром слов только что оглушает нас, и никогда до сердца не доходит; напротив того, нежная мысль, тонкая черта воображения или чувства, непосредственно действуют на душу читателя; умный стих врезывается в память, громкий стих забывается.

Не надобно также беспрестанно говорить о слезах, прибирая к ним разные эпитеты, называя из блестящими и бриллиантовыми – сей *способ трогать* очень не надежен – надобно описать разительно причину их; означить горесть не только *общими* чертами, которые будучи слишком обыкновенны, не могут производить сильного действия на читателя – но *особенными*, имеющими отношение к характеру и обстоятельствам Поэта. Сии-то черты, сии подробности и сия, так сказать, *личность*, уверяют нас в истине описаний – и часто обманывают; но такой обман есть торжество Искусства.

Трудно, трудно быть совершенно-хорошим Писателем и в стихах и в прозе; зато много и чести победителю трудностей (ибо искусство писать есть конечно первое и славнейшее, требуя редкого совершенства в душевных способностях); зато нации

¹ К Издателю прислано было сочинение под титулом: Конец миров; оно показалось ему слишком ужасно для Аонид.

гордятся своими Авторами; зато о превосходстве наций судят по успехам Авторов ее. Отдавая справедливость вкусу и просвещению наших любезных соотечественников; почитаю за излишнее доказывать здесь пользу и важность Литтературы, которая, имея вообще влияние на приятность жизни, светского обхождения и на совершенство языка (неразрывно связанного с умственным и моральным совершенством каждого народа), бывает всего полезнее, всего приятнее для тех, которые в ней упражняются – она занимает, утешает их в сельском уединении; она настраивает их душу к глубокому чувству красот Природы и к тем нежным страстям нравственности, которые были и всегда будут главным источником земного блаженства; она доставляет им дружбу лучших людей; или сама служит им вместо друга. Кто в наши времена может быть ее неприятелем? Никто... конечно; mais s' il y a encore dans notre nation fi polie quelques barbares & quelques mauvais plaifans, qui ofent defapprouver des occupations fi eftimables, on peut affurer qu'ils en feraient autant, s' ils le pouvaient. Je fuis tres perfuade que quand un home ne cultive point un talent, c' eft qu' il ne l' a pas; qu' il n'y a perfonne qui ne fit des vers, s' il etait ne poete, & de la mufique, s' il etait ne musician.

Роспись.

Н.М. Карамзин. От издателя. С. III–XIV.

Оглавление. С. XV–XVIII.

[М.М. Херасков]. Размышление о Боге. С. 1–14. Подпись: М. Х.

[Г.Р. Державин]. Ода на новый 1797 год. С. 15–24. Подпись: Д-нь.

Пожарской. С. 25–34. Подпись: ***.

[Н.М. Карамзин]. К бедному поэту. С. 35–42. Б. п.

[Н.М. Карамзин]. Отставка. С. 43–46. Б. п.

[И.И. Дмитриев]. К Лампию, славному живописцу. С. 47.

Подпись: ***.

[И.И. Дмитриев]. Романс. С. 48–53. Подпись: ***.

[И.И. Дмитриев]. Кенотафия. С. 54. Подпись: ***.

[Д.И. Вельяшев-Волынцов]. Вечер. С. 55–63. Подпись: Д. Влшв. Влнцв.

- [П.А. Пельский]. Гнев любовника. С. 64–65. Подпись: П. П.
[П.А. Пельский]. Любовь и Дружба. Триолеты. С. 68–69.
Подпись: П. П.
М. [Л.] Магницкой. Соловей. С. 68–69.
А. [Л.] Магницкая. Нищий. С. 70–73. (вместо с. 73 напеча-
но 83).
К другу. С. 84–91. Подпись: ***.
[И.И. Дмитриев]. Искатели фортуны. Сказка. С. 92–100.
Подпись: ***.
Надписи к портретам. С. 101–102. Подпись: ***.
[И.И. Дмитриев]. Эпиграмма. С. 103. Подпись: ***.
[И.И. Дмитриев]. Эпитафия. С. 103. Б. п.
[М.М. Херасков]. О клевете. С. 104–110. Подпись: М. Х.
[Н.М. Карамзин]. Надежда. С. 111–115. Б. п.
[Н.М. Карамзин]. На смерть К.Г. А. Хованского, Дек. 1, 1796.
С. 116–120. Б. п.
[М.Н. Муравьев]. Сила Гения. С. 121–129. Подпись: М. Мрвв.
[М.Н. Муравьев]. Богине Невы. С. 130–133. Подпись: М. Мрв.
[М.Н. Муравьев]. Надгробие. С. 134. Подпись: М. Мрв.
Д. [О.] Баранов. Любитель нынешнего света. Перевод из
Вольтера. С. 135–147.
[Г.Р. Державин]. Мечта. С. 148–149. Подпись: Д-нъ.
[Г.Р. Державин]. Пчелка. С. 150–151. Подпись: Д-нъ.
[Г.Р. Державин]. На кончину Благотворителя, приключив-
шуюся 1795 года Августа 31 дня, в Санкт-Петербурге. С. 152–159.
Подпись: Д-нъ.
[П.А. Пельский]. Песня. С. 160–161. Подпись: П. П.
[П.А. Пельский]. К моему сердцу. С. 162–163. Подпись: П. П.
[П.А. Пельский]. Ответ Лизе. С. 164–165. Подпись: П. П.
[В.Л. Пушкин]. Суйда. С. 166–172. Подпись: Всл. Пшкн.
(Сноска: Суйда – село, принадлежащее И.А. Ганнибалову, в 60
верстах от С. Петербурга, где мы провели несколько приятных
дней).
[Н.М. Карамзин]. Опытная Соломонова мудрость, или Мыс-
ли, выбранные из Экклезиаста. С. 173–191. Б. п.
[Г.Р. Державин]. Надпись к памятнику именитого граждани-
на Шелехова. С. 192. Подпись: ***.

[И.И. Дмитриев]. Ласточка и Птички. Притча. С. 193–196. Подпись: ***.

[И.И. Дмитриев]. Тибуллова элегия. С. 197–206. Подпись: ***.

[И.И. Дмитриев]. Надпись к Венериной статуе. Из Антологии. С. 207. Подпись: ***.

[И.И. Дмитриев]. Эпиграмма. Оттуда ж. С. 207. Подпись: ***.

[Г.Р. Державин]. Эпитафия Екатерины II. С. 208. Подпись: Д-нъ.

[Н.М. Карамзин]. Последние слова умирающего. С. 208. Б. п. М. [Л.] Магницкой. Поэзия. С. 209–221.

[И.И. Дмитриев]. Преложение 49 Псалма. С. 222–225. Подпись: ***.

Надгробие. С. 226. Подпись: ***.

А. [И.] Клушин. Ода на сожжение в Орле фейерверка в день высочайшей коронации Государя Императора Павла I. С. 227–229.

[И.И. Дмитриев]. Шарлатан. Притча. С. 230–231. Подпись: ***.

[Кн. П.И. Шаликов]. Роща. С. 232–233. Подпись: Кнз. Птр. Шлквъ.

[Н.М. Карамзин]. К портрету Ломоносова. С. 234. Б. п.

[В.Л. Пушкин]. Элегия. Подражание Проперцию. С. 235–240. Подпись: Всл. Пшкн.

[И.И. Дмитриев]. Надпись к портрету Н.А. Б. [Н.А. Бекетова]. С. 241. Подпись: ***.

Облачок. С. 242–243. Подпись: N.N.

[Г.Р. Державин]. Сафо. С. 244–245. Подпись: Д-нъ.

[Г.Р. Державин]. К Сафе. С. 246–247. Подпись: Д-нъ.

Надгробие Ф.М.Д. (*Сноска — который утонул в Неве*). С. 248. Подпись: ***.

[В.Л. Пушкин]. Песня. Подражание древним. С. 249–250. Подпись: Всл. Пшкн.

[И.И. Дмитриев]. Подражание Петрарку. С. 251–252. Подпись: ***.

[И.И. Дмитриев]. Надпись к портрету Его Высокопревосходительства Ивана Ивановича Шувалова. С. 253. Подпись: ***.

[И.И. Дмитриев]. Кокетка и Пчела. Притча. С. 254–256. Подпись: ***.

[Н.М. Карамзин]. К неверной. Перевод с Французского. С. 257–263. Подпись: О. О.

[Н.М. Карамзин]. К верной. Перевод с Французского. С. 264–278. Подпись: О. О.

Петр [С.] Кайсаров. К Луне. (Отрывок из Оссиана). С. 279–280.

[Г.Р. Державин]. Даше в светлое Христово воскресенье. Апр. 5, 1797. С. 281–283. Подпись: Д-нь.

[Е.П. Свиньина]. Невинная пастушка. С. 284–285. Подпись: К... С...а.

[И.И. Дмитриев]. Мадригал Девике, которая спорила со мною, что мужчины счастливее женщин. С. 286. Подпись: ***.

[Н.М. Карамзин]. Долина Иосафатова, или Долина спокойствия. С. 287–290. Б. п.

[Е.П. Свиньина]. Польской, сочиненный для всерадостного Высочайшего прибытия Их Императорских Величеств и Их Императорских Высочеств в Благородное Московское Собрание, Апреля 29 дня, 1797 года. С. 291–294. Подпись: К... С...а.

[И.И. Дмитриев]. Желания. Сказка. С. 295–300. Подпись: ***.

[Г.Р. Державин]. Призывание и явление Пленеры. 1794 года. С. 301–302. Подпись: Д-нь.

А. [И.] Клушин. К Е...е И...е Б. С. 303–308.

Влд. [В.] Измайлов. Послание к моему брату на наше уединение. С. 309–330.

[Н.М. Карамзин]. Спорщик. С. 331. Б. п.

[Н.М. Карамзин]. Любовь к врагам. С. 332. Подпись: Ф. Ц.

[В.Л. Пушкин]. К брату и другу. С. 333–336. Подпись: Всл. Пшкн.

[Н.М. Карамзин]. Дарования. С. 337–370. Б. п.

[А.Ф. Малиновский]. Пятилетней девочке М... В... С. 371. Подпись: Мал...

[П.А. Пельский]. Неосторожная клятва. С. 372–373. Подпись: П. П.

Василий [В.] Капнист. Потеря дня. С. 374–375.

Василий [В.] Капнист. Другу моему. С. 376–377.

[В.В. Капнист]. Утро в гроте Графа Александра Сергеевича Строгонова. С. 378–379. Подпись: В. К.

На ошейнике собачке, подаренной мною Делии. С. 379. Подпись: N.

В. [В.] Капнист. На новый 1797 год. С. 380.

АОНИДЫ, ИЛИ СОБРАНИЕ РАЗНЫХ, НОВЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ

Книжка III

1798–1799

*Chériffons le rival qui peut nous furpaffer;
Montrez moi mon vainqueur, & je cours l'embraffer.*

Москва. В Университетской Типографии, у Ридигера и Клаудия.

С. 2.

С одобрения Московской Цензуры.

Роспись:

Оглавление. С. [III–VIII].

[М.М. Херасков]. Верность. С. 1–7. Подпись: М. Х.

[Г.Р.] Державин. Ода на рождение Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича. С. 8–13.

[Г.Р.] Державин. К арфе N.N. С. 14–16.

[В.В.] Капнист. Подражание Горациевой IV Оде. С. 17–19.

[В.В.] Капнист. Песня. С. 20.

Стансы. На смерть Брата. С. 21–24. Подпись: В. Хан.

Н. Баранов. Договор. С. 25–26.

[Кн. Е.С. Урусова]. Степная песнь. С. 27–30. Подпись: К-а К-а У-а.

Ответ. С. 31–34. Подпись: Н... П...

[И.И. Дмитриев]. Надгробие. С. 35. Подпись: Д-въ.

[И.И. Дмитриев]. Элегия. С. 36–37. Подпись: Д-въ.

[И.И. Дмитриев]. Стихи. На случай оказанной Его Императорским Величеством Высочайшей милости родственникам Стихотворца Ломоносова, исключением их из подушного оклада. С. 38–40. Подпись: Д-въ.

[В.В. Измайлов]. К моей подруге. Перевод с Французского. С. 41–50. Подпись: Владимир Изм.

- К моей приятельнице. Подражание Немецкому. С. 51–54.
Подпись: Пол.
К Амуру. Перевод из Геснера. С. 55. Подпись: Пол.
[А.В. Храповицкий]. Подражание Оде Ле-Брюна. С. 56–60.
Подпись: Ал. Хрпвцк.
[А.В. Храповицкий]. Идиллия. С. 61–64. Подпись: А. Хр.
[А.В. Храповицкий]. Жизнь человеческая. С. 65–68. Подпись: А. Хр.
[А.В. Храповицкий]. Восторг. Подражание оде Ле-Брюна. С. 69–77. Подпись: А. Хр.
[А.В. Храповицкий]. Песня. С. 78. Подпись: А. Хр.
[А.В. Храповицкий]. Подражание Лафонтену. Книга 3. Баснь 10. С. 79–80. Подпись: А. Хр.
[А.В. Храповицкий]. Подражание Лафонтену. Книга 6. Баснь 98. С. 81–82. Подпись: А. Хр.
Соловей. Перевод из Гварини. С. 83. Подпись: Пол.
[М.М. Херасков]. Любовь. С. 84–85. Подпись: Х.
[Н.М. Карамзин]. К Алине. На смерть ее супруга. С. 86–88.
Б. п.
[Н.М. Карамзин]. К Лиле. С. 89–92. Б. п.
[Н.М. Карамзин]. Выбор жениха. С. 93–95. Б. п.
[Н.М. Карамзин]. Разлука. (На голос: *J'entends dans la forêt [Я слышу в лесу – фр.]*). С. 96. Б. п.
[Н.М. Карамзин]. Клятва и преступление. С. 97. Б. п.
[Н.М. Карамзин]. Хор и Куплеты, петье в Марфинской роще друзьями почтенного Хозяина, в день именин Его. (На голос: *Ах, пошли наши подружки*). С. 98–101. Б. п. (*Сноска – Село Марфино, в 30 верстах от Москвы*).
[Н.М. Карамзин]. Куплеты (на тот же голос), в честь нежной Матери, петье Ее милым семейством, в уединенном и приятном месте, которое называется Ее именем: Дарьиным. С. 102–103. Б. п.
[Н.М. Карамзин]. Надписи на статую Купидона. С. 104–107. Б. п.
[Н.М. Карамзин]. Размышление. С. 108. Б. п.
[Н.М. Карамзин]. Экспромпты. С. 109–110. Б. п.
[Н.М. Карамзин]. Эхо. С. 111. Б. п.
[Н.М. Карамзин]. Два сравнения. С. 111–112. Б. п.
[Н.М. Карамзин]. Дурной вкус. С. 112. Б. п.

[Н.М. Карамзин]. Вопросы и ответы. С. 113. Б. п.

[Н.М. Карамзин]. Характер Нисы. С. 113. Б. п.

[И.И. Дмитриев]. Стихи. На игру Дица. С. 114. Подпись: **.

[В.Л. Пушкин]. Вечер. С. 115–128. Подпись: В. Пшкн.

Дм. [И.] Хвостов. Ода Ломоносову на случай преимущества, пожалованного его потомству Высочайшим Указом 1798 года Августа 2 дня. С. 129–136.

[Д.И. Хвостов]. Праздник быков. С. 137–142. Подпись: Дм. Х в.

[Д.И. Хвостов]. Пени беспечности и любви. С. 143–145. Подпись: Дм. Х в.

[Д.И. Хвостов]. Эпиграммы. С. 146–147. Подпись: Дм. Х в.

[Д.И. Хвостов]. Надгробия. С. 148. Подпись: Дм. Х в.

[Д.И. Хвостов]. Мадригал. С. 149. Подпись: Дм. Х в.

[В.В. Измайлов]. Любовь и Ветерочик. Стихи к С***. На заданные слова: «любовь» и «ветерочик». С. 150–153. Подпись: Влад. Изм.

Любезная девушка ответила мне следующими стихами: «Нельзя, нельзя, чтоб ветерочик...». С. 154. Б. п.

[В.В. Измайлов]. Феникс. Басня. Подражание Флориану. С. 155–158. Подпись: Влад. Из.

[В.В. Измайлов]. Чувство бессмертия. С. 159–182. Подпись: Влад. Изм.

[В.В. Измайлов]. Эпитафия Человеку. С. 183. Подпись: Влад... Изм.

[Кн. П.И. Шаликов]. Песня. С. 184–185. Подпись: К.П. Ш-въ.

[И.Ф. Тимковский]. Новый Эмиль. С. 186–193. Подпись: И-я Тмквск.

[Г.Р.] Державин. Ода На поднесение Его Императорскому Величеству Великого Магистерства Ордена Святого Иоанна Иерусалимского, и на победу, над Французами Российским Флотом одержанную 1798 года. С. 194–207.

[Г.Р.] Державин. Стихи На случай отбытия Графа Суворова-Рымникского в Австрию, 1799, Февраля дня. С. 208–210.

В. [В.] Капнист. Графу Суворову-Рымникскому. На прибытие Его в Санктпетербург 1799 года, Февраля дня. С. 211–213.

Песня. С. 214. Подпись: -въ.

Подражание Лафонтену. С. 215–216. Подпись: -въ.

Песня. Для двух голосов. С. 217–218. Подпись: -въ.

- Сила любви. С. 219–220. Подпись: -въ.
Пчела. С. 221–222. Подпись: Пол.
Красота и убор. С. 223. Подпись: Пол.
К цветку. С. 224–226. Подпись: Пол.
Памятник Отцу, оплакиваемому тремя дочерьми. С. 227.
Подпись: Пол.
Сон Темиры. С. 228–230. Подпись: Пол.
Последняя отрада. С. 231–232. Подпись: Пол.
К Фанни. Подражание Немецкому. С. 233–234. Подпись:
Пол.
[М.М. Вышеславцев]. Любовь. С. 235–239. Подпись: Вшслвцв.
Фед. [М.] Брянчанинов. Песня. С. 240–242.
[В.Л. Пушкин]. Мирза и Соловей. Подражание Флориану.
С. 243–245. Подпись: В. Пшкн.
[В.Л. Пушкин]. Две розы. С. 244. Подпись: В. Пшкн.
[В.Л. Пушкин]. Ученик и Учитель. Бионова Идиллия. С. 245.
Подпись: В. Пшкн.
[В.Л. Пушкин]. Эпиграмма. (Подражание Французской).
С. 248–249. Подпись: В. Пшкн.
[Н.М. Карамзин]. Покой и слава. С. 250–252. Б. п.
[Н.М. Карамзин]. Исправление. С. 253–256. Б. п.
[Н.М. Карамзин]. Непостоянство. С. 257. Б. п.
[Н.М. Карамзин]. Эпиграмма. С. 258. Б. п.
[Н.М. Карамзин]. Истинна. С. 258. Б. п.
[Н.М. Карамзин]. Мыслят и не мыслят. С. 259. Б. п.
[Н.М. Карамзин]. Надгробие шарлатана. С. 259. Б. п.
[Н.М. Карамзин]. Перемена цвета. С. 259. Б. п.
[Н.М. Карамзин]. Желание. С. 260. Б. п.
[Н.М. Карамзин]. Тацит. С. 260–261. Б. п.
[Н.М. Карамзин]. К Шекспирову подражателю. С. 262–263.
Б. п.
[И.М. Долгоруков]. Параша. С. 264–270. Подпись: К.Ив. Долгрк.
[П.А. Пельский]. Песня. На голос: «Jadis j'avais une amie».
С. 271–272. Подпись: Плск.
[Кн. П.С. Гагарин]. К цитре. С. 273–274. Подпись: К.Пв. Ггрн.
[Кн. П.С. Гагарин]. Воин своей милой. С. 275–276. Подпись:
К.П. Ггрн.

[П.П. Сумароков]. Купидон, лишенный зрения. С. 277–293.
Подпись: П. С.

[П.П. Сумароков]. Любовный силлогисм. С. 294–295. Подпись: П. С.

[П.П. Сумароков]. Эпиграммы. С. 296–301. Подпись: П. С.

[П.П. Сумароков]. Басни. (1. Новизна. – 2. Кедр). С. 302–306.
Подпись: П. С.

[М.М. Вышеславцев]. Минвана. Отрывок из поэмы Оссиановой. С. 307–311. Подпись: Вшслвцвъ.

[В.Л. Пушкин]. Лев больной и Лисица. Басня Ла-Фонтенова. С. 312–313. Подпись: В. Пшкн.

[В.Л. Пушкин]. Песня. С. 314–315. Подпись: В. Пшкн.

[В.Л. Пушкин]. Песня из Эстеллы Флориановой. С. 316.
Подпись: В. Пшкн.

[Кн. П.И. Шаликов]. Стихи На кончину Его Светлости Князя Александра Андреевича Безбородко. С. 317–320. Подпись: К.П. Ш-въ.

[М.Л. Магницкий]. Стихи Графу Суворову-Рымникскому, на приезд Его в Вену. С. 321–324. Подпись: М. М.

[Н.М. Карамзин]. Протей, или Несогласия Стихотворца. С. 325–357. Б. п.

Опечатки. С. 358.

ПАНТЕОН ИНОСТРАННОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Книжка I

*Gardez – vous bien du mot-a-mot:
Horace et le Goût le renie.
Tout pedant traduit comme un fot.
C’est la grace, c’est l’harmonie,
Que doit rendre un libre Genie.
Le plus fidele traducteur
Est celui qui semble moins l’être:
Qui fuit pas a pas son auteur,
N’est qu’un valet qui fuit son maître.
Le Brun.*

Москва, 1798.

В Университетской Типографии, у Ридигера и Клаудия.

С. 2.

С дозволения Московской Цензуры.

С. 3.

В древности назывались *Пантеонами* храмы, посвященные *всем богам*; в наше время называются *Пантеонами* места, посвященные разным удовольствиям; а я, под именем *Пантеона иностранной словесности*, издаю и буду издавать собрание переводов всякого рода, для тех, которые не читают иностранных книг, но имеют вкус и любят чтение.

Н. Карамзин.

С. 4 Содержание I Книжки.

Роспись

(с примечаниями составителя)

Цицерон о Боге. (* – Мысли, выбранные по большей части из его книги о «Натуре Богов». Никто из Древних так хорошо, так красноречиво, так убедительно не доказывает бытия Творческого, как Цицерон). С. 1–17.

Восторг Лас-Казаса, или Источник душевного мира. С. 18–41.

Последние слова Козроэса-Парвиса, сказанные им сыну своему. (* – Перевод из Персидской книги «Бостана», сочиненной поэтом Сади). С. 42–46.

Мысли об уединении, переведенные из той же Саадиевой книги. С. 47–50.

Бюффон перед концом жизни. Из записок Эро-Сешеля. С. 51–128.

Письмо из Лондона. С. 129–132.

Дервиш в глубокомыслии. Восточный Анекдот. С. 133–135.

Просвещение. С. 136–138.

Шабанон. С. 139–156.

Ленвиль и Фанни. С. 157–199.

Оссиан. С. 200–222.

О заблуждении. (* – Сочинение Буфлера – не что иное, как шутка, довольно остроумная). С. 223–228.

Армидин сад. (Перевод из Тассова «Освобожденного Иерусалима»). С. 229–252.

Мысли и Анекдоты. Из записок Эро-Сешеля. С. 253–263.

ПАНТЕОН ИНОСТРАННОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Книжка II

*Gardez – vous bien du mot-a-mot:
Horace et le Goût le renie.
Tout pedant traduit comme un fot.
C'est la grace, c'est l'harmonie,
Que doit rendre un libre Genie.
Le plus fidele traducteur
Est celui qui femble moins l'être:
Qui fuit pas a pas fon auteur,
N'est qu' un valet qui fuit fon maître.
Le Brun.*

Москва, 1798.

В Университетской Типографии, у Ридигера и Клаудия.
С. 2.

С дозволения Московской Цензуры.

Роспись

История Ла-Роша, Переведенная из Английского Журнала «The Mirror». С. 1–32.

Две Арабские Оды. С. 33–37.

Бюффон. Идеи первого человека при развитии его чувств.
С. 38–53.

Бюффон. Номо Duplex. С. 54–69.

Бюффон. Описание Аравийской пустыни. С. 70–72.

Отрывок, Переведенный из нового Английского романа:
Man is be is. С. 73–92.

Сократ. (Перевод из Анахарсиса). С. 93–198.

Ривароль. О дружбе. С. 199–227.

Новейшее известие о Персии. Из путешествия Гна. Бошана,
Вавилонского Генерал-Викария. С. 228–288.

Галеб. С. 289–298.

Монтескьё. С. 299–304.

Мысли Антония Переца, Гишпанского Писателя. (* – Из книги: Relaciones de Ant. Perez Secretario dè estado, que fue del Rey de Efranna Don Phelippe II. Defte nombre. En Paris, 1624.) С. 305–307.

Мысли Восточных мудрецов. С. 308–310.

Содержание II Книжки. С. 311.

Погрешности. С. 312.

(Для справки:

Псевдоним «Пол.» не может быть расшифрован достоверно, так у Масанова в словаре есть в эти годы:

Псевдоним: Пол., Вас.

Настоящее имя: Поленов Василий Алексеевич

Периодические издания:

- Новые Ежемесячные Сочинения, 1790

Источники:

- Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. – Т. 2. – М., 1957. – С. 343;
- Неустроев. 414 (Источник Масанова)

и

Псевдоним: Пол., Н.

Настоящее имя: Полятковский Николай Романович

Периодические издания:

- Приятное и Полезное Препровождение Времени, 1796, ч. XI

Источники:

- Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. – Т. 2. – М., 1957. – С. 343;
- Неустроев, 770 (Источник Масанова).

Псевдоним просто «Пол.» раскрыт только для начала XX в.).

*Составление и вступительная статья
А.Н. Стрижёва и М.А. Бирюковой*

IN MEMORIAM

АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ ИЛЮШИН 12.02.1940 – 19.11.2016

Девятнадцатого ноября, на 77-м году жизни, ушел из жизни выдающийся филолог, великий стиховед, поэт, переводчик, прекрасный рассказчик, заслуженный профессор филологического факультета МГУ Александр Анатольевич Илюшин.

Сложно выделить что-то одно среди воспоминаний. Перед глазами встают разные эпизоды из нашего почти трехлетнего общения (сначала это были университетские семинары и лекции, потом – спецсеминар и спецкурс, написание под его руководством курсовых и работа над дипломом). Лекция о Полежаеве. Чтение малоизвестных стихов в его особенной, неповторимой манере. Вопросы, зачастую не имеющие однозначного ответа, которые обсуждались на занятиях... Всплывают в памяти разные детали. Неизменные книги на столе, которые открывались, кажется, при всех наших встречах. Портрет Батенькова за стеклом одного из книжных шкафов. Листок, на котором были емко обозначены детали, которые обсуждаются в этот раз...

С ним всегда было интересно – с первой пары на первом курсе, когда состоялось наше знакомство, причем оно началось не с обыкновенной для занятий выдачи списка литературы устрашающих объемов и не с призывов немедленно начать читать всё, что в нем есть, а с удивительного вопроса: «Что Вам особенно интересно в изучаемом нами периоде?», до последней встречи, когда мы обсуждали переложения «Exegi monumentum...» на русском языке. Можно написать не один абзац, в котором каждая фраза начиналась бы со слов «единственный преподаватель, который...» Единственный преподаватель, который всегда приносил на занятия книги, и пара начиналась с рассматривания какого-либо тома

и его обсуждения, что задавало ей совершенно особенный и, думается, очень верный тон. Единственный преподаватель, который умел настолько полно принимать своего подопечного таким, какой он есть, — не потакать всем его взглядам, поправлять, но никогда не навязывать свою точку зрения. Единственный преподаватель, который не сверялся с часами, но всегда знал, что прошло ровно полтора часа, — что меня неизменно поражало, — однако при этом находился не в суетливом мире выверения дат и сроков, а как будто вне времени, — что удивляло еще больше.

В его изложении история литературы всегда была не историей течений или, упаси Бог, концептов, а историей творения этой литературы живыми людьми, отчего и сама она становилась живой. Однако это никогда не было умильно-восторженным повествованием об идеальных «возвышенных» поэтах — нет, это были истории о живых людях, с их недостатками и достоинствами, особенностями и странностями, отчего каждый имел собственное лицо и мог вызвать действительно живой отклик у слушателя (как ни удивительно, я не могу вспомнить ни одного героя повествования, который вызвал бы антипатию; даже в тех случаях, если речь шла о «второстепенных» или, казалось бы, чуждых по духу авторах, в них всегда находилось что-то такое, что вызывало сочувствие). Конечно, это было возможно только благодаря личному, живому и глубокому восприятию им поэзии. Каким щедрым, удивительным, неслыханным подарком судьбы было знакомство и общение с Александром Анатольевичем! Кстати, вспоминается эпизод из самого начала нашего знакомства. Третья наша встреча прилась на мой День рождения. Это был единственный раз в моей жизни, когда я категорически отказалась устраивать себе выходной в этот день, — исключительно из-за того, что днем должна быть пара с Илюшиным.

В нем сочетались любовь к выверенности деталей с любовью к мистификации, замечательное знание научной литературы с убежденностью в том, что нужно писать работы так, как ты считаешь правильным и верным для себя, склонность к оригинальным, а нередко и мрачноватым шуткам, с сочувствием что к людям, что к героям произведений.

Это был человек, который не только смог сказать на русском языке ближе всех к подлиннику о том, что в мире существует

«любовь, что движет и солнце и звезды». Это был человек, в котором действительно жила эта любовь. Один из спутников, которые наш свет своим сопутствием для нас животворили. Человек, рядом с которым, если вспомнить слова из книги одного из значимых для него поэтов, и ночь преображалась в день. Бесконечно печально думать о том, что никогда больше не встретишься с ним вживую, не увидишь глаза невероятного цвета и не услышишь того, как он особенным голосом прочитает одно из стихотворений и начнет увлекательное повествование.

В последнюю нашу встречу – единственный раз за все время! – мы не попрощались. Это представляется не случайностью, обыденной мелочью, а таинственным и значимым событием, которое запомнилось и будет вселять надежду – вместе с памятью о том, что было в течение этих трех лет. Трудно думать о том, что годы, в которые здесь особенно чувствовалась та самая *l'amor che move il sole e l'altre stelle*, уже прошли, – но отрадно вспоминать о том, что она побеждает всё, не заканчивается и всегда будет сопровождать для меня имя Александра Анатольевича Илюшина.

*Екатерина Пастернак,
студентка 4-го курса филологического факультета МГУ*

Александр Анатольевич был человеком с поразительным, почти провидческим чувством текста. Он дерзал не только реконструировать испорченные переписчиками средневековые вирши, но и преодолевать умолчания классиков Золотого века – для него, казалось, не было слишком высоких задач, неприкосновенного материала. Его догадки всегда были остроумны и интересны независимо от готовности слушателя разделить его точку зрения. В поэзии его привлекали не только «периферийные» фигуры, но, скажем больше, его привлекало то, на чем в историко-литературной иерархии может стоять отпечаток «косноязычия». Он охотно говорил о стихах прозаиков (Чехова) и стихах литературных персонажей (капитана Лебядкина), его интересовал слог авторов XVIII в., он предполагал, что в стихотворении Тютчева «*Silentium!*» косноязычие используется как основной прием выражения идеи «невывразимого».

А еще, пожалуй, ни про кого на факультете мое поколение студентов-литературоведов не рассказывало столько авантюрных полуфантастических историй. Большинство первокурсников, попадая на филфак, с замираньем и смятением чувствуют себя в окружении звезд – воплощенных героев знакомых учебных пособий. Студенты всегда склонны сочинять истории разной степени «легендарности» об этих героях, но только вслед Александру Анатольевичу могло нестись что-то совершенно невероятное вроде: «Ты не знаешь, кто это? Да ты что! Профессор Илюшин, великий стиховед! Человек, который защитил диссертацию по стихам выдуманного автора! А знаешь, как он опубликовал свой перевод “Божественной комедии” под видом Лозинского?!» Конечно, в этих полувыдуманных историях много гротеска, как это всегда бывает в фольклоре студентов. Зато на их примере хорошо видна легендарность образа Александра Анатольевича, а стать легендой при жизни – дело немалое.

Ольга Кузнецова, кандидат филологических наук

С Александром Анатольевичем Илюшиным я познакомилась в 2003 г. благодаря его ученику и другу Максиму Ильичу Шапиру. От М. И. я уже знала некоторые илюшинские стихи и много о нем слышала. Это, конечно, в значительной степени предопределило дальнейшую историю наших отношений, ведь я восхищалась А. А. еще до того, как впервые увидела, и знала заранее, с каким удивительным человеком имею дело. Сейчас я особенно рада, что мне посчастливилось узнать Александра Анатольевича в домашней обстановке: именно в камерном пространстве (семинара, куда ходит несколько человек, или домашнего урока) его можно было «рассмотреть» во всем блеске. Удивительно даже, как не подходила для этого большая лекционная аудитория! Мои однокурсники на его лекциях недоумевали. Илюшинская манера была совсем не лекторской: он ничего не диктовал, не «читал», скорее рассказывал «о том о сем», разбирал любопытные детали, задавал аудитории странные вопросы, сам давал на них неожиданные ответы. Другими словами, предпочитал все сингулярное и диковинное и избегал всего множественного, то есть того, чего от него на

поточных лекциях и ждали. Совсем по-другому шел разговор тет-а-тет или в небольшом кругу. Точнее, А. А. оставался тем же, но в обстановке семинара или домашнего урока его речь, краткая и изящная, простая в самом высоком смысле (он не пытался писать и говорить ни «умно», ни «красиво») звучала свободно и естественно. Оригинальность мысли и ясность ума, познания в самых разных и «нехоженных» литературных областях, нелюбовь к общим местам и органическая несовместимость с банальностью – всё это делало его прекрасным учителем для того, кто хотел чему-то учиться. Конечно, А. А. – профессор и ученый – это лишь малая часть его, та, что в большей степени мне знакома. Другая же, тайная, почти неизвестная, надеюсь, откроется в будущем, когда будут опубликованы вместе все илюшинские стихи.

Думая об А. А., я слышу, как он читает стихи (он это делал превосходно!), и вижу всю его какую-то эльгрековскую фигуру, будто случайно перенесенную в наш век из Проторенессанса или Ренессанса.

Вера Полилова, кандидат филологических наук

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Бирюкова *Маргарита Анатольевна*, писатель, библиограф, краевед. Окончила МХТИ им. Д.И. Менделеева (1992). В Интернете ведет страницу «Библио-Бюро Стрижева-Бирюковой», адресованную широкой аудитории филологов и педагогов-словесников и посвященную позабытым отечественным писателям.
rittabiruikova@mail.ru

Голубков *Андрей Васильевич* (р. 1976), кандидат филол. наук, ст. научный сотрудник Отдела классических литератур Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН, автор статей по истории французской литературы XVI–XVIII вв.
andreygolubkov@mail.ru

Гуминский *Виктор Мирославович* (р. 1949), доктор филол. наук, профессор, гл. научный сотрудник ИМЛИ РАН. Специалист по истории русской литературы, жанру путешествий, творчеству Пушкина и Гоголя, компаративистике. Автор монографии «Открытие мира, или Путешествия и странники» (М., 1976) и др.
gumins@rinet.ru

Ивинский *Александр Дмитриевич* (р. 1985), кандидат филол. наук (2009), мл. научный сотрудник филол. ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова. Область научных интересов – история русской литературы XVIII в. Автор кн.: «Литературная политика Екатерины II: журнал “Собеседник любителей российского слова”» (2012), и др.
ivinskij@gmail.com

Коровин Владимир Леонидович (р. 1972), кандидат филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы филол. ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова. Автор монографии «Семен Сергеевич Бобров. Жизнь и творчество» (2004).
korovinv@yandex.ru

Кочеткова Наталья Дмитриевна, гл. научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, доктор филол. наук. Автор монографий: «Nikolay Karamzin» (Boston, 1975), «Фонвизин в Петербурге» (1984), «Литература русского сентиментализма: (Эстетические и художественные. искания)» (1994) и др.
kndmail@mail.ru

Курилов Александр Сергеевич (р. 1937), доктор филол. наук, гл. научный сотрудник Отдела русской классической литературы ИМЛИ РАН. Автор книг: «Традиции русской критической мысли» (1974), «История русского литературоведения» (1980, в соавторстве с П.А. Николаевым и А.Л. Гришуниным), «Литературоведение в России XVIII века» (1981), «Виссарион Белинский» (1985), «В.Г. Белинский в жизни и творчестве» (2012).
Тел.: 8 495 612 61 36

Миллионщикова Татьяна Михайловна, кандидат филол. наук, ст. научный сотрудник Отдела литературоведения ИНИОН РАН. Специалист по древнерусской литературе, творчеству Ф.М. Достоевского.
Тел.: 8 499 135 42 12

Николюкин Александр Николаевич (р. 1928), доктор филол. наук, гл. научный сотрудник ИНИОН РАН. Автор 12 монографий по американистике и истории русской литературы.
anikolyukin1928@yandex.ru

Олейник Виталий Трофимович (р. 1946), кандидат филол. наук, переводчик; сотрудник издательства «Весь мир», медиакомпаний Hearst Shkulev Media. Автор статей по английской и русской литературе, литературной критике.
Тел.: 8 925 517 67 28

Стрижёв Александр Николаевич (р. 1934), писатель, библиограф. Сфера научных интересов – библиография рус. писателей, в том числе Е.И. Замятина, Л.Ф. Зурова, В.К. Тредиаковского, М.М. Хераскова, А.С. Шишкова, А.Ф. Лабзина и мн. других. Научно-исследовательские работы собраны в кн.: *Собрание сочинений*: В 5 т. (2007).

astrizhev.mbiriukova@mail.ru

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ
И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ
В «ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ»
№ 31–40 (2012–2016)**

<i>Тематические номера</i>	<i>Год, №</i>	<i>Стр.</i>
Ж.Ж. РУССО: К 300-ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ		
<i>А.В. Голубков.</i> Читатель в «Исповеди»: Риторические основы автобиографического романа	2012, 31	4–20
<i>А.Е. Махов.</i> Подражание против гармонии: «Музыкальный словарь» Руссо в контексте поэтики	2012, 31	21–38
<i>В.Л. Коровин.</i> Поэма Руссо «Ефраимский левит» и ее русские переводчики	2012, 31	39–53
<i>К.А. Чекалов.</i> Ж.А. Бернарден де Сен Пьер о Руссо	2012, 31	54–71
К 200-ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ М.Н. КАТКОВА		
<i>А.Н. Николюкин.</i> Катков и его современники	2013, 32	7–27
<i>А.П. Дмитриев.</i> Н.П. Гиляров-Платонов и Катков: Публицисты-антиподы в полосе взаимного тяготения	2013, 32	28–43
<i>Т.В. Федосеева.</i> Федор Тютчев и Михаил Катков в литературной и общественной жизни России 1860-х годов	2013, 32	44–73
<i>И.А. Едошина.</i> Катков как мыслитель	2013, 32	74–92
<i>И.А. Едошина.</i> Катков о просвещении в России	2013, 32	93–107
<i>А.О. Крылов.</i> Св. Димитрий Ростовский и концепция древнерусской литературы у Каткова	2013, 32	108–116
<i>В.Б. Трофимова.</i> М.О. Меншиков о Каткове	2013, 32	117–128
<i>О.Л. Фетисенко.</i> Константин Леонтьев и Катковский лицей	2013, 32	129–140
Программы Катковских чтений 2007–2010	2013, 32	141–145

ИЗ ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЭТИКИ XIX ВЕКА

<i>В.Л. Махлин.</i> Историзм	2013, 33	5–24
<i>А.Е. Махов.</i> Теории романа в Германии: Конец XVIII – XIX вв.	2013, 33	25–56
<i>Т.Г. Юрченко.</i> Жанр идиллии во 2-й половине XVIII – начале XIX в.	2013, 33	57–65
<i>И.В. Логвинова.</i> Теория комедии в поэтике немецких романтиков	2013, 33	66–82
<i>Т.Н. Красавченко.</i> Воображение фантазия как категории английской поэтики XIX в.	2013, 33	83–113
<i>Н.Т. Пахсарьян.</i> Газетно-журнальная критика 1830–1850-х годов во Франции: Виды и формы литературной рефлексии	2013, 33	114–123
<i>Я.С. Линкова.</i> Осмысление и создание поэтики символизма в творчестве Стефана Малларме	2013, 33	124–142
<i>Е.А. Цурганова.</i> Прерафаэлитизм	2013, 33	143–147

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ В МИРОВОМ КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ: IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ (Москва, декабрь, 2012)

<i>Л.П. Квашина.</i> Байронизм и процессы жанрообразования в русской литературе начала XIX в.	2014, 34	5–13
<i>И.А. Балашова.</i> Автопортреты в эпических произведениях А.С. Пушкина	2014, 34	14–22
<i>С.М. Климова, И.В. Бардыкова.</i> Американская славистика в поисках «подлинного Достоевского»	2014, 34	23–34
<i>О.М. Ушакова.</i> Ф.М. Достоевский и Т.С. Элиот: Формы репрезентации и парадоксы интерпретации	2014, 34	35–49
<i>М.К. Наенко.</i> «Тень» Достоевского в украинской прозе «расстрелянного возрождения» (1920-е гг.)	2014, 34	50–58
<i>А.А. Новикова-Строганова.</i> Духовное преображение мира и человека в творчестве Н.С. Лескова: Повесть «Некрещеный поп»	2014, 34	59–71
<i>С.Ф. Дмитренко.</i> Литературное творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина в эпоху императора Александра III: К проблеме изучения	2014, 34	72–87
<i>Е.П. Гурова.</i> Феномен «перевернутой» реальности в творчестве Г.И. Успенского	2014, 34	88–95
<i>З. Гротхусен.</i> «Лишний человек» как герой своего поколения в русской литературе XIX в.	2014, 34	96–99
<i>Е.В. Пономарева.</i> Циклизация и серийность малой прозы как явления литературного процесса XX–XXI вв.	2014, 34	100–118

<i>И. Антанасиевич.</i> Русская модель европейского графического романа	2014, 34	119–129
<i>Е.М. Четина.</i> «Новая драма»: Манифестации и тенденции	2014, 34	130–140
<i>А.Г. Баикатова.</i> Литературная рецензия в современной российской прессе как площадка для диалога западной и русской культур	2014, 34	141–149
<i>М. Гюрчинов.</i> Аксиологический релятивизм и моральный нигилизм в нашей эпохе (Неизвестная судьба безыдейного мира)	2014, 34	150–158

К 200-ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

<i>Т.С. Милованова.</i> Первые литературные опыты Лермонтова и их роль в дальнейшем становлении поэта	2014, 35	5–17
<i>В.Л. Коровин.</i> О библейских мотивах в лермонтовском «Демоне» в связи с его творческой историей: (От Байрона – к Мильтону)	2014, 35	18–33
<i>Е.Е. Янченко.</i> Диалектичность природы в творчестве Лермонтова	2014, 35	34–47
<i>Ю.Н. Сытина.</i> Фантастическое у Лермонтова	2014, 35	48–55
<i>А.М. Ранчин.</i> «Чёрствый» Печорин: Об одном эпизоде и об авторской позиции в романе «Герой нашего времени»	2014, 35	56–70
<i>А.С. Курилов.</i> В.Г. Белинский и Лермонтовское направление в русской литературе 1840-х годов	2014, 35	71–88
<i>А.А. Медведев.</i> «И эон с эоном говорит»: Диалог Р.М. Рильке и Лермонтова в «большом времени»	2014, 35	89–106
<i>К.А. Поташова.</i> Эстетика света и поэтика контрастов в художественных системах Рембранта и Лермонтова	2014, 35	107–116
<i>О.Г. Егоров.</i> Родители М.Ю. Лермонтова: Новый взгляд с позиций психоанализа	2014, 35	117–134
<i>В.И. Новиков.</i> Были ли знакомы Пушкин и Лермонтов?	2014, 35	135–145
<i>И.А. Киселёва.</i> О подготовке нового энциклопедического издания, посвященного жизни и творчеству Лермонтова	2014, 35	146–152
<i>Т.М. Миллионщикова.</i> Русский романтизм и творчество Лермонтова в английском и американском литературоведении конца XX – начала XXI в.	2014, 35	153–186
<i>А.Н. Николюкин.</i> Лермонтов вчера и сегодня	2014, 35	187–197

К 450-ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ У. ШЕКСПИРА

<i>Н.Э. Микеладзе.</i> Тема милосердия в творчестве Шекспира: «Тит Андроник» – начало	2015, 36	5–25
<i>В.С. Макаров.</i> «Дисгармоничная музыка»: Интеллектуал, «тело без органов» и шекспировский «Ричард II»	2015, 36	26–43
<i>И.И. Лисович.</i> Болезнь века: «Тимон Афинский» У. Шекспира и «Годовщины» Дж. Донна	2015, 36	44–61
<i>И.В. Пешков.</i> К проблеме единства драматических произведений Шекспира. Принципы сюжетосложения	2015, 36	62–96
<i>Е.А. Первушина.</i> Переводческие проекции поэтических мотивов в 60-м сонете Шекспира	2015, 36	97–110
<i>В.С. Фролова.</i> Современные подходы к анализу шекспировских сонетов на Западе	2015, 36	111–124
<i>А.И. Кузьмичев.</i> Об одном эпизоде превращения Шекспира в классика английской литературы в первой трети XVIII века: Псевдо-Лонгин	2015, 36	125–146
<i>А.С. Курилов.</i> Шекспировский критерий оценки А.С. Пушкина В.Г. Белинским	2015, 36	147–154
<i>И.А. Едошина.</i> Шекспир и А.Н. Островский	2015, 36	155–164
<i>В.Л. Махлин.</i> М.М. Бахтин о Шекспире	2015, 36	165–174
<i>А.Н. Николюкин.</i> Как отмечалось в Москве 400-летие Шекспира (Воспоминание о 1964 годе)	2015, 36	175–179

К 750-ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ ДАНТЕ

<i>А.А. Илюшин.</i> Из Ада через Чистилище в Рай	2015, 37	5–28
<i>Е.В. Лозинская.</i> «Солнце итальянской поэзии», или У истоков дантологии (Комментарии к «Комедии» в эпоху Треченто)	2015, 37	29–63
<i>А.В. Топорова.</i> К вопросу о жанре «Новой жизни» Данте	2015, 37	64–74
<i>И.В. Логвинова.</i> Людвиг Тик и Данте	2015, 37	75–81
<i>В.Л. Коровин.</i> «Над их бровями надпись ада...»: (О шуточной цитации Данте в «Евгении Онегине» и ее незамеченном образце в «Тавриде» С.С. Боброва)	2015, 37	82–88
<i>В.Т. Олейник.</i> Лермонтов и Данте	2015, 37	89–104
<i>А.С. Курилов.</i> В.Г. Белинский и Данте: Из истории отечественной аксиологии	2015, 37	105–110
<i>В.В. Полонский.</i> Русский Данте конца XIX – первой половины XX века: Опыт рецепции и интерпретации классики до и после революционного порога	2015, 37	111–130
<i>М. Оклот.</i> Поэтическая онтология комментария: Диалог с В. Розановым в «Разговоре о Данте» О. Мандельштама	2015, 37	131–154

<i>Т.М. Миллионщикова.</i> Данте в России XIX – начала XX в. глазами литературоведов Великобритании и США	2015, 37	155–172
<i>А.Н. Николюкин.</i> Слушая Данте	2015, 37	173–179
<i>Н.В. Захарова.</i> Переводы «Божественной комедии» в Китае	2015, 37	180–189

К 400-ЛЕТИЮ РОМАНА «ДОН КИХОТ» МИГЕЛЯ ДЕ СЕРВАНТЕСА

<i>С.И. Пискунова.</i> «Дон Кихот» 1615 versus «Дон Кихот» 1614	2015, 38	5–39
<i>О.А. Светлакова.</i> Преображение средневекового вертикального художественного пространства в «Дон Кихоте»	2015, 38	40–49
<i>М.Ф. Надъярных.</i> «Дон Кихот» и Сервантес в метаморфозах жизни-письма-чтения Х.Л. Борхеса	2015, 38	50–73
<i>И.В. Логвинова.</i> Немецкий Дон Кихот	2015, 38	74–81
<i>А.Н. Николюкин.</i> Американский Дон Кихот	2015, 38	82–94
<i>В.Т. Олейник.</i> Сервантес и Лермонтов	2015, 38	95–110
<i>А.С. Курилов.</i> В.Г. Белинский и Сервантес: Из истории отечественной аксиологии	2015, 38	111–121
<i>К.С. Корконосенко.</i> О коллективной работе над переводом «Дон Кихота» 1929–1932 годов	2015, 38	122–142
<i>Т.М. Миллионщикова.</i> Испанский идальго и русский князь с точки зрения американцев	2015, 38	143–156
<i>А.А. Илюшин.</i> К истории антропонима Дон Кихот / Дон Кишот	2015, 38	157–162

К 200-ЛЕТИЮ СМЕРТИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

<i>А.Е. Махов.</i> Державинская теория лирики в европейском контексте	2016, 39	7–31
<i>В.Л. Корвин.</i> Об оде Державина «СЛАВА» (1810) и его политических и религиозных взглядах накануне Отечественной войны 1812 г.	2016, 39	32–45
<i>А.В. Семёнова.</i> «Россияда» М.М. Хераскова как один из источников оперы Державина «Грозный, или Покорение Казани»	2016, 39	46–53
<i>А.Д. Ивинский.</i> К вопросу о контексте «Фелицы»: В.М. Петров (Материалы к теме)	2016, 39	54–70
<i>А.А. Илюшин.</i> Державин о Радищеве и Шелехове	2016, 39	71–77
<i>А.С. Курилов.</i> Державинская составляющая критерия народности русской литературы в аксиологии молодого В.Г. Белинского	2016, 39	78–87

К 250-ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ КАРАМЗИНА

<i>А.С. Курилов.</i> Поэзия Карамзина и литературные процессы в России конца XVIII – начала XIX в.	2016, 40	7–36
<i>А.С. Курилов.</i> Художественная проза Карамзина и литературные процессы в России конца XVIII – начала XIX в.	2016, 40	37–52
<i>В.Т. Олейник.</i> Карамзин и история русской литературы XIX в.	2016, 40	53–73
<i>В.М. Гуминский.</i> «Письма русского путешественника» в контексте развития русской литературы путешествий	2016, 40	74–145
<i>А.Д. Ивинский.</i> Екатерина II, М.Н. Муравьев и Карамзин: К вопросу о контекстах «Истории государства Российского»	2016, 40	146–167
<i>Н.Д. Кочеткова.</i> «Бедная Лиза» Карамзина и повесть Ф.-Т.-М. Бакюляра д'Арно «Фанни»	2016, 40	168–174
<i>А.Н. Николокин.</i> «Путешествие в Лондон»	2016, 40	175–184
<i>В.Л. Коровин.</i> Карамзин – переводчик поэмы А. Галлера «О происхождении зла»: (Заметки к теме)	2016, 40	185–193
<i>Т.М. Миллионщикова.</i> Творчество Карамзина в американском литературоведении	2016, 40	194–217
<i>А.Н. Стрижёв, М.А. Бирюкова.</i> Алексей Перовский – карамзинист и фантаст	2016, 40	218–227

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>В.Б. Трофимова.</i> Литературно-критические взгляды М.О. Меньшикова	2013, 32	146–168
<i>А.В. Громова.</i> «Подлинный, настоящий художественный талант» (О Л.Ф. Зурове)	2013, 32	169–187
<i>И.В. Логвинова.</i> Г.Р. Державин и романтизм	2014, 34	159–166
<i>А.С. Курилов.</i> Бородинская битва, ее герои и участники в изображении русских писателей первой половины XIX в.	2014, 34	167–206
<i>В.Б. Трофимова.</i> М.О. Меньшиков как литературный критик	2014, 35	198–224
<i>Н.Т. Пахсарьян.</i> «Гаргантюа» Рабле, или Горизонты гуманистической эрудиции	2015, 36	180–187
Литературный комментарий к роману Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Книга первая: «Гаргантюа» / Составление <i>А.Н. Журбиной</i>	2015, 36	188–224
Литературный комментарий к роману Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Книга вторая: «Пантагрюэль» / Составление <i>А.В. Журбиной</i>	2015, 37	190–222

Литературный комментарий к роману Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Книга третья: «Деяния и речения Пантагрюэля» / Составление <i>А.В. Журбиной</i>	2016, 39	171–177
Литературный комментарий к роману Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Книга третья: «Деяния и речения Пантагрюэля» (Продолжение) / Составление <i>А.В. Журбиной</i>	2016, 40	249–274
<i>А.С. Курилов</i> . Когда и о чем звенели колокольчики? К вопросу о датировке стихотворений А.К. Толстого	2016, 39	114–142
<i>О.А. Богданова</i> . Вячеслав Иванов и становление науки о Достоевском на рубеже 1910–1920-х годов (М.М. Бахтин, Б.М. Энгелгардт, В.Л. Комарович)	2016, 39	143–170
<i>Е.О. Мосиенко</i> . Совы в русской поэзии	2016, 39	178–187
<i>А.В. Голубков</i> . Российские цари и императоры в зеркале французских анекдотов начала XIX в.	2016, 40	228–248

ИЗ ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЭТИКИ XIX в. (Материалы к энциклопедии)

<i>В.Л. Махлин</i> . Ирония	2016, 39	188–200
<i>Н.Т. Пахсарьян</i> . Натурализм	2016, 39	201–207
<i>Е.А. Цурганова</i> . Декаданс в Англии	2016, 39	208–214

К 80-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. М.А. ГОРЬКОГО РАН

<i>А.С. Курилов</i> . Из истории Института (М. Горький и ИМЛИ; Первые положения об Институте и планы научной работы)	2012, 31	72–139
<i>А.С. Курилов</i> . ИМЛИ и академическое литературоведение	2012, 31	140–177

«ИЗ СТАИ СЛАВНОЙ...»

<i>С.А. Кибальник</i> . Александр Михайлович Панченко и петербургская школа «феноменологии культуры»	2016, 39	88–100
<i>Т.М. Миллионщикова</i> . Николай Иванович Либан и Московский университет	2016, 39	101–113

ПУБЛИКАЦИИ

- Дневник Сергея Платоновича Каблукова. Год 1909 / Вступит. статья, публикация и комментарии Е.М. Криволаповой 2012, 31 178–342
- Воспоминания героев Белого движения: В.Г. Болдырев / Публикация Л.Л. Черниченко-Болдыревой 2013, 32 188–195
- Красная Шапочка Людвиг Тика / Вступит. ст. И.В. Логвиновой, перевод с нем. языка А.М. Рапопорта под ред. И.В. Логвиновой 2013, 32 196–231
- Неизвестная статья В.В. Розанова о Лермонтове / Вступит. ст. и публикация И.В. Логвиновой 2014, 35 264–271
- Публицистика М.О. Меньшикова в 1917 г. / Вступит. ст., публикация и примечания В.Б. Трофимовой, Е.В. Алёхиной 2014, 35 272–311
- И.В. Логвинова.* Шекспириана Людвиг Тика 2015, 36 225–230
- Л. Тик.* Трактровка чудесного у Шекспира (Предисловие к тиковскому переводу «Бури» Шекспира) (Перевод с нем. И.В. Логвиновой) 2015, 36 231–256
- В.В. Розанов. Тайна. Из записной книжки писателя (главы XVII–XXV) / Публикация и комментарии А.Н. Николюкина, текстологич. подготовка И.В. Логвиновой 2015, 37 223–305
- В.В. Розанов. Тайна. Из записной книжки писателя. Гл. XXVI–XXXVIII / Публикация и комментарии А.Н. Николюкина, текстологич. подготовка И.В. Логвиновой, послесловие Г.В. Хлебникова 2015, 38 163–311
- Б.Ф. Егоров.* Мой спор с Ю.М. Лотманом о Пушкине и участие Г.М. Фридлендера 2016, 39 215–236

БИБЛИОГРАФИЯ

- Михаил Матвеевич Херасков (1733–1807): Материалы к библиографии / Составление А.Н. Стрижёва 2013, 32 232–285
- Леонид Фёдорович Зуров (1902–1971): Материалы к библиографии / Составление А.Н. Стрижёва 2013, 32 286–302
- За свободу! (Варшава, 1928). Роспись литературных материалов / Составление О.А. Коростелёва 2013, 32 303–376
- За свободу! (Варшава, 1929–1930). Роспись литературных материалов / Составление О.А. Коростелёва 2013, 33 148–257
- За свободу! (Варшава, 1931–1932). Роспись литературных материалов / Составление О.А. Коростелёва, Т.Г. Петровой 2014, 34 207–274
- Александр Фёдорович Лабзин (1766–1825). Материалы к библиографии / Составление А.Н. Стрижёва 2014, 35 225–263

Евгения Тур (1815–1892): Материалы к библиографии / Вступит. ст. и составление М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва	2015, 36	257–310
Мария Фёдоровна Ростовская (1815–1872) / Сост. и вступит. статья М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва	2016, 39	237–336
Альманахи Карамзина «Аглая» (1794–1795) и «Аони- ды» (1796–1799): Материалы к библиографии / Составление и вступит. статья А.Н. Стрижёва и М.А. Бирюковой	2016, 40	275–301

ДВАДЦАТИЛЕТИЕ «ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»: 1993–2013

Воспоминания главного редактора	2013, 33	258–264
<i>И.А. Едошина</i> . К юбилею журнала	2013, 33	265–266
<i>С.Ф. Дмитренко</i> . О «Литературоведческом журнале»	2013, 33	267–269
Маленькая кошачья антология	2013, 33	270–357

КНИГИ НАШЕГО ДЕТСТВА

<i>А.Н. Николюкин</i> . Что мы читали в детстве и юности	2014, 34	275–276
<i>С.Ф. Дмитренко</i> . Мои вечные книжки	2014, 34	277–283
<i>Н.Т. Пахсарьян</i> . О книгах, любимых в детстве	2014, 34	284–287
<i>А.А. Ревякина</i> . О моем круге чтения: От Чарской – к Шекспиру	2014, 34	288–290
<i>И.А. Едошина</i> . Книги из моего детства	2014, 34	291–294

ЗАМЕТКИ КОТА УЧЁНОГО

Кот Учёный о ликвидаторе Академии наук	2014, 34	294
Кот Учёный о популярной музыке	2014, 34	295
Спорт вместо культуры	2014, 35	312
История мира от древности до Порошенко	2015, 38	312–313
Безмерная радость Кота Учёного	2016, 39	337
Открытое письмо редактора «Литературоведческого журнала» к редактору журнала «Подъём»	2014, 35	313–315

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2016 – № 40

Рукописи представляются в редакцию в печатном и электронном виде. К тексту статьи прилагаются: краткая аннотация на русском и английском языках и список ключевых слов, а также справка об авторе с указанием ученой степени, должности, места работы и контактной информации. Публикуемые рукописи рецензируются.

Корректор И.Б. Пугачева
Компьютерная верстка Н.М. Власова

Свидетельство о регистрации журнала № 003610 от 25.02.2000
Адрес редакции: 117418, Москва, Нахимовский просп., 51/21,
ИНИОН РАН. Отдел литературоведения
liter@inion.ru

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.0.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 27/ХІІ-2016 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 15,0 Уч.-изд. л. 20,0
Тираж 400 экз. Заказ № 142

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,**
Нахимовский проспект, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел./Факс +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru

E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

